

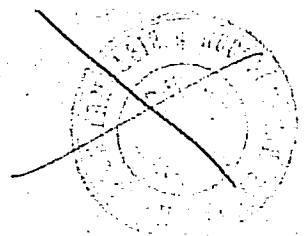
1956

Уч. д. № 837

*9(47.35)
С-43.*

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ГОРОДА КОСТРОМЫ.

ЧАСТЬ I.

СОСТАВИЛЪ

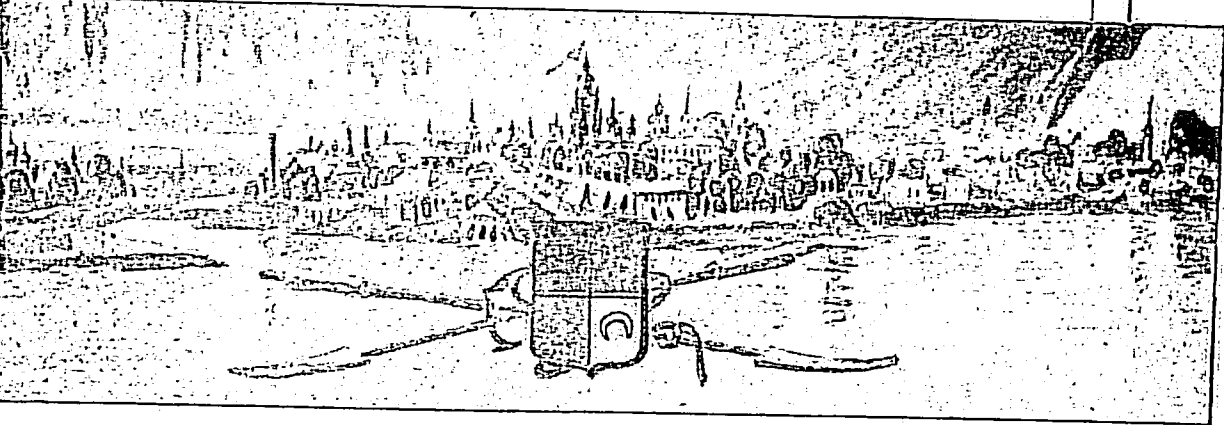
Членъ Костромской Ученой Архивной Комисси
Л. Скворцовъ.

1967/1907

Костромская
Областная библиотека
им. Н. И. Крупнова

КОСТРОМА.
Губернская Типографія.
1913.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ВСЯКІЙ, кто предприметь трудъ познаться и прослѣдить исторію г. Костромы, ясно увидитъ, что этотъ городъ, основанный въ глубокой древности, принадлежитъ къ числу неконныхъ русскихъ городовъ, положившихъ прочный фундаментъ всему Русскому Государству. А кому неизвѣстно, сколько неурядиць и невзгодъ, сколько горя и кровавой борьбы вынесла Русь за право своего существованія, прежде чѣмъ она окрѣпла и выросла въ могущественное государство. Крѣпкій фундаментъ, сложенный такимъ цементомъ, какъ православная вѣра и преданность своимъ Князьямъ и Государямъ, выстоялъ, вынесъ на своихъ плечахъ всѣ невзгоды и послужилъ для постройки величественнаго зданія.

Хотя Кострома въ настоящее время и не представляетъ изъ себя по виду древняго города, благодаря весьма частымъ и опустошительнымъ пожарамъ, но она до сихъ поръ въ своемъ цѣломъ можетъ назваться памятникомъ, наглядной исторіей всего Русскаго Государства.

Одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ жизни Русскаго Государства есть, безъ сомнѣнія, татарскій погромъ, когда, по выраженію древнихъ лѣтописцевъ, «плакала земля русская кровавыми слезами» и рисковала быть совершенно стертой съ лица земли. И потъ, подвѣзжая съ юга, съ низовьевъ Волги городу Костромѣ пред-

ставляется памятникъ этого погрома въ видѣ Татарской слободы, съ высящеюся среди нея мечетью, оканчивающеюся полумѣсяцемъ. За Татарской слободой, къ западу, расположенъ городъ, каждая пядь земли котораго полита кровью костромичей за освобожденіе отечества. Съ сѣвера городъ оканчивается Ипатіевскимъ монастыремъ, основаннымъ въ 1330 году, т. е. въ самый разгаръ татарскаго ига, и къмъ же основанный?—татариномъ, принявшимъ христіанство. Этотъ, на первый взглядъ ничтожный самъ по себѣ, фактъ, имѣетъ знаменательное и высокой важности значеніе. Крестъ, засіявшій надъ Ипатіевскимъ монастыремъ въ 1330 году, еще задолго до сверженія татарскаго ига, предзнаменовалъ собою побѣду его надъ полумѣсяцемъ. Крестъ побѣдилъ—значитъ побѣдила Русь. Переходъ татарина въ христіанство и построеніе имъ Ипатіевскаго монастыря отмѣчаютъ собою великій моментъ во всей исторіи Россіи—эту нравственную побѣду христіанства надъ магометанствомъ, а развѣ такая побѣда совершилась, успѣхъ дальнѣйшей борьбы былъ обезпеченъ для Россіи. Моментъ построенія Ипатіевскаго монастыря знаменуетъ собою, такъ сказать, начало конца ненавистнаго татарскаго ига.

Черезъ 283 года послѣ своего основанія, въ 1613 г., Ипатіевскій монастырь снова дѣлается центромъ великихъ событій. Онъ участвуетъ въ освобожденіи отечества отъ враговъ и даетъ Россіи Цари, котораго благословляетъ на Царство древнѣйшая Костромская святыня—Чудотворная икона Феодоровской Богоматери.

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшумъ судьбу,
Своихъ царей великихъ поминуютъ
За ихъ труды, за славу, за добро—
А за грѣхи, за темныя дѣянья,
Спасители смиренно умоляютъ . . .

А. Пушкинъ.

Человѣкъ есть сынъ земли своей, отпрыскъ своего народа, кость отъ костей, плоть отъ плоти своихъ предковъ, и его психическая природа есть ихъ природа съ отличительными качествами и недостатками, съ ея безсознательными стремленіями, интуитивнымъ сознательнаго выхода. Когда наша сознательная жизнь, выражающаяся во всѣхъ областяхъ творчества общественнаго, научнаго, художественнаго вырастаетъ изъ этой почвы, наше творчество становится вышнимъ и сильнымъ подобно растенію, которое даетъ могучію плоды, разъ оно беретъ питательные матеріалы изъ родной почвы.

К. П. Побѣдоносцевъ.

I.

Общія соображенія о доисторическомъ состояніи сѣвера Россіи. Скифы. Сарматы.
Славяне. Финны. Меряне.

СВѢДАНІЯ старина нашего отечества не оставила намъ письменныхъ намятниковъ, на основаніи которыхъ мы могли бы изобразить, какъ постепенно, шагъ за шагомъ, слагалась наша страна.

Но наука не остановилась передъ этимъ, повидимому, непреодолимымъ препятствіемъ и косвенными путями многое выяснила изъ темнаго до сихъ поръ доисторическаго прошлаго нашего отечества. Такими косвенными, но вѣрными путями были: сравнительная этнографія, свидѣтельства древнихъ историковъ и географовъ, сравнительное языковѣдѣніе и археологія.

Изученіе матеріаловъ, собранныхъ Костромскою ученою архивною комиссіею, выясняетъ, что Костромская губернія была уже обитаема, такъ называемомъ, каменномъ вѣкѣ, на что указываютъ добытыя

посредствомъ раскопокъ каменные топоры, ножи, кремневья сѣкиры, кости мамонта и носорога. Археологическое изученіе каменнаго вѣка показало, что жилищемъ челоѵка въ то время служили естественныя или искусственныя пещеры и ямы; что челоѵкъ питался почти только животною пищею, добываніе которой и было его главною заботою; что одеждою ему служили шкуры звѣрей, а острые зубы животныхъ, съ просверленными въ нихъ отверстіями, служили вмѣсто иглы.

«Въ доисторическія еще времена, говоритъ Вестуженъ-Рюминъ, степи Азіи постоянно выкидывали на равнину Европейской Россіи множество кочевыхъ племенъ. Въ числѣ ихъ первыми были Скифы, затѣмъ Сарматы, Готы, Гунны, дунайскіе Болгары и другіе, не оставившіе намъ своихъ именъ, кочевники, жившіе по берегамъ Волги и Камы, и, наконецъ, монголы»¹⁾. Кавказскія горы и великія порога между Уральскими горами и Каспійскимъ моремъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ служили путемъ въ Европу для этихъ кочевыхъ народовъ.

Народы, населяющіе Западную и Южную Европу, каковы Кельты, Шьмцы, Литовцы, Греки и Римляне, съ незапамятныхъ временъ и вышли въ Европу, черезъ великія порога, изъ областей Прапа, этой прародины народовъ индо-европейскаго происхожденія. Наука сравнительнаго языкованія безспорно доказала, что и Славяне, по своему языку, принадлежатъ къ той же семьѣ индо-европейскихъ народовъ. Такъ, напр., понятіе матери въ индійскомъ языкѣ выражается словомъ *mātr*, отсюда на языкахъ: зендскомъ—*mater*, персидскомъ—*mader*, греческомъ—*meter*, латинскомъ—*mater*, германскомъ—*mutter*, славянскомъ—*мати*; *pitr*—отецъ, отсюда: на зендскомъ—*pata*, персидскомъ—*pader*, греческомъ—*pater*—*atta*, латинскомъ—*pater*, германскомъ *fater*—*papa*, славянскомъ—*бѣтя*, *папа*²⁾.

Кромѣ того принадлежность Славянъ къ народамъ индо-европейскимъ доказыаается еще историческими и географическими данными и данными археологій.

¹⁾ Вестуженъ-Рюминъ. Русск. Истор., стр. 1—6.

²⁾ Д. Я. Сажковъ. Исторія Русск. права, выд. II, стр. 6—21.

Когда же славяне переселились въ Европу? Сопоставляя несомнѣнные историческія данныя, что въ первые вѣка *до* Рожд. Христ. области Европы между Дунаемъ, Дномъ и Чернымъ моремъ были населены Скивами и что въ первые вѣка *послѣ* Рожд. Христ. эти же самыя страны населялись многочислѣннѣйшимъ народомъ Велетами-Славянами, Д. Я. Самогласовъ совершенно справедливо задаетъ вопросъ, куда же вдругъ безслѣдно пропали Скивы и откуда появился такъ же неожиданно многочислѣннѣйшій народъ Славяне,— и рѣшаетъ это весьма естественнымъ путемъ, именно, что Скивы первыхъ вѣковъ до Р. Х. были прямыми предками Славянъ позднѣйшихъ временъ, т. е. что Скивы и Славяне — одинъ и тотъ же народъ, и Европейская Скивия есть прародина Славянского народа. Этотъ логическій выводъ подтверждается многими другими неопровержимыми данными. Такъ древнѣйшіе географы и историки — Ефортъ, Ератосенъ и Страбонъ — помѣщаютъ родину Скивскаго народа по ту сторону Кавказскихъ горъ и Каспійскаго моря за рѣкою Яксартомъ. Позднѣйшій историкъ Геродотъ говоритъ, что Скивы занимали равнину, лежащую на востокъ отъ Каспійскаго моря; отсюда слѣдуетъ, что прародиной Европейскихъ Скивовъ были области, лежавшія по рѣкамъ Оксу и Яксарту, т. е. тѣ же области, откуда вышли все индо-европейскіе народы и Славяне. Геродотъ приводитъ преданіе, по которому отъ союза Геркулеса съ дѣвою-чудовищемъ, жившей на Дибирѣ, родились три сына: Агафирсъ, Гелонъ и Скивъ, которые и сдѣлались родоначальниками трехъ европейскихъ народовъ: Агафирсовъ, Грековъ и Скивовъ ¹⁾. Это историческое преданіе имѣетъ большую важность, потому что оно указываетъ на родственную связь между Скивами и народами несомнѣнно индо-европейскими, каковы Агафирсы и Греки. Нѣкоторые, дошедшія до насъ, скивскія слова также указываютъ, что Скивы принадлежали къ народамъ индо-европейскимъ. Такъ въ общеплеменномъ имени Скивовъ «Βαρει» встрѣчается индо-европейскій корень *bar* — мужъ, персидскій *bar* — музъ, греческій *aner* — мужъ, славянскій — народъ. Скивское слово *magā* — это: персидское — *mase*,

¹⁾ Самогласовъ, *ibid.*, стр. 19 и 20.

латинское—*magnum*, славянское—*масса*. Скипскій напиток—*medos*—тоже, что латинское—*mel*, славянское—*медь* ¹⁾).

Приводи рядъ всевозможныхъ доказательствъ, Д. Я. Самоквасовъ говоритъ, что скипская исторія, географія, этнографія, мнѣзо-логия, антропология и археология единогласно свидѣтельствуютъ о ближайшемъ родствѣ и единствѣ происхожденія Скиповъ съ народами индо-европейскими.

Неизвѣстно, когда именно началось переселеніе Скиповъ изъ Азіи въ Европу; но, по свидѣтельству Ефора, Страбона и другихъ древнѣйшихъ европейскихъ писателей, Скипы извѣстны были въ Европѣ уже во времена Гомера, Гезіода и Есхила. Переселеніе въ VII вѣкѣ до Р. Х. племени Парлатовъ (царскихъ Скиповъ) изъ областей закаспійскихъ было уже послѣднимъ движеніемъ Скиповъ изъ Азіи въ Европу.

По окончаніи, въ VII вѣкѣ, своей колонизаціи въ Европу, различныя скипскія племена, описанныя Геродотомъ подъ общимъ именемъ Скиповъ, у писателей первыхъ столѣтій послѣ Р. Х. получаютъ другое названіе—Сарматовъ, а, начиная съ VI вѣка, уже называются Славянами. Что это былъ одинъ и тотъ-же народъ, только подъ другимъ общимъ названіемъ, доказывается многочисленными фактами сравнительнаго языкованія, этнографіи, археологии и проч. Такъ, сравненіе скипскаго языка съ славянскимъ (см. выше), религіозныя обычаи Скиповъ и Славянъ (оба народа не имѣли кумировъ, храмовъ и особой касты жрецовъ), ихъ одинаковый способъ погребенія покойниковъ со весьма многочисленными обрядами, содержаніе могилъ, человѣческія жертвоприношенія, любовь и особенное пристрастіе къ гадателямъ, знахарямъ и прорицателямъ, пареніе въ баняхъ посредствомъ воды, изливаемой на раскаленные камни, одежда, паружность—все эта общность и во многомъ полная тождественность ясно указываютъ на весьма близкое родство Скиповъ съ Славянами. Д. Я. Самоквасовъ приводитъ мнѣніе профессора Прохорова, который изучалъ скипскія и славянскія древности, что многіе изъ древнѣйшихъ памятниковъ, относящихся къ обстановкѣ

¹⁾ Самоквасовъ, *ibid.*, стр. 48.

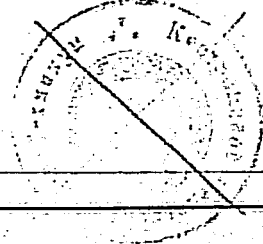
быта Скивоовъ, повторяются въ послѣдующихъ періодахъ жизни Славяно-Руссовъ, даже въ періодѣ христіанскомъ». Въ журналѣ «Трудодлюбива Пчела», издававшемся въ Петербургѣ въ 1759 году, ученый авторъ, скрывшійся подъ литерами А. С., говоритъ, что «русскій языкъ произошелъ безъ сомнѣнія отъ скиоскаго, который начался близко источника первоначалія извѣстныхъ языковъ, хотя скиоскій языкъ и на многочисленныя нарѣчія раздѣлился, однако сходство съ нашимъ во всемъ ясно видно, какъ съ языкомъ нѣмецкимъ, которой съ нашимъ безъ всякаго сомнѣнія единоутробенъ по сходству великаго числа словъ и корня ихъ»¹⁾.

Итакъ, Скиоы, подобно другимъ европейскимъ народамъ, переселившись съ незапамятныхъ временъ въ Европу, къ концу IV в. до Р. X. объединились между собою подъ властью племени Паралатовъ (царскихъ Скивоовъ) и образовали богатое и сильное государство «Великую Скиою», которая по Геродоту начиналась ниже устья Дуная, у залива Фракійскаго, и отсюда простиралась по берегу моря до устья рѣки Тананса (Дона), за исключеніемъ гористой части Крыма, которую занимали народъ Тавры. Рѣка Танансъ отдѣляла ее отъ земель Сарматовъ; на сѣверѣ она прилежала къ необитаемымъ пустынямъ, за которыми жили Андрофаци, Меланхлены и Гипербореи; наконецъ, на западъ и сѣверо-западѣ Скиоія граничила съ землями Агафирсовъ и Невровъ.

Нашъ древнѣйшій русскій летописецъ также свидѣтельствуетъ, что «Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Волыняне, а Уличи и Тиверци сѣдаху по Днѣстру, по Бугу и по Днѣпру и присѣдаху къ Дунаю; и бѣ множество ихъ сѣдаху по Днѣстру и по Бугу, и по Днѣпру оми до моря; и суть города ихъ до сего днѣ: да то си зовяху отъ Грекъ «Великая Скуо».

Въ 399 году до Р. X. Филиппъ, царь Македонскій, напалъ на Скивоовъ и побѣдилъ ихъ, захвативъ въ плѣнъ до 20.000 скиоскихъ женщинъ и дѣтей. Этой побѣдой воспользовались Сарматы, жившіе за рѣкою Танансомъ, и двинулись въ предѣлы Скиоіи. Но такъ какъ Сарматы, по свидѣтельству всѣхъ древнихъ историковъ,

¹⁾ «Трудодлюбива Пчела». Февраль 1759 г., стр. 93.

были родственны Скивамъ и употребляли языкъ скипскій, то легко смѣшались съ ними и уже во II в. до Р. X. образовали особое царство, называемое Греками царствомъ Гетовъ, а Римлянами— царствомъ Даковъ. Геродотъ сообщаетъ преданіе, по которому Сарматы произошли отъ смѣшенія Амазонокъ съ скипскими юношами, что также удостовѣряетъ, что Сарматы принадлежали къ скипскому племени. Въ древней лѣтописи Дмитрія Митрополита Ростовскаго также удостовѣряется, что «Савромація или Сармація страна есть вся въ той же Европѣ, третьей части свѣта, зкребія Тафетова, обаче сугуба есть, едина скипская, идѣ-же нынѣ обитають Скипы» ¹⁾).

Ипполитъ Богдановичъ въ своемъ «Историческомъ изображеніи Россіи»,—сочиненіи, посвященномъ Императрицѣ Екатериинѣ II, говоритъ, что «писатели древностей производятъ Славянъ отъ Скиповъ», а нѣкоторые вѣдутъ ихъ отъ народовъ еще болѣе древнихъ и даже отъ Мосоха одного изъ дѣтей Афетовыхъ. Древность вѣхъ первоначальныхъ племенъ и языковъ имѣла свои степени, и Славяне должны были испытать общую вѣхъ превратность. Исторія являетъ, что народы славянскіе стали быть болѣе извѣстны въ первомъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ. Они разсѣяны были въ сей пространной Азіатской и Европейской части, которая называлась Сармаціею, почему и языкъ ихъ называли тогда вообще сарматскимъ ²⁾».

Раскопки самаго послѣдняго времени подтверждаютъ мнѣніе Самоковцова и др. Такъ, графомъ А. А. Бобринскимъ при раскопкахъ въ Кіевской губ., въ окрестностяхъ его имѣнія «Сыѣла», найдены скипо-сарматскія древности въ видѣ большихъ бронзовыхъ котловъ, относящихся къ періоду отъ II вѣка до Р. X. по III вѣкъ по Р. X.

Въ Воронежской губерніи найдена, при раскопкахъ кургановъ близъ города, полная скипская обстановка, относящаяся къ времени отъ VII вѣка до Р. X. и не позже III вѣка по Р. X. При этихъ же раскопкахъ найдена прекрасно сохранившаяся въ орнаментѣ скипская серебряная ваза, вышиною около $\frac{1}{4}$ аршина.

Въ началѣ II в. послѣ Р. X. Гето-Дакійское царство было покорено Римлянами, и съ этого времени началось переселеніе гето-

¹⁾ Дмитрій Митроп. Ростовскій, ч. IV, о началѣ древняго Словенскаго народа. Стр. 7.
²⁾ Иппол. Богдановичъ. Историч. изображ. Россіи. Стр. 16, 17 и 19.

дакійскихъ племень въ центральныя области Европы, на берега рѣкъ Вислы, Буга, Припечи, Дибра, Десны, Сейма, Сожа и Оки. Здѣсь, на новыхъ мѣстахъ, они получаютъ новыя мѣстныя имена и новое общее названіе «Славянъ». «Также и ти Словѣне пришедше и сѣдоша по Дибру и нарекошася Поляне, а друзіи Дренлине, зане сѣдоша въ лѣсахъ, а друзіи сѣдоша между Припечью и Двиною и нарекошася Дреговичи, а друзіи сѣдоша по Деснѣ и по Семи, и по Сулѣ и нарекошася Сѣверь. Пришедше сѣдоша Радимъ на Сожю, прозвашася Радимичи, а Витко сѣдѣ съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ негоже прозвашася Витичи»¹⁾. Трудно сказать, откуда произошло общее названіе народа—Славяне. Въ сочиненіи Дмитрія, Митрополита Ростовскаго, говорится: «той-же народъ (Славяне), расширився на странахъ полуночныхъ, восточныхъ, полуденныхъ и западныхъ, прочихъ всѣхъ силою, мужествомъ и храбростію превзыде, страшень и славень всему свѣту бысть, яко вси древнии и достовѣрнии лѣтописцы свидѣтельствують, и отъ славныхъ дѣлъ своихъ, наипачеже воинскихъ, Славянами или Славными зватися начаша»²⁾.

Древній русскій историкъ Инокентій Богдановичъ пишетъ, что «Слава, какъ видно, была въ древности особымъ божествомъ Славянъ, которые отъ нея заимствовали по справедливости свое имя. Между прочими областями Славяне и городъ Славенскъ, находившійся неподалеку отъ нынѣшняго Новгорода, являютсѣ давно извѣстны. Сей послѣдній знаемъ быть въ пятомъ вѣкѣ, древность же города Славенска простирается до временъ апостольскихъ; и, по самой неизвѣстности его начала, о давнемъ бытіи его сомнѣваться не можно. Вскорѣ по Христѣ св. апостоль Андрей Первозванный, проповѣдуя Евангеліе и подруживъ Кресть на горѣ, гдѣ нынѣ Кіевъ, былъ потомъ у Славянъ въ Славенскѣ. Видны еще и нынѣ развалины города сего. Предки Славянъ во всѣхъ полагаемыхъ ихъ происхожденіяхъ отличались всегда любленіемъ нѣкоторой Славы и твердыми обычаями, кои служили имъ вмѣсто законовъ. Славный народъ дѣлами возгремѣлъ въ свѣтѣ приличнымъ ему именемъ, подѣ управленіемъ Государей Славянскихъ, въ шестомъ

¹⁾ Лѣтопись Нестора.

²⁾ Дмитрій Митроп. Ростовскій, ч. IV. Стр. X.

иѣтъ, въ царство Юстиніана Великаго. Владѣтели разныхъ племенъ древняго сего народа, хотя не назывались все славянскими, но, сохранивъ нѣкоторымъ образомъ общественное ихъ титуло, придавали къ собственнымъ именамъ своимъ однозначія окончанія и назывались Святославы, Изъяславы, Владиславы, Премиславы, Венцеславы, Мечиславы и проч. Тоже видно въ собственныхъ сему народу прииѣвахъ, каковыя донынѣ еще слышатся въ остаткахъ нѣкоторыхъ древнихъ славянскихъ иѣсей, въ коихъ прииѣвается всегда «слава»¹⁾.

Занявши среднюю Европу и необитаемыя пустыни, за которыми, по свидѣтельству Геродота, жили Андрофаги, Меланхлены и Гиперборей, Славяне пришли въ непосредственное соприкосновеніе съ этими народами.

Геродотъ, описывая эти народы полуночной Европы, выдѣляетъ своимъ единоземцамъ за чудо, что они на полгода обращаются въ волковъ (однакъ зимой въ звѣриныя шкуры) и что воздухъ въ этихъ мѣстахъ въ продолженіи 8 мѣсяцевъ бываетъ наполненъ летающими перьями (снѣгъ).

Римскій историкъ Тацитъ, жившій въ I в. по Р. Х., указываетъ, что въ полуночной Европѣ жили Финны, народъ дикій, бѣдный, не изобрѣдшій ни оружія, ни пенатовъ, питающійся травой, покрывающій свою наготу звѣринными кожами и не изобрѣдшій даже жилища, укрывався отъ непогоды подъ сплетенными вѣтвями²⁾.

Позднѣйшіе историки уже раздѣляютъ Финновъ на различныя народности: Мордву, Чудь, Весь, Мерю. Готскій историкъ Торнадъ³⁾ упоминаетъ, что готскій царь Германрихъ въ IV вѣкѣ покорилъ финскія племена Мерю, Мордву и другія. У нашихъ русскихъ этнографовъ мы находимъ уже положительныя свидѣнія о распредѣленіи различныхъ финскихъ племенъ по сѣверу и сѣверо-востоку Россіи: «на Бѣлоозерѣ сѣдятъ Весь, а на Ростовѣ озерѣ — Мери, а на Клецкиѣ Озерѣ (Переяславскомъ) — Мери-же, по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу — Муромъ, языкъ свой, и Мордва — свой языкъ. Першія насельницы въ Новгородѣ — Словене, въ Ростовѣ — Мери». Названія нѣкоторыхъ мѣстностей и рѣкъ указываетъ, что Мерию

¹⁾ Истор. изобраз. Россіи. Стр. 15, 17, 19 и 20.

²⁾ Карамзинъ. Исторія. Т. I, гл. 2.

³⁾ Вестужевъ-Рюминъ. Русск. Исторія. Гл. I, стр. 65.

населяли земли, граничащія рѣкою Москвою, а также земли по лѣвой сторонѣ верхней Волги, отъ рѣки Мологи и Шексны до рѣки Унжи.

Въ Костромской губерніи до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ сохранились названія, свидѣтельствующія о томъ, что здѣсь обитали Меряне: Галичъ Мерскій, Мерехта (Нерехта), озеро Мерено, близъ Нерехты, рѣка Мера, въ Кинешемскомъ и Костромскомъ уѣздахъ, гора Мерекая съ рѣченкой того-же имени, въ 11 перетахъ отъ г. Костромы по Вологодскому тракту, рѣка Станимеры, въ Костромскомъ уѣздѣ близъ Нерехтскаго, и озеро Мерское, Шунгенской вол., которая непосредственно примыкаетъ къ гор. Костромѣ и еще въ прошломъ столѣтіи числилась въ такъ называемомъ Мерскомъ стану.

Изъ этихъ историческихъ данныхъ мы можемъ съ достовѣрностью заключить, что первобытнымъ народомъ, населившимъ Костромскую губернію, были Финны, именно Меряне. Археологическія изслѣдованія удостовѣряютъ, что Меряне имѣли уже значительно развитую культуру: желѣзные мечи, топоры, серпы, сохи, замки, гвозди, глиняную посуду и различныя украшенія¹⁾. Меряне, благодаря воднымъ системамъ Оки и Волги, еще въ VII и VIII в.в. развили торговныя сношенія съ Востокомъ и Сѣверомъ, чрезъ посредство волжскихъ Болгаръ, и въ началѣ X вѣка—съ норманскихъ Западомъ, черезъ Новгородъ. Съ востока Меряне получали стеклянныя, золоченыя, серебряныя и бронзовыя бусы, привѣски, перстни, бляшки, пуговицы, съ запада—бусы изъ горнаго хрустала, аметиста и сердолика, датскія желѣзныя сѣкиры и британскіе наконечники копій. Все это вымѣнивалось на драгоценныя шкуры пушныхъ звѣрей, въ изобиліи находившихся въ дремучихъ лѣсахъ, среди которыхъ обитали Меряне²⁾.

Въ 859 году по Р. Х., по сказанію лѣтописи Нестора, смѣлые и храбрые завоеватели Варяги (Скандинавцы), пришедшіе изъ-за Варяжскаго моря (Балтійскаго), покорили Славянъ Пльменскихъ, Кривичей, Чудь, Мерю и наложили на нихъ дань, но скоро были изгнаны: «всташа же Новгородцы, Кривичи и Меря, и Чудь на

¹⁾ Раскопки въ Ярославск., Владимірск. и Костромск. губерніяхъ.

²⁾ Н. Полевой. Очерки русск. исторіи въ памятникѣхъ быта. II Стр. 136—150.

Варяги и изгнаша ихъ за море, и начаша владѣти сами себѣ и города ставити, и бысть межъ ими рать, градъ на градъ, не баше правды». Изъ этого историческаго свидѣтельства лѣтописи видно, что всѣ эти племена соединились между собой для борьбы съ общими врагами, отъ котораго и освободились, но, въ то же время, сами между собой они не могли ужиться въ мирѣ (вста градъ на градъ и воевать начаша сами на ся) и принуждены были для подавленія неурядиць (не баше бо правды) вынуждены были признать тѣхъ-же варяжескихъ князей для княженія надъ ними. Что не одни Новгородцы участвовали въ призваніи Рюрика на княженіе, о томъ свидѣлствуютъ лѣтописи Архангельская, Никоновская и Софійская, которыя причисляютъ и Финскія племена Чудь, Везь и Мерю къ числу племенъ, вызванныхъ варяжескихъ князей. Изъ этихъ историческихъ данныхъ можно заключить, что уже въ то время у Финновъ были какіе-то общіе со Славянами интересы, заставлявшіе ихъ дѣйствовать совместно. Такимъ свидающимъ знакомъ между Славянами и Финнами, по мнѣнію изслѣдователей, была славянская колонизація среди Финновъ. Русскій историкъ Вестужевъ-Рюминъ¹⁾ говоритъ, что славянская колонизація среди Финновъ началась еще во времена доисторическія, что доказывается славянскими именами городовъ: у Мерянъ — Ростовъ, у Вези — Вьлоозеро, существовавшихъ еще до 862 года.

Легенды объ основаніи Ростова имѣютъ очень древнее происхожденіе. По одной изъ нихъ, сынъ египетскаго царя — Аирисъ похитилъ у своего друга, потомка праотца Авраама, Росса Вандаля, молодую жену, дочь скиоскаго царя Риссона, прилетѣлъ на крылатомъ конѣ въ Гипперборейскую страну, гдѣ люди полгода спятъ и полгода бодрствуютъ, и спустился въ городъ Горницъ, на берегу озера Неро, гдѣ царствовалъ Вругошница. Обиженный мужъ, имѣетъ съ братомъ похищенной царевны, узнавъ по загадкамъ мѣстонахожденіе Аириса, собралъ дружину, отправился въ походъ, нашелъ обидчика и убилъ его. Мѣсто, гдѣ расположилось войско Росса, было названо «Россовъ станъ», и народъ, жившій тамъ, именовался «Меря». Всѣ эти имена соответствуютъ дѣйствительности: Ростовъ

¹⁾ Русская Исторія. Т. I, гл. 6.

находится на берегу озера «Неро», въ немъ сохранились названія Брутавицкiй ручей и Горница (звѣстность, гдѣ Рождественская церковь, а ранѣе былъ женскiй Горницкiй монастырь). Древнѣйшее населенiе Ростовской земли составляли финскiя племена Меря и Веель.

По другой легендѣ, въ Новгородѣ жилъ *царь Славиль*, ему наследовалъ сынъ Вандаля, у котораго было 3 сына: Изборъ, Столпосвѣтъ и Владимiръ, который пришелъ въ «Россовъ ставль», прогналъ оттуда племя Мерю, взялъ городъ и назвалъ его «Ростовъ».

Историкъ Костомаровъ ¹⁾ говоритъ, что Ростово-Суздальская земля, въ районъ которой входила и Кострома, образовалась такъ: «славянское населенiе наплыло туда изъ Новгородской земли, пошло изъ сѣвѣдной вятской и дополнилось переселенцами съ юга, которые шли туда въ толпахъ княжескихъ дружинъ, по раздѣленiи русскаго мiра на отдѣльные княженiя. Эти славянскiе пришельцы сѣмьшались съ туземцами Восточно-Финскаго племени, и изъ такой сѣмьи образовался Великорусскiй народъ».

Довольно быстрой колонизации славянъ много способствовалъ, съ одной стороны, самый характеръ Финновъ, который, по свидѣтельству Тацита, отличался миролюбивостью и уступчивостью, съ другой, наоборотъ, дѣятельный и промышленный характеръ Славянъ Новгородскихъ. Славянская колонизация шла преимущественно по двумъ направленiямъ, а именно: изъ земли Вятской по рѣкѣ Ока и Новгородцевъ по рѣкамъ Метъ, Тихвинкѣ, Мологѣ и Шеконѣ—въ верховья Волги.

Извѣстный археологъ графъ Уваровъ ²⁾ говоритъ, что быстрое славяненiе Мерянъ подтверждается и курганными раскопками. Такъ, въ курганахъ, находящихся близъ селенiй съ названiями, чуждыми духу славянскаго языка, исследователи находили слѣды обоихъ обрядовъ погребенiя, т. е. сожиганiя и простаго погребенiя, безъ сожиганiя. Между тѣмъ, какъ въ могилахъ, находящихся близъ поселенiй съ славянскими названiями, слѣдовъ сожиганiя тѣмъ уже не встрѣчается.

¹⁾ Исторiя. Т. 1, стр. 21.

²⁾ Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ.

II.

Первыя лѣтописныя извѣстія о Костромѣ. Къ какому времени можетъ быть отнесено первоначальное возникновеніе Костромы? Различныя по этому вопросу мнѣнія. Первоначальное положеніе Костромы. Время перенесенія Костромы съ правого берега Волги на лѣвый. Различныя догадки и объясненія слова «Кострома».

И ТАКЪ, постепеннымъ но вѣрнымъ путемъ, именно посредствомъ колонизаціи, сначала чисто народнои, а затѣмъ княжеской, финскія племена сблизились съ племенами славянскими, усвоивъ ихъ языкъ, ихъ обычаи, ихъ вѣру, — и уже въ XIII вѣкѣ появляется обширная Ростово-Суздальская область, образовавшаяся изъ ослабншихся финскихъ племенъ — Мери, Веси, Муромы и части Черемисовъ.

Векорѣ изъ Ростово-Суздальской области образовалось обширное и могущественное Владиміро-Суздальское княжество.

Въ числѣ городовъ Владиміро-Суздальскаго княжества *подъ 1213 годомъ* въ лѣтописяхъ *съ первой разъ* упоминается городъ Кострома.

Лѣтописцы, описывая вражду между братьями Константиномъ и Юріемъ Всеволодовичами изъ-за великокняжескаго Владимірскаго престола, говорятъ: «Константинъ же посла поукъ свои на Кострому и поукже ю всю, а люди изымаша»¹⁾. Изъ этихъ словъ ясно видно, что въ самомъ началѣ XIII в. Кострома уже существовала какъ городъ, а слѣдовательно основаніе ея было гораздо ранѣе этого времени. Отвѣтить на вопросъ, когда же именно былъ основанъ г. Кострома, весьма затруднительно, за неимѣніемъ точныхъ историческихъ данныхъ.

Татищевъ полагаетъ, что Кострома основана княземъ Юріемъ Долгорукимъ, сыномъ Владиміра Мономаха, въ 1152 году.

¹⁾ Карамзинъ. Т. III, глава IV, примѣч. 154.

Князь Александр Козловский ¹⁾ в своем труде «Взгляд на историю Кострома» говорит, что 1152 годъ есть истинная эпоха, означающая время построения Кострома. Е. А. Вязовъ ²⁾ приписываетъ построению Москвы, Дмитрова, Кострома, Галича Моричского и Стародуба князю Юрию Долгорукому. Карамзинъ ииже не упоминаетъ о годѣ основанія Кострома. Историкъ Соловьевъ ³⁾ говоритъ, что Кострома построена въ эпоху стремленія северныхъ князей распространить колонизацію вѣсть по Волгѣ. Членъ Костромской ученой архивной коммисси П. В. Милонидовъ (позже умершій) при рѣшеніи вопроса объ основаніи Кострома, кромѣ историческихъ данныхъ, пользовался еще и данными археологіи. Исследования археологовъ, въ особенности графа Уварова, показывають, что въ Ростово-Суздальской землѣ еще во времена Морича существовало много городищъ или городковъ, расположенныхъ по въ долинахъ другъ отъ друга разстоявшихся въ теперешнемъ Костромскомъ уездѣ ихъ найдено три, а именно: городокъ близъ села Черной Заводы, Черноводской волости, городище противъ города Кострома и городище около села Митского, Пушкинской волости. Находимые въ городищахъ желѣзные предметы, груда угля, разбитые черепки и слѣды деревянныхъ строеній, по мнѣнію графа Уварова ⁴⁾, принадлежатъ эти населенія къ эпохѣ желѣзнаго вѣка, слѣдовательно къ тому времени, когда эти мѣстности были заняты меричскими племенемъ. Эти-то городища, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ, служили ядромъ отъ праговъ, и составили основаніе для будущихъ городовъ. Въ селѣ Городищѣ, расположенномъ на правомъ изогнутомъ берегу Волги, противъ нынѣшняго города Кострома, до сихъ поръ сохраняются признаки глубокихъ рвовъ, одного — съ юго-западной стороны, а другого — у Спаской слободы. Это указываетъ, что на томъ мѣстѣ въ глубокой древности было городъ, окруженный вѣстевидныи по канатамъ или прорѣзямъ. При вскрытіи мѣста, вышесказаннаго

¹⁾ Взглядъ на исторію Кострома, стр. 5.

²⁾ Е. А. Вязовъ. Русская исторія, стр. 65.

³⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. 1, стр. 31.

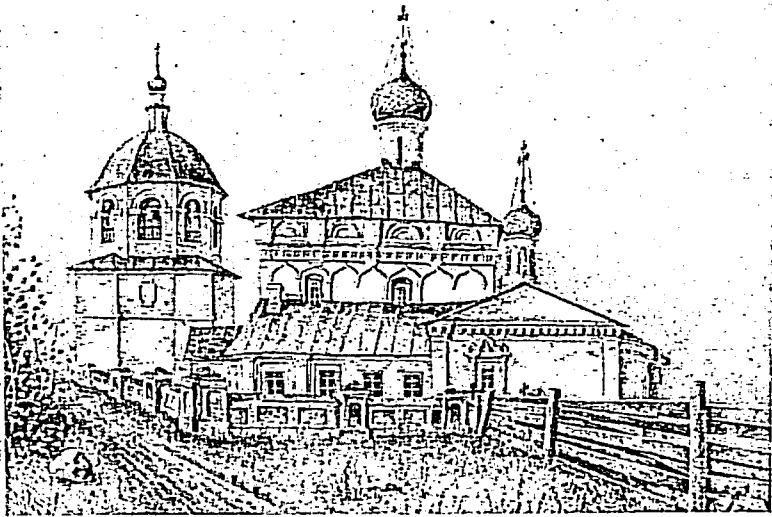
⁴⁾ Уваровъ. О бытѣ Морича во истинномъ разсказѣ. Стр. 16, 17, 18.

Городищемъ, говоритъ И. В. Миловидовъ ¹⁾, можно замѣтить, что возвышеніе, на которомъ находится церковь и селѣцо, господствуетъ надъ окрестностью и даетъ поводъ предполагать, что оно неслучайно естественное, но увеличено еще и насыпною землею. Кромѣ того, изъ разспросовъ жителей И. В. Миловидовъ узналъ, что здѣсь при рытьѣ находили въ землѣ срубы вродѣ погребовъ, черенки и монеты весьма древняго происхожденія. Членами Костромской архивной комисіи Н. М. Бекаревичемъ и І. Д. Преображенскимъ найдены были здѣсь кремневые осколки, кости животныхъ, кремневой наконечникъ копья и черенки глиняной посуды съ орнаментомъ на наружной поверхности, состоящимъ изъ различнаго рода вдавленій, расположенныхъ или правильными рядами, или ввидѣ ромбовидныхъ рисунковъ ²⁾. Все это, по мнѣнію г. Миловидова, указываетъ на то, что на мѣстѣ нынѣшняго селѣца Городища первоначально существовалъ меринскій городокъ, названный Костромой, въ честь древняго языческаго божества. Самое названіе этого города славянскимъ именемъ «*Кострома*» показываетъ, что этотъ городъ основанъ былъ уже въ эпоху начавшагося сближенія мерянъ со славянами, т. е. въ началѣ второй половины IX вѣка. Мнѣніе г. Миловидова о первоначальномъ возникновеніи города Костромы можетъ считаться наиболѣе вѣроятнымъ. Вѣроятность увеличивается еще тѣмъ, что до сихъ поръ живетъ среди Костромичей старинное преданіе, указывающее на Городище, какъ на бывшее мѣсто теперешняго города Костромы. Приводимъ это преданіе, записанное въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

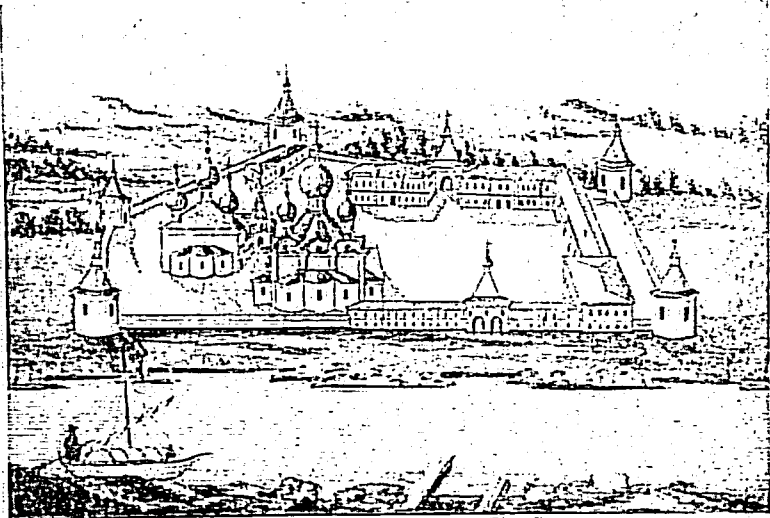
† «Было это при князѣ Юріи Долгорукомъ. А князь онъ во городѣ Владимірѣ. Князь Юрій былъ княземъ Великимъ, сирѣчь старшимъ, и всѣ князья русскіе ему повиновались какъ старшему брату и ничего безъ его совѣта не дѣлали. Костромы-то, голубушки нашей, тогда еще не было, а были на этомъ мѣстѣ лѣса непроходимые, темная дремучія дебри, на берегу-то пняжиля, а помане верхнія дебря назывались, да и до сей поры улицы такъ зовутся. Ну, навѣстно, кто будетъ жить въ лѣсу дремучемъ, какъ не раз-

¹⁾ И. В. Миловидовъ. Очеркъ исторіи Костромы. 1885 г.

²⁾ Доклады Костр. губерн. учен. архив. комис., 1895 г., стр. 21—28.

Село Городище, первоначальное мѣсто Костромы.

Видъ Костромскаго Ипатіевскаго монастыря 1613 года.

бойники, удалая вольница придорожная. Да такая тутъ поселилась вольница, что и Ярославлю городу жутко отъ нея подчасъ приходилось; а по Волгѣ и говорить нечего, ужъ совсѣмъ проѣзду не было. Вотъ и думаетъ думу князь Ярославскій, какъ ему избѣжать бѣды неминуемой, какъ извести проклятую вольницу: «Войной идти на нихъ, воинства у меня мало, да и гдѣ переловить ихъ: влѣзуть на деревня, да и перестрѣляютъ оттуда мою дружину. Посовѣтуюсь-ка со старшимъ братомъ». И ѣдетъ князь Ярославскій къ князю Володимірекому. Князь Юрій дорогого гостя встрѣчаетъ, за бѣлы руки принимаетъ, за дубовые столы сажаетъ; а великая княгиня своими бѣлыми руками чару меду наливаетъ, подноситъ дорогому гостю и цѣлуетъ его во уста. И такъ князья пируютъ, прохлаждаются три дни, а сами думу думаютъ, совѣтъ ведутъ. И надумались князья идти на Волгу съ воинствомъ: сперва выжечь лѣса дремучіе, а потомъ полонить вольницу. Вадумано, сдѣлано. Потянулись князья съ дружинами Володимірекими къ Ярославлю, а оттуда сѣли на ладьи, да и спустились по Волгѣ; и стали они станомъ на томъ берегу, а на этотъ переѣхали охотники выборные, да и зажгли лѣсъ. И занялась дѣбря моремъ пламеннымъ, и разлилось это море по всѣмъ концамъ, и отъ того великаго пожара подернулось небо кровавымъ зарею. Такой трескъ пошелъ по лѣсу, что волось дѣбомъ становился у самыхъ храбрыхъ воиновъ княжескихъ. Вежвилась, закивила, забушевала Волга-матушка волнами красными. Любуются князья съ того берега на страшное пожарище. Испугались разбойники и изъ нижней дѣбри бросились въ верхнюю; да и тамъ дымъ имъ сталъ глотки захватывать. Атаманъ ихъ былъ изъ татаръ, слылъ богатыремъ и назывался Чувиль-Гроза. Онъ, видя послѣдній часъ своему молодечеству, созвалъ на совѣтъ свою шапку и сказалъ имъ вычнымъ голосомъ: «Гой еси вы, братцы-товарищи, привожекая вольница, знать настала, наступилъ нашъ послѣдній часъ, минуемъ-ли мы смерти лютыя? Нѣтъ теперь у насъ легкихъ лодочекъ, пѣ сгорѣли они при берегѣ, а добрые кони отъ страху задыхаются. Мы пойдемъ; побѣжимъ въ лѣса Муромскіе; здѣсь намъ остаться — живьемъ сгоримъ. А князьямъ въ руки предаться, станетъ дружина княжеская надъ нами потѣшаться, и не весело намъ будетъ на

сосенкахъ, да на елочкахъ покачиваться. Сгорѣли лѣса дремучіе и дебри непроходимыя, дружины княжескія очистили мѣсто, и вскорѣ на этомъ мѣстѣ зазеленѣлъ городъ Кострома—удѣлъ княжества Володимирскаго¹⁾).

За неизвѣстемъ вполнѣ точныхъ данныхъ и это преданіе имѣетъ цѣнность, хотя бы уже потому, что, какъ говоритъ одинъ французскій историкъ, «la legende et la tradition vivante trois fois sur quatre est plus vraie, que l'histoire»²⁾. Народная память, говоритъ Вестужевъ-Рюминъ,³⁾ знаетъ и помнитъ своихъ героев, а Щановъ⁴⁾, упоминая о свято-русскомъ могучемъ богатырѣ «Егоріи Храбромъ», объѣзжающемъ землю русскую и устанавливающимъ въ ней новые гражданскіе порядки среди лѣсовъ дремучихъ и горъ толкущихъ, говоритъ, что подъ этимъ именемъ народъ вспоминаетъ князя Юрія Долгорукаго.

Извѣстно, что самымъ дѣятельнымъ и энергичнымъ колонизаторомъ Ростово-Суздальской земли былъ князь Юрій Долгорукій. «Онъ зачалъ, говоритъ Татищевъ⁵⁾, Юрій строить въ области своей многіе города, созывая людей отовсюду, которымъ не малую ссуду давалъ и въ строеніяхъ и другими подалніями помогать, въ которые приходя, множество Болгаръ, Мордвы, Венгровъ, кромѣ русскихъ, селились и предѣлы яко многими тысячами людей наполняли», Карамзинъ⁶⁾ говоритъ, что Юрій открылъ пути въ лѣсахъ дремучихъ, оживилъ дикія мертвыя пустыни знаменіями человѣческой дѣятельности, основалъ новыя селенія и города, украшалъ ихъ для своего воображенія именами южныхъ городовъ. Безошибочно можно сказать, что въ дѣлѣ колонизаторства Ростово-Суздальской земли Юрій поставилъ себя за образецъ Владиміра Святого, который, исходя изъ мысли, что «не добро, еже есть мало городовъ около Кіева, нача ставити города по Деснѣ и по Трубежу, и по Сузѣ, и нача избирати мужи лучшіе отъ Словень, отъ Кривичъ, отъ Чуди, и отъ спехъ посели грады».

¹⁾ А. Кобыловъ. Современникъ. 1858 г. Т. LXVIII.

²⁾ Легенда и эпическое преданіе черезъ три раза въ четвертый болѣе вѣрны, чѣмъ исторія.

³⁾ Русская исторія, стр. 157.

⁴⁾ Очерки народнаго міросозерцанія.

⁵⁾ Книга III, стр. 76.

⁶⁾ Исторія Россійск. Т. II, глав. XIV, стр. 166.

Юрій Долгорукій, сынъ Великаго Кнзя Владиміра Мономаха, родился на югѣ, провелъ тамъ свое дѣтство и юность и, посланный отцомъ въ сѣверный Суздальскій удѣлъ, никакъ не могъ примириться съ сѣверомъ и постоянно стремился на родной югъ.

«Юрій, говоритъ Карамзинъ, въ наследственномъ своемъ сѣверо-восточномъ удѣлѣ видѣлъ небо суровое, дикія степи, дремучіе лѣса, народъ грубый и считалъ себя изгнанникомъ». Вотъ почему, когда, по старшинству въ родѣ, ему досталась очередь быть Великимъ Княземъ, онъ безъ колебанія и сожалѣнія бросилъ свой сѣверный удѣлъ и уѣхалъ въ Кіевъ.

По свидѣтельству лѣтописей, любовь къ югу у Юрія Долгорукаго, между прочимъ, нагляднымъ образомъ выразилась въ наименованіи имъ мѣстностей, рѣкъ и основанныхъ имъ въ Ростово-Суздальской землѣ городовъ южными именами; таковы города: Галичь, Переяславль, Стародубъ и рѣки — Трубекъ, Лыбедь, Почайнаа, и Сула. Наоборотъ, уже сынъ Юрія Долгорукаго Андрей Боголюбскій, какъ уроженецъ сѣвера, предпочелъ сѣверъ югу и отказался отъ великокняжескаго престола въ Кіевѣ. Основанные имъ города уже не носили названій южныхъ городовъ, съ которыми, въ противоположность отцу своему, онъ былъ мало знакомъ.

Въ Костромской губерніи существуютъ городъ Галичь и рѣка Сула, протекающая среди самаго города Костромы,² носящія южными имена. Безъ сомнѣній, слѣдовательно, эти имена перенесены сюда шибѣмъ нѣмъ, какъ Юріемъ Долгорукимъ; и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что онъ хорошо зналъ Кострому и сѣверо-восточную часть Костромскаго края, такъ какъ, по свидѣтельству лѣтописцевъ, еще въ 1120 г. онъ изъ Ростова ходилъ Волгою на судахъ въ землю Казанскихъ Волгаръ и побѣдилъ ихъ ¹⁾.

Почему Юрій Долгорукій далъ именно эти имена, играло ли тутъ роль какое нибудь сходство въ мѣстности и расположеніи, или здѣсь имѣло мѣсто что либо другое, конечно, рѣшить трудно.

Юрій Долгорукій большую часть своей жизни провелъ въ борьбѣ за обладаніе великокняжескимъ кіевскимъ престоломъ и, не достигая своей цѣли, онъ какъ будто утомился въ этой борьбѣ, и

¹⁾ Истор. Госуд. Росс. Карамзинъ Т. II, гл. VII, стр. 89.

принялся за устройство своей Ростово-Суздальской земли, утѣшал себя въ неудачахъ хотя названіями южныхъ городовъ. Этотъ періодъ устройства лѣтописцы отмѣчаютъ, начиная съ 1152 года по 1155-й, когда онъ, наконецъ, достигъ своей цѣли и, сдѣлавшись Кіевскимъ Великимъ Княземъ, уѣхалъ на югъ. Главное его строительство относится къ 1152 году, когда онъ основалъ многіе города, преимущественно съ южными названіями и «того же лѣта (1152) въ Суздальскѣй землѣ постави многи церкви каменны»¹⁾. Въ послѣдующіе года города, основанные Юріемъ Долгорукимъ, уже не носили именъ южныхъ городовъ (въ 1154 г.—Дмитровъ, въ 1155 году—Вологубовъ).

Лѣтописцы, повѣствуя объ основаніи въ 1152 году Юріемъ Долгорукимъ многихъ селеній и городовъ, точно обозначаютъ только два города, именно Юрьевъ Польскій и Переяславль Залѣскій, но, безъ сомнѣнія, и другіе города и селенія, особенно съ южными именами, какими Галичъ, Стародубъ и друг., были основаны имъ-же и въ то же время.

Если мы обратимъ вниманіе на названіе рѣки Сулы, протекающей по городу Костромѣ, а также примемъ во вниманіе несомнѣнныя лѣтописныя свидѣтельства, что Юрій Долгорукій въ основанныхъ имъ городахъ и рѣки называлъ южными именами, какъ напр., въ Переяславлѣ—Трубейжъ, во Владимірѣ—Мыбедь, то придется къ заключенію, что названіе костромской рѣки Сулы не можетъ быть случайнымъ, но перенесено сюда Юріемъ Долгорукимъ съ южной Сулы, на которой построилъ такъ много городовъ Владиміръ Святой и на берегахъ которой такъ много сражался Юрій Долгорукій и его сыновья за обладаніе кіевскимъ великокняжескимъ престоломъ. Несомнѣнно, что рѣка Сула, протекала среди дремучихъ лѣсовъ, была значительно больше настоящей, что можно видѣть и до сихъ поръ по ея мѣстоположенію.

Назвавъ рѣку Сулою, Юрій Долгорукій въ ту же эпоху построения многихъ городовъ, т. е. въ 1152 году, перенесъ на нее съ праваго берега Волги городъ Кострому,²⁾ устроилъ его и увели-

¹⁾ Карамзинъ. Т. II, гл. XIV, прим. 376.

²⁾ Какъ онъ перенесъ на другое мѣсто Переяславль.

чить население, переселивъ туда жителей изъ другихъ городовъ. Самая мѣстность, куда онъ перенесъ г. Кострому, не могла не имѣть громаднаго значенія въ глазахъ Юрія, такъ какъ выпадающая здѣсь въ Волгу рѣка Кострома, съ ея довольно крупными притоками, долженствовала служить связующимъ звеномъ сѣверо-восточнаго угла (Галичь) Ростово-Суздальской земли съ верховьями рѣки Волги. Кроме того, немаловажное значеніе въ дѣлѣ перенесенія города и устройства его на лѣвомъ берегу Волги имѣло и то обстоятельство, что вновь построенный городъ долженъ былъ служить пунктомъ для задержки и борьбы съ разбойниками, жившими въ большихъ, непроходимыхъ лѣсахъ Костромской области и вѣду, на далекое разстояніе, производившими грабежи и разбой. Можетъ быть, въ нѣкоторой степени справедливы и тѣ объясненія прежнихъ изслѣдователей, которые говорятъ, что Юрій Долгорукій оставилъ городу прежнее названіе Костромы опять-таки по любви къ югу, ибо, какъ по названію, такъ и по мѣстоположенію, Кострома походила на единственный, оставшійся на югѣ въ его владѣніи городъ Остръ, гдѣ впадаетъ въ Двину рѣка одного съ городомъ имени, и городъ въ разливъ представляетъ совершенное сходство въ мѣстоположеніи съ Костромою ¹⁾.

Итакъ, на основаніи вышеприведенныхъ соображеній и сопоставленій несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ, въ виду многихъ свидѣтельствъ прежнихъ изслѣдователей костромского края объ основаніи г. Костромы именно въ 1152 году, наконецъ, въ виду живущихъ въ памяти народа до сихъ поръ преданій и многихъ, хотя и косвенныхъ, историческихъ данныхъ, должно заключить, что городъ Кострома, существовавшій уже ранѣе на правомъ берегу Волги въ видѣ небольшого городка или городища, княземъ Юріемъ Долгорукимъ въ 1152 году перенесенъ на лѣвый берегъ Волги въ мѣстность между рѣками Сулою и Костромою, устроенъ и увеличился въ количествѣ народонаселенія.

Существуетъ нѣсколько предположеній относительно происхожденія названія города словомъ «Кострома».

Н. В. Миловидовъ говоритъ, что такъ какъ у нашихъ предковъ

¹⁾ Князь А. Козловскій. Взглядъ на исторію Костромы, стр. 7.

божества Купало, Ярило и Кострома олицетворяли собою живительныя силы природы и такъ какъ съ глубокой древности въ костромскомъ краѣ въ честь этихъ божествъ совершались различныя празднованія и, между прочимъ, обрядъ «похоронъ Костромы», то отъ имени этого языческаго божества и получили названія какъ рѣка, такъ и городъ ¹⁾). Въ московскомъ мѣлещеловѣ за 1776 годъ высказано предположеніе, что названіе «Кострома» перенесено отъ областей кievскаго великаго княженія, въ конхъ, въ 60 верстахъ отъ Чернигова, внизъ по Двинѣ, находится городъ Остръ (Остеръ), гдѣ впадаетъ въ Двину рѣка одного имени съ городомъ и въ разлитіе подѣ представляетъ совершенное сходство, по мѣстоположенію, съ костромскимъ.

Князь Козловскій ²⁾ болѣе склоняется къ мнѣнію Татищева, который наименованіе Костромы производитъ отъ города Костра, бывшаго въ Ливоніи, недалеко отъ Юрьева (Дерпта); или замка «Кострумъ», гдѣ построенъ городъ Ренель. Замокъ «Кострумъ» расположенъ на морскомъ берегу, извѣя съ двухъ сторонъ открытое море; подобнымъ образомъ и подѣ Костромою въ весеннее время, при разливѣ рѣкъ Волги и Костромы, вереть на 30 образуется какъ-бы море.

В. Ворисонъ, ³⁾ въ своей догадкѣ о происхожденіи слова «Кострома», говоритъ, что естественное думать, что названіе города Костромы происходитъ отъ костровъ лѣда, весною, по время разлива воды, вытѣняемаго на берега рѣки Костромы, который, особенно въ устьѣ ея, скоплется на берегахъ въ громадномъ количествѣ.

Многіе-же проще смотрятъ на дѣло и говорятъ, что городъ Кострома получилъ названіе отъ рѣки Костромы (какъ и Москва); рѣка-же въ свою очередь получила названіе отъ громаднѣйшихъ костровъ лѣда, заготовляемаго по берегамъ рѣки зимою для сплава. Но едва-ли и это объясненіе согласно съ дѣйствительностію—уже въ силу одного того обстоятельство, что по времена сѣдой древности прядь-ли занимались сплавомъ лѣса, а слѣдовательно и сооруженіемъ костровъ. Даже въ первой половинѣ XIV ст. было ненавѣстно

¹⁾ Н. В. Милонидовъ. Кострома въ историко-археологическомъ отношеніи, стр. 8.

²⁾ Взглядъ на исторію Костромы, стр. 7 и 8.

³⁾ «Костромск. Губериск. Вѣдомости», 1862 г., № 13.

название рѣки Костромы, въ чемъ мы можемъ удостовѣриться изъ словъ Воскресенской Лѣтописи, гдѣ говорится, что когда Галичскій князь Осодоръ Семеновичъ, основатель Солигалича, въ 1335 году прибылъ туда для построенія Воскресенскаго монастыря, то не зналъ и не могъ навѣдаться, какая рѣка протекаетъ тѣмъ мѣстомъ, почему и послалъ лодку, чтобы узнать имя рѣки; посланные плыли до города Костромы и тамъ только узнали, что это рѣка Кострома. Отсюда можно заключить, что вѣрнѣе г. Кострома далъ свое названіе рѣкѣ, а не наоборотъ. А такъ какъ въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ, особенно нековскихъ, слова Костръ, Кострыга, Кострумъ встрѣчаются въ значеніи крѣпости, укрѣпленнаго мѣста и такъ какъ въ прежнее время каждый городъ былъ въ то же время и крѣпостью, то естественнѣе всего предположить, что это общее названіе (кострумъ—крѣпость) и осталось за городомъ.

III.

Кострома въ княженіи Великихъ Князей—Андрея Боголюбскаго, Всеволода III и его сыновей: Константина и Юрія. Нашествіе Батыл. Великій Князь Ярославъ II. Его сынъ Василій Костромской. Явленіе Феодоровской иконы Божіей Матери. Василій Костромской—Великій Князь. Пораженіе татарскихъ полчищъ, призванныхъ бессерменскими кучумами. Построеніе въ Костромѣ каменной соборной церкви. Церковный соборъ—1274 г. Построеніе церкви Воскресенія на Дебрѣ. Кончина Великаго Князя Василя Костромскаго.

СЫНЪ Юрія Долгорукаго Андрей Боголюбскій, сдѣлавшись Великимъ Княземъ, не переселился въ Кіевъ, но остался въ Ростово-Суздальской землѣ и основалъ свой столичный городъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, подчинивъ ему старинные столичные города—Ростовъ и Суздаль. Такъ образовалось на сѣверо-востоцѣ Россіи могущественное Владиміро-Суздальское княжество, имѣвшее городъ Владиміръ своимъ центромъ, какъ административнымъ, такъ и церковнымъ, такъ какъ туда же переселился на жительство и епископъ ростовскій Феодоръ. Въ составъ Владиміро-Суздальскаго княжества вошли нѣтъ многи устроенные и основанные Юріемъ Долгорукимъ города, въ числѣ которыхъ была и Кострома.

Но смерти Андрея Боголюбскаго древніе города Ростовъ и Суздаль хотѣли было возстановить свое первенство, но потерпѣли неудачу и, при вступленіи на родительскій престолъ послѣдняго изъ братьевъ Андрей—Всеволода III Большое Гнѣздо, Владимірцы цѣловали крестъ «ему и его дѣтямъ», т. е. на Руси впервые появилась мысль о престолонаслѣдіи по прямой линіи ¹⁾. Во все княженіе Всеволода, до 1212 года, въ продолженіи 37 лѣтъ, сѣверо-востоцѣ Руси отдыхалъ отъ войнъ и княжескихъ усобицъ, подготавлиаясь къ мирному развитію своей будущей гражданственности. Передъ

¹⁾ Проф. Трачевскій. Русск. Исторія. 1895 г., стр. 95.

смертію своею, въ 1212 году, Всеволодъ назначилъ старшаго своего сына Константина преемникомъ великокняжескаго владимірскаго престола, а Ростовскую область, гдѣ княжилъ Константинъ, передалъ въ удѣлъ второму сыну Юрію. Но Константинъ не хотѣлъ выѣхать изъ своего удѣла, желая присоединить къ Ростову Владиміръ. Раздраженный неповиновеніемъ сына, Великій Князь Всеволодъ собралъ со всѣхъ городовъ бояръ, епископа Іоанна, игуменовъ, священниковъ, дворянъ, кунцовъ и назначилъ себѣ преемникомъ втораго сына Юрія, которому всѣ и присягнули. Такимъ образомъ, Владиміро-Суздальская область раздѣлилась на двѣ части, и городъ Кострома остался во власти Юрія. Послѣ смерти Всеволода поднялись смуты и началась борьба между братьями, во время которой въ 1213 году была сожжена княземъ Константиномъ Кострома и истреблены всѣ ея жители. Раздоры между братьями окончились въ 1216 году, и Константинъ сѣлъ на великокняжескій владимірскій престолъ, а Юрію отдалъ въ удѣлъ Суздаль и кромѣ того назначилъ его послѣ себя преемникомъ великокняжескаго владимірскаго престола.

Во время княженія Юрія II Всеволодовича, въ 1237 году, 38
полчища татаръ подъ главенствомъ Батый ворвались въ Ростово-Суздальскую область, разрушили великокняжескій городъ Владиміръ и «снопѣлиши все на Волгѣ и до Галича Мерскаго». Хотя въ лѣтописяхъ и не указывается отдѣльно, что татарамъ былъ опустошенъ и городъ Кострома, но свидѣтельство лѣтописцевъ, что татары опустошили всѣ города и селенія до Галича Мерскаго, указываетъ, безъ сомнѣнія, что этой участи подверглась и Кострома.

Батый, говорятъ лѣтописцы, какъ лютой зѣбрь пожиралъ цѣлыя области, терзалъ когтями остатки. Храбрѣйшіе князья пали въ битвахъ, матери плакали о дѣтихъ, жены боярскія сдѣлались рабами варваровъ, живые завидовали мертвымъ¹⁾. Въ Софійскомъ временникѣ подъ 1240 годомъ погѣщенъ интересней поэтическій плачь земли русской о гибели ея сыновъ: «сыны, сыны русскіе! вѣкаго нѣ работы на плечахъ вашихъ. Я же безъ васъ, моихъ чадъ

¹⁾ Карамзинъ. Истор. Госуд. Росс. Т. IV, гл. I, стр. 8.

любимыхъ, остаюсь вдова бѣдная и бездомная. Но кого мнѣ теперь оплакивать—мужа-ли, чадѣ-ли любимыхъ? Вдовство мое—опустѣніе многихъ городовъ, честныхъ монастырей, свитыхъ церквей, лишеніе чадѣ, учителей, священниковъ, властителей и народа». Вотъ въ какое время на великокняжескій владимірекій престолъ вступилъ братъ Юрій II, Ярославъ II Всеволодовичъ, который, по выраженію Карамзина, пріѣхалъ господствовать надъ развалинами и трупами. Тѣмъ не менѣе Ярославъ началъ собирать разбѣжавшихся между людей, подбирать и погребать мертвыхъ, валявшихся на дорогахъ, улицахъ и въ обгорѣлыхъ церквахъ и домахъ. Онъ вѣлчески ободрялъ и утѣшалъ совершенно растерявшійся отъ ужаса народъ и принялся за восстановленіе разрушенныхъ и лежавшихъ въ пеплѣ городовъ. Воскресенская лѣтопись говоритъ, что Ярославъ «сѣде на столѣ въ Володимери и обнови землю Суздальскую, и церкви очисти отъ трупннхъ мертвыхъ, и кости ихъ сохранивъ, и пришельци утѣши, и люди многи собра, и бысть радость велика христіаномъ». Далѣе та же лѣтопись продолжаетъ: «и пришедь съ дѣтьми своими на владимірекое княженіе, по Батыевѣ плѣненіи, Ярославъ Всеволодовичъ нача грады разоренныя ставити по своимъ мѣстамъ и на Волгѣ постави градъ, и поименова его Тверью по Тверцѣ рѣкѣ, ... и посади на Твери сына своего меньшого Ярослава, и оттолѣ наста великое княженіе тверское».

Ярославъ II былъ женатъ на дочери князя Мстислава Храбраго—Евфросиніи, которая 4 мая 1244 года скончалась, принявъ передъ смертію иночество съ именемъ Евфросиніи, и погребена была въ Новгородскомъ Юрьевѣ монастырѣ. У Ярослава Всеволодовича было девять сыновей: старшій изъ нихъ Теодоръ Ярославскій убитъ былъ въ Твери еще въ 1233 году, Александру Невскому данъ былъ въ удѣлъ Новгородъ, Андрею—Суздаль, Константину—Галичь Мерскій и Михаилу—Москва, каковыя города и были восстановлены прежде всѣхъ и приблизительно въ одно время.

Во время великаго княженія Ярослава, у него родился сынъ Ярославъ-Теодоръ, для котораго нуженъ былъ удѣльный городъ. И вотъ, какъ ясно говоритъ лѣтопись, Великій Князь возобновляетъ Тверь и отдаетъ ее въ удѣлъ восьмому сыну своему Ярославу.

Въ 1241 году ¹⁾ у Ярослава Всеволодовича родился девятый, последний, сынъ Василій (Младший). Тогда Великій Князь возобновляетъ городъ Кострому и отдаетъ его въ удѣлъ последнему своему сыну, который въ лѣтописяхъ и называется *Василіемъ Костромскимъ*.

Въ точности нѣтъ никакихъ указаній въ лѣтописяхъ, когда прибылъ Василій Ярославичъ въ свой удѣльный городъ Кострому и долго ли здѣсь жилъ до вступленія на великокняжескій престолъ, т. е. до 1272 года. Извѣстно только, что въ 1266 году, князя уже въ Костромѣ, Василій Ярославичъ вступилъ въ бракъ, который совершилъ св. Игнатій, епископъ Ростовскій, въ соборной церкви св. Θεодора Стратилата ²⁾—«въ лѣто 6674 женился князь Василій, меньшой Ярославичъ, Костромской, внукъ Всеволожъ, правнукъ Юрія Долгорукаго, праправнукъ Владиміра Мономаха, преправнукъ Всеволожъ, пращуръ Ярославъ, прапращуръ Великаго Владиміра, и пѣчанъ бысть въ церкви св. Θεодора Игнатіемъ, епископомъ Ростовскимъ, на Костромѣ» ³⁾.

Сдѣлавшись въ 1272 году Великимъ Княземъ, Василій Ярославичъ не поѣхалъ во Владиміръ, но остался жить въ любимой имъ Костромѣ.

По сказанію лѣтописцевъ, Василій Ярославичъ Костромской былъ государь умный, добродушный, весьма милостивый и набожный. «Въ же сеи добродѣтели зѣло, любяще Госнода Бога отъ всего сердца своего, и ко всѣмъ безъ лукавства любовь и милость имѣяше, и ко святымъ церквамъ зѣло прилеженъ бѣ; чтише же по премногу епископы, яко начальники, и пастыри, и весь священническій чинъ и иноческій любяще зѣло и чтише; бѣ же незлобивъ и прощателенъ къ согрѣшавшимъ къ нему» ⁴⁾.

Еще во время удѣльнаго княженія Василія, въ періодъ между 1259 и 1262 годами, ему чудеснымъ образомъ явилась Θεодоропская икона Божіей Матери. Обстоятельства явленія св. иконы

¹⁾ Карамзинъ. Истор. Рос. Росс. IV, гл. 1, примѣч. 38, стр. 15.

²⁾ Имя епископа Θεодоропская, что на Сулѣ, церковь.

³⁾ Древнего лѣтописца повѣсть происшествій, бывшихъ въ Россіи при владѣніи четырнадцати великихъ князей. 1774 года. Стр. 14.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 36 и 37.

Соминъ

подробно описаны въ трехъ древнихъ рукописяхъ, находящихся въ библиотекѣ Костромской ученой архивной Комиссiи, въ Милютинской Четы-мшеѣ, Спасо-Запрудненскомъ синодикѣ и въ рукописномъ «Сказанiи» о явленiи и чудесахъ Феодоровской иконы Богоматери (хранящемся въ Костромскомъ Боголюбленскомъ монастырѣ). «Како неповѣмъ, начинаеть повѣствователь, или како хощу написать, или что реку, или что неповѣмъ о сей пречудной иконѣ, или что возглаголю; но еже слышахъ отъ много добрѣ вѣдующихъ, и ниже у себѣ имуще писанiе до разоренiя литовскихъ и польскихъ людей». Въ этихъ рукописяхъ собрано все, относящееся къ явленiю чудотворной иконы.

16 августа князь Василiй Ярославичъ поѣхалъ за городъ «со немъ ловчимъ оселитися» и прибылъ въ мѣстность, гдѣ протекаетъ рѣка Запруденка, въ чащу лѣса—егда бѣ видѣ града поприще едино. Услышавъ сильный лай собакъ—«немъ пригужно лаяша»,—князь отправился къ тому мѣсту и увидѣлъ на сосновомъ деревѣ икону Богоматери. Удивленный необыкновеннымъ явленiемъ, князь сошелъ съ коня и хотѣлъ снять икону, но она невидимою силою была поднята вверху. Пораженный этимъ обстоятельствомъ, князь палъ передъ иконою и началъ со слезами молиться и, послѣ горячей молитвы, рѣшился снова снять св. икону съ дерева, но невидимая сила снова поднимаетъ ее еще выше. Тогда князь немедленно возвращается въ городъ, подробно рассказываетъ протопопу, всему священному собору и всѣмъ людямъ градскимъ все имъ видѣнное. «Протопопъ же и вси священники и діаконъ, облекшеся во священныя одежды, идуще со святыми иконами и съ честными кресты, и съ кандилами, и съ омиахомъ, и со свѣщами, поюще молебныя пѣнiи; съ ними же идуще и князь, и бояры его, и вельможи градскiи, и вси людiе, и иноцы, и простiи. И тако подыша ю священническими руками невозбранно, съ великою честью несомъ ю во градъ свой съ радостiю великою. Слышавше же народи градскiи пришествiе Богоматери, яко Царица Небесная грядеть, и они поспѣдующе, а пѣнiи срѣтающе и необычныи звонъ творяще повсюду. И тако придоша во снѣгую Вожью апостольскую церковь св. великомученика Феодора Стратилата во

времени вечерняго пѣнія. II поставивша ю во святѣй соборнѣй Божіей церкви»¹⁾.

Что послужило причиною наименованія поповленной иконы Θεодоровскою, точно неизвѣстно. Можетъ быть, въ данномъ случаѣ имѣло значеніе то обстоятельство, что св. икона была поставлена въ церкви Θεодора Стратилата, или-же къ этому послужило поводомъ свидѣтельство многихъ жителей г. Костромы, что еще наканунѣ, т. е. 15 августа, въ праздникъ Усненія Божіей Матери, они видѣли «сею икону, несомую сквозь градъ воиномъ пѣкимъ; подобенъ же тотъ воинъ видомъ св. великомученику Θεодору Стратилату».

На томъ мѣстѣ, гдѣ явилась чудотворная икона, по повелѣнію князя Василія Ярославича воздвигнуть была деревянный храмъ во имя Черукотвореннаго Образа Спасителя, такъ какъ въ день празднованія Черукотвореннаго Спаса обрѣтена была икона, и устроенъ Спасо-Запрудненскій мужской монастырь²⁾.

Векорѣ послѣ явленія иконы Θεодоровской Богоматери деревянный храмъ Θεодора Стратилата, въ которомъ была поставлена эта икона, сгорѣлъ, и послѣ пожара на третій день св. икона найдена была въ пещѣ непретимою. Выстроенный вновь деревянный храмъ также сгорѣлъ, но икона снова осталась непретимою. Въ книгѣ «Небо новое» описывается причина, почему св. икона осталась непретимою: «видѣна людіе въ мѣстѣ Костромѣ, во время пожара, на воздухѣ ангеловъ, которые образъ Пречистыя Дѣвы на рукахъ держали»³⁾. Несомнѣнно, что Θεодоровская икона Божіей Матери, до появленія своего въ Костромѣ, находилась въ Городецкомъ Θεодоровскомъ монастырѣ. Извѣстно, что Великій Князь Александръ Невскій въ Городцѣ, передъ иконой Θεодоровской Божіей Матери, принялъ схиму съ именемъ Алексѣя и скончался, и нѣтъ ничего удивительнаго, что родной братъ его Великій Князь Василій Костромской, послѣ смерти Александра Невского, въ память брата, перенесъ икону въ Кострому.

¹⁾ П. А. Соколовъ. Описание и критическій разборъ рукописей о явленіи и чудесахъ Θεодоровской иконы Божіей Матери. 1901 г. Костромская Старина, вып. V, стр. 244-245.

²⁾ Кн. Колываскій. Взглядъ на исторію Костромы.

³⁾ Прот. П. Островскій. Историч. записки о Костромѣ и ея святыхъ. 1864 г., стр. 15.

Послѣ вступленія на великокняжескій престолъ, Великій Князь Василій Ярославичъ, желая присоединить къ себѣ богатый и промышленный Новгородъ, отправилъ туда пословъ съ требованіемъ подчиненія Новгорода державѣ Великаго Князя; но съ таковымъ-же требованіемъ одновременно въ Новгородъ явились послы и отъ князя Дмитрія, сына Александра Невского. Новгородцы, по совѣту своего посадника Павши, пригласили къ себѣ князя Дмитрія. Тогда Великій Князь Василій отправился изъ Костромы съ войскомъ и осадилъ Торжокъ, главный пунктъ вывоза хлѣба для Новгорода изъ Ростова-Суздальской земли. Предавъ Торжокъ огню и посадивъ туда своихъ тиуновъ, Василій Ярославичъ въ 1273 году возвратился въ Кострому. Затѣмъ Новгородцы во главѣ съ княземъ Дмитріемъ Александровичемъ выступили къ Твери и отправили пословъ Семена Михайловича, Лазари Моисеевича и Степана Душиловича къ Великому Князю Василю съ предложеніемъ мира. Но Великій Князь не согласился на миръ, отпустивъ съ честью пословъ. Между тѣмъ Новгородцы возмущались, отняли посадничество у Павши, назначили новаго посадника Михаила Миняича и «послаша по Василю, и цѣловаша на Торжку образъ Господень, яко веѣмъ одинакимъ быти съ посадникомъ Михаиломъ, и съѣдѣ Князь Василій Ярославичъ въ Новгородѣ на столѣ»¹⁾.

Не смотря на то, что Василій Ярославичъ уже два раза ѣздилъ въ татарскую столицу для поклоненія ханамъ, чтобы предотвратить нашествія татаръ, а слѣдовательно и разореніе городовъ, Кострома въ его княженіе подверглась нашествію бессерменскихъ кунцовъ, которыхъ татары отдавали на стгушь дань съ русскихъ областей. Эти кунцы набирали войско изъ тѣхъ-же татаръ и съ помощію этого войска собирали съ русскихъ областей дань, т. е. просто грабили и разоряли города. Насколько тягостенъ былъ этотъ сборъ дани, видно изъ слѣдующихъ словъ Воскресенской лѣтописи: «избави Богъ отъ лютаго томленія бессерменскаго люди Ростовскія земли, молитвами Богородицы, и вложи ярость христіаномъ въ сердце, не можаху бо терѣти насилія поганыхъ». Велѣдствіе этого противъ

¹⁾ Воскрес. лѣтопись. II, стр. 252. Древняго лѣтописца повѣсть происшеств., стр. 31 и 32.

бессерменъ не рѣдко происходили возмущенія. П. В. Миловидовъ въ своемъ «Очеркѣ Исторіи Костромы» говоритъ, что при Василіи Ярославичѣ именно и было нашествіе бессерменскихъ кунцовъ, и съ ними нельзя не согласиться, въ виду многихъ историческихъ данныхъ ¹⁾. Эти бессерменскіе кунцы съ большими татарскими полчищами подступили къ Костромѣ. Великій князь Василій, собравъ въ Костромѣ небольшую дружинку, двинулся на татаръ, но, не надѣясь съ малыми силами побороть татарскую рать, повелѣлъ нести передъ собою Феодоровскую икону Богоматери. Онъ встрѣтился съ татарскими воюеками въ 3-хъ верстахъ отъ города Костромы, на озерѣ, гдѣ татары, пораженные огненными лучами, исходящими отъ лика Богоматери, смутились, тотчасъ обратились въ бѣгство и, какъ говоритъ преданіе, многіе изъ нихъ ослѣпли и мечами побивали другъ друга. Въ память этого чудеснаго спасенія и въ назиданіе потомству, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла чудотворная икона Заступицы, поставленъ былъ высокій дубовый столпъ, въ которой былъ вставленъ снимокъ съ Феодоровской иконы, а востѣдетвиіи вѣсто столпа устроена каменная часовня, въ которой эта икона въ особомъ мѣстѣ сохраняется и до сихъ поръ. По тому-же случаю и озеро непокопъ-вѣковъ носитъ названіе «Святого озера», въ противоположность другому, недалеко лежащему и называющемуся до сего времени «Мерзкимъ» или «Поганымъ» озеромъ, гдѣ, по преданію, въ большомъ количествѣ потонули татары ²⁾.

Обрадованный этой побѣдой и побуждаемый быстро одинъ за другимъ слѣдовавшими пожарами соборной церкви, благочестивый князь Василій «совѣтъ сотвори съ боярыи своими и со всѣми народомъ», повелѣлъ устроить каменную соборную церковь въ честь Успенія Божіей Матери съ придѣломъ св. Феодора Стратилата, ибо въ день Успенія Божіей Матери чудотворная икона была перенесена черезъ городъ Кострому св. Феодоромъ Стратилатомъ. Мѣстомъ для построенія новаго каменнаго собора Великій Князь избралъ возвышающійся надъ всѣмъ городомъ несчанный крутогоръ, на которомъ стоитъ Успенскій соборный храмъ и въ настоящее время. Пѣтъ.

¹⁾ Ив. Вас. Миловидовъ, стр. 57.

²⁾ Прот. П. Островскій. Историч. записки о Костромѣ, стр. 16.

сомнѣнія, что прежній соборъ Θεодора Стратилата находился на мѣстѣ теперешней Богоотцовой церкви, такъ какъ, въ штецовыхъ книгахъ города Костромы 1628 года, мы находимъ замѣтку: «на Суль, у Мшанекія улицы, церковь стоитъ безъ иконъ Θεодора Стратилата, деревянная кѣлики». Кроме того, когда усердіемъ гражданъ вмѣсто этой деревянной церкви была устроена въ 1760 году каменная въ честь Θεодоровской иконы Богоматери съ придѣломъ въ честь Богоотцовъ, то сюда ежегодно, 16 августа, приносилась съ Запрудни икона Θεодоровской Божіей Матери и затѣмъ уже черезъ сутки переносилась въ Успенскій соборъ. Этотъ церковный обрядъ, безъ сомнѣнія, былъ учрежденъ въ память перенесенія княземъ Василемъ Костромскимъ съ Запрудни въ соборъ Θεодора Стратилата новоявленной иконы.

Протоіерей П. Островскій, одинъ изъ изслѣдователей костромскихъ святиль, на основаніи многихъ документовъ, говоритъ, что нынѣ существующій лѣтній Успенскій храмъ есть несомнѣнно тотъ самый, который устроенъ по повелѣнію Великаго Князя Василя Ярославича Костромскаго, но, нельзя не признаться, говоритъ протоіерей Островскій, что мы видимъ его уже не въ первобытномъ состояніи; храмъ намѣнился съ древнихъ еще временъ пристройкой почти цѣлой половины его. Доказательствомъ глубокой древности Успенскаго храма служатъ, безъ сомнѣнія, алтари этого храма, которые обращены на сѣверъ и, по словамъ протоіерея Островскаго, этому обстоятельству нельзя дать иного толкованія, какъ то, что Запрудня—мѣсто явленія чудотворнаго образа—лежитъ отъ собора на сѣверъ и что поэтому благочестіе Князя и строителей храма хотѣло сблизить мѣсто новаго селенія чудотворнаго образа съ мѣстомъ его явленія ¹⁾.

Устроивши въ Костромѣ новый каменный храмъ и украсить его какъ только возможно было по тому времени, Великій Князь Василій Ярославичъ началъ устранивать и дѣла церковныя. Для этого онъ въ 1274 году, воспользовавшись проездомъ изъ Кіева во Владиміръ игумена Кирилла для посвященія архимандрита

¹⁾ Прот. П. Островскій. Историческое описаніе Костромскаго Успенскаго Собора.

Печерской Лавры Серапіона въ епископы, собралъ Духовный Соборъ, подъ предѣдательствомъ митрополита Кирилла, для исправленія церковныхъ дѣлъ и безпорядковъ. На этотъ соборъ приглашены были во Владиміръ епископы: Далматъ Новгородскій, Игнатій Ростовскій, Феогностъ Переяславскій и Симеонъ Полоцкій. Соборъ ревностно занялся порученными ему дѣлами и издалъ исправленный уставъ, которому должны были слѣдовать всѣ церковнослужители. «Донынѣ, пишетъ митрополитъ Кириллъ, уставы церковные были омрачены облакомъ эллинской мудрости; нынѣ же предлагаются яено и невѣдѣніе да не будетъ извиненіемъ»¹⁾.

При Великомъ Князѣ Василѣ Ярославичѣ Костромскомъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые историки (Кампенгаузенъ, Мещеринъ и друг.), переселился въ Россію князь Прусскій, изъ потомковъ царя Латышскаго Видвуда, *Гланда Камбила Дивоновичъ*, который при Великомъ Князѣ Дмитріи Александровичѣ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ крестился, и при крещеніи имя Гланда замѣнено было Иваномъ, а сынъ его получилъ имя Андрея. Андрей Ивановичъ Камбила, или Кобыла, былъ родоначальникомъ Дома Романовыхъ²⁾.

Сохранилось преданіе, что Великимъ Княземъ Василюемъ Ярославичемъ построена въ Костромѣ еще деревянная церковь Воскресенія Христова на Дебрѣ. Мѣсто называемое Дебрею, какъ показывается и самое названіе, покрыто было лѣсами, которые, начинаясь здѣсь, продолжались далѣе на громадное пространство. Преданіе говоритъ, что около того мѣста, гдѣ теперь находится церковь Воскресенія, у князя Василя Ярославича находился загородный домъ, при которомъ содержались княжескіе охотники и псаря. Это обстоятельство послужило причиной заселенія этой мѣстности. Поэтому нѣтъ ничего неправдоподобнаго, что Великій Князь для жителей этого района и построилъ церковь³⁾.

Въ 1275 году Великій Князь Василій Ярославичъ поѣхалъ въ третій разъ въ Орду для обычнаго поклоненія татарскому хану. Годъ этотъ отмѣченъ въ лѣтописяхъ, какъ особенный по происхо-

¹⁾ Карамзинъ. Ист. Гос. Росс. Т. IV, гл. IV, стр. 77.

²⁾ Н. Н. Селифонтовъ. Сбор. матер. по исторіи Дома Романовыхъ.

³⁾ Костр. Епархіальн. Вѣд. 1892 г., № 8.

дивнымъ тогда небеснымъ явленіямъ: «Юня 12 огородися солнце яко кругъ, а посреди круговъ крестъ; дуги сини, зелены, желты, багряны и черны; а дуги тѣ хрещти бяхуть къ собѣ»¹⁾).

По прїѣздѣ изъ Орды, въ январѣ мѣсяцѣ 1277 года, Великій Князь Василій Ярославичъ Костромской, на 37 году отъ рожденія, умеръ въ Костромѣ бездѣтнымъ, пробывъ Великимъ Княземъ пять лѣтъ.

Князья и народъ горько оплакивали его. На погребеніе Великаго Князя съѣхались князья: Борисъ Васильевичъ Ростовскій, Глѣбъ Васильевичъ Вѣлозерскій, князь Михаилъ Ивановичъ (внукъ Всеволожъ), Димитрій Александровичъ Переяславскій (внукъ Ярославль), Феодоръ Ростиславичъ Ярославскій (внукъ Мстиславль), множество бояръ, епископъ Игнатій, друмены, священники и множество народа. Любовь къ Великому Князю Василію Ярославичу Костромекому ярко выразилась при его погребеніи, ибо, какъ говорить лѣтописецъ: *«яко не слышати тѣмъ во плачь мнзъ»*.

Великій Князь Василій Ярославичъ Костромекой погребенъ св. Игнатіемъ, епископомъ Ростовскимъ, или въ соборной церкви Успенія Вожіей Матери, въ придѣлѣ Феодора Стратилата, или въ прежнемъ соборѣ Феодора Стратилата—или въ Богоотцовской церкви.

¹⁾ Повѣсть Древняго Лѣтописца говоритъ, что это небесное явленіе было 3-го иллі.

IV.

Кострома въ княженіе Великаго Князя Дмитрія Александровича и его ближайшихъ преемниковъ. Роль Костромы въ спорѣ изъ-за великокняжескаго престола между Михаиломъ Тверскимъ и Юріемъ Московскимъ. Врѣмя кн. Константина Тверскаго съ княгиней Софією въ церкви св. Оводора Стратилата. Княженіе Юанна Калиты. Основаніе Ипатіевскаго монастыря. Церковный Соборъ 1330 года. Поступленіе на великокняжескую службу родоначальника Дома Романовыхъ Андрея Кобылы. Княженіе Дмитрія Константиновича. Мѣры противъ полескихъ разбойниковъ. Княженіе Дмитрія Донскаго. Наняденіе на Кострому новгородскихъ разбойниковъ. Участіе костромичей въ Куликовской битвѣ. Удаленіе Великаго Князя въ Кострому отъ нашествія татаръ. Княженіе *Василія Дмитріевича*. Нашествіе Эдигей и удаленіе Великаго Князя въ Кострому. Почему великіе князья удалились въ Кострому, спасаясь отъ праговъ? Пожаръ, голодъ и чума въ Костромѣ. Борьба изъ-за великокняжескаго престола послѣ смерти Дмитрія Донскаго. Роль Костромы въ этой борьбѣ.

III О смерти Великаго Князя Василія Костромскаго на великокняжескій Владиміревскій престолъ сѣлъ племянникъ его, сынъ Александра Невскаго, Дмитрій Александровичъ, который, подобно дядѣ своему, не поѣхалъ во Владиміръ, но остался жить въ Перелазявлѣ. Такимъ образомъ Кострома была присоединена къ великому княжеству Владимірекому. Изъ лѣтописей не видно, чтобы въ ней поселился на жительство какой-либо изъ удѣльныхъ князей.

Въ 1282 году младшій братъ Великаго Князя Дмитрія Александровича Андрей, по совѣту коварнаго боярина Семена Тонгліевича, съ помощію татарскихъ войскъ захватилъ великокняжескій престолъ, но вскорѣ долженъ былъ снова уступить его Дмитрію и помирился съ нимъ, получивъ въ удѣлъ Городецъ и Нижній Новгородъ.

Дмитрій Александровичъ, утвердившись на престолѣ и считая боярина Семена Тонгліевича, который поселился на жительство въ Костромѣ, виновникомъ вражды его съ братомъ, послалъ двухъ бояръ своихъ Антона и Теофана въ Кострому, чтобы тамъ умертвить «кромольника льстиваго», что и было ими исполнено въ 1283 году. Въ 1293 году Дмитрій Александровичъ отдалъ Кострому въ удѣлъ сыну своему Юанну Дмитріевичу, который, пробывши около года

въ Костромѣ, послѣ смерти своего отца, въ 1294 году переѣхалъ въ Переславль Залѣсскій, получивши его себѣ въ удѣлъ, а Кострома отдана была въ удѣлъ сыну Великаго Князя Андрея—Борису Андреевичу.

Въ 1304 году умеръ Великій Князь Андрей Александровичъ и съ этого года началась знаменитая въ исторіи борьба изъ-за великаго княженія Владимірскаго между князьями Михаиломъ Тверскимъ и Юріемъ Московскимъ. Кострома была на сторонѣ Михаила. Чтобы рѣшить споръ, оба князя отправились въ Орду, гдѣ ханъ присудилъ великокняжескій престолъ князю Михаилу Тверскому. Во время ихъ отсутствія во многихъ городахъ произошли беспорядки и народныя возмущенія. Такъ, въ Костромѣ народъ схватилъ князя Бориса Даниловича, присланнаго въ Кострому для княженія Юріемъ Даниловичемъ, и отправилъ его въ Тверь, а собравшееся вѣче присудило многихъ бояръ къ смертной казни.

Въ 1307 году во всей Руси былъ великій голодъ, «а жито все мыши поѣли»¹⁾.

Михаилъ Ярославичъ Тверской, получивши отъ хана ярлыкъ на великое княженіе, остался жить въ Твери. Но не надолго ему пришлось успокоить свое княжество, разоренное усобицами. Юрій Московскій настойчиво шелъ къ своей цѣли, часто ѣздилъ въ Орду на поклоненіе хану, щедро дарилъ окружающихъ хана и даже женился на сестрѣ хана Узбека—Кончакѣ. При такихъ обстоятельствахъ ему не трудно было получить старшинство между русскими князьями, и потому, возвратившись изъ Орды съ ханскимъ посломъ Кавгадземъ, поддержанный татарскими войсками, Юрій подступилъ къ г. Костромѣ, преданной князю Михаилу Тверскому, оставившись противъ города на правомъ берегу Волги, въ Городищѣ. Князь Михаилъ, соединившись съ князьями Суздальскими, занялъ Кострому. Долго стояли войска противниковъ другъ противъ друга на противоположныхъ берегахъ Волги, пока князья примирились; при чемъ князь Михаилъ уступилъ Юрію великое княженіе, а самъ удалился въ Тверь.

Но это примиреніе со стороны Юрія было только наружнымъ, ибо онъ тотчасъ же, соединившись у Костромы съ князьями Суз-

¹⁾ А. Титовъ. Лѣтоп. Ватополченскаго мон., стр. 13.

дальскими, опустошили Ростовъ, Переяславль и подошли къ Твери. Михаилъ Тверской разбилъ его, взявши въ плѣнъ ханскаго вождя Кавгадья и жену князя Юрія Кончаку, которая некорѣ умерла въ Твери. Смерть Кончаки, будто бы отравленной, дала поводъ Юрію позвѣсти на Михаила тяжкія обвиненія.

Ханъ въ 1318 году прислалъ войско, которое прежде всего напало на Кострому, убивши здѣсь 120 человекъ, затѣмъ на Ростовъ, гдѣ были разграблены церкви и монастыри и много людей взято въ плѣнъ. Тогда Михаилъ предложилъ Юрію ѣхать съ нимъ въ Орду и вторично представить свой споръ на рѣшеніе хана. Князья отправились въ Орду, гдѣ въ 1319 году князь Тверской Михаилъ окончилъ жизнь свою мученическою смертію. Великокняжескій престолъ получилъ, конечно, князь Юрій Московскій и Кострома подчинилась Великому Князю Московскому.

Въ 1320 году въ Костромѣ вѣнчался въ церкви св. Θεодора Стратилата князь Константинъ Михайловичъ Тверской съ дочерью Великаго Князя Юрія Софією, но почему этотъ бракъ происходилъ именно въ городѣ Костромѣ, лѣтописи не даютъ никакихъ указаній.

Борьба московскихъ князей съ тверскими еще не окончилась со смертію Михаила Тверскаго и продолжалась до вступленія на великокняжескій престолъ Іоанна Даниловича Калиты, въ 1328 году, когда возстановилось спокойствіе во Владиміро-Суздальской землѣ. Христіане на сорокъ лѣтъ опочили отъ неумы и насплѣй долговременныхъ.

Іоаннъ Калита, получивши великокняжескій столъ, подобно своимъ предшественникамъ—Василію въ г. Костромѣ, Дмитрію въ Переяславлѣ и Михаилу въ Твери, остался жить въ своемъ удѣльномъ городѣ Москвѣ, гдѣ находилась и кафедра св. митрополита Петра. Стольный городъ Владиміръ потерялъ свое значеніе и столицей Северо-восточной Россіи съ тѣхъ поръ окончательно сдѣлалась Москва.

Іоаннъ Даниловичъ Калита, подобно своимъ предшественникамъ, также принялся увеличивать свою наследственную власть, но дѣлалъ это не только силою оружія, а и мирнымъ путемъ,—путемъ покупки; такъ, онъ купилъ село Селнице подъ Костромой, города—Галичъ Мерянской, Угличъ и Бѣлозерекъ.

Въ его княженіе, именно въ 1330 году, татарскимъ мурзою Четомъ, родоначальникомъ Годуновыхъ, основанъ былъ близъ Костромы Ипатіевскій монастырь. Мурза Четъ, еще въ началѣ XIV вѣка принялъ христіанскую вѣру и крещенъ былъ со всеѣмъ своимъ семействомъ св. митрополитомъ Петромъ, бывшимъ нѣкоторое время въ Ордѣ, принявъ имя Захаріи. Желая удалиться отъ соотечественниковъ, погрязшихъ во мракѣ невѣрія, мурза Четъ выѣхалъ изъ Орды со всеѣмъ своимъ семействомъ и нѣсколькими мурзами, ему сопутствующими, въ Россію. Достигнувъ рѣкою Волгою до г. Костромы, онъ остановился для отдыха на томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время находится Ипатіевскій монастырь. Во время отдыха отъ утомительнаго пути, Захарія тяжело заболѣлъ и, готовясь уже къ смерти, удостоился чудеснаго явленія Царицы Небесной съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и съ предстоящими, апостоломъ Филиппомъ и священномученикомъ Ипатіемъ Гангрскимъ. Оправившись отъ болѣзни, по прибытіи въ Москву, Захарія просилъ разрѣшеніе у Великаго Князя и митрополита св. Θεогноста устроить обитель на мѣстѣ явленія ему Царицы Небесной. Возвратясь изъ Москвы, Захарія построилъ два каменныхъ храма—одинъ во имя Св. Троицы съ придѣломъ въ честь св. апостола Филиппа и священномученика Ипатія, а другой во имя Рождества Богородицы, съ трансеею и съ придѣломъ Іоанна Златоустаго, и между этими храмами колокольницу, а также кельи для иноковъ. Все эти зданія онъ обнесъ дубовою оградой ¹⁾.

Изъ одной грамоты митрополита Алексѣя видно, что въ 1330 году въ Костромѣ состоялся при митрополитѣ Θεогностѣ церковный Соборъ, на которомъ было поставленіе епископа для Суздальской епархіи и рѣшеніе спора о предѣлахъ епархіи Рязанской и Сарайской. Но почему именно въ Костромѣ былъ Соборъ, осталось неизвѣстнымъ ²⁾.

При Великомъ Князѣ Іоаниѣ Даниловичѣ Калитѣ Андрей Кобыла, родоначальникъ дома Романовыхъ, поступилъ на великокняжескую службу и въ княженіе сына Калиты Симеона Гордаго

¹⁾ Мѣстцесловъ, на 1818 годъ, стр. 151, 152. В. А. Самаринъ. Палаты бояръ Романовыхъ, стр. 2—3.

²⁾ С. П. Василевскій. Докладъ на IV Археологич. Съѣз. въ г. Костромѣ.

Троицкiй соборъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

былъ возведенъ въ санъ боярина, а въ 1347 году былъ посланъ Великимъ Княземъ изъ Москвы въ Тверь къ Тверскому князю Александру для сватовства его дочери Маріи за Великаго Князя ¹⁾.

Въ полномъ собраніи русскихъ лѣтописей ²⁾ сказано: «Въ лѣто 6855 (1347) женился князь великій Семенъ Ивановичъ въ третіе, пои за ся князю Марію Александровну, Тверского князя; а ѣзди по нее Андрей Кобыла, да Алексѣй Восоволковъ (Восоволкъ—предокъ Хвостовыхъ)».

Сынъ Калиты Симеонъ Гордый продолжалъ политику своего отца, увеличивая свои владѣнія такимъ же путемъ, какъ и отецъ его. Въ Костромской области имъ куплено было село Александровское, въ 12 вер. отъ города Судиславля по Кнпешемекому тракту.

Послѣ трехлѣтняго княженія брата Симеона Гордаго Юанна II Юанновича на великокняжескомъ престолѣ былъ утвержденъ ханомъ князь Дмитрій Константиновичъ, который хотѣлъ возвысить древній городъ Владиміръ и сдѣлать его столицей. Но Московскій митрополитъ св. Алексѣй не поѣхалъ во Владиміръ и тѣмъ окончательно утвердилъ въ Москвѣ духовный центръ Сѣверо-восточной Россіи.

Во время княженія Дмитрія Константиновича повозжекіе и новгородскіе разбойники производили различныя непетовства по всей Руси и даже грабили татарскіе города. Такъ, костромскіе разбойники ограбили болгарскій городъ Жукотинъ, подвластный татарамъ, а новгородская ватага захватила кунеческія суда хиницевъ и арминъ и разграбила монгольскую Болгарію, расположенную по рѣкѣ Камѣ. Все это понудило татарскихъ хановъ прислать къ Великому Князю посланъ съ приказаніемъ истребить этихъ разбойниковъ. Для этой цѣли Великій Князь Дмитрій прибылъ въ г. Кострому, пригласивъ сюда князей Андрея Нижегородскаго и Константина Ростовскаго. Здѣсь совместно выработанъ былъ планъ дѣйствій, нѣкоторые разбойники были пойманы и выданы ханамъ.

Въ 1361 году окончился въ Костромѣ епископъ Аонасіи, по неизвѣстноту, почему этотъ святитель былъ въ Костромѣ ³⁾.

¹⁾ Н. Н. Селифонтовъ. Сборникъ матер. по исторіи предковъ цари М. О. Романова.

²⁾ Т. VII, стр. 120.

³⁾ Кн. Козловскій. Взглядъ на исторію Костромы, стр. 34.

Въ 1363 году на великокняжескій престолъ вступилъ Дмитрій Донской. Въ его княженіе, въ 1375 году, новгородскіе разбойники, подъ предводительствомъ Прокопія и Емельяна, на 70 ладьяхъ спустились по Волгѣ и осадили городъ Кострому. Намѣстникъ города Александръ Плещей бѣжалъ, и городъ былъ взятъ разбойниками, которые цѣлую недѣлю грабили его. Захвативъ съ собою множество богатствъ, товаровъ и людей, они поѣхали внизъ по Волгѣ къ Нижнему-Новгороду, а что изъ награбленнаго не могли взять съ собою, то все потопили въ Волгѣ и сожгли.

Въ 1380 году произошла знаменитая Куликовская битва, въ которой, по сказанію лѣтописцевъ, на пространствѣ 10 верстъ лилась христіанская и татарская кровь. Въ этой знаменитой битвѣ участвовали и костромскія войска подъ начальствомъ воеводы Ивана Родіоновича Квашни. Множество костромичей, и среди нихъ 23 знатныхъ костромскихъ боярина, легли на полѣ битвы за освобожденіе отечества ¹⁾.

Вскорѣ послѣ этой битвы новый ханъ золотой Орды Тохтамынь потребовалъ къ себѣ на поклонъ русскихъ князей, но они не поѣхали, вѣдѣтвіе чего Тохтамынь съ огромными полчищами ворвался въ Россію и быстро направился къ Москвѣ. Великій Князь Дмитрій со всею своєю семьей выѣхалъ изъ Москвы въ Кострому, гдѣ и жилъ до того времени, пока ханъ, разрушивши Москву, не удалился въ Орду. Во время пребыванія Великаго Князя въ Костромѣ, здѣсь находился, проѣздомъ изъ Переяславля, митрополитъ Пименъ и посвятилъ въ Костромѣ епископа Михаила, назначеннаго въ Смоленскъ ²⁾.

По смерти Дмитрія Донского, въ 1389 году, на великокняжескій престолъ вступилъ старшій сынъ его Василій Дмитріевичъ. Въ его княженіе татарскія полчища подъ предводительствомъ Эдигея снова вторглись въ предѣлы Россіи, и снова, по словамъ лѣтописца, вся Россія, отъ рѣки Дона до Вѣлоозера и Галича, была потрясена сею грозой; всадъ были туга и скорбь; со многихъ св. иконъ текло миро, или капала кровь ³⁾. Василій Дмитріевичъ, по примѣру

¹⁾ Кн. Козловскій, стр. 43; Симонскій, лист. 209 и 331. Карамзинъ.

²⁾ Кн. Козловскій, стр. 44—45. Древн. Русск. Лѣтоп., ч. II, стр. 89.

³⁾ Карамзинъ. Истор. Россійск. Т. V, гл. 2, стр. 115 и 116.

своего отца, также уехал со всем своим семейством в Кострому, оставив Москву на попечение князей, бояръ и духовенства.

Эдигей, узнавъ, что Великий Князь удалился в Кострому, послал в погоню за князем 30,000 войска, которое разорило города Переяславль, Ростовъ, Серпуховъ, Дмитровъ, Нижний и Городецъ, но, не дойдя до Кострома, возвратилось в Орду.

Почему великие князья, в виду представлявшейся им опасности, удалились именно в Кострому, когда на их пути из Москвы было много городов и болѣе укрѣпленных и, повидимому, болѣе безопасных, существуетъ нѣсколько предположеній. Князь Козловскій ¹⁾, а за нимъ и Кржишоблоцкій, ²⁾ думаютъ, что порукой безопасности князей было усердіе и вѣрность костромскихъ гражданъ. Протоіерей Островскій ³⁾ думаетъ, что князья, не надѣясь оружіемъ превозмочь страшнаго непріятеля, вѣрили себя и свою семью покрову Феодоровской Богоматери, вступницы и покровительницы города Кострома. Н. В. Милонидовъ ⁴⁾, на основаніи нѣкоторыхъ указаній Воскресенской летописи, предполагаетъ, что Кострома и другіе города, гдѣ укрывались отъ татаръ Великіе Князья, были мѣстомъ болѣе безопаснымъ, чѣмъ, напр., Новгородъ и Псковъ, находившіеся близъ литовской и вѣнецкой границъ. Скорѣе же всего можно предполагать, что Кострома, хотя и не была укрѣпленнымъ городомъ, но по мѣстоположенію своему, расположенная на лѣвыхъ берегахъ болшихъ рѣкъ Волги и Кострома, кромѣ того окруженная громадными и непроходимыми лѣсами, представляла наиболѣе надежную и естественную защиту отъ всякихъ нападений.

Въ княженіе Василия Дмитриевича, именно въ 1413 г., пожаръ, во время котораго сгорѣло до 30 церквей, истребилъ всю Кострому. Въ 1416 году пожаръ снова уничтожилъ городъ и, по возобновленіи его, по повелѣнію Великаго Князя, городъ былъ обнесенъ деревянною стѣною.

Въ 1419 году, на Пикитинъ день — 15 сентября, «снѣгъ паде 3 дня и 3 ночи; паде его на 4 пяди», когда еще хлѣбъ не былъ

¹⁾ Кн. Козловскій. Взглядъ на исторію Кострома, стр. 140, примѣч. 25.

²⁾ Кржишоблоцкій. Матеріалы для статистики Костромской губерніи, стр. 6.

³⁾ Прот. Островскій. Очеркъ исторіи Кострома, стр. 22—24.

⁴⁾ Н. В. Милонидовъ. Очеркъ исторіи Кострома, стр. 92.

собрать съ полей, вследствие чего образовался голодъ и продолжался около 3-хъ лѣтъ почти по всей Россіи: «люди мертвые скоты ядона и кони, и нем, и кошки, и кроты, и люди людей». Въ Москвѣ оковы ржи дошелъ до 1½ рублей, въ *Костромѣ* до 2-хъ рублей, въ Нижнемъ Новгородѣ до 6 рублей, такъ что, какъ говоритъ московская лѣтопись, — «яко на единомъ ковригѣ дати полтина».

Въ 1420 году появилась чума: «люди ходя падали на улицахъ и въ одну минуту испуекали духъ; здоровые шли погребать усопшихъ и, внезапно лишаясь жизни, въ той же могилѣ сами были погребаемы. Ни посты, ни чпчъ ангельскій не спасали; алчная смерть въ городахъ и селахъ, наполняя скудельницы трупами, некала добычи и въ свѣтлыхъ обителяхъ душевнаго міра». Въ ростовскихъ лѣтописяхъ подъ этимъ 1420 годомъ написано: «бысть моръ силенъ въ Костромѣ, Ярославлѣ, Галичѣ, Плесеѣ и Ростовѣ; и отъ Успенья тако вымоша, яко и жита бѣ жати некому».

Въ 1425 г. скончался Великій Князь Василій Димитріевичъ и, по устанавливавшемуся тогда новому порядку престолонаслѣдія, назначилъ себя преемникомъ старшаго сына своего Василя Васильевича (Темнаго), дядя котораго Юрій Димитріевичъ, слѣдуя старому порядку престолонаслѣдія, не призналъ старшинства племянника — и сталъ домогаться великаго княженія; отсюда началась продолжительная и кровопролитная, но уже послѣдняя усобица изъ-за Московскаго престола.

Борьба эта представляетъ интереснѣйшую страницу русской исторіи и костромскаго края. Она богата событіями и выдающимися типами участниковъ этой борьбы, которая происходила между Великимъ Княземъ, съ одной стороны, и Юріемъ Димитріевичемъ и его сыновьями Василемъ Косымъ и Димитріемъ Шемикой — съ другой. Здѣсь Кострома играла, такъ сказать, пассивную роль, такъ какъ главная борьба происходила между Москвой и Галичемъ (Костромской губ.). Безъ сомнѣнія, Кострома въ то время сильно страдала, такъ какъ находилась въ центрѣ борьбы, и лѣтописцы повѣствуютъ, что ее занимали то воиска Великаго Князя, то воиска его противниковъ. Кроме того, тогда же, именно въ 1429 году, казанскіе татары, подъ предводительствомъ царевича Махмуть-Хази, разграбили въ числѣ другихъ городовъ и Кострому.

Тотчасъ по вступленіи на великокняжескій престолъ Василія II Темнаго, родной дядя его Юрій Димитріевичъ въ своемъ удѣльномъ городѣ Галичѣ началъ приготовляться къ борябѣ съ племянникомъ, который, услыхавъ объ этихъ приготовленияхъ, прислалъ въ Галичъ Митрополита Фотія для заключенія мира, и въ 1428 году миръ былъ заключенъ. Но уже въ 1431 году Юрій снова начинаетъ некать великаго княженія. Въ 1433 году на рѣкѣ Клязьмѣ произошелъ бой между ратями Великаго Князя и Юрія Димитріевича. Великій Князь былъ разбитъ и удалился съ семьей сначала въ Тверь, затѣмъ въ Кострому, а Юрій Димитріевичъ занялъ великокняжескій столъ, давши въ удѣлъ племяннику Коломну. Но въ томъ же 1433 году, когда отъ Юрія ушли его старшіе сыновья Василій Косой и Димитрій Шемяка, и многіе бояре, оиъ, оставшійся съ младшимъ сыномъ своимъ Димитріемъ Краснымъ безъ служивыхъ людей, отказался отъ великаго княженія въ пользу племянника и ушелъ въ Звенигородъ, а затѣмъ въ Галичъ. Борьбу за великокняжескій престолъ стали продолжать старшіе его сыновья — Василій Косой и Димитрій Шемяка. Великій Князь Василій послалъ рать противъ нихъ къ Костромѣ.

Московскимъ войскомъ предводительствовали Юрій Патрикеевичъ, правнукъ знаменитаго Едимина, государя Литовскаго. Полки Юрьевичей, кромѣ Костромичей, державшихъ ихъ сторону, составляли галичскіе и вятскіе ратники, тайно присланные Юріемъ Димитріевичемъ, не смотря на то, что при замиреніи съ племянникомъ, Юрій обоимъ своимъ сыновей призналъ врагами общаго покоя. То и другое войско въ 1434 г. сошлось на рѣкѣ Куси (Галичскаго уѣзда). Здѣсь московскіе полки были разбиты на голову, самъ предводитель ихъ Патрикеевичъ взятъ былъ въ плѣнъ и привезенъ въ Кострому, «*обремененный циньями*» ¹⁾. Въ томъ же 1434 году, Великій Князь снова посылаетъ рать, которая, опустошивши Галичъ и Галичскую волость, возвратилась въ Москву. Послѣ этого, въ 1435 г., Юрій, совместно съ сыновьями, собравши ратныхъ людей, направился къ Москвѣ. Войска Великаго Князя встрѣтились въ Ростовской

¹⁾ Архангелогор. лѣтоп., стр. 119; А. Титовъ. Старинн. пол. и стаи въ Костромской сторонѣ, стр. 30.

области съ войсками Юрія и его сыновей и у Николы Нагорнаго, близъ Ростова, произошла кровопролитная битва, въ которой тѣсно былъ раненъ князь Димитрій Красный. Онъ былъ пораженъ обухомъ сѣкиры въ самую грудь—«тяжелое багровое пятно было на груди его».

Войска Юрія взяли Москву, захватили въ плѣнъ семью Великаго Князя Василія, а самъ Великій Князь бѣжалъ къ Новгороду, затѣмъ удалился въ Кострому, потомъ въ Нижній Новгородъ. Юрію Димитріевичу недолго пришлось княжить въ Москвѣ. Онъ въ 1435 году умеръ и на великокняжескій престолъ снова вступилъ Василій Темный. Но борьба еще не кончилась и ее сталъ продолжать Василій Косой, который собралъ въ Галичѣ и Костромѣ большую рать и двинулся къ Москвѣ. Великій Князь выступилъ съ войсками изъ Москвы и на берегахъ рѣки Которости, Ярославской волости, у Космы и Даміана, разбилъ рать Василія Косого, который ушелъ въ Кашинь, а затѣмъ въ Вологду, гдѣ, уничтоживъ великокняжескую заставу, направился въ Кострому. Великій Князь также двинулся къ Костромѣ и расположился на мысѣ у Платіевского монастыря, а Василій Косой, съ прибывшими къ нему на помощь Вятчанами, расположился въ самой Костромѣ. Рѣка Кострома раздѣляла обѣ рати и соперники заключили миръ, не вступая въ бой.

Князю Димитрію Юрьевичу Красному Великій Князь Василій далъ въ удѣлъ Бѣжецкъ, въ которомъ онъ и поселился, но, услыжавъ, что братъ его Василій Косой снова собираетъ воинскую рать для похода на Москву, отослалъ свою дружину на помощь Великому Князю Московскому, а самъ уѣхалъ изъ Бѣжецка по направленію къ Устюгу, чтобъ выступить въ роли миротворца между Великимъ Княземъ и Василіемъ Косымъ. На пути онъ остановился въ полуразрушенномъ Галичѣ и заболѣлъ тамъ. Услыжавъ же объ осѣдленіи своего брата Василія Косого, онъ окончательно слегъ въ постель и 22 сентября 1441 года скончался.

Князь Димитрій Юрьевичъ умеръ 25 лѣтъ отъ роду. Онъ былъ кроткаго незлобиваго характера, набожный, весьма красивой наружности, съ русыми кудрявыми волосами, голубыми глазами, съ красивымъ лицомъ, отчего и получилъ названіе «Краснаго», т. е. красиваго.

Лѣтописи оставили намъ весьма интересное описаніе признаковъ его болѣзни и кончины¹⁾).

Князь Дмитрій, прѣбывая въ Галичѣ, вдругъ лишился слуха, и «*болычка въ немъ доижеся*», пишетъ лѣтописецъ. Затѣмъ онъ лишился вкуса и сна. Когда пришелъ его духовникъ, прокъ Осія,

¹⁾ Около 500 лѣтъ прошло со времени вышеозначеннаго событія, но интересъ къ болѣзни и смерти Галическаго князя Дмитрія Краснаго не исчезъ до сихъ поръ и требуетъ научнаго разрѣшенія и освѣщенія, тѣмъ болѣе что многіе склонны видѣть въ описаніи болѣзни и смерти князя нѣкую фантазію лѣтописца.

Конечно, наши предки 500 лѣтъ тому назадъ смотрѣли на дѣло просто и объясняли этотъ, единственный въ своемъ родѣ, фактъ чудомъ, святою князя Дмитрія и особеннымъ благоволеніемъ Божиимъ. «Кому сіи, Господи, уготовать, аще сеи не видеть въ царствіе Твое», говорили наши предки. «Неслыханное чудо совершилось, и умъ человѣскій не постигаетъ въ немъ!»

Наши предки бродили еще во тьмѣ, они не постигали еще, что для ума человеческого нѣтъ никакихъ преградъ.

Попытаемся же освѣтить вышеописанный фактъ на основаніи современныхъ научныхъ данныхъ. Это необходимо въ виду того, что многіе думаютъ, что болѣзь князя—фантазія лѣтописца.

Какою же болѣзью страдалъ князь Дмитрій Красный, и естественно ли, приеуди ли его болѣзни нѣтъ симптомовъ, которые такъ поразили окружающихъ князя и вырвали изъ устъ ихъ признаніе, что умъ человѣскій не можетъ постигнуть этого?

Что у князя Дмитрія не было никакой соматической, тѣлесной болѣзни, за это говоритъ его молодой, цвѣтущій, двадцатипятилѣтній возрастъ. Лѣтописецъ не одинъ разъ указываетъ, что князь былъ красивъ и румянь, какъ красная дѣвица, чего, конечно, не было бы, если бы у него была какая-либо, болѣе или менѣе серьезная, болѣзь внутреннихъ органовъ. Князь Дмитрій участвовалъ во всѣхъ многочисленныхъ походахъ и сраженіяхъ изъ за обладанія московскимъ великокняжескимъ престоломъ, въ сраженіяхъ, почти непрерывныхъ за послѣдніе годы его жизни, что, конечно, не было бы въ состояніи сдѣлать, если бы страдалъ какою-либо серьезною тѣлесною болѣзью. Наконецъ, передъ своимъ заболѣваніемъ въ Галичѣ, князь, живя въ Бѣжецкѣ, настолько, видимо, чувствовалъ себя хорошо, что не задумался совершить дальній путь въ Великій Устюгъ, чтобы явиться посредникомъ въ примиреніи своего брата Василія Косого съ Великимъ Княземъ, и только при переѣздѣ черезъ Галичъ онъ вдругъ заболѣлъ тою болѣзью, признаки которой нами выше были описаны.

Внезапность заболѣванія, внезапность и періодичность пораженія

со Святыми Дарами, то у князя Дмитрія изъ обѣихъ поздрей полилась кровь, такъ что нельзя было его приобщить. Когда кровотеченіе стало немного униматься, духовникъ заткнулъ его поздри бумажкой и приобщилъ его. Принявъ немного пищи и вина, князь заснулъ. Къ вечеру приближалъ къ Осѣи діаконъ Дементій и сказалъ:

важныхъ органовъ, каковы органы зрѣнія и слуха, безъ достаточныхъ предшествующихъ основаній, а также внезапность возвращенія къ нормѣ заболѣвшихъ органовъ, и все дальнѣйшіе симптомы болѣзни, безъ сомнѣній, говорятъ, за болѣзнь нервно-психическаго заболѣванія. Но, какъ въ настоящее время извѣстно, чтобы заболѣть какой-либо тяжелой нервно-психической болѣзью, нужно имѣть соответствующую наследственность, нужно съ дѣтства имѣть задатки, которые, подъ вліяніемъ дальнѣйшаго усиленія первичной возбудимости, дали бы полную картину извѣстнаго нервно-психическаго заболѣванія.

Къ сожалѣнію, ничего не извѣстно о матери князя Дмитрія, объ ея характерѣ и образѣ жизни, но все-таки нѣчто можно извлечь изъ лѣтописныхъ данныхъ о характерахъ интересующей насъ семьи князя Юрія Дмитріевича.

Судя по лѣтописямъ, отецъ Дмитрія Краснаго, Юрій былъ благочестивъ, кротокъ, милостивъ, открытой души, высокой доброты, но слабохарактеренъ, нерѣшителенъ, имъ легко управляли бояре, имъ легко было впасть каждому клеветнику, каждому смутьянину. Высокій интересъ представляютъ характеры его дѣтей. Лѣтописцы и изслѣдователи говорятъ, что старшій сынъ Юрія Дмитріевича Василій Юріевичъ Косой былъ гордъ, дерзокъ, гнѣвливъ, необузданъ, злонамятанъ, честолюбивъ. Ему несвойственны были благородные порывы души. Въ Василіи Косомъ, говоритъ Н. А. Полевой, была дикая страсть и какое-то изліяство душевной силы, у него была душа Метислава Храбраго и ярость Романа Галическаго. Въ моментъ сильнаго раздраженія, злобы и гнѣва онъ не задумывался совершить убійство, и совершалъ его неоднажды. Такъ боярина Семена Морозова и зарубилъ, обрубивъ руку, какого-то князя Романа, жившаго въ Новгородѣ и чѣмъ-то ему не угодившаго. Полную противоположность Василію Косому, по характеру, представляетъ братъ его Дмитрій Юріевичъ Красный, человекъ весьма кроткій, богобоязливый, мягкій, весьма религіозный, не терпящій ссоръ и являющійся всегда миротворцемъ между ссорящимися. «Къ душѣ Дмитрія Краснаго, говоритъ Полевой, не приставала, какъ къ золоту, никакая ржавчина, его душа согрѣвалась только любовью и неслась въ горныя предѣлы міра». Лѣтописи указываютъ, что во время крупной и бурной ссоры его братьевъ съ москвитимъ посольствомъ, пріѣхавшимъ въ Галичъ съ предложеніемъ мира, Дмитрій Красный сидѣлъ и плакалъ. Послѣ убій-

«Князь отходитъ!» Собравшіеся бояре застали князя при послѣднемъ издыханіи и только успѣли прочесть отходную. Скопавшіеся князь одѣтъ былъ въ саванъ, положенъ на столъ, окруженный свѣчами, и закрытъ покрываломъ. При умершемъ осталось нѣсколько бояръ и діаконовъ. Къ полночи всѣ заснули, исключая діакона.

ства Василіемъ Косымъ боярина Морозова, Красный долгое время не могъ вымолвить ни слова и только съ ужасомъ глядѣлъ на трупъ боярина, сжимая руки въ судорожномъ движеніи, а затѣмъ отправился къ отцу и молилъ его не предавать проклятію за убійство его старшаго брата. Во время смерти своего отца Красный рыдалъ, молился, и, наконецъ, лишился чувствъ.

Средній сынъ Юрія Димитрій Шемяка по характеру своему представлялъ пѣчоту среднее между братьями своимъ Василіемъ Косымъ и Димитріемъ Краснымъ. У Димитрія Шемяки была пылкая душа, но душа добрая, отзывчивая, благородная. Шемяка былъ храбръ, но благороденъ. Онъ много не раздумывалъ; онъ говорилъ: «скажите, куда мнѣ надо понести войну и я понесу ее». Только благородствомъ его характера и можно объяснить, что по смерти отца своего, Великаго Князя Юрія, онъ первый высказался, что великокняжескій престолъ долженъ принадлежать Василію II, а не Василію Косому, его родному брату. Разницу въ характерахъ между братьями Н. А. Полевой весьма остроумно опредѣляетъ такъ: «на предложеніе, напр., повѣсить человека Василію Косой умахнулезь-бы, Димитрій Шемяка содрогнулезь-бы», а Димитрія Красный, прибавимъ мы, пренеюзилезь бы ужаса, зарыдалъ и лишился чувствъ.

Изъ описанія характеровъ, изъ крайней ихъ противоположности, доходящей, съ одной стороны, до ничьяго не обузданной ярости, а съ другой, до ангельской кротости и мягкости, уже ясно видна вся перво-психическая неуравновѣшенность семьи, видна, съ одной стороны, повышенная психическая возбудимость, а съ другой стороны, пониженная возбудимость въ центростремительной сферѣ первой системы. А это именно тѣ явленія, которыя мы въ настоящее время называемъ *истерическими пропалекціями*, которыя, имѣя задатки въ дѣтствѣ, кромѣ въ наследственной прирожденной перво-психической организаціи, развиваются въ дальнѣйшемъ, конечно, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ тяжелое первое разстройство.

Итакъ, со стороны наследственности, не смотря на скудость данныхъ, мы должны признать, что князь Димитрій Красный уже съ момента рожденія имѣлъ такъ называемую перво-психическую организацію истерическаго характера.

Петерія принадлежить къ интереснѣйшимъ болѣзнямъ и парисовать ей полную клиническую картину нѣтъ никакой возможности, пелѣдствіе множества самыхъ разнообразныхъ проявленій этой болѣзни. Д-ръ С. А.

Въ полночь умершій князь вдругъ обѣими руками скинулъ покровъ съ своей головы и, не открывая глазъ, громкимъ голосомъ воскликнулъ: «Петръ же позна, яко Господь есть!» Діаконъ оцѣпелъ отъ ужаса, а князь продолжалъ говорить одно и то же съ закрытыми глазами. Діаконъ, собравшись съ духомъ, началъ вѣхъ

Слухановъ въ послѣднемъ своемъ трактатѣ объ истеріи говоритъ, что отсутствіе полной гармоніи между сознательными процессами и низшими бессознательными аппаратами создаетъ пеструю, подчасъ противорѣчивую картину, гдѣ нѣтъ необходимаго единства между отдѣльными составными частями нашего «я». Вслѣдствіе этого нѣкоторые психическіе механизмы проявляютъ самостоятельную дѣятельность въ большей степени, чѣмъ это имѣетъ мѣсто у такъ называемыхъ нормальныхъ и уравновѣшенныхъ лицъ. Въ общемъ картина истеріи такова: отсутствіе воли, чувствительное раздраженіе великими впечатлѣніями, частыя перемены въ душевномъ настроеніи. У человѣка, имѣющаго задатки, истерія развивается преимущественно отъ 15 до 25 лѣтъ. Историческій человѣкъ отличается большей впечатлительностью. Повышенная психическая возбудимость ведетъ къ разстройству сна, къ бессонницѣ, или къ постоянной дремотѣ, въ которой больные грезятъ, говорятъ, поютъ, вѣтаютъ, не сохранивъ затѣмъ никакого воспоминанія. Пониженная возбудимость въ центральной сферѣ нервной системы производитъ временную глухоту, полную или неполную слѣпоту, потерю вкуса и обонянія; больные то не переносятъ слабаго укола булавкой, или даже слабаго давленія, то становятся нечувствительными, когда ихъ жгутъ. Стоитъ вспомнить, какъ въ религіозномъ экстазѣ люди клали руку въ огонь, стойко переносили обугливаніе руки и только славили Создателя, и безошибочно можно сказать, что если глубокая вѣра можетъ двигать горами, то это больше всего подтверждается на истерическихъ субъектахъ. Въ двигательной сферѣ появляются параличи конечностей, параличи кишекъ, голосовыхъ связокъ и т. под. При истеріи часто появляются обмороки и носовыя кровотеченія. Религіозныя чувства у истерическихъ субъектовъ въ большинствѣ случаевъ сильно развиты, и подъъемъ этихъ чувствъ бываетъ такъ великъ, что подъ влияніемъ его мнѣшенія и самочувствіе, и настроеніе.

Общее сдержанное состояніе князя Димитрія Краснаго, его любовь къ уединенію, страсть къ созерцательности, поразительное смиреніе, несоотвѣтствующее его высокому положенію—и все это въ молодыхъ, цвѣтущихъ годахъ—накопецъ, частыя обмороки, плачъ по всякому поводу, даже во время обыкновенной молитвы—безъ сомнѣнія, указываютъ на неуравновѣшенность его нервной и психической системы, на истерическій его характеръ.

Лѣтописцы еще упоминаютъ объ одномъ признакѣ, именно они говорятъ, что «*болычка въ немъ дажеся*». Но что же это за двигающаяся болычка?

будить, а князь продолжалъ говорить все то же. Потомъ онъ началъ пѣть разныя церковныя пѣснопѣнія и передъ утренней зарей сталъ стихать. После утрени духовникъ его, инокъ Осія, принесъ запасныя Дары, но князь не открывалъ глазъ. Тогда Осія коснулся лжицею его усть, и князь открылъ глаза. Увидавъ св. Дары, онъ

По нашему мнѣнію — это очень мѣткое описаніе одного изъ характерныхъ признаковъ истеріи, именно такъ называемаго «globus hystericus», который выражается тѣмъ, что у больныхъ истеріей появляется ощущение какъ-будто шара, поднимающагося изъ области желудка къ горлу, причѣмъ это явленіе сопровождается сильными болями.

Итакъ, все, хотя и скудные данныя, говорятъ, что князь Димитрій Юрьевичъ Красный страдалъ истеріей, которая подъ вліяніемъ бурныхъ событій, совершившихся передъ его глазами, перешла въ тяжелую форму и была причиной тѣхъ явленій его болѣзни, которая такъ поразила окружающихъ князя.

Но предсмертныя явленія болѣзни князя Димитрія Краснаго поразили бы своей необычайностью и теперь всѣхъ тѣхъ, кто незнакомъ съ данными объ истеріи, добытыми наукой на послѣднее время.

Постараемся въ самой краткой формѣ изложить современныя данныя объ истеріи, ибо только при знакомствѣ съ ними будетъ ясно объяснена картина болѣзни князя Димитрія.

По современному ученію, многіе истерическіе субъекты подвержены гипнозу, который проявляется на нихъ въ различныхъ формахъ, или легкихъ, или весьма тяжелыхъ, къ числу которыхъ принадлежитъ такъ называемый большой гипнозъ. Большой гипнозъ состоитъ изъ трехъ фазъ: *летаргической*, *каталептической* и *сомнамбулической*. Истерическій субъектъ, подъ вліяніемъ какихъ-либо внѣшнихъ раздраженій, неприятностей, гори и т. под. остается неподвижнымъ въ той позѣ, въ какой засталю его раздраженіе. Глаза у него закрываются, терлется сознание, все члены расслабляются, становятся неподвижными, уничтожается слухъ, способность говорить, дыханіе и сердцебиеніе сводятся до мінимума. Однимъ словомъ, получается полная картина *летаргическаго сна*. Опытъ съ гипнозомъ показываетъ, что стоитъ только въ свѣтлой комнатѣ пріоткрыть глаза субъекта, находящагося въ летаргіи, какъ они широко раскрываются, взглядъ становится неподвижнымъ, лишеннымъ всякаго выраженія, мускулы его получаютъ восковую гибкость и долго остаются въ томъ положеніи, какое имъ придаютъ, даже самою неудобною, причѣмъ сознание нѣсколько проясняется, появляется способность говорить, но чувствительность, зрѣніе и слухъ остаются уничтоженными. Получается такимъ образомъ полная картина, такъ называемой, каталепсиса. Интересно, что стоитъ только закрыть глаза субъекту, находящемуся въ каталепсисѣ, какъ она переходитъ снова въ летаргію.

сказали: «Радуйся, утробо Божественнаго воплощенія!» и приобщился. Въ слѣдующіе два дня, т. е. въ понедѣльникъ и вторникъ, онъ продолжалъ пѣть стихиры и проносить текеты изъ священнаго писанія, узнавалъ людей, говорилъ, что кому хотѣлъ сказать, но самъ не слышалъ ничего, что ему говорили. Въ среду онъ лишился

Далѣе, если мы субъекту, находящемуся въ катаlepsis, будемъ производить давленіе на темя, то получимъ третью фазу большого гипноза, т. е. состояніе *сomniabulisma*, при которомъ сохраняется, хотя и нѣсколько измѣненное, сознаніе, болевая чувствительность пренадеетъ, мускулы приходятъ въ состояніе окоченѣлости, тѣло становится совершенно твердымъ, не сгибается въ сочлененіяхъ, такъ что можно положить такого субъекта головою на одномя, а концами ногъ на другомъ стулѣ, причемъ ни туловище, ни конечности не сорвутся въ теченіе довольно продолжительнаго времени; можно положить на средину его тѣла значительными тяжести, сѣсть на него, какъ на скамью.

И дѣйствительно, люди страдающіе тяжелой формой истеріи, или впадаютъ въ одно изъ этихъ состояній, или продѣлываютъ всѣ три вышеуказанныя фазы. Если примѣнить все только-что сказанное къ интересующему насъ случаю, то получится такая картина.

Князь Дмитрій Юрьевичъ Красный имѣлъ задатки истерическаго состоянія своей нервной и психической системы. Эти задатки, вѣроятно неблагопріятно-сложившихся для него обстоятельствъ въ жизни, привели къ полному развитію тяжелой формы истеріи; а неблагопріятныхъ обстоятельствъ, способствовавшихъ раздраженію его нервной и психической системы было у князя болѣе, чѣмъ достаточно. Кругомъ неурядицы, ссоры, постоянные походы, кровопролитныя междоусобныя битвы; на его глазахъ его братъ Василій Косой убилъ любимца его отца—боярина Морозова, на его глазахъ умиралъ горичо любимый зять отецъ, на его глазахъ Василій Косой создавалъ крамолы и сѣялъ ветоду злобу и смерть.

Вспомнимъ, что несполнило, такъ сказать, чашу его страданій и послужило къ его предсмертному тяжелому заболѣванію.

Какъ извѣстно, живя въ Бѣжецкѣ и услышавъ, что Василій Косой снова собираетъ въ Устюгъ рать для похода на Москву, Дмитрій Красный въ силу условій, заключенныхъ съ Великимъ Княземъ Московскимъ, отправилъ въ Москву свою дружину на помощь Великому Князю, а самъ поѣхалъ въ Устюгъ съ цѣлью помирить Великаго Князя съ братомъ, но въ Галичѣ услышалъ, что братъ его Василій Косой уже потерялъ пораженіе, вѣсть въ плѣтъ и ослѣпленъ. «И я, присоединивъ свои дружины къ Московскимъ, сталъ невольнымъ сообщникомъ страшнаго ослѣпленія роднаго брата», говорилъ съ горестью князь Дмитрій и тяжело заболѣлъ. Съ нимъ сдѣлался припадокъ тяжелой истеріи: онъ лишился

языка, но людей узнавалъ, а въ четвертъ во время обѣдин, именно во время чтенія евангелія, испустилъ духъ—*«конечное»*, прибавляетъ лѣтописецъ. Воляре вынесли тѣло умершаго князя въ церковь св. Леонтія и послали въ Угличъ за роднымъ его братомъ Димитріемъ Шемякою, который и прибылъ на 8-й день. Тогда князя отибли, аншета, сна, оглохъ и «болячка въ немъ движется», т. е. появился характерный признакъ истеріи—*globus hystericus*. Затѣмъ у него появилось сильное носовое кровотеченіе, часто бывающее при истеріи. По всей фронтности, обильная потеря крови, вслѣдствіе носового кровотечения, была ближайшей причиной перехода истеріи въ первую фазу большого гипноза, т. е. наступила летаргія. Нужно думать, что летаргія рельефно выражается для окружающихъ въ то время, когда дыханіе и сердцебиеніе на столько мало были выражены, что пещеромъ, какъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ, одинъ изъ оставшихся при князѣ приближалъ съ извѣстемъ, что князь отходитъ. Но летаргія продолжалась недолго, и уже въ полночь мнимо умершій князь вдругъ обѣими руками скинулъ покровъ съ своей головы и, *не открывая глазъ*, громкимъ голосомъ воскликнулъ: *«Петръ же позна, яко Господь сего!»* и продолжалъ говорить одно и то же съ закрытыми глазами.

Что же произошло съ княземъ?

Несомнѣнно, князь пробудился отъ летаргическаго сна, сознаніе его болѣе прояснилось, ибо онъ обѣими руками скинулъ покровъ съ своей головы; онъ получилъ способность говорить, ибо даже ибѣлъ различные духовныя ибѣнонфіи, но, въ то же время, онъ ничего не слышалъ и лежалъ съ закрытыми глазами, а это показываетъ, что летаргическая фаза у него *не* перешла въ слѣдующую, т. е. каталенсію, ибо при переходѣ изъ летаргіи въ каталенсію, какъ сказано намъ выше, глаза больного обязательно открываются, князь же, какъ ибѣсколько разъ упоминается въ лѣтописи, все время не открывалъ глазъ. Болѣе прояснившееся сознаніе, возстановленіе рѣчи, появленіе самопроизвольныхъ движеній— все эти признаки указываютъ, что болѣзнь перешла изъ первой фазы, летаргіи, въ третью фазу—сомнамбулизмъ, при которомъ глаза больного могутъ быть закрытыми и открытыми, причемъ сомнамбулизмъ съ закрытыми глазами считается только не такимъ типическимъ, какъ сомнамбулизмъ съ открытыми глазами. Но, что это была дѣйствительно фаза сомнамбулизма, доказывается послѣдующими явленіями. Лѣтописецъ ясно говоритъ, что послѣ утрени духовникъ принесъ запасные Дары, но князь не открывалъ глазъ. Когда же духовникъ коснулся лжицею его усть, князь немедленно открылъ глаза, увидѣлъ св. Дары, воскликнулъ: *«радуется утроба Божественнаго пощощенія!»* и причастился.

Этотъ, описанный въ лѣтописяхъ фактъ, указываетъ, что послѣ прикосновенія къ губамъ князя лжицею, князь принесъ почти въ полное

положили въ замоленную колоду и повезли въ Москву. Когда трупъ князя везли въ Москву, то дорогой дважды уронили гробъ съ носилокъ. Протекло 23 дня со времени его кончины, когда трупъ князя привезли въ Москву и, отиѣвъ панхиду, захотѣли открыть колоду, то, къ удивленію своему, нашли тѣло князя нимало не пэмѣнившимся, безъ всякихъ знаковъ тлѣнія. Лицо его было бѣло, какъ у спящаго, безъ синеты и черноты. Возблагодаривъ Бога, положили его въ гробъ возлѣ отца его, Великого Князя Юрія, въ Архангельскомъ соборѣ.

сознаніе, сознательно причастился, сталъ узнавать людей и говорить, что кому хотѣлъ сказать. По словамъ лѣтописи, у князя осталась только глухота, которая нерѣдко наблюдается, какъ мы раньше видѣли, у вѣхъ истерическихъ субъектовъ.

Теперь является вопросъ: въ силу какихъ причинъ князь пришелъ почти въ нормальное состояніе, освободившись отъ припадка сомнабулизма, и какую роль здѣсь играла, да и играла-ли еще, та лжица, при прикосновеніи которой къ губамъ князя, онъ открылъ глаза и у него произошло сознаніе, какъ то отмѣчаютъ лѣтописи?

Чтобы разобратъся въ этомъ вопросѣ и доказать, что фактъ, описанный лѣтописцемъ, не его фантазія, мы должны обратиться къ научнымъ даннымъ современнаго ученія объ истеріи и гипнотизмѣ.

Научными, строго обставленными, опытами доказано, что при прикладываніи различныхъ металловъ къ частямъ тѣла, пораженнымъ истерическими расстройствомъ, замѣчается, что одинъ, или нѣсколько металловъ, различныхъ для каждаго субъекта, производятъ измѣненія въ состояніи больного, тогда какъ прикосновеніе другихъ металловъ не даетъ этихъ измѣненій. Если металлъ былъ приложенъ къ области тѣла истерически нечувствительной, то черезъ нѣсколько времени чувствительность возстаетъ, причемъ прикосновеніе металловъ должно быть весьма кратковременнымъ, въ противномъ случаѣ эффекта не получится. Это явленіе наблюдается при потерѣ чувствительности органовъ специальныхъ чувствъ—зрѣнія, слуха, вкуса и т. д., которые приходятъ въ нормальное состояніе; тоже интересное явленіе наблюдается и въ летаргической, каталетической и сомнабулической формахъ истеріи.

Изъ всего вышесказаннаго ясно, почему кратковременное прикосновеніе металлической лжицы къ губамъ больного князя произвело такое явленіе, что князь немедленно открылъ глаза, пришелъ въ сознаніе, сталъ узнавать людей и говорить съ ними. Прикосновеніе металла, по всей вѣроятности олова, ибо въ то время нѣтъ священные сосуды были оловянными, прекратило припадокъ сомнабулизма.

Со смертію, въ 1453 году, Д. Шемяки, похороненнаго въ Повгородскомъ Юрьевомъ монастырѣ, послѣдняя борьба Рюриковичей за великокняжескій престолъ прекратилась, и Василій Васильевичъ Темный сдѣлался полновластнымъ хозяиномъ русской земли. Онъ, подобно своимъ предшественникамъ, также увеличивалъ свои Московскія владѣнія покупкою различныхъ городовъ и мѣстечекъ. Изъ, между прочимъ, куплены на Костромѣ: Качаловское, Ушаковское и Святое.

Въ княженіе Василя II Темнаго русская церковь стала самостоятельной, ибо въ 1448 году въ Москвѣ соборомъ русскихъ іерарховъ, безъ участія Константинопольскаго патріарха, былъ поставленъ митрополитомъ на Русіи ев. Іона, и церковь русская поставлена была первою послѣ Терусалимскаго патріархата. Св. митрополитъ Іона - *костромичъ*, родомъ изъ села Одноушева, находящагося въ 12 верстахъ отъ города Солигалича (Костр. губ.).

V.

Кострома въ княженію Іоанна III.—Набѣги казанскихъ татаръ.—Морь въ Костромѣ.—Участіе Костромскаго ополченія въ присоединеніи Новгородъ.—Пожаръ Костромы.—Княженію Василія III.—Мѣры противъ казанскихъ татаръ.—Княженіе Іоанна IV.—Поддѣлка монеть въ Костромѣ.—Нападеніе на костромскія волости казанскихъ татаръ.—Вѣнчаніе на царство Іоанна IV и первый бракъ его.—Казанскіе походы.—Смерть царицы Анастасіи и появленіе опричнины.—Чума.—Смерть Іоанна Грознаго.—Царь Осодоръ Іоанновичъ.—Царь Борисъ Годуновъ.—Отношеніе Бориса къ представителямъ рода Романовыхъ.

IIIО смерти Василія II Темнаго, въ 1462 году, на великокняжескій Московскій престолъ вступилъ сынъ его Іоаннъ III Васильевичъ, который царствовалъ 43 года.

Іоанну III пришлось вести долгую и упорную войну съ казанскими татарами, которые дѣлали частые набѣги на новолжскіе города, а также на Вологду, Ростовъ и Галичъ. Для защиты этихъ городовъ Великій князь поставилъ въ Муромѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Костромѣ и Галичѣ оборонительныя рати и приказалъ гражданамъ сидѣть въ крѣпкой засадѣ.

Въ 1467 году Казанскіе татары опустошили дѣл Костромскія волости (Кузь), но Костромской воевода Иванъ Васильевичъ Стрига-Оболенскій, узнавъ объ опустошеніи Кузи, съ войскомъ тогда же выступилъ изъ Костромы на Кузь и преслѣдовалъ Казанцевъ до самой Унжи¹⁾.

Въ томъ же 1467 году «бысть морь (чума) люте и множество людей иazole по дорогамъ и на Москвѣ, и по инымъ городамъ и селамъ». Этотъ морь — железа — несомнѣнно былъ и въ Костромѣ, такъ какъ въ волости Лихурѣ, числившейся тогда въ Костромскомъ уѣздѣ, многія селенія опустѣли и во всей волости съ людьми осталось только шесть деревень²⁾.

¹⁾ Аѳоп. Нестор. Титовъ, А. Старин. волости и станы въ Костр. сторонѣ, стр. 30.

²⁾ Ibid., стр. 34.

Въ 1469 году, по приказу Великаго Князя, двинулись по Волгѣ къ Нижнему Новгороду Угличане, Ярославцы, Ростовцы, *Костромичи* и Галичане и, соединившись тамъ съ войсками Москвы, Коломны, Владиміра, Суздали и Мурома, опустошили области Казанскихъ татаръ, но не могли окончательно покорить Казанскаго царства, какъ говорятъ лѣтописецъ—«по недостатку подчиненности».

Уничтоживъ многія удѣльныя княжества и утверждая единодержавіе, Великіе князья Московскіе съ недовольствомъ смотрѣли на самостоятельность Новгорода и ожидали только подходящаго случая, чтобы присоединить къ себѣ эту область, лишивъ ее самостоятельности. Такой случай скоро представился Іоанну III, когда Новгородцы, подъ руководствомъ честолюбивой и богатой своей посадницы Марыи Борецкой, вздумали возстановить древнія свои права и унижить Москву. Для какой-то цѣли были захвачены многіе великокняжескіе доходы и земли и заведены сношенія съ Литвой.

Великій Князь въ двухъ походахъ противъ Новгородцевъ побѣдилъ ихъ и въ 1478 году окончательно присоединилъ Новгородъ къ Москвѣ. Въ этихъ походахъ принимала участіе многочисленная костромская рать подъ предводительствомъ князя Данила Холмекаго. Для полнаго подчиненія Новгорода Іоаннъ III въ 1488—1489 гг. вывелъ изъ Новгорода «скитныхъ людей и гостей» и пожаловалъ имъ помѣстья въ Москвѣ, Владимірѣ, Муромѣ, Юрьевѣ, Ростовѣ и *Костромѣ*, а въ Новгородѣ на ихъ помѣстья послалъ многихъ московскихъ лучшихъ людей, гостей и дѣтей боярскихъ изъ разныхъ городовъ Московской вотчины¹⁾. Историкъ Карамзинъ удостовѣряетъ, что воевода и великокняжескій намѣстникъ Яковъ Захарьевичъ Кошкинъ-Захарыинъ, родной дѣдъ Царицы Анастасіи Романовны прислалъ въ Москву 8000 семействъ Новгородцевъ для расселенія по Россіи²⁾.

Въ 1493 году, въ субботу, на Верное воскресенье, городъ Кострома подвергся опустошительному пожару³⁾.

Іоаннъ III скончался 27 октября 1505 года, назначивъ себѣ въ преемники сына своего Василія III Іоанновича.

¹⁾ Н. В. Миловидовъ. Очеркъ Ист. Костр., стр. 150.

²⁾ Карамзинъ. Истор. Гос. Росс. Т. VI, стр. 57.

³⁾ Ibid.

Княженіе Василія Іоанновича было продолженіемъ царствованія его отца. Казанскіе татары, хотя уже и находившіеся въ зависимости отъ Россіи, при Василіи III сдѣлали попытку расширить свои владѣнія и съ этой цѣлью производили частыя набѣги, преимущественно на сѣверо-восточную часть Костромской области. Такъ, отъ войны «казанскихъ людей» въ 1515 г. обезлюдѣли 18 деревень Чухломскаго уѣзда, а въ 1525 году заустѣло въ томъ же уѣздѣ 13 деревень. Нападенія повторялись въ 1528 и 1530 годахъ ¹⁾. Эти частыя нападенія заставили Великаго Князя устроить въ Ветлугѣ, Кологривѣ и Галичѣ пограничныя крѣпости съ насыпными земляными валами.

Василій Іоанновичъ умеръ въ 1533 году, назначивъ своимъ преемникомъ малолѣтняго сына своего Іоанна.

Во время малолѣтства Іоанна IV Васильевича управленіе Государствомъ было въ рукахъ матери его Елены, подъ руководствомъ Боярекой Думы, которая состояла изъ самыхъ знатныхъ и приближенныхъ къ престолу бояръ.

Въ самомъ началѣ управленія государствомъ княгиня-правительница пришлось вести борьбу, какъ съ внутренними, такъ и съ внѣшними врагами, которые, опасаясь сильной единодержавной власти, думали, что съ малолѣтствомъ Государя ослабнѣли бразды правленія. Внутри Россіи появилась масса поддѣльных монетъ, послѣдствіемъ чего княгиня «повелѣла дѣлать деньги новыя, а поддѣльщиковъ обмекивати и казнити». Почему, какъ говоритъ лѣтописецъ, въ лѣто 1534, въ сентябрѣ «на Москвѣ казнили многихъ людей въ деньгахъ: Москвичъ, Смоленяинъ и *Костромичей*, и Вологжанъ, и Ярославцевъ, а казнь была: олово лези въ ротъ и руки сѣкли».

Въ 1536 году Казанскіе татары напали на Костромскія и Галичскія волости. Князь Петръ Засѣкинъ, охранявшій костромскую область, вступилъ въ сраженіе съ непріятелемъ между Костромскою и Галичемъ, но былъ разбитъ и самъ палъ въ этомъ сраженіи ²⁾.

Въ 1547 году, по кончинѣ матери своей Елены, Іоаннъ V Васильевичъ вѣнчался торжественно на царство, принявъ титулъ Царя и Самодержца Всероссийскаго и затѣмъ женился на Анастасіи Романовнѣ, дочери боярина Захарыина.

¹⁾ Р. П. Юдинъ. Дозорная книга по гор. Чухломѣ и уѣзду. 1615 года. Т. I, стр. 1—85.

²⁾ Кн. Козловскій. Взглядъ на исторію Костромы, стр. 75.

Казаніе татары, все еще окончательно не усмирённые, продолжали свои набѣги. Въ 1545 году напали на Чухлому (заустьёло 8 деревень), а въ 1549 году на Галичу, но Костромской воевода Захарій Яковлевъ пошелъ съ войскомъ изъ Костромы къ Галичу, на берегахъ рѣчки Изовки разбилъ татарскія войска и убилъ предводителя ихъ богатыря Арака ¹⁾.

Въ 1551 году Іоаннъ Грозный выступилъ въ походъ противъ Казани, при чемъ Кострома была назначена сборнымъ мѣстомъ праваго полка подъ начальствомъ воеводъ—князя Горбатаго и князя Серебрянаго.

14 февраля этого года полки всѣхъ городовъ соединились въ Нижнемъ Новгородѣ и подъ личнымъ начальствомъ Царя выступили на Казань. Но походъ этотъ не увѣчался успѣхомъ, такъ какъ сначала страшные холода, затѣмъ быстро наступившая распутица заставили войска возвратиться назадъ. Въ слѣдующемъ году Іоаннъ Грозный предпринялъ новый походъ противъ Казани и 3 октября 1552 года окончательно покорилъ ее и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ. Такимъ образомъ Россійскія владѣнія пришли въ непосредственное соприкосновеніе съ царствомъ Астраханскимъ, населеннымъ въ то время нагайскими татарами, которые, подобно казанскимъ татарамъ, безпокоили своими набѣгами русскія окранны. Въ 1556 г. Іоаннъ послалъ войска къ Астрахани и присоединилъ ее, такъ что вся Волга, отъ истока до устья, стала всецѣло русской рѣкой, что имѣло громадное значеніе, какъ для торговли, такъ и вообще для экономической жизни русскаго народа.

Въ 1560 году, 7 августа, умерла царица Анастасія, а съ ней, по выраженію Карамзина, насталъ конецъ счастливыхъ дней Іоанна и Россіи. Началась борьба цари съ боярствомъ, учредилась опричнина, казни и ослы быстро слѣдовали другъ за другомъ. Даже собственныи сыновья и ближайшіе родственники цари не избѣгли его жестокости. Такъ въ 1569 году, вespою, Іоаннъ приказалъ собрать въ Нижнемъ-Новгородѣ войска для защиты Астрахани и начальство надъ ними избралъ двоюродному брату своему князю Владиміру

¹⁾ Кн. А. Козловскій. Взглядъ на исторію Костромы, стр. 76.

Андреевичу, который и отправился въ Нижній черезъ Кострому. Костромичи, во главѣ съ духовенствомъ, встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью, и съ великими почестями, но заплатились за это, такъ какъ царь приказалъ костромскимъ начальникамъ явиться въ Москву и тамъ казнить ихъ, а князя Владиміра Андреевича приказалъ отравить, что и исполнено было Малютой Скуратовымъ и Василюемъ Грязнымъ. Духовенство также было наказано, ибо избиты были по этому случаю, по приказанію царя, многіе иноки Боголюбленскаго монастыря ¹⁾).

Въ 1566 году въ Новгородъ изъ Эстоніи или Швеціи проникла чума, распространившаяся по всей Россіи. Лѣтописцы описываютъ, что «такого мора не бысть, отсюда же и царство Московское начася; понеже невозможно списати мертвыхъ, множества ради». Многія деревни опустѣли, многіе дома затворились; въ городахъ церкви стояли безъ пѣнія. Интересно отмѣтить, что во время этой эпидеміи были примѣнены многія, разумныя, строгія и необходимые мѣры къ прекращенію ея, но, къ несчастію, онѣ встрѣтили сильное противодѣйствіе со стороны духовенства, особенно монастырскихъ. Такъ Филофей, старецъ Елеазарова монастыря, послалъ грамоту великокняжескому дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю, приводившему въ исполненіе строгія мѣры противъ заразы, гдѣ высказывалъ, чтобы онъ все это прекратить, ибо «о семъ да не ропщемъ на Владыку нашего и Господа нашего Іисуса Христа, иже случаются намъ прискорбная и тяжкая,—по веи благодарно терпимъ».

Царь Іоаннъ Грозный, спасаясь отъ эпидеміи, выѣхалъ изъ Москвы въ слободу Александровскую. Новгородская лѣтопись такъ описываетъ мѣры, какія предписывались во время эпидеміи: «на которыхъ людехъ язва обнаружител, тѣхъ у церкви погребати не велѣли, выносить ихъ въ деревню за 6 верстъ по Волхону вникъ, и поставили заставу по улицамъ и сторожей; въ которой улицѣ человекъ узреть, и тѣ двory заирали съ людьми и кормили тѣхъ людей улицею; и отцомъ духовнымъ покашати тѣхъ людей не велѣли. А учить который священникъ тѣхъ каати, бояръ не

¹⁾ Важенъ. Исторія. очеркъ Боголюбленскаго монастыря, стр. 40.

доложа, тѣхъ священниковъ велѣли жегчи съ тѣми же людьми большими».

Эта весьма губительная эпидемія несомнѣнно проникла и въ Кострому и ея область, что доказывается тѣмъ, что въ 1571 и 1572 годахъ она свирѣпствовала уже въ Чухломскомъ уѣздѣ. Такъ, умерли отъ чумы буквально все жители въ слѣдующихъ деревняхъ Чухломскаго уѣзда: въ 1571 году въ Барминскомъ, Иванковскомъ, Щеляковѣ, Ловушинѣ; въ 1572 году въ Шыковѣ, Ланинѣ на Выгѣ и Горбачевѣ ¹⁾.

Иоаннъ Васильевичъ Грозный умеръ въ 1584 году и на престолъ вступилъ сынъ его Феодоръ Иоанновичъ, слабый духомъ и тѣломъ, какъ говоритъ историки, вслѣдствіе чего онъ занимался мало государственнымъ дѣломъ и поручилъ кормило правленія брату жены своей Борису Феодоровичу Годунову.

Въ царствованіе Феодора Иоанновича въ Россіи учреждено было патріаршество, и церковь костромская, причисленная ранѣе къ ростовской митрополіи, подчинена была патріаршему управленію.

Феодоръ Иоанновичъ не имѣлъ дѣтей, и наследникомъ престола долженъ былъ быть другой сынъ Иоанна Грознаго Дмитрій, но онъ былъ убитъ въ Угличѣ еще отрокомъ; поэтому, умирая, Феодоръ Иоанновичъ вручилъ Россійскую державу супругѣ своей Иринѣ, а главными совѣтниками ея назначилъ патріарха Іова, двоюроднаго своего брата Феодора Никитича Романова и шурина Бориса Годунова. Но царица Ирина на 9-й день послѣ смерти Феодора Иоанновича отказалась отъ престола и постриглась въ монахини съ именемъ Александры, а на престолъ вступилъ братъ ея Борисъ Феодоровичъ Годуновъ. При избраніи Годунова на царство присутствовалъ и подписался подъ избирательною грамотою игуменъ Костромскаго Боголюбскаго монастыря Исаія ²⁾.

Въ первые два года царствованія Бориса Россія наслаждалась миромъ, какъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ и, управляемая твердою и разумною рукою, достигла вышенаго могущества. Но, мучимый ли внутренними безпокойствами души и угрызеніями

¹⁾ Г. В. Юдинъ. Дозорная книга. Т. I, стр. 1-85.

²⁾ Кн. Козловскій. Взглядъ на исторію Костромы, стр. 140, примѣч. 53. Базелевъ. Историч. очеркъ Боголюбскаго монастыря, стр. 41.

совѣсти, какъ думаютъ одни историки, или постоянно раздражаемый вознями, интригами, завистью и наговорами окружающихъ его бояръ, какъ полагаютъ другіе, Борисъ становится подозрительнымъ, недовѣрчивымъ и рѣдко является народу, чтобы выслушивать его жалобы и принимать собственноручно челобитныя. Появились обязательные спутники подозрительности и недовѣрчивости — доносы. Соловьевъ, Костомаровъ и другіе говорятъ, что въ то время бояре, князья, боярыни и княгини пускались на это поприще, не понимая его позора. Подозрительность Бориса прежде всего отразилась на боярахъ Романовыхъ, ближайшихъ потомкахъ Рюрикова племени, тѣмъ болѣе что народъ уважалъ и любилъ Романовыхъ за ихъ добродѣтельную жизнь и благородныя качества. Къ этому присоединилась пущенная въ народъ молва, что будто Θεодоръ Иоанновичъ думалъ еще при жизни своей объявить наследникомъ престола Θεодора Никитича Романова. Венушилось при случаѣ и предсказаніе преподобнаго Геннадія Костромскаго, который, благословляя семейство боярина Романа Юрьевича, сказалъ его дочери, будущей супругѣ Иоанна Грознаго: «ты еси розга прекрасная и вѣтвь плодоносная, будешь назъ Гоеударыня, Царица Благовѣрная всему міру» ¹⁾. Все это, вмѣстѣ взятое, привело къ тому, что Θεодоръ Никитичъ, *«присодимый не одиновѣ къ пыткѣ»* ²⁾, былъ сосланъ въ Холмогорскій уѣздъ, въ Антоніевъ-Сѣвскій монастырь, и тамъ постриженъ въ монахи подъ именемъ Филарета; жена его Ксенія Ивановна была пострижена въ инокини ³⁾, подъ именемъ Мары, и сослана въ Запонецкіе погосты подъ строгій надзоръ священника Ключарева, а дѣтей ихъ съ теткою, княгиней Черкасской, сослали на Вѣлоозеро. Прочіе члены дома Романовыхъ были также всѣ сосланы и заточены въ разныхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ Россіи.

Такъ, Александра Никитича сослали въ Усолье-Луку, къ Вѣлому морю, Ивана Никитича въ Пелымъ, Василія Никитича въ Яренскъ, князя Бориса Черкаскаго съ семьей и 5-ти-лѣтнимъ Михаиломъ (Θеодоровичемъ) и маленькою его сестрою на Вѣлоозеро, князя Ивана Борисовича Черкаскаго въ Малмыжъ, князя Ивана

¹⁾ Карамзинъ. Истор. Рос. Росс.

²⁾ Карамзинъ. Т. XI, гл. 2, прим. 149.

³⁾ Кн. Козловскій. Взглядъ на истор. г. Костромы, стр. 82.

Синцаго въ Княжеозерскій монастырь, Михаила Никитича въ село Нарну, Ныропской волости, что въ Перми, перетахъ въ 7 отъ Чердыни, гдѣ онъ «въ тѣсномъ заключеніи и умре насильственною смертію въ 1606 году».

Михаилъ Никитичъ, какъ его называютъ, «*Чердынскій узникъ*», отличался столь великимъ терпѣніемъ и переносилъ такіа мученія, что мѣстные крестьяне, не смотря на страшныя угрозы смертію, принимали въ немъ участіе, проникали къ заключенному и законанному въ «*чепи и кандалы*», приносили ему самое нужное, чего онъ былъ лишенъ и тѣмъ облегчали мученія страдальца ¹⁾.

Ееодоръ Никитичъ Романовъ былъ человекъ красивый, видный, ловкій и чрезвычайно любимый народомъ. Есть свидѣнія, что Ееодоръ Никитичъ подстригалъ бороду, носилъ длинные волосы на головѣ, былъ щеголемъ своего времени, ибо изяцно одѣвался и по одеждѣ служилъ образцомъ моды для всѣхъ тогдашнихъ придворныхъ.

Въ Антоіево-Сіекомъ монастырѣ Филарета Никитича охранялъ приставъ Воейковъ, который доносилъ царю обо всемъ, что такъ или иначе касалось Романова. Такъ Воейковъ доносилъ, что Филаретъ Никитичъ не желаетъ жить въ одной кельѣ съ приставленнымъ къ нему старцемъ, живетъ не по монастырскому чину, говоритъ про мірекое, про птицъ ловчихъ и про собакъ, къ старцамъ жестокъ, бранитъ ихъ, бить хочетъ и говоритъ: «увидите, каковъ я впередъ буду».

На этотъ доносъ Годуновъ пишетъ: «если захочетъ Романовъ на каторгѣ стоять, то позволъ, только бы съ нимъ никто изъ тутошнихъ и прохожихъ людей ни о чемъ не разговаривали». Кроме того царь велѣлъ починить худую ограду вокругъ монастыря, между кельями двери задѣлать и никого къ Филарету не пускать.

Филаретъ Никитичъ главнымъ образомъ тосковалъ и беспокоился объ участи своей семьи.

Воярыня Ксенія Ивановна Романова сослана была въ Толвуѣскій погостъ, Олонецкой губерніи, гдѣ и прожила въ заточеніи 5 лѣтъ.

¹⁾ Костр. старина. Вып. VI, стр. 73.

Заонежская заточница — инока Марфа Ивановна родилась около 1579 года. Отец ее Иванъ Васильевичъ Шестовъ велъ свой родъ отъ древняго князя, выходца изъ поморской Пруссии, поступившаго на службу къ Великому Князю Александру Невскому, и отличился въ Невской битвѣ.

Еще будучи боярышней, она обучена была грамотѣ, что въ то время было крайне рѣдкимъ явленіемъ. Ксенія Ивановна вышла замужъ около 1590 года и въ приданое за ней дано было село Доминино съ 57 деревнями и починками. Кроме того отъ матери ее перешло къ ней Угличскаго уѣзда село Климентино, на Суходолѣ, съ 14 деревнями и пустошами. Ксенія Ивановна славилась своею добротою и красотою. На свадьбѣ Феодора Никитича Романова былъ царь Феодоръ Иоанновичъ и Борисъ Годуновъ. У Романовыхъ было 6 человѣкъ дѣтей — Борисъ, Никита, Левъ, Михаилъ (царь), Татьяна и Иванъ, изъ которыхъ въ живыхъ остались лишь Михаилъ и Татьяна.

Заонежская заточница — инока Марфа Ивановна жила въ маломъ теремѣ, который стоялъ на возвышенномъ мѣстѣ, изъ котораго было видно только «царство камня, воды и лѣса»¹⁾. Она жила подъ присмотромъ двухъ приставовъ, нищевое довольствіе получала плохого качества и недостаточно. Въ памятной книжкѣ Олонецкой губернии приводится преданіе, въ которомъ разсказывается, что «царицѣ Марфѣ Ивановнѣ данъ былъ столикъ, подъ столикомъ въ чашѣ вода, а на столикѣ овесъ ей ѣсть». Но такой строгій режимъ продолжался только годъ; въ 1602 году Марфѣ Ивановнѣ позволено было войти въ сношеніе съ населеніемъ, которое относилось къ изгнанницѣ весьма благожелательно. «Тотъ попь Ермолай, а равно и сынъ его Исаакъ, памятуя Бога и свою душу, и житіе православнаго крестьянства, непоколебимымъ своимъ умомъ и твердостью разума служили и приняли и доброхотствовали» инокицѣ Марфѣ Ивановнѣ, какъ объ этомъ гласитъ обильная грамота царя Михаила Феодоровича — «во всемъ вспомоганіи ей въ великихъ скорбѣхъ напраснаго заточенія». А какъ относилось населеніе къ заточницѣ, показываютъ обильныя грамоты

¹⁾ Хрущовъ — Ксенія Ивановна Романова.

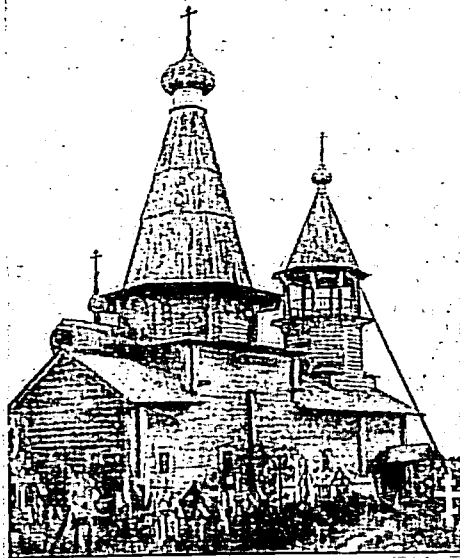
Отъ Общества изученія Олонецкой губерніи.

Инокія Марѣа, въ мѣрѣ боярина Ксенія Романова. Съ портрета, сохранившагося у Челмужскихъ обывальныхъ крестьянъ Ключаревыхъ и нынѣ поступившаго въ Музей въ г. Петрозаводскѣ.

Царь Михаилъ Феодоровичъ. Съ портрета, хранящагося въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Церковь въ д. Челмужахъ, Повѣнецкаго уѣзда Олонецкой губ., построенная въ 1605 г. и сохранившаяся отъ времени пребыванія инокини Марѣи въ Толвуйскомъ погостѣ.

цари Михаила Феодоровича: 20 февраля 1617 года, 15 ноября 1622 года и 18 марта 1614 года.

Толвуицкіе крестьяне Гаврила и Клиимъ Глезуиовы, съ отцомъ Еремой и дѣтми, Поздѣи, Томила да Степанъ Тарутины и Кляскаго погоста сѣнногубекіе крестьяне—Никита, Морозъ, Сидоръ съ дѣтми и ихъ сестра Наталья, тронутые горемъ и тоской Московской изгнанницы по дѣтмъ и мужу и въ то же время, не рассчитывая получить какую либо награду отъ опальной инокини—эти крестьяне, съ рискомъ для собственного благополучія, рѣшились узнать мѣсто изгнанія инока Филарета Никитича и сдѣлаться передатчиками грамотокъ изъ Толвуи и узнать, гдѣ мужъ ея и дѣти, и получать отъ нихъ извѣстія. ¹⁾

Есть свѣдѣніи, что Марья Ивановна страдала въ заключеніи «спортежной» болѣзнію (порча), отъ которой, по совѣту жителей Толвуи, лѣчилась цѣлебной водой изъ ключа, который до сихъ поръ зовется «Царицынымъ ключемъ» ²⁾.

Въ 1602 году участь изгнанниковъ была нѣсколько облегчена, благодаря тому, что царь Борисъ приказалъ посвятить Филарета въ іеромонахи и затѣмъ въ архимандриты, а дѣтмъ его, съ теткой книжницей Черкасской, жить въ вотчинѣ Романовыхъ—въ Юрьевскомъ уѣздѣ.

Всегоду появившіеся разбойники, сильный голодъ, моровое повѣтріе и, наконецъ, появленіе Лжедмитрія, слѣдовавшіе непрерывно другъ за другомъ, такъ подѣйствовали на царя, что въ 1605 году онъ внезапно, постѣ шра, умеръ, по сказанію однихъ лѣтописцевъ, отъ самоотравленія, а по словамъ другихъ, отъ удара, оставивъ преемникомъ сына своего Феодора Борисовича.

¹⁾ П. С. Шайкинъ—Зволенская заточница. Памятная книжка Олонецкой губерніи на 1912 годъ.

²⁾ Ibid.

VI.

Лжедмитрій I и бояре Романовы.—Царь Василій Шуйскій.—Лжедмитрій II—Тушинскій воръ. Побѣды тушинцевъ.—Тушинцы въ Костромѣ.—Изгнаніе ихъ отсюда.—Иналоженіе Шуйскаго.—Вопросъ о претендентахъ на царскій престолъ.—Жолѣвскій.—Панъ Маскеничъ въ Костромѣ.—Посольство къ Сигизмунду.—Проконій Липуновъ и князь Дмитрій Пожарскій.—Козьма Мининъ.—Освобожденіе Москвы отъ поляковъ. Пребываніе Михаила Осодоровича Романова и Марю Иоанновну въ плѣну у Поляковъ въ Московскомъ кремлѣ.

СМЕРТЬ Бориса облегчила путь Лжедмитрію къ Московскому престолу. Сынъ Бориса Ѳеодоръ былъ свергнутъ съ престола и задушенъ вмѣстѣ съ своей матерью и Лжедмитрій торжественно въѣхалъ въ Москву.

До сихъ поръ еще съ положительностью не рѣшенъ вопросъ о томъ, кто такой былъ Лжедмитрій I. Карамзинъ думаетъ, что Лжедмитрій I и Григорій Отрепьевъ—это одно и то-же лицо. Григорій былъ сынъ бѣднаго Галическаго (Костр.) боярскаго сына Богдана Отрепьева, жилъ въ холопахъ у Романовыхъ и у князя Бориса Черкаскаго. Когда Романовы сдѣлались жертвами Бориса Годунова, Григорій Отрепьевъ также попалъ въ подозрѣніе, отчего и постригся въ монахи, какъ говоритъ преданіе, въ Желѣзно-Боровскомъ монастырѣ, отстоящемъ недалеко отъ владѣній бояръ Романовыхъ. Ирвингъ сначала думалъ, что Лжедмитрій I былъ истинный царевичъ, но затѣмъ отказался отъ этого взгляда и склонился къ отождествленію его съ Отрепьевымъ. С. М. Соловьевъ указываетъ осторожно, указывая, что, судя по поведенію, самозванецъ былъ увѣренъ, что онъ истинный сынъ Ивана Грознаго. Иностранный писатель Вуссовъ, очевидецъ событій, пишетъ, что Борисъ Годуновъ считалъ появленіе самозванца дѣломъ бояръ. Д. Н. Плевакскій въ подробномъ и обетопительномъ изслѣдованіи склоняется къ тому, что Григорій Отрепьевъ и Лжедмитрій были два разныхъ лица; что самозванецъ былъ не москвитчъ, а человекъ польской, за-

падно-русской культуры, что его выставили три наветных польско-западно-русских фамилий—Мишки, Вишневецкие и Саньги в таинство соглашения с группой московских бояръ¹⁾.

Новый царь снялъ оналу съ Романовыхъ: Иванъ Никитичъ былъ пожалованъ въ бояре, архимандритъ Филаретъ возведенъ въ санъ митрополита ростовскаго, инокнигъ Марофъ отданъ былъ на воспитаніе сыну ея Михаилу и имъ позволено было жить въ городѣ Костромѣ, гдѣ у инокнии Марофы Иоанновны былъ осадный дворъ, находившійся въ Кремлѣ.

Но недолго пришлось царствовать Лжедмитрію, который, приведя съ собою много поляковъ, потворствовалъ имъ, дозволялъ сопернать въ Кремлѣ католическую общину и женился на Маринѣ Мишкевъ безъ пріятія ея православія. Народъ выразилъ недовольство, и этимъ недовольствомъ воспользовался Шуйскій. Лжедмитрій былъ убитъ, а князь Василій Ивановичъ Шуйскій въ 1606 году боярской думой былъ избранъ на Россійскій престолъ. Всѣ приверженцы Лжедмитрія подверглись преслѣдованію и сосланы были въ разные города. Въ Костромѣ былъ сосланъ одинъ изъ такихъ приверженцовъ самозванца князь Константинъ Вишневецкій, родной братъ знаменитаго князя Адама Вишневецкаго, принявшаго Лжедмитрія I на службу. Константинъ Вишневецкій былъ вмѣстѣ съ Мишкой въ Москвѣ на свадьбѣ Лжедмитрія съ Мариною Мишкевъ въ 1606 году и, по убіеніи самозванца, былъ сосланъ. Неизвѣстно, долго ли этотъ знаменитый семейный жилъ въ Костромѣ. Въ бывшей церкви замка князей Вишневецкихъ, въ настоящее время превращенной въ приходскую церковь²⁾, сохранились двѣ древнія иконы съ польскими надписями. На одной изъ нихъ находится слѣдующая надпись: «эта чудотворная икона пожертвована въ нашъ Вишневецкій, принадлежаній босымъ кармелитамъ, костель, нашимъ фундаторомъ свѣтлѣйшимъ княземъ Вишневецкимъ Михаиломъ Корибутомъ 7 августа 1718 года. Изображеніе написано въ г. Костромѣ, находящемся при рѣкѣ Волгѣ, и чудеснымъ образомъ

¹⁾ Д. П. Изюмскій. Смутное десятилітіе.

²⁾ Въ мѣстечкѣ Вишневецъ, Кременецкаго уѣзда, Волынской губерніи, недалеко отъ Почаева.

перенесено изъ Московскаго государства въ Польское Константиномъ Корнбутомъ Вишневецкимъ 7 января 1608 года». Этимъ свидѣтельствомъ какъ будто намекается, что Константинъ Вишневецкій убѣждалъ изъ мѣста ссылки, захвативъ съ собою св. икону ¹⁾).

Самозванцы, подѣ видомъ то сына Грознаго, то сына Бориса Годунова, или, наконецъ, снаснагося Лежедимитрія, быстро сѣмьили другъ друга. Особенно много собралось всякаго сброда со всѣхъ краевъ Руси около самозванца Лежедимитрія II, извѣстнаго подѣ названіемъ Тушинскаго вора. Онъ съ многочисленнымъ войскомъ пошелъ на Москву и расположился лагеремъ въ селѣ Тушинѣ, въ 15 верстахъ отъ Москвы и укрѣпился здѣсь. Во главѣ войскъ Тушинскаго вора стояли—литовскій наѣздникъ Лисовскій и донской атаманъ Заруцкій. Города одинъ за другимъ начали сдаваться самозванцу. Воевода нековскій Пленцель сдалъ Псковъ, воевода Иванъ Годуновъ—Владиміръ на Клязьмѣ. Сдались также Суздаль и Переяславль. Оставалось взять Ростовъ, который былъ вѣренъ царю. Велѣдствіе чего тушинцы, соединившись съ переяславцами, взяли его силою и ворвались въ соборный храмъ, гдѣ съ немногими гражданами укрылся Ростовскій митрополитъ Филаретъ (Никитичъ), который въ рубищѣ и босой былъ отведенъ пѣвишникомъ въ село Тушино.

Послѣ разгрома Ростова, войска Тушинскаго вора подѣ предводительствомъ Лисовскаго появились въ новолжскихъ городахъ и пошли по направленію къ Костромѣ, разрушая все на своемъ пути. 30 декабря 1608 года тушинцы взяли Кострому и подвергли ее ужасному опустошенію. Часть жителей вмѣстѣ съ иконами заперлись въ Боговляненскомъ монастырѣ и долго отражали нападеніе, но принуждены были сдаться. Непріятели разграбили все монастырское имущество и умертвили многихъ монаховъ ²⁾. За вѣрность и героическій подвигъ Боговляненскаго монастыря царь Василій Ивановичъ Шуйскій прислалъ въ 1609 году на имя игумена Арсенія утѣшительную грамоту и повѣщеніе объ отпускѣ изъ Шуйскаго

¹⁾ «Костр. Губ. Вѣд.», 1877 г., № 3, стр. 19.

²⁾ Имена ихъ записаны въ Синодикѣ: Иеромонахи—Трифилій, Макарій и Савватій; Иеродіаковъ—Африногенъ; инокъ—Варлаамъ, Дюневій, Іоанъ, Кирилль, Максимъ, Іоасафъ и Гурій; служебники—Василій, Стефанъ, Никита, Дюмида и 18 крестьянъ.

Новгорода для братіи хлѣба ¹⁾. Такой-же участи подвергся и мужской Крестовоздвиженскій монастырь, находившійся въ кремлѣ, близъ Успенскаго собора, гдѣ убиты десять монаховъ и архимандритъ Геннадій ²⁾.

Въ январѣ 1609 года тушинцы пошли въ Галичъ, оставивъ въ Костромѣ большой отрядъ воиска съ пушками. Но ополченіе сѣверныхъ городовъ: Солигалича, Чухломы, Вологды и другихъ, освободивъ въ февралѣ 1609 года Галичъ, подошли къ Костромѣ и, послѣ страшнаго боя на костромскихъ улицахъ, продолжавшагося съ 28 февраля по 3 марта, прогнали изъ Костромы непріятелей, которые укрѣпились въ Ипатіевскомъ монастырѣ, уже обнесенномъ въ то время каменною стѣною.

Въ ополченіи сѣверныхъ городовъ участвовали и чухломцы. Одинъ чухломцевъ пало въ кровопролитной битвѣ на улицахъ города Костромы 54 человѣка, причемъ извѣстно, что изъ Визкевой волости Чухломекаго уѣзда убитъ одинъ, изъ Серапіоновой пустыни двое, изъ волости Глазуново — 3, изъ волости Заболотье — 3, изъ Васютина — 4, изъ Конявина — 4 чел., изъ Верхней пустыни — 5 чел., изъ Чухломекаго Окологороднаго стана — 8 чел., изъ Понизовской вол. — 10 чел. и изъ волости Валуево — 14 челоуѣкъ ³⁾.

Жители Солигалича и Чухломы крѣпко стояли за царя Василія Ивановича Шуйскаго и писали ему, обвиняя Ярославцевъ и Костромичей въ намѣнѣ. Весьма вѣроятно, что у Шуйскихъ, кромѣ помѣстій въ Юрьевецкомъ уѣздѣ — село Парское, были помѣстья и около Чухломы, такъ какъ въ Покровскомъ храмѣ Чухломекаго Аврааміево-Городецкаго монастыря, въ ризницѣ, хранится крестъ съ эмалью и драгоценными камнями, серебряный, пожертвованный княземъ Иваномъ Шуйскимъ ⁴⁾.

Осчитивъ Кострому, ратные люди схватили воеводу, поставленнаго самозванцемъ, Димитрія Масальскаго, долго мучили его и, обрубивъ ему руки и ноги, утопили въ Волгѣ. На мѣсто Масальскаго Костромскимъ воеводой былъ посаженъ Борисъ Салтыковъ.

¹⁾ П. Важенъ. Историч. очеркъ Боголале. моп. 1895 г., стр. 42.

²⁾ Кн. Козловскій. Взглядъ на истор. гор. Костр., стр. 154, прилож. 57, 58.

³⁾ Г. В. Юдинъ, стр. 1—85.

⁴⁾ Извѣст. Импер. Археолог. Комис. Вып. 31, стр. 276.

Когда Костромичи услышали, что воевода ярославскій Выше-славцевъ освободилъ Ярославль отъ поляковъ, то обратились къ Ярославцамъ за помощью, которая вскоре и прибыла въ Кострому на 17 судахъ. Ярославцы и Костромичи подъ руководствомъ царскаго воеводы Жеребцова въ июль 1609 года начали осаду Ипатьевскаго монастыря, гдѣ сидѣли тушинцы подъ командой Никиты Вельяминова ¹⁾.

Но въ осадѣ Ипатьевского монастыря въ 1609 году участвовали не только Ярославцы и Костромичи, но и ополченцы сѣверныхъ городовъ, что удостоверяется тѣмъ, что однихъ Чухломцевъ убито подъ Ипатьевскимъ монастыремъ 16 человекъ ²⁾.

Лисовскій, осведомленный о стѣнномъ положеніи своего отряда, послѣдствъ изъ Юрьевца къ нему на помощь, предварительно приславъ въ Кострому извѣстіе, что онъ идетъ на выручку. Извѣстіе это принесъ пѣвиный Костромской посадскій человекъ Олешка Левлевъ, который говорилъ, что хотѣлъ его Лисовскій да Иванъ Зубатый въ Ипатьевскій монастырь къ Никитѣ Вельяминову, чтобы въ Ипатьевскомъ монастырѣ сидѣли крѣпко, а мы-де насъ выручимъ..... хотя-бы намъ добыть малыхъ судовъ съ десяткомъ, и мы-де, зашедши съ верху, переведемся въ нихъ черезъ Волгу пѣхотою, человека по два и по три» ³⁾.

Проходя нагорной стороною Волги, Лисовскій напалъ на Кинешму и избилъ большую часть ея жителей. Въ 11 верстахъ выше города Кинешмы, противъ села Солдоги, расположеннаго на лѣвомъ берегу Волги, войска Лисовскаго встрѣтили неожиданное сопротивленіе въ лицѣ крестьянъ, собравшихся подъ предводительствомъ Куломзина и Шушерина. Эти юные дворяне, говоритъ князь Козловскій, положили животъ свой и кровію запечатлѣли любовь къ отчизнѣ ⁴⁾.

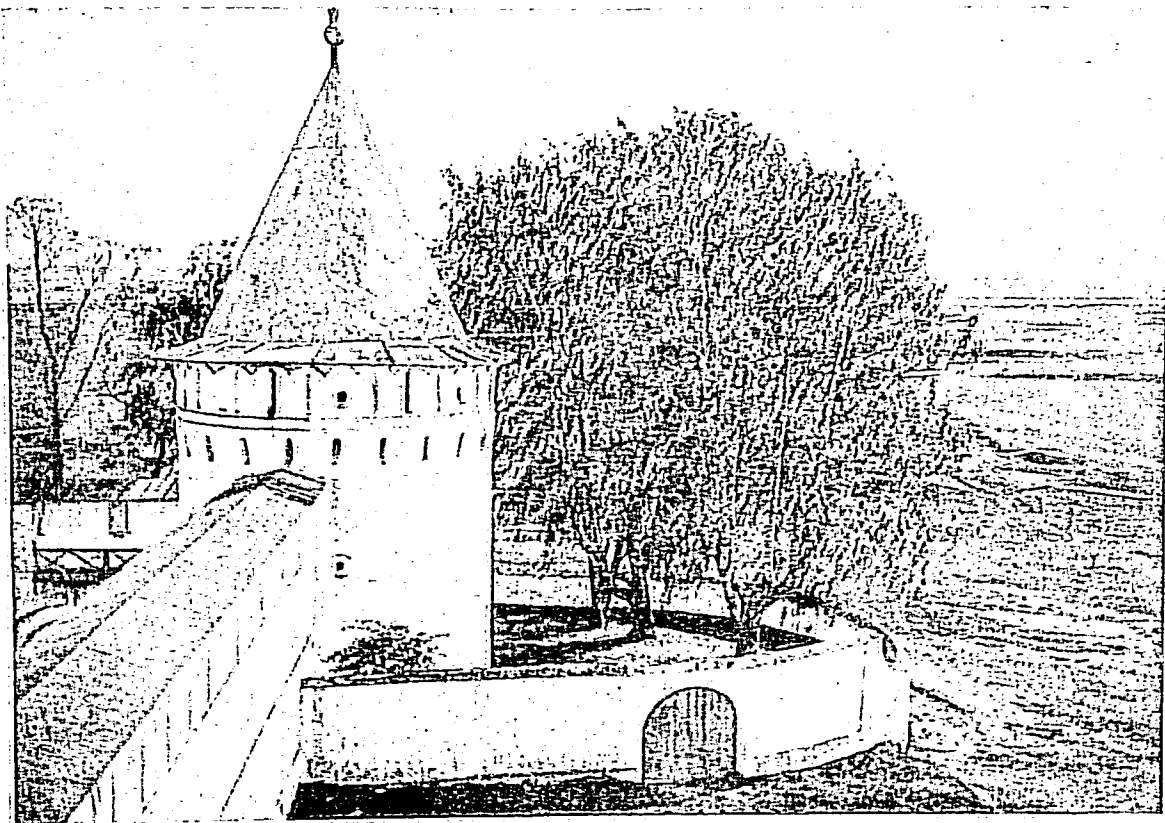
Продолжая путь свой, Лисовскій разрушилъ Плещъ и прибылъ къ Костромѣ, остановившись съ войскомъ въ селѣ Селищахъ. Но, за неимѣніемъ лодокъ для переправы черезъ рѣку Волгу, удалился по

¹⁾ Н. В. Милосидовъ. Матер. для истор. Костр., стр. 13.

²⁾ Г. В. Юдиль.

³⁾ Костр. Губерн. Вѣд. 1851 г. № 46.

⁴⁾ Кн. Козловскій. Взглядъ на истор. Костромы, стр. 153, прим. 57.

Юго-западная башня стѣны Ипатіевскаго монастыря.

направленію къ Троицкой лаврѣ, разрушивъ по пути Черехту и Большой Соли. У Большихъ Солей отрядъ Лисовскаго снова истребился, кромѣ, конечно, мѣстныхъ ратныхъ людей, и съ ополченцами сѣверныхъ городовъ, что неопровержимо доказывается тѣмъ, что въ дозорной книгѣ по г. Чухломѣ и уѣзду, 1615 года (Г. В. Юдинъ), значится, что «за Костромой, у Большихъ Солей, отъ Лисовскаго приходу въ 1609 году» убито чухломцевъ 34 человека, изъ которыхъ какъ разъ половина изъ Вязютинской волости.

Вообще многія данныя съ несомнѣнностью доказываютъ, что ополченіе сѣверныхъ городовъ Салгалича, Чухломы, Вологды и Костромы было многолюдное и дѣйствовало дружно, имѣя только одну цѣль — очистить отечество отъ враговъ. Это ополченіе было разбито на нѣсколько отрядовъ, которые работали вездѣ, гдѣ только это было необходимо. Такъ, данными дозорной книги по г. Чухломѣ, удостоверяется, что чухломцы, которые принадлежали, несомнѣнно, къ ополченію сѣверныхъ городовъ, сражались еще подъ Калязинскимъ монастыремъ въ 1609 и въ 1610 годахъ, гдѣ ихъ убито было 8 человекъ; подъ Тулою въ 1607 и 1608 годахъ, гдѣ ихъ убито было 9 чел.; подъ Переславлемъ-Залѣскимъ въ 1610 году, подъ Суздальемъ и подъ Волховымъ.

По удаленіи Лисовскаго, воевода Жеребцовъ осадилъ Ипатьевскій монастырь и выгнанныхъ заѣвшихъ тамъ непріятелей, которые, вышедши изъ монастыря, отступили къ Святому озеру, и преслѣдуемые войсками воеводы, были разбиты, причемъ большое количество ихъ потонуло въ озерѣ. Въ память этой побѣды впоследствии воздвигнута была на берегу Святого озера часовня.

Доблестная оборона города Костромы, битва подъ Ипатьевскимъ монастыремъ и изгнаніе заѣвшихъ въ немъ враговъ имѣли громаднѣйшее значеніе въ борьбѣ за очищеніе государства, такъ какъ городъ Кострома, съ ея укрѣпленнымъ кремлемъ, Ипатьевскій и Богоявленскій монастыри — эти также укрѣпленные пункты, прикрывали собой сѣверныя области, не стоившія еще безурядицей. Не враги отлично понимали стратегическое значеніе Костромы, понимали, что только отдѣльное завладѣніе нѣкимъ этими тремя пунктами открывало свободный путь къ сѣверу. Вотъ почему все

вниманіе опытнаго стратега Лисовскаго было сосредоточено на Костромѣ, жители которой, потерявшіе почти все свое имущество, разоренные, не пали духомъ, но, закались въ бояхъ, упорно продолжали служить дѣлу освобожденія родины.

Освободивъ Пнатъевскій монастырь, воєвода Жеребцовъ присоединилъ къ себѣ ярославское и костромское ополченія и двинулся для освобожденія Троице-Сергіевой лавры, осажденной Савѣгой.

Побѣды надъ Самозванцемъ князя Михаїла Скопина-Шуйскаго, любовь и довѣренность къ нему народа подавали надежду на близкое окончаніе смуты и междоусобій, но неожиданная смерть этого народнаго героя отняла послѣднюю надежду. Всѣ окончательно растерялись, не знали на кого положиться, къ кому притатъ, кому помогать. Тщетно царь Василій Ивановичъ Шуйскій зывалъ о помощи и разсылалъ грамоты по всѣмъ городамъ. Между тѣмъ участь его была уже рѣшена, и 17 іюля 1610 года, не смотря на сильное заступничество патриарха Гермогена, царь Василій Ивановичъ Шуйскій былъ свергнутъ съ престола и постриженъ въ монахи, а его супруга—въ монахини. Причиною низложенія съ престола царя Василія было выставлено то, что онъ «не по правдѣ, не по выбору всей земли русской сѣлъ на престолъ и былъ несчастенъ на царствѣ». Правленіе государствомъ, до выбора новаго царя, поручено было боярской думѣ, которая немедленно разослала грамоты, призывающія къ выбору царя «всєю Русскою землею». Вліятельный патриархъ Гермогенъ указывалъ на двухъ кандидатовъ, именно—на князя Василія Васильевича Голицына и на сына митрополита Фларета, юнаго Михаїла Феодоровича Романова. Но другая партія склонялась къ признанію царемъ польскаго королевича Владислава. Польская партія взяла верхъ, пригласила пана Жолкѣвскаго въ Москву и начала съ нимъ переговоры относительно возведенія на Россійскій престолъ королевича Владислава.

Есть данныя, которыя указываютъ, что была еще третья партія, выдвигающая на престолъ Карла Филиппа Шведскаго. Эту кандидатуру поддерживалъ даже князь Пожарскій.

Панъ Жолкѣвскій, вступившій въ Москву съ войсками, часть ихъ направилъ въ различные города, чтобы тѣмъ легче имѣть воз-

возможность поддерживать кандидатуру на Русскій престолъ королевича Владислава. Въ Кострому былъ присланъ отрядъ подъ предводительствомъ Самуила Макевича. Жителямъ города Костромы этотъ отрядъ приказано было продовольствовать ¹⁾. Какъ дорого Костромичамъ стоило продовольствіе этого отряда, видно изъ словъ самаго начальника отряда Макевича, который говоритъ: «моей рати досталась на часть Кострома, и мы тотчасъ разослали товарищей для собранія живности, но наши такъ были неумѣренны, что, не довольствуясь хорошимъ обхожденіемъ, брали безъ разбору все, что имъ нравилось, такъ что у самаго знатнаго боярина отнимали насильно жену или дочь» ²⁾.

Послами для переговоровъ отправлены были къ королю Сигизмунду, между прочими, князь Василій Голицынъ и митрополитъ Филаретъ. Но Сигизмундъ самъ захотѣлъ царствовать въ Россіи и, задержавъ пословъ, посадилъ ихъ въ Мариенбургскую крѣпость и требовалъ, чтобы присягали ему, Сигизмунду. Уже въ Москвѣ его именемъ стали распоряжаться Михаилъ Салтыковъ и Феодоръ Андроновъ, бывшій купецъ-кожевникъ, получившій отъ второго самозванца званіе думнаго дворянина. Вопрекая дума признала Сигизмунда московскимъ царемъ ³⁾.

По случаю задержанія митрополита Филарета въ Польшѣ и заключенія его въ тюрьму, инокиня Марфа о своемъ сыномъ Михаиломъ предприняли путешествіе въ Макарьевскій Униженскій монастырь, чтобы принести молитву преподобному Макарію, да поможетъ онъ своими молитвами освобожденію митрополита изъ томительнаго плѣна ⁴⁾.

Начался, говоритъ Андр. Курганскій ⁵⁾, самый тяжелый періодъ лихолѣтья. Подняли голову антигосударственные элементы, олицетворяемые многочисленной и буйной казацкой вольницей, терзали родную землю разные Сапѣги и Лисовскіе, угрожали цѣлости

¹⁾ Кн. Козловскій. Взглядъ на истор. гор. Кострому, стр. 83.

²⁾ Костр. Губ. Вѣд. 1854 г. № 41.

³⁾ Михаилъ Салтыковъ получилъ за свое стараніе въ награду отъ Сигизмунда село Красное, Костр. уѣзда, Рѣшму и друг. Соловьевъ. Истор. VIII, стр. 331.

⁴⁾ Кн. Козловскій. Взглядъ на истор. Костр., стр. 87. Херсонскій Лѣтоп. Макарьевск. Мон.

⁵⁾ Русск. Стар. 1912 г. Июль.

государства недавніе союзники Шведы, надвигалось съ запада многочисленное войско Сигизмунда; трагизмъ эпохи выразился тяжелой борьбой подъ стѣнами Смоленска, этого западнаго оплота русской земли. И въ это тяжелое время, которое современный лѣтописецъ считаетъ чѣмъ-то въ родѣ апокалипсическихъ ужасовъ, лютымъ временемъ гибла Вожія, какого не бывало отъ сотворенія міра, Гермогенъ одинъ стоялъ на стражѣ народныхъ интересовъ.

Народъ, изнемогая отъ смуты, заволновался. Онъ еще терпѣлъ, пока происходили, такъ сказать, домашнія смуты, но, когда онъ увидѣлъ, что его отдають въ руки иноземщины, хотятъ навязать ему новую вѣру, онъ поднялся какъ одинъ человѣкъ.

Проконій Лянуновъ изъ Рязани, архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ изъ Троице-Сергіева монастыря разсылали по городамъ увѣщательныя грамоты, въ которыхъ именемъ Бога и народнымъ благосостояніемъ убѣждали гражданъ спѣшить для спасенія отечества и православной вѣры. Начали подниматься вѣрные сыны отечества, тронулись неконныя русскіе города, лежащія по рѣкамъ Волгѣ и Окѣ, которые составляли фундаментъ Русскаго государства, которые всецѣло вынесли на своихъ плечахъ всю борьбу за существованіе всей Руси; тронулась вся земская Русь. Народъ началъ воодушевляться, собирался по городамъ и селамъ, несъ пожертвованія записывался въ ратные люди.

Вонскія рати собрались въ Нижнемъ Новгородѣ подъ предводительствомъ князя Пожарскаго, въ Калугѣ—Трубецкаго, въ Рязани—Лянунова, во Владимірѣ—Измайлова, въ Суздаль—Просвепцаго, въ Ярославлѣ—Волынскаго, въ Романовѣ—Козловскаго, въ Вологдѣ—Нащоккина, въ Галичѣ (Костр.)—Мансурова и въ Костромѣ подъ предводительствомъ поеводы князя Феодора Ивановича Волконскаго и Тимофея Даниловича Овцына. Все эти рати, составившія ополченіе до 100,000 человѣкъ, прибыли къ Москвѣ, причемъ Костромское, Ярославское и Галичское ополченія помѣстились у Покровскихъ воротъ. Но этому ополченію не пришлось еще освободить Москву отъ непріятелей. Лянуновъ былъ убитъ казаками, Пожарскій тяжело раненъ, единодушіе ополченія нарушилось. Поляки, въ количествѣ 5000 человѣкъ, заперлись въ Китай-Городѣ и Кремлѣ и отсюда

Святѣйшій патріархъ Гермогенъ.

грабили и жгли Москву. Захвативъ патріарха Гермогена, они требовали отъ него, чтобы онъ приказалъ разойтись ополченію.

Панъ Гонсевскій дерзко говорилъ Гермогену: «ты, Гермогенъ, главный заводчикъ ополченія. Тебѣ даромъ это не пройдетъ и санъ твой не охранитъ тебя»...

На эти слова патріархъ Гермогенъ съ воодушевленіемъ отвѣчалъ: «ты, гордый панъ, выслушай слово старца, когда страхъ оконываетъ уста нашихъ лучшихъ и сильныхъ людей; наша Русь святая была свободна и могущественна, пока вы не протянули къ ней алчныя руки ваши. Обманомъ, насиліемъ и лестью захватили теперь вы Русь, не взирая на проклятіе миллионнъ русскихъ людей. Дожь, хитрость, измѣна—вотъ орудія ваши. Но близокъ день, когда придется вамъ собрать кровавую жатву съ посвященныхъ вами ефмянъ. Прямо открыто противлюсь я вашему государству; и разрѣ-

паю всѣхъ отъ данной королевицѣ Владиславу присяги и, пока языкъ мой слушаетъ меня, я буду призывать къ сынамъ Руси православною, буду призывать ихъ на бой за вѣру, престоль и отечество и буду благословлять тѣхъ, кто жизнь свою на брани положитъ. А самъ я не боюсь угрозъ нашихъ. Ты обещаешь мнѣ смерть, но черезъ нее я чаю получить вѣнецъ мученическій и жизнь вѣчную. Ты умертвишь это дряхлое тѣло; но Самъ Господь приметъ душу мою, и къ стонамъ Его сложу я свой пастырскій посохъ, не переставая умолять, да исполнитъ Онъ свою небесную помощь на защиту Руси святой».

Въ началѣ 1612 года вѣсть о новомъ ополченіи дошла до польковъ и они предлагали святѣйшему узнику остановить Нижнегородцевъ: «отиниши Пожарскому и всему Нижнему-Новгороду, чтобы не ходили къ Москвѣ». Патріархъ же Гермогенъ въ отвѣтъ на это, обратился въ сторону, откуда шли къ Москвѣ защитники отечества, протянулъ руки и торжественно произнесъ: «да будетъ надъ нами милость Божія и мое благословеніе. На васъ же, измѣнниковъ, да взлѣтѣя гнѣвъ Господень». Злодѣи, види твердость Гермогена, заключили его въ подземелье Чудова монастыря и уморили голодомъ.

Умеръ патріархъ Гермогенъ 17 февраля 1612 года.

Надежда на спасеніе отечества, повидимому, окончательно исчезла. Но энергичный архимандритъ Троице-Сергіева монастыря Діонисій вновь посылаетъ по городамъ грамоты, вновь вселяетъ надежду, вновь поднимаетъ упавшій духъ борцовъ отечества. Эти грамоты, быстро разошедшіяся всюду, возымѣли свое дѣйствіе. Въ числѣ первыхъ городовъ отозвался Нижній Новгородъ. Тамъ выступилъ выборный земскій староста, ремесломъ «говидарь», Козьма Мининъ, который говорилъ: «будетъ намъ похотѣть помочи Московскому государству, ино намъ не покалѣтъ животомъ своихъ, да не покалѣтъ и дворы свои продавать, и жены и дѣти закладывать». Эта патриотическая рѣчь простого человѣка передалась далеко за предѣлы Нижняго. Снова стали подниматься города, появились различныя предсказанія богоугодныхъ людей о скоромъ освобожденіи отечества. Какой-то Григорій, повидимому священникъ, открылъ свое видѣніе, въ которомъ голосъ Божій приказывалъ ему, чтобы

весь народъ постился, и народъ налагалъ на себя посты и горячо молился о спасеніи вѣры и отечества. Постановлено было по понедѣльникамъ, вторникамъ и средамъ ничего не ѣсть, а по четвергамъ и пятницамъ—сухоядніе... и «скотомъ не даяху ясти, и дѣти, и многіе изомроша». Во Владимірѣ простая посадская женщина объявила воеводѣ, что къ ней ночью «въ свѣтѣ несотворениомъ» явилась «спреюдная жена» и велѣла ей проповѣдать всему городу постъ и молитву, обѣщая, что Господь услышитъ моленіе и дастъ землѣ тишину и благоденственное житіе. Козьма Мининъ также имѣлъ видѣніе. Преподобный Сергій, явивъ во свѣ Минину, велѣлъ ему «казну собирати и воинскихъ людей надѣляти, и иди на очищеніе Московскаго государства, старѣйшіе въ такое дѣло да не ишдуть, наипаче же юншіе начнутъ творити». Мининъ увѣровалъ въ видѣніе, когда оно повторилось, и послѣ того, какъ заболѣлъ за свое «небреженіе».

Въ то время, когда въ Нижнемъ Новгородѣ несли деньги и имущество на защиту отечества, когда собирались тамъ ратные люди, въ Кострому пришла изъ Москвы боярская грамота съ увѣщаніемъ оставаться вѣрными королевичу Владиславу. Жители Костромы раздѣлялись на двѣ партіи, изъ которыхъ одна, большая, требовала присоединенія къ нижегородскому ополченію, другая же, во главѣ съ костромскимъ воеводой Иваномъ Шереметевымъ, требовала вѣрности королевичу Владиславу. Между тѣмъ князь Дмитрій Ивановичъ Пожарскій и Козьма Мининъ уже выступили изъ Нижнего со своими дружинами къ Костромѣ.

Въ Балахнѣ къ Нижегородскому ополченію присоединился съ воинами Матвій Плещеевъ, а жители города, собравъ деньги, вручили ихъ князю Пожарскому. Юрьенецъ, Рѣшма и Кинешма также оказали свое содѣйствіе, какъ деньгами, такъ и людьми. Въ городѣ Юрьевцѣ къ Пожарскому присоединился многочисленный отрядъ юрьевскихъ татаръ, которые одѣлены были юрьевчанами жалованьемъ и пошли съ Пожарскимъ далѣе къ Ярославлю¹⁾. Въ Плещѣ князь Пожарскаго встрѣтили многіе костромичи и заявили ему,

¹⁾ Титовъ Ап. Старин. вол. и стани въ Костромск. стор., стр. 61.

что Костромской воевода Иванъ †Шереметевъ не хочетъ впускать его въ городъ. Князь Пожарскій, прибывъ въ Кострому, занялъ ея посады. Между тѣмъ большинство горожанъ возстало противъ своего воеводы и «мало не убиша его», если бы не спасъ его князь Пожарскій, вступившій съ ополченіемъ въ городъ.

Успокоивъ жителей и назначивъ имъ воеводою князя Романа Гагарина и дьякомъ Андрея Подтѣсова, Пожарскій собралъ изъ костромичей большое ополченіе, а также получилъ отъ нихъ значительное количество денегъ. Во время пребыванія своего въ Костромѣ князь Пожарскій посылалъ отрядъ воиска въ Суздаль для усмиренія казаковъ, разграбившихъ городъ. Присоединивъ костромское ополченіе къ своимъ войскамъ, князь Пожарскій выступилъ къ Ярославлю, сопровождаемый великими почестями и благопожеланіями со стороны костромскихъ жителей.

Съ пути отъ Ярославля къ Москвѣ, въ 1612 году, князь Пожарскій заѣзжалъ въ Спасо-Ефиміевъ монастырь, находящійся въ г. Суздаль, чтобы помолиться на могилѣ предковъ, ибо въ этомъ монастырѣ была родовая усыпальница князей Пожарскихъ. Князья Пожарскіе составляють вѣтвь князей Стародубскихъ Стародубо-Ряполовекаго княжества.

Много работы и труда предстояло князю и его ополченію, но серьезность задачи, глубокая вѣра въ свое отечество и беззаветная любовь къ нему побѣдили все препятствія, и 27 ноября 1612 года Москва и вся сѣверо-восточная Россія, въ лицѣ оставшихся въ живыхъ ополченцевъ, праздновала свое спасеніе въ древнемъ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

22 октября 1612 года, когда поляки сдали кремль ополченію сѣверныхъ городовъ, изъ кремля, въ числѣ другихъ бояръ и боярынь, вышли Иванъ Никитичъ Романовъ, инокиня Марья Іоанновна и сынъ ея Михаилъ Θεодоровичъ.

Тягостно было для Романовыхъ пребываніе въ плѣну у поляковъ въ Московскомъ кремлѣ. Вотъ какъ описывается это пребываніе въ утвержденной грамотѣ объ избраніи на московское государство Михаила Θεодоровича Романова.

«Польскіе и литовскіе люди великими мѣрами въ городахъ

крѣпилися и Московскаго государства бояръ и всякихъ людей, которые были у нихъ въ неволѣ, въ городѣ держали и пѣть кремля никуда не пускали. А наипаче всѣхъ враги-злѣдѣи *тѣснили и во всякой крѣпости и за пристаои крѣпкими держали* Михаила Феодоровича Романова-Юрьева съ матерью его, съ инокою Марою Ивановной, потому что всего великаго московскаго государства бояре и воеводы, и все христіанское воинство, которые стояли подъ Москвою и во всѣхъ городахъ всего Россійскаго царствія, всякіе люди объ немъ, объ Государѣ Михаилѣ Феодоровичѣ, скорбѣли и всякими мѣрами промышляли, чтобы его, Государя, отъ такового злаго плѣненія освободити, понеже онъ, великій Государь, отъ благороднаго кореня благоцѣлующая отрасль благочестиваго и праведнаго Великаго Государя Царя и Великаго князя Феодора Ивановича всея Русіи самодержца племянникъ. Да не токмо Россійскаго государства всѣ православные христіане объ немъ, Великомъ Государѣ, скорбѣли и враги Московскому Государству польскіе и литовскіе люди, которые были въ Московскомъ государствѣ, слыша его государекій праведный корень и видя его разумна и благочестива, во всемъ его, Государя, почитали и честь ему, Государю, воздавали и во всякое его Государское достоинство причитали.

И сія слышавъ и видѣвъ, злѣдѣи, Московскаго государства измѣнники и христіанской вѣры разорители, Михайло Салтыковъ да Федька Ондриковъ съ товарищи и со своими содѣлники, да Олександръ Гонсевской напаче на сего праведнаго Михаила Феодоровича и на его благочестивую мать, рождшую его иноку Марю Ивановну, *нападаютъ и злыми толмительствомъ и крѣпкими пристаои, и голодомъ, и всякими разными злыми тѣснотами душу праведнаго мучице, и домыслихуся, какъ бы его, аки аще излобнаго смерти предати»*.

VII.

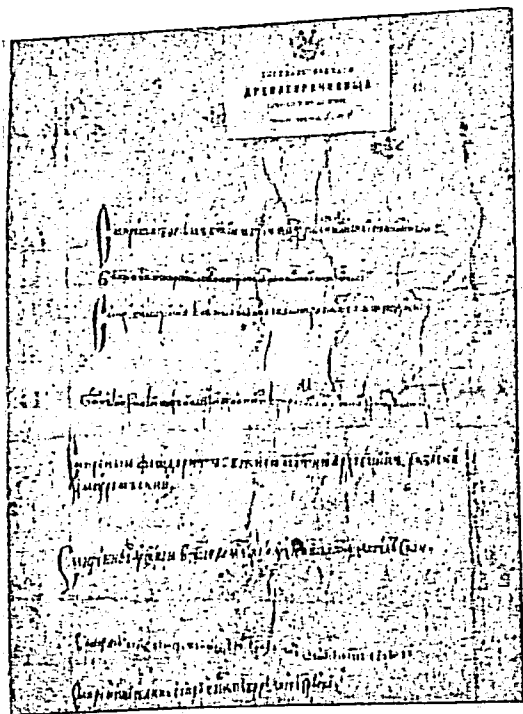
Избрание на царство Михаила Осодоровича Романова. Земскій соборъ 1613 года. Родословная бояръ Романовыхъ. Легенды о Романовыхъ. Посольство собора въ Кострому къ избранному Царю. Мѣстоиможденіе Романовыхъ. Жалованныя грамоты, удостоверяющія фактъ подвига Ивана Сусанина.

ДЛЯ совершеннаго успокоенія Россіи, разоренной и обезсипленной продолжительною смутною, требовалось избрать Царя. Эта задача представлялась довольно трудной: все отягчнно понимали, что отъ неудачнаго выбора Царя снова произойдутъ смуты и безпорядки. Такъ какъ въ освобожденіи Россіи главную роль играла земская Русь, то, понятное дѣло, у многихъ могла явиться мысль, чтобы Царь былъ избранъ не одними боярами, но выборными отъ всехъ сословій—тѣмъ болѣе, что земскіе соборы не были учрежденіями чуждыми Россіи и очень часто собирались еще въ царствованіе Іоанна Грознаго.

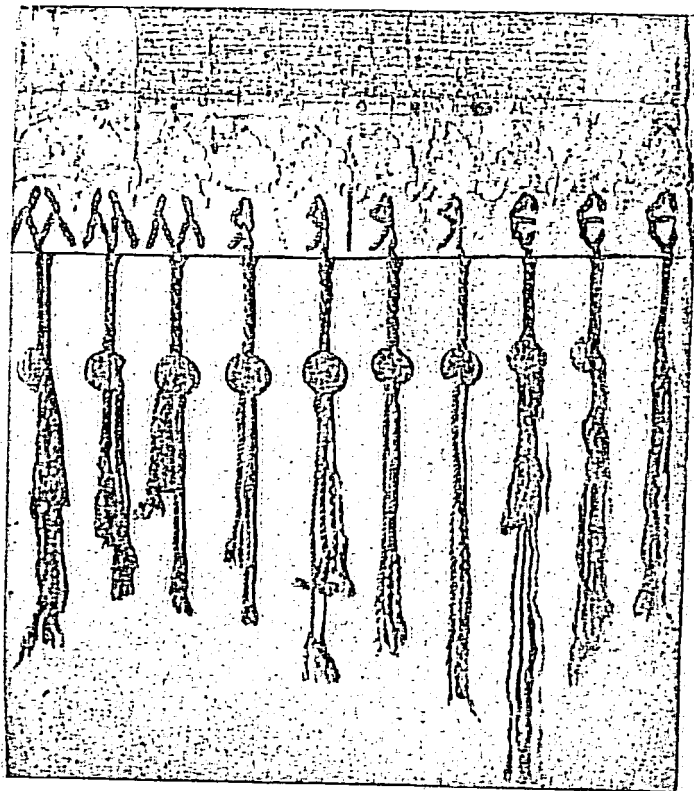
Въ Москвѣ былъ учрежденъ совѣтъ, въ составъ котораго вошло вышее духовенство и главные бояре, правившіе Москвою. Духовенство прежде всего назначило въ Москвѣ, а черезъ посланія— и въ другихъ городахъ русскихъ, всеобщее очищеніе, состоявшее въ трехдневномъ постѣ, а Московскій Совѣтъ съ своей стороны разослалъ по государству окружную грамоту слѣдующаго содержания: «при прежнихъ Великихъ Государяхъ все на Руси строилось благо и успѣшно, но, за пресвченіемъ царской степени», явились безпорядки, достигшіе съ теченіемъ времени, ужасающихъ размѣровъ; «безъ Государя Московское государство ничѣмъ не строится»; потому предписывается по городамъ всякихъ чиновъ людямъ составить между собою совѣтъ о мѣрахъ уничтоженія и предотвращенія зла, главнымъ же образомъ, объ избраніи Царя, кого дастъ Богъ, за исключеніемъ государей литовскихъ и нѣмецкихъ; по рѣшеніи же этихъ вопросовъ, прислать въ Москву выборныхъ представителей по тому же общему дѣлу.

Грамота объ избраніи на царство
Михаила Феодоровича Романова.

Подписи Митрополитовъ и Епископовъ.
1-я подпись Митрополита Казанскаго
и Свяжскаго Ефрема.

Печати на грамотъ объ избраніи на царство
Михаила Ѳеодоровича Романова.

Въ началѣ февраля 1613 года собрался земскій соборъ, на который, со стороны духовенства изъ Костромы, былъ посланъ игуменъ Вогоявленскаго монастыря Арсеній ¹⁾. Этотъ соборъ, какъ говоритъ проф. Трачевскій ²⁾, въ первые дни представлялъ картину только что окончившейся смуты: было много споровъ и криковъ, не обошлось безъ козней притязателей на престолъ, безъ подкуповъ, безъ подсыловъ; робко произносилась тамъ и здѣсь имена Голицына, Шуйскаго, Трубецкаго и Пожарскаго. Но вотъ какой-то дворянинъ изъ Галича (Костромскаго) подалъ на земскомъ соборѣ письменное заявление, въ которомъ говорилось, что ближе всѣхъ по родству съ прежними Царями былъ Михаилъ Θεодоровичъ Романовъ и его надобно избрать на царство. Раздалась голоса недовольныхъ: «кто принесъ такую грамоту? кто? откуда?» Въ это время входитъ доносной атаманъ и также подаетъ письменное мнѣнiе. «Что ты это подалъ, атаманъ?» спросилъ его Пожарскій. «О природномъ царѣ Михаилѣ Θεодоровичѣ», отвѣчалъ атаманъ. И затѣмъ, когда атамана не хотѣли слушать, то стрѣльцы вологодскіе, архангельскіе и астраханскіе, обнаживъ оружіе, пообѣщались перебить всю боярскую думу ³⁾.

Постепенно среди выборщиковъ земскихъ укрѣпилась мысль объ избраніи Царемъ юнаго Михаила Θεодоровича Романа. На этой мысли останавливались, во-первыхъ, по родству Романовыхъ съ Рюриковымъ домомъ, такъ какъ царица Анастасія приходилась двоюродной бабкой Михаилу Θεодоровичу; кромѣ того, еще въ 1391 году тверской князь Михаилъ Александровичъ женилъ сына своего Θεодора Михайловича, удѣльнаго князя Микулинскаго, на Аннѣ Θεодоровнѣ, единственной дочери знаменитаго боярина Θεодора Андреевича Кошки, одного изъ предковъ Михаила Θεодоровича Романова по прямой линіи ⁴⁾; во-вторыхъ, по заслугамъ бояръ Романовыхъ предъ отечествомъ при прежнихъ Государяхъ, начиная съ Юаина Калиты; въ-третьихъ, въ виду ихъ всегдашней скромности и непричастности къ домогательству престола въ Смутное время.

¹⁾ Костр. Губ. Вѣд. 1838 г., № 11, стр. 58.

²⁾ Русск. Истор., стр. 314.

³⁾ Соловьевъ. Истор. Россіи, т. VIII, стр. 1039.

⁴⁾ Сизифовъ П. П. Сборн. матер. по исторіи предковъ Царя М. О. Романова, ч. II, стр. 7.

Кромѣ того, народъ помнилъ указаніе на Михаила, сдѣланное знаменитымъ страдальцемъ за Россію патріархомъ Гермогеномъ, и любилъ самое имя Михаила, вспоминая при этомъ имени своего героя и защитника Михаила Скопина-Шуйскаго. Не лишены основанія также и соображенія профессора Трачевскаго, который говоритъ, что «была и нравственная связь между Романовыми и народомъ», такъ какъ измученный угнетеніемъ и смутой народъ представлялъ себѣ Романовыхъ въ привлекательномъ видѣ, какъ олицетвореніе своихъ страданій. Онъ помнилъ, сколько они претерпѣли при Годуновѣ, видѣлъ, какъ страдалъ Филаретъ въ польскомъ плѣну, а его жена въ монастырѣ, въ разлукѣ съ ребенкомъ, который чуть не погибъ подъ ногами поляковъ»; ¹⁾ видѣлъ, какія страшныя физическія мученія перенесъ Михаилъ Никитичъ Романовъ, будучи въ ссылкѣ—въ Чердынѣ.

21 февраля 1613 года на засѣданіи земскаго собора все выразили единодушное желаніе имѣть Царемъ Михаила Феодоровича Романова.

Ничего удивительнаго поэтому въ томъ, что, когда рязанскій архіепископъ Феодоритъ, келарь Авраамій Палицынъ и бояринъ Морозовъ спросили съ лобнаго мѣста московскій народъ, кого онъ желаетъ въ Цари, толпа единогласно и вполне сознательно отвѣтила: «Михаила Феодоровича Романова!»

Такъ благополучно и мудро разрѣшился важнѣйшій вопросъ, имѣвшій благотворныя послѣдствія для дальнѣйшей жизни Россіи.

Родъ Романовыхъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ родамъ. Герольдмейстеръ Петровскаго времени, ближайшій столичный, Степанъ Андреевичъ Колачевъ въ составленной имъ рукописи говоритъ, что въ 1773 году по Р. X. прусскій король Фридрихъ II «для старости своей, отдалъ въ вѣчное владѣніе свое прусское королевство брату своему Вейденуду, а самъ опредѣлился къ подолженію первымъ женомъ въ городѣ Романовѣ, идѣже имѣлъ нѣмецкое мѣстечко Гейлгенфельдъ».

«Вейденудъ, въ свою очередь, передъ концомъ жизни раздѣлилъ Прусскую землю между 12 сыновьями, изъ которыхъ четвертый

¹⁾ Проф. Трачевскій, Русск. Истор., стр. 315.

Недроичъ получилъ удѣлъ на берегахъ рѣки Прегеля. Крыжаки, (орденъ меченосцевъ) край земель недровскихъ мечемъ и огнемъ люте наче прочихъ раззорили и города недровскихъ князей, потомкомъ вышесказаннаго Недрона, до основанія истощили и разрушили». Эти бѣдствія постигли Недровскій удѣлъ уже въ XIII вѣкѣ, при князѣ Дивонѣ, потомкѣ Недрона въ 9-мъ колѣнѣ. Въ 1280 году старшій сынъ Дивона, князь Русенигенъ, «не имѣи силы отечества своего край отъ крыжаковъ боронити» сдался послѣднимъ и «со всею своею фамиліею», въ томъ числѣ и съ младшимъ своимъ братомъ Камбизою, нареченнымъ Гландою или Гландосомъ, крестился, «а какое имъ въ крещеніи дано имя, того въ лѣтописяхъ не написано... Въ 1283 году Гландосъ Камбила, Дивоногъ сынъ, самъ прииде къ Московскому Великому Князю Данилѣ Александровичу всея Россіи самодержцу, и тотъ его крестилъ въ законъ Греческаго исповѣданія, съ именемъ Ивана, понеже онъ прежде окрещенъ былъ въ Римскую вѣру. А что того славнаго Камбила стали нарицать Кобыла, учинено съ недозрѣнья особы его. Древніе писари русскіе, недовольные въ грамматическихъ ученіяхъ, весьма иноземныя прозванія и имена отъищали, не доисеуя вѣрно, или прибавкою отъ незнанія писали».

А. П. Барсуковъ, говоритъ, что, когда-бы и откуда-бы ни являлся Андрей Кобыла (Камбила) въ Россію, онъ становится лицомъ многомъ историческимъ лишь съ 1347 года, когда, по лѣтописному извѣстію, Великій Князь Симеонъ Ивановичъ послалъ его съ татомъ въ Тверь къ своей невесткѣ, княжнѣ Маріи Александровнѣ. Столь почетное порученіе, возлагавшееся обыкновенно на лицо, пользовавшееся особымъ довѣріемъ Великаго Князя, свидѣтельствуетъ о высокомъ положеніи Андрея Кобылы при Московскомъ дворѣ и подтверждаетъ разсказъ Колычева объ его знатномъ происхожденіи. Исторіографъ Миллеръ говоритъ, что достовѣрнѣе всего свидѣтельствуетъ о знатности отцовскаго рода Феодора Андреевича Кошки (младшій сынъ Андрей Кобылы) и о заслугахъ его самого то, что исторія сохранила память только о немъ ¹⁾. Въ духовной Великаго Князя Дмитрія Донскаго въ числѣ свидѣтелей значится и Феодоръ

¹⁾ А. П. Барсуковъ.

Кошка, что доказываетъ, по мнѣнію Н. Н. Селифонтова, что Феодоръ Кошка былъ въ числѣ правителей государства во время малолѣтства Донского и однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ его княженія. Феодоръ Кошка былъ хорошо извѣстенъ въ Ордѣ и пользовался тамъ большимъ уваженіемъ, особенно ордынскаго князя Эдигея ¹⁾. Лѣта 1391, говоритъ Русская Лѣтопись, ²⁾ женилъ Князь Великій Михайло Александровичъ Тверскій сына своего на Москвѣ у Феодора у Кошки Андреева сына. Этотъ бракъ породилъ боярина Кошку съ Рюриковичами, а также и съ Гедиминовичами, ибо княжна Марія Кештутьевна, родная сестра великаго князя Литовскаго Витовта, была замужемъ за старшимъ сыномъ Михаила Александровича — княземъ Иваномъ Михайловичемъ. Въ 1393 году Великій Князь Василій I послалъ въ Новгородъ въ числѣ пословъ и Феодора Андреевича Кошку. Передъ смертью Феодоръ Андреевичъ Кошка постригся въ монахи съ именемъ Феодорита ³⁾.

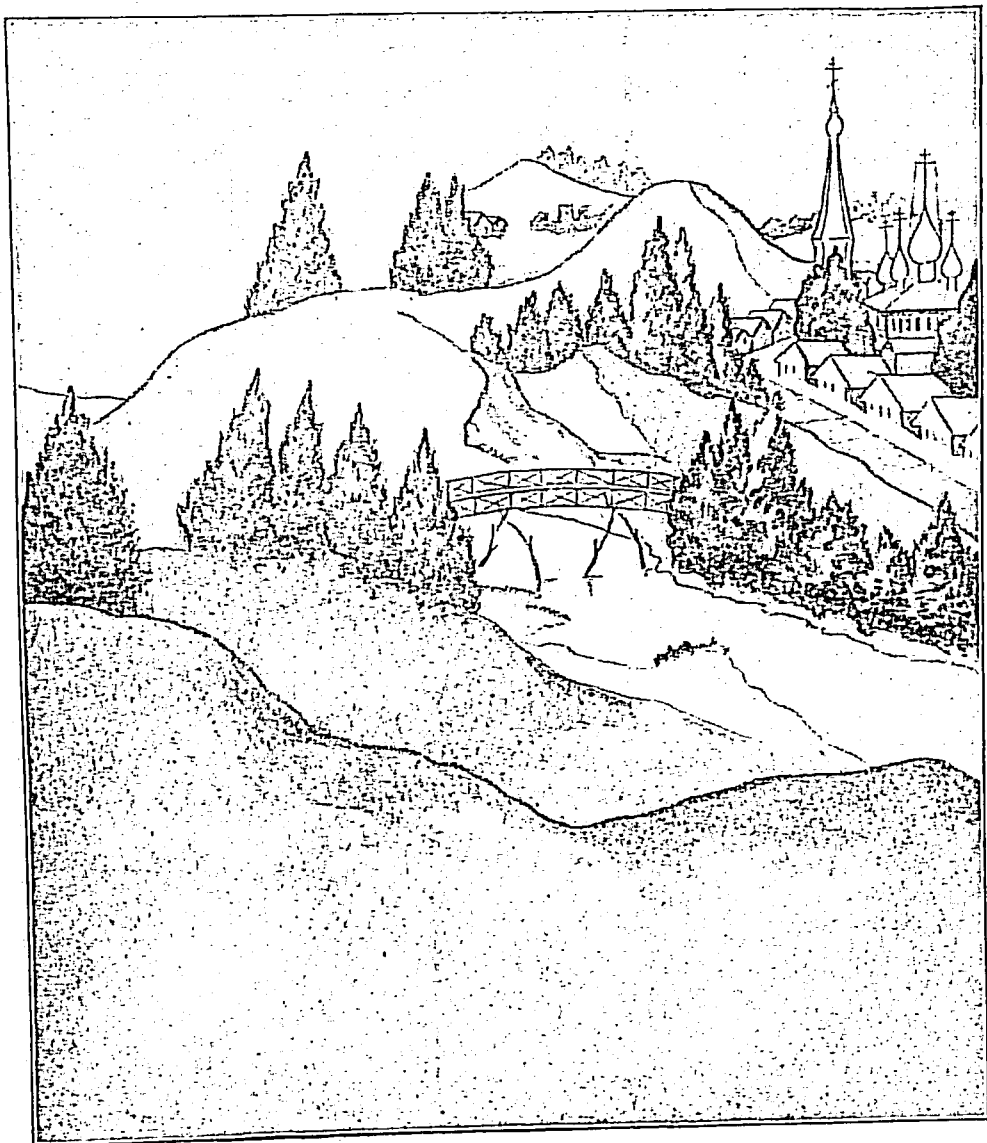
Старшій сынъ Феодора Андреевича Кошки Иванъ Феодоровичъ Кошкинъ, прямой пращуръ патріарха Филарета (Феодора Никитича Романова), пользовался весьма большимъ авторитетомъ при Московскомъ дворѣ ⁴⁾. Онъ былъ любимцемъ Великаго Князя Василія Димитріевича, что видно изъ грамоты Эдигея, который въ ней называетъ Ивана Кошкина «казначеемъ, любовникомъ и старѣйшиной» Великаго Князя. Сынъ Ивана Феодоровича Кошкина Захарій Ивановичъ Кошкинъ былъ бояриномъ Великаго Князя Василія II Темнаго и участвовалъ въ войнѣ съ литовцами. Бояринъ Юрій Захарьевичъ, сынъ Захарія Кошкина, служалъ при Великомъ Князѣ Иоаннѣ III Васильевичѣ главнымъ полковымъ воеводой, участвовалъ въ походахъ на Казань и въ битвѣ съ литовцами. Сынъ Юрія Захарьевича — Романъ Юрьевичъ Захарыинъ — былъ окольничимъ и воеводой. На его дочери Анастасіи Романовнѣ женился Царь Иоаннъ Васильевичъ Грозный, а сынъ Романа Юрьевича Никита Романовичъ служилъ при Грозномъ, участвовалъ въ Шведскомъ

¹⁾ Собраніе Государ. грамотъ и договоровъ, ч. II, стр. 16.

²⁾ По Никонову списку, ч. IV, стр. 202.

³⁾ Селифонтовъ.

⁴⁾ Обороты матеріаловъ по исторіи предковъ цари Михаила Феодоровича Романова, собранный Н. Н. Селифонтовымъ.

Видъ мѣстности по р. Суль въ г. Костромѣ.
Пейзажъ сохранившійся на древней плитѣ.

походѣ и, въ качествѣ посла, отправленъ былъ къ польскому королю. Отъ перваго брака у Никиты Романовича родился сынъ Θεодоръ Никитичъ, послѣдствіи Патріархъ Филаретъ, отецъ Михаила Θεодоровича Романа.

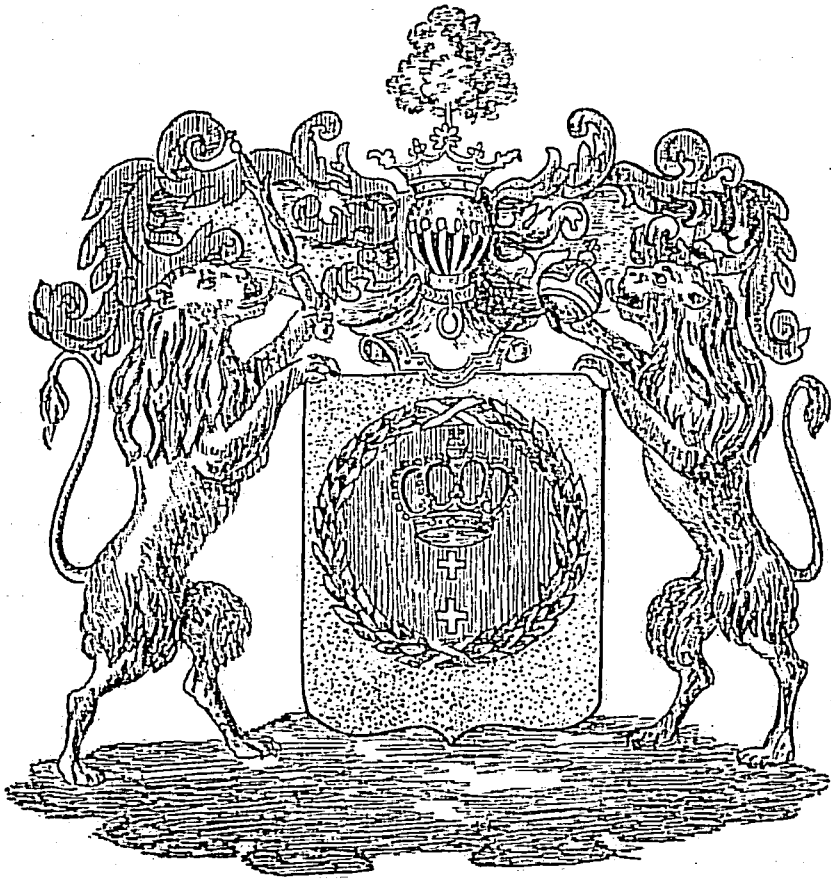
Такимъ образомъ, все предки бояръ Романовыхъ служили въ высшихъ должностяхъ при дворѣ Великихъ Князей и Царей Московскихъ. Сообразно заслугамъ, Романовы обладали многими имѣніями и землями, жалуемыми имъ въ разные времена. Такъ, имѣнія ихъ были въ предѣлахъ Псковской области и Новгородскихъ пятины, въ уѣздахъ Костромекомъ, Галичскомъ, Вуйскомъ, Вологодскомъ, Переделавскомъ, Дмитровскомъ, Коломенскомъ, Московскомъ, Владимірекомъ, Юрьевскомъ и др.

Н. Н. Селифонтовъ, въ «Сборникѣ матеріаловъ по исторіи предковъ Царя Михаила Θεодоровича Романа» пишетъ, что установленное исторіею общее происхожденіе вѣтвей Шереметевыхъ, Козыченыхъ, Сухово-Кобылинныхъ и др. отъ Литовско-Самогитскихъ державцевъ подтверждается также сходствомъ составныхъ частей, присвоенныхъ имъ вѣтвямъ и лѣпнымъ ихъ частныхъ гербовъ. Въ этихъ гербахъ изображены:

1. На золотомъ щитѣ красное овалной формы поле, окруженное лавровымъ вѣнкомъ, въ которомъ помѣщена золотая королевская корона, какъ символъ прежняго владычества прапредковъ въ Пруссіи, Самогитіи и Литвѣ; подъ короной два обыкновенныхъ серебряныхъ креста, расположенныхъ одинъ надъ другимъ, какъ свидетельство обращенія праотцевъ въ христіанство.

2. Поднимающійся изъ плеча, увѣнчаннаго короною и накрытаго краснымъ съ золотомъ наметомъ, дубъ напоминаетъ совершеніе подъ этимъ священнымъ деревомъ древними Пруссско-Самогитско-Литовскими правителями жертвоприношеній. Щитодержатели — два золотыхъ льва, изъ коихъ правый держитъ въ лѣвой лапѣ скипетръ, а лѣвый въ правой лапѣ — державу; эмблемы эти также напоминаютъ, что предки Романовыхъ были некогда державцами.

Все эти части герба, служація основаніемъ гербовъ всѣхъ происшедшихъ отъ даннаго рода вѣтвей, составляли некогда и гербъ Романовыхъ, пока, съ восшествіемъ на Престолъ этого дома, онъ не былъ замѣненъ гербами Московскимъ и обще-россійскимъ.

Гербъ Романовыхъ (по Нампнгаузену).

Всѣ Романовы пользовались большою популярностью среди народа. Многие бояре испытали гнѣвъ Иоанна Грознаго, многие платили за знаніею — и одинъ только Никита Романовъ неизмѣнно пользовался все время большимъ уваженіемъ и довѣренностью Грознаго Царя. Въ различныхъ пѣсняхъ, былинахъ, преданіяхъ и т. п. имя Никиты Романова часто можно встрѣтить, что ясно доказываетъ, какимъ уваженіемъ, какимъ довѣріемъ народа пользовался этотъ бояринъ. Какое чувство состраданія и скорби народной вылилось въ тѣхъ былинахъ и сказаніяхъ, которыя повѣствуютъ объ ужас-

ныхъ страданійхъ, перенесенныхъ дѣтьми Никиты Романова въ ссылки и заточеніи.

Приведемъ здѣсь одну быль, какъ «Никитѣ Романовичу дано село Преображенское».

Царь Іоаннъ Грозный пируетъ «въ каменной Москвѣ», «бесѣдушка была навеселѣ, а лѣтній день въ половинѣ дня»: участвовавшіе «въ бесѣдѣ» стали другъ передъ другомъ хвастаться, кто силой, кто родомъ, кто своимъ богатствомъ. Во время этого разговора Іоаннъ Грозный сказалъ: «глуные вы, бояре, неразумные! Все вы бездѣлицей хвастаетесь», и при этомъ добавилъ, что только онъ, Царь, можетъ говорить о своихъ великихъ подвигахъ—взятіи Казани, Астрахани, наконецъ, о томъ, что онъ вывелъ крамолу изъ Новгорода и т. д. Никто ничего не возразилъ на это царю, только одинъ царевичъ Феодоръ осмѣлился проивнести: «отосюду ты вывелъ измѣну на Русь, не вывелъ ее только въ каменной Москвѣ» и при этомъ юный царевичъ прямо указалъ, какъ на измѣнниковъ, на Годуновыхъ. Царь съ гнѣвомъ требуетъ объясненія отъ сына. Тотъ отвѣчаетъ:

«Ты самъ про нихъ знаешь и вѣдаешь,
Про трехъ Годуновыхъ измѣнниковъ,
Ты пьешь съ ними, ѣшь съ одного блюда,
Единую чару съ ними требуешь».

Разгнѣванный Грозный царь приказываетъ созвать «палачей немилостивыхъ» для того, чтобы отвезти виновника царскаго гнѣва—царевича—на Москву-рѣку, «къ тому болоту поганому, ко той колузѣ кровавой, ко той плахѣ бѣло-дубовой». Однако никто не рѣшился исполнить такое страшное порученіе. «Все палачи пенужались, со Москвы разбѣжались», говорить было трудно, и только одинъ «Малюта-палачъ, сынъ Скуратовичъ» изъявилъ готовность исполнить царскій приказъ. Царевичъ былъ отведенъ на мѣсто казни. Когда вѣсть объ этомъ событіи донеслась до с. Романовскаго, удѣ жилъ Никита Романовичъ, послѣдній бросается на несѣдланнаго коня, и скачетъ къ мѣсту казни. По дорогѣ онъ догоняетъ Малюту, идущаго къ «поганому болоту». Никита Романовичъ кричитъ:

«Малюта-палачъ, сынъ Скуратовичъ!
Не за собой ты кулъ хватаешься,
А этимъ кусомъ ты поданнись».

Малюта отвѣтилъ, что онъ не можетъ ослушаться Царя.

Никита Романовичъ рѣшается принести въ жертву своего любимца—конюха и отвѣчаетъ Малютѣ:

«Скажи ты любимаго конюха моего,

Окровени саблю острую,

Замарай въ крови рутн бѣлыя

И съ тѣмъ поиди къ Царю передъ очи».

И, вырвавъ изъ рукъ Малюты царевича, увозитъ его къ себѣ въ Романовское. Немного спустя, въ то время, какъ Иоаннъ Грозный сокрушается о несчастной судьбѣ, постигшей его сына, раскаиваясь въ странномъ дѣяніи, которое онъ совершилъ, Борисъ Годуновъ доноситъ царю, что Никита Романовъ шуруетъ въ своемъ селѣ. Разгнѣванный Царь призываетъ къ себѣ Романова и съ странными угрозами спрашиваетъ, чему бояринъ радуется, шуря въ то время, когда Царя постигла такая печаль. Никита Романовъ отвѣчаетъ:

«А для того у меня ширъ на-веселѣ,

Въ трубочки играють по ратному,

Въ барабаны бьютъ по военному,—

Утѣшаютъ млада царевича».

Никита Романовъ открываетъ Грозному всю правду. Обрадованный Царь сѣднитъ въ Романовское, чтобы скорѣе увидѣть царевича, спасеннаго преданнымъ и вѣрнымъ бояриномъ, котораго жалуется «златомъ и серебромъ» и «грамотой на село Преображенское».

Больше всего сохранилось самыхъ трогательныхъ сказаній связанныхъ съ именемъ Михаила Никитича Романова, который проведъ нѣсколько лѣтъ въ ссылкѣ въ Чердыни и Ныроби. Съ стоическимъ мужествомъ этотъ кроткій, безгранично добрый и сердечный бояринъ, обладавшій выдающеюся красотой, мужествомъ и богатырской силой, переносилъ всевозможныя физическія и нравственныя мученія.

Немало также преданій сохранилось о печальной судьбѣ, постигшей Александра Никитича. Такъ, одно изъ преданій передаетъ, что послѣ его смерти ненавистники хотѣли умышленно уничтожить слѣды могилы, но надъ ней выросли могучія сосны.

Снимокъ съ Феодоровской иконы Божіей Матери.

Михаилъ Θεодоровичъ въ моментъ избранія жилъ съ матерью въ своей Костромской вотчинѣ. Соборомъ и рѣшено было отправить къ нему въ городъ Кострому посольство съ грамотой, а во всё города Россіи послать присяжныя записки и извѣстительныя грамоты объ избраніи Земскимъ Соборомъ Михаила Θεодоровича Романова на царскій престолъ. Кроме того, для посольства была выработана особый наказъ, въ которомъ указано было, кому и что говорить. Посольство состояло изъ слѣдующихъ лицъ: архіепископа рязанскаго и муромскаго Θεодорита, архимандритовъ: Чудова монастыря — Авраамія, Новоспасскаго — Иосифа, Симонова — Павла, Троице-Сергіевой лавры — келаря Авраамія Палицына, протопоповъ московскихъ соборовъ Благовѣщенскаго и Архангельскаго и протопопа собора Николая Зарайскаго — Димитрія; отъ царскаго синклита въ составъ посольства вошли бояре: Θεодоръ Ивановичъ Шереметевъ, Князь Владиміръ Ивановичъ Бахтеяровъ-Ростовскій, окольный Θεодоръ Васильевичъ Головинъ, дякъ Андрей Варфѣвъ и другіе окольные и дворяне.

До сихъ поръ былъ спорнымъ вопросъ о томъ, гдѣ находилась мать и сынъ Романовы послѣ того, какъ вышли изъ Московскаго кремля и уѣхали изъ Москвы.

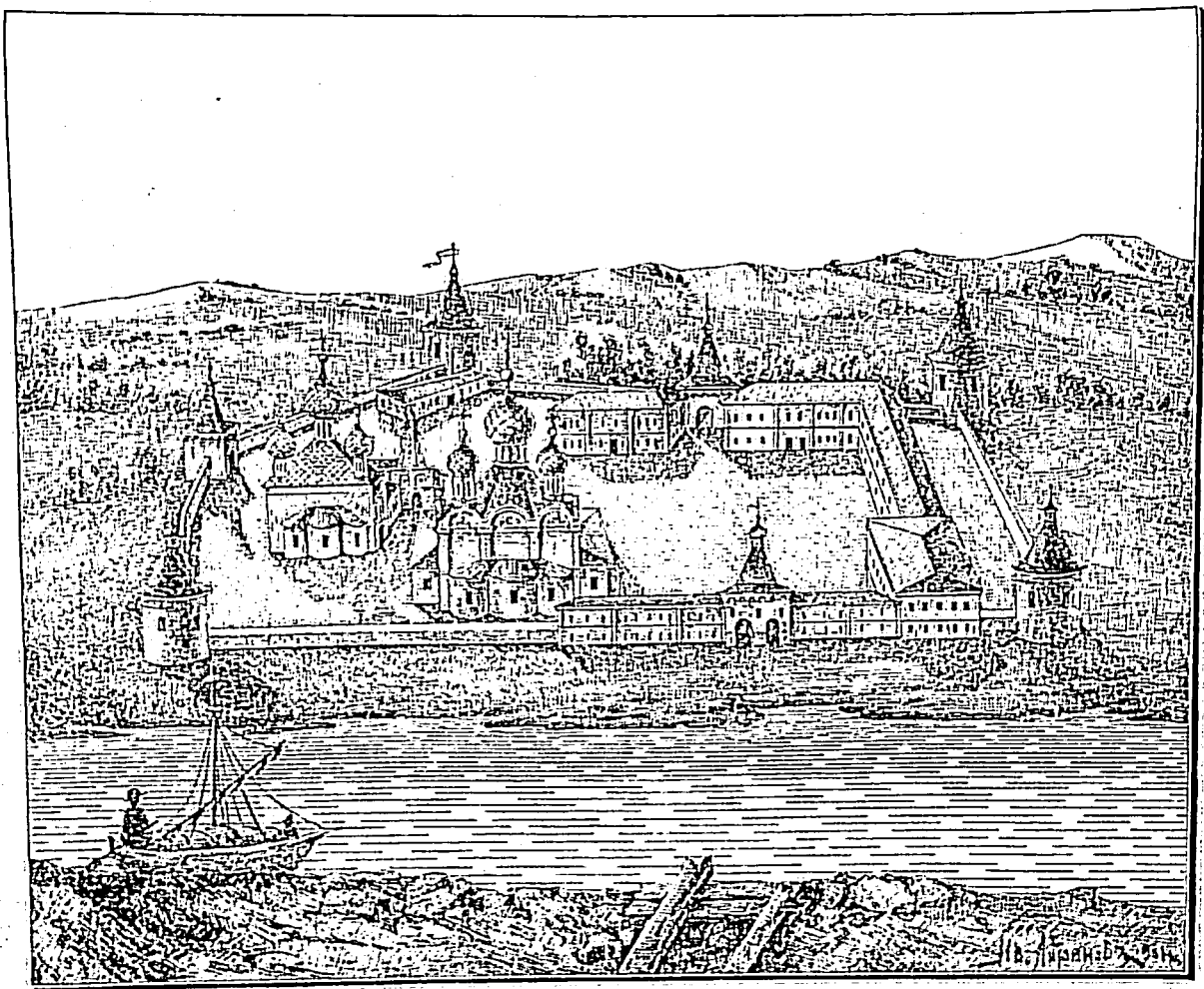
Историки отмѣчаютъ, что на Земскомъ Соборѣ, избранномъ Михаила Θεодоровича никто опредѣленно не могъ указать, гдѣ живутъ мать и сынъ Романовы. У Костромскаго историка Козловскаго (на стр. 94) сказано, что Московское посольство готовилось отправиться въ Кострому, ибо тогда Михаилъ Θεодоровичъ съ родителями жили въ Костромской вотчинѣ своей. Князь Козловскій, излагая далѣе событія, на страницѣ 95 пишетъ, что Сусанинъ вызывается проводить польскій отрядъ къ мѣсту жительства Романовыхъ, но въ то же время успѣваетъ приказать зятю своему, чтобъ онъ, какъ можно скорѣе, съѣхалъ въ село Домнино для извѣдомленія Михаила объ угрожающей опасности. Въ родословной Домы Романовыхъ, составленной барономъ Кампенгаузеномъ въ 1805 году (Н. Н. Селифонтовъ), на стр. 151 сказано: «было и другое измѣненіе (Домнино) недалеко отъ города Костромы, возвращенное семьѣ Романовыхъ по возвращеніи ихъ изъ ссылки, измѣненіе,

или вотчина, тѣмъ болѣе примѣчательная, что въ ней жилъ будущій Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ въ то самое время, когда всѣ сословія государства избрали его наследственнымъ и неограниченнымъ Государемъ Россійской Державы». По свидѣтельству Козловскаго (стр. 96) и по исторіи Самарянова (стр. 6), въ Костромѣ Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерью остановились въ своемъ осадномъ дворѣ и, только по просьбѣ Костромичей, переѣхали для пріема посольства въ кельи Платіевскаго монастыря, которыя съ-подавня носили названіе «намѣстничьи кельи».

Кромѣ того, невозможно допустить, чтобы Романовы могли найти защиту въ этомъ монастырѣ, который изстари принадлежалъ Годуновымъ — врагамъ Романовыхъ.

Въ архивѣ Костромской Палаты Государственныхъ пмуществъ находится дѣло о церкви с. Домнина. Въ этомъ дѣлѣ, между прочимъ, говорится слѣдующее: «въ октябрѣ мѣсяцѣ 1612 г. Ксенія, тогда уже инокиня Марѳа Іоанновна, освободясь изъ польскаго плѣна, съ 15-лѣтнимъ сыномъ Михаиломъ, уѣхала изъ Москвы *въ Костромское свое помѣстье, въ село Домнино*, гдѣ, оставивъ сына своего, какъ монахиня, удалилась въ домъ свой, находившійся въ Костромскомъ кремлѣ у бывшаго тамъ Воздвиженскаго мужскаго монастыря».

Въ сохранившемся очень важномъ Государственномъ актѣ — въ утвержденной грамотѣ объ избраніи на Московское Государство Михаила Ѳеодоровича Романова (изд. Импер. общ. истор. и древн. Росс. при Моск. унив. подъ наблюд. Вѣлокур. 1904 г.) значится слѣдующее: «...и по милости Всемогущаго и Всесильнаго, въ Троицѣ славимаго Бога нашего и Пречистыя Его Матери и великихъ Московскихъ чудотворцевъ молитвою, а службою и радѣніемъ ко всей землѣ боярина и воеводы князя Дмитрія Тимофеевича Трубецкого, да стольника и воеводы князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, да выборнаго человека ото всего Московскаго Государства Кузьмы Минина, и бояръ, и окольныхчихъ, и чашниковъ, и стольниковъ, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и атамановъ, и казачковъ, и стрельцовъ, и всѣхъ ратныхъ людей Московскаго Государства своимъ мужествомъ и храбростію Царствующій градъ Москву отъ Польскаго и отъ Литовскаго короля и отъ Польскихъ и отъ

Видь Костромского Ипатьевского монастыря 1613 г.

Точная копия съ дрсвянаго рисунка, хранящагося въ Костромскомъ Романовскомъ музеѣ.

Литовскихъ людей, отъ ихъ злого плѣненія очистили. Сей же Михайло Феодоровичъ, и съ матерью своею, по дѣйству Святого Духа освобоженіе отъ злого томительства пріемлетъ и яко птица отъ тенетъ отрѣшается, и во своя вотчины, въ Костромской уездъ, скоро по освобожденіи возвращается». (Стр. 13).

Далѣе въ той же грамотѣ говорится: «а великій Государь, Богомъ избранный Царь и Великій Князь, Михайло Феодоровичъ всея Руси Самодержецъ, въ то время бысть въ Костромскомъ уездѣ, у себя въ вотчинѣ, той Божіей Святой Воли и избранія всѣхъ православныхъ христіанъ всего Россійскаго Царствія по его государскому достоинству, на его Царскій престоль, на Россійское Государство, ему, Великому Государю, никако не вѣдующе и во умъ себѣ того не помышляюще». (Стр. 14).

Резюмируя все вышесказанное, необходимо придти къ заключенію, что Михайлъ Феодоровичъ Романовъ и родительница его Марфа Іоанновна, освободившись изъ польскаго плѣна, по выходѣ изъ Московскаго Кремля, уѣхали изъ Москвы въ свое помѣстье, въ село Домнино, находившееся въ то время въ Костромскомъ уездѣ, а затѣмъ, послѣ избранія на царство Михаила Феодоровича, перѣехали въ Кострому и остановились въ своемъ осадномъ дворѣ, находившемся въ Кремлѣ, и только для принятія Московскаго посольства перѣехали въ «наместничьи кельи» Платьевскаго монастыря.

2 марта 1613 года Московское посольство съ Тихвинской иконой Божіей Матери, писанной, по преданію, св. митрополитомъ Петромъ, съ Владимірской иконой Ея и съ иконой московскихъ чудотворцевъ Петра, Алексея и Іоны отправилось изъ Москвы въ Кострому. Но, прежде прибытія сюда посольства для предложенія, царской короны Михайлу Феодоровичу, послѣдній подвергся великой опасности отъ враговъ.

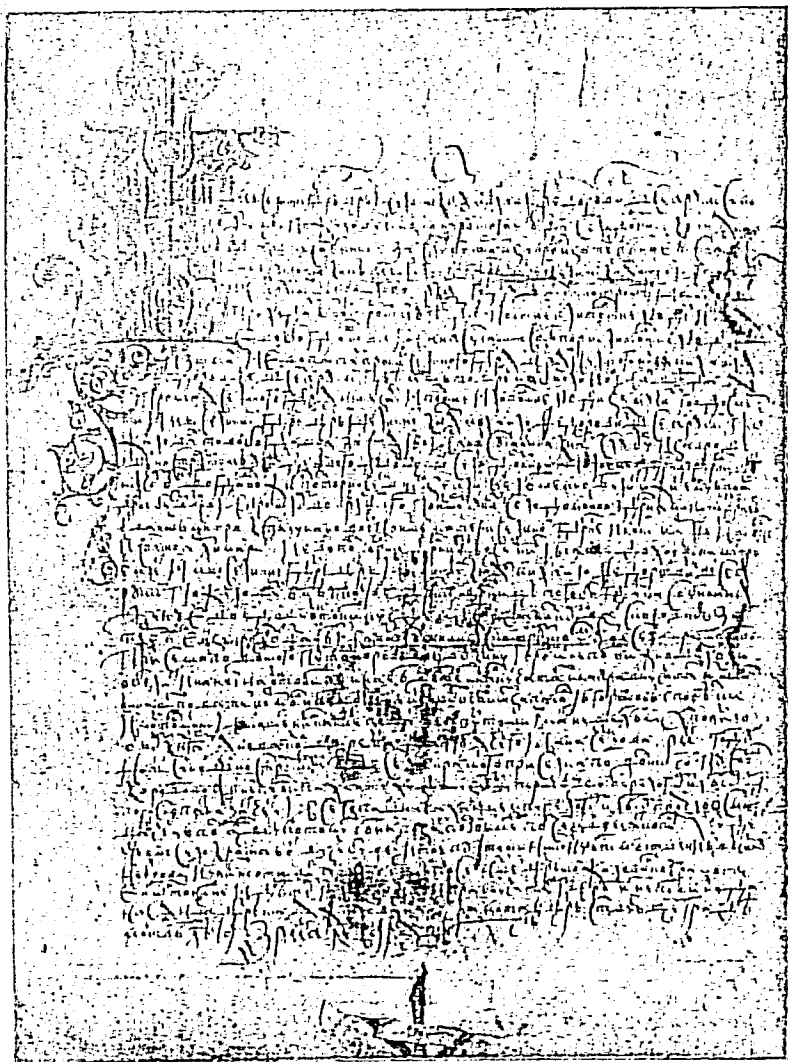
Поляки и Литовцы, всюду бродившіе по Россіи, узнавъ, что въ Москвѣ избранъ Царемъ Михайлъ Феодоровичъ Романовъ, задумали схватить его и убить, или отправить въ Польшу, прежде чѣмъ посольство придетъ изъ Москвы для приглашенія его на царство. Для этой цѣли одинъ изъ отрядовъ направился изъ Вологды къ Костромѣ, въ село Домнино.

Обстоятельства спасенія отъ враговъ вновь избраннаго Царя многими авторами описываются различно, а нѣкоторые историки и совершенно отрицаютъ этотъ фактъ. Но, въ настоящее время, уже никто не отрицаетъ того, что Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ спасенъ костромскимъ крестьяниномъ Иваномъ Сусанинымъ. Это несомнѣнно и неопровержимо подтверждается грамотами, жалованными потомкамъ Сусанина Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, отъ 30 ноября 1619 г. и отъ 30 января 1633 года, а также жалованными грамотами Иоанна и Петра Алексѣевичей, Анны Леопольдовны и Екатерины II.

1. Божією Милостію Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь, Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея Россіи Самодержецъ, по нашему царскому милосердію, и по совѣту и прошенію матери нашей, Государыни старицы инокини Марѣи Іоанновны, пожаловали езма Костромскаго уѣзда, нашего села Домнина крестьянина Богданка Собинина за службу къ намъ и за терибніе тестя его Ивана Сусанина. Какъ Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь, Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Россіи, въ прошломъ 1613 г. были на Кострогѣ, и въ тѣ поры приходили въ Костромской уѣздъ Польскіе и Литовскіе люди и тестя его, Богданка Собинина, въ тѣ поры Литовскіе люди изымали и его пытали великими, немѣрными пытками, а пытали у него, гдѣ въ тѣ поры Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Россіи, были, и онъ, Иванъ, вѣдая про насъ, Великаго Государя, тѣмъ Польскимъ и Литовскимъ людямъ, гдѣ Мы въ тѣ поры были, не сказалъ, и Польскіе и Литовскіе люди замучили его до смерти. И мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь всея Россіи, пожаловали его, Богданка, за тестя его Ивана Сусанина къ намъ службу и за кровь, въ Костромскомъ уѣздѣ нашего дворцоваго села Домнина половину деревни Деревнищъ, на чемъ онъ, Богданка, нынѣ живетъ, полторы чети выти земли велѣли обѣлнить съ тою полудеревни и полторы чети выти, на немъ, на Богданкѣ, и на дѣтихъ его, и на внучатахъ никакихъ податей и кормовъ, и подводѣ, и наметныхъ великихъ столовыхъ и хлѣбныхъ запасовъ, и въ городовыя подѣлки, и въ мостовщину, и въ нынѣ ни въ какія подати имати съ нихъ не велѣли. Велѣли имъ тою полдеревни во всемъ обѣлнить и дѣтихъ ихъ, и внучатамъ, и во весь родъ ихъ неподвижно; а буде то наше с. Домнино въ которой монастырь и въ отдачѣ будетъ, тою полдеревни Деревнищъ, полторы чети выти земли ни въ который монастырь съ тѣмъ селомъ отдавать не велѣли, велѣли по нашему царскому жалованью владѣти ему, Богданкѣ Собинину, и дѣтихъ его, и внучатамъ, и правнучатамъ, и въ родъ ихъ во вѣки неподвижно. Дана сія наша Царская жалованная грамота въ Москвѣ 1619 года Ноября въ 30 день. На подлинной подписано такъ: а подписалъ Великаго Царя Государя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи дякъ Иванъ Болот-

никовъ. Въ окончаніи грамоты на шиуркѣ Государственная печать; а на оборотѣ той-же грамоты ознаменовано: Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея Россіи Самодержецъ.

2. Божією Милостію Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея Россіи Самодержецъ, пожаловали есма Костромского уѣзда, села Домнина, крестьянина Богданка Собинина, за службу къ Намъ и за кровь и за терѣвніе тестя его Ивана Сусанина. Какъ Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Россіи, въ прошломъ во 121 году были на Костромѣ, и въ тѣ поры приходили въ Костромской уѣздъ Польскіе и Литовскіе люди, и тестя его, Богданкова, Ивана Сусанина, въ тѣ поры Литовскіе люди изымали и его пытали про Нашъ, Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи, гдѣ Мы въ то время были, и онъ, Иванъ, вѣдал про Нашъ, Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи, гдѣ Мы въ то время были, и онъ, Иванъ, вѣдал про Нашъ, Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи, пожаловали того Богданка, за тестя его Сусанина къ Намъ службу и за кровь, въ Костромскомъ уѣздѣ, Нашего дворцоваго села Домнина, половину деревни Деревнищъ, на чемъ онъ, Богданка, жилъ.—полторы чети выти земан, велѣли ему обѣлить и жить ему въ той деревнѣ безданно. И въ прошломъ во 130 году, по Нашему указу село Домнино, съ деревнями и съ тою ихъ деревнею, отдано въ монастырь къ Спасу на Новой, по Нашей Матери, Великой Государынѣ, Пюкинѣ Марѣ Ивановѣ, и Спасекій архимандритъ его поддеревни Деревнищъ очернилъ и великіе доходы на монастырь смлетъ. И Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ, всея Россіи, пожаловали вмѣсто той деревни Деревнищъ, того Богданка Собинина жену его, вдову Антонидку, съ дѣтьми ея съ Данилкою да съ Костыкою, за терѣвніе и за кровь отца ея Ивана Сусанина, въ Костромскомъ уѣздѣ, села Краснаго, приселка Подольскаго, пустошь Коробово въ потчину и въ родъ ихъ неподвижно велѣли обѣлить, и на ней, на Антонидкѣ, и на дѣтихъ ея, и на внучатахъ, и на правнучатахъ никакихъ Нашихъ податей, кормовъ и поднодъ, и наметныхъ великихъ запасовъ, и въ городовой подѣлки, и въ мостовищину, и въ иные никакіи подати съ той пустоши изати не велѣли. А по шещовымъ книгамъ Якова Кондырева да подъячаго Паша Чоцова 140 года написано: въ Костромскомъ уѣздѣ села Краснаго, приселка Подольскаго, пустошь Коробово, а въ ней нашии паханья худья земли три чети, да перелогомъ и лѣсомъ поросло 15 четей, а всего нашии паханья и перелогоу, и лѣсомъ поросло 18 чети въ полѣ, а въ дву по томузъ, еина по за полю и межъ полъ 70 копень. А буде то наше село Красное въ отдачѣ будетъ и той пустоши никому ни въ помѣтьѣ, ни въ потчину не отдавать и у нихъ не отымать, а владѣть имъ по сей Нашей Царекоей грамотѣ ей, Антонидкѣ, и дѣтихъ, и внучатамъ, и правнучатамъ въ родъ ихъ неподвижно. Дана сѣи Наша Царекая жалованная грамота въ царствующемъ градѣ Москвѣ лѣта 7141, Генваря 30 день.

Желованная грамота потомкамъ Суевнина 1633 года.

У подлинной грамоты красная печать и на оборотѣ подписей: Царь и Великій Князь Михаилъ Θεодоровичъ, всея Россіи Самодержецъ. Справиль подъячій Анкейко Плавовъ ¹⁾).

3. Божією Милостію Мы, Пресвѣтлѣйшіе и Державнѣйшіе Великіе Гоеудари, Цари и Великіе Князи, Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы, слушають соей жадованной грамоты дѣда Нашего, Великихъ Гоеударей, блаженныя памяти Великаго Гоеудари, Цари и Великаго Князи Михаила Θεодоровича, всея Россіи Самодержца, Мишку да Лучку, Константиновыхъ дѣтей, да Гришку, Данилова сына, Собинныхъ пожаловали, вѣдали сію жалованную грамоту подписать на Наши, Великихъ Гоеударей, Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, имени, и пустошю Коробовою, за службу дѣда ихъ, владѣть Мишкѣ и Гришкѣ, и Лучкѣ, и ихъ дѣтямъ, и внучатамъ, и принучатамъ, и въ родѣ ихъ во вѣки неподвижно, и о всемъ чинить, какъ въ сей жалованной грамотѣ написано. (Полн. Собр. Зак. Т. III, стр. 1415).

4. Въ Правленіе Принцессы Анны Леопольдовны, 21-го сентибри 1741 года, къ грамотѣ цари Михаила Θεодоровича сдѣлана еще слѣдующая надпись: «А нынѣ Намъ отъ Нашего Сената всеподданнѣйше донесено, что съ тѣхъ Собинныхъ, какъ и съ другихъ крестьянъ, положенныхъ въ подушный окладъ, требуютъ рекрутъ; того ради Мы Всемилостивѣйше пожаловали, указали: съ нихъ Собинныхъ, какъ въ рекрутскіе, такъ и въ другіе поборы нынѣ и впредь ничего не спрашивать, а содержать ихъ при прежнихъ Великихъ Гоеударей жалованныхъ грамотахъ во всемъ непремѣнно. (Полн. Собр. Зак. Т. XI, стр. 8448).

5. Божією енисѣшествующею милостію, Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская, Московская, Кіевская, Владимирская, Новгородская, Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Гоеударыни Псковская и Великая Княгиня Смоленская, Княгиня Эстлянская, Лифляндская, Карельская, Тверская, Югорская, Пермская, Витекая и иныхъ земель Гоеударыни, и Великая Княгиня Новгорода Низовекія земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Влдоозерская, Удорская, Обдорская, Копдѣйская и всея сѣверной страны Повелительница и Гоеударыни, и великія земли Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей, и Кабардинскія земли Черкаскихъ и Горскихъ Князей, и иныхъ наследная Гоеударыни и Обладательница.

Въ нынѣшнемъ 1767 году, въ нашемъ Сенатѣ, Костромского уѣзда, села Подольскаго, деревни Коробовой, бѣломашецъ Ваенліи Сабининъ съ товарищи блии челомъ о подтвержденіи жалованныхъ предкамъ ихъ на землю грамотъ, представляя при томъ и самыя тѣ грамоты, изъ коихъ ивствуетъ: въ первой, 7128 ноябри 1, Предокъ Нашего Императорскаго

¹⁾ Кн. Козловскій. Взглядъ на исторію Костромы, примѣч. 79, стр. 160—164. Полное собраніе законовъ, т. III, стр. 1415.

Величества, Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Θεодоровичъ, по своему Царскому милосердію, а по совѣту и прошенію матери своей, Государыни и Великія Княгини Старицы Инокіи Марѣи Іоанновны, пожаловалъ Костромскаго уѣзда Дворцоваго села Домнина крестьянина Богдана Сабинина, за службу къ Его Царскому Величеству и за кровь и за терѣніе тестя его Ивана Сусанина, какъ онъ, Великій Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Θεодоровичъ, въ прошломъ 121 году, изволилъ быть на Костромѣ, и въ тѣ поры приходили въ Костромской уѣздъ Польскіе и Литовскіе люди, тестя его, Богданова, Ивана Сусанина, поймавъ, пытали великими пытками и спрашивали, гдѣ Его Царское Величество; и онъ, Иванъ, вѣдалъ про Его Царское Величество, гдѣ въ тѣ поры находится изволилъ, не сказалъ, и Польскіе и Литовскіе люди замучили его до смерти; и за то Его Царское Величество пожаловалъ его, Богдана, за тестя его Ивана Сусанина службу и за кровь, въ Костромскомъ уѣздѣ, Дворцоваго села Домнина половину деревни Деревнищъ, на чемъ онъ Богданъ жилъ, земли полторы четверти выти; во второй, 7141 генваря 30, Указомъ Его Царскаго Величества показанное село Домнино съ деревнями, въ томъ числѣ и ихъ бѣлошанцевъ деревни Деревнища, отданы къ монастырю, называемому Спасъ Новый, по матери Его Царскаго Величества, Великой Государыни Инокіи Марѣи Іоанновны, а вмѣсто той деревни Его Царское Величество пожаловалъ Богдана Сабинина жену, вдову Антонида, съ дѣтьми Даниломъ и Константиномъ въ томъ же Костромскомъ уѣздѣ села Краснаго, приселка Подольскаго, пустошь Коробово въ вотчину и въ родъ ихъ неподвижно, и на ней, Антонидѣ, и на ея дѣтихъ, внучатахъ и правнучатахъ никакихъ податей, кормовъ и подводъ, и мѣстныхъ великихъ запасовъ, и въ городовыя подѣлки, и въ мостовщину, и въ нынѣшныя никакія подати съ той пустоши не брать; а дачи въ ней, по писцовымъ 140 года книгамъ, 18 четвертей, сѣнныхъ покосовъ семьдесятъ копенъ. Сія вторичная грамота и въ 200 году именемъ Предковъ Нашего Императорскаго Величества, Великихъ Государей, Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича подтверждена съ тѣмъ, чтобы помянутой пустошью Коробовою, ихъ Сабининымъ дѣтихъ, внучатамъ и правнучатамъ, и родомъ ихъ владѣть во вѣки неподвижно, а между тѣмъ въ 159 году, Августа 5 дни, особливо-же грамотою къ ней, вдовѣ Антонидѣ, къ дѣтихъ и ко внучатамъ ея въ ту деревню Коробово воеводамъ, смѣщикамъ и ни кому ни для какихъ дѣлъ, какъ самимъ въѣзжать, такъ и посланныхъ высылать не велѣно; а велѣно ихъ бѣлошанцевъ, по касавшимся донынѣ дѣламъ вѣдать только большого двorca; а почему и состоятъ донынѣ въ вѣдомствѣ нашей дворцовой канцеляріи и конторы безъ всякаго отнятія въ казну платежу; число же ихъ находится мужска пола семьдесятъ семь, женскаго семьдесятъ семь душъ. И по всеподданнѣйшему о томъ отъ Нашего Сената докладу Нашего Императорскаго Величества, въ разсужденіи вышеописанной предка ихъ Ивана Сусанина достохвальной и вѣчной службы, тѣ данными

имъ грамоты Всемилостивѣйше подтверждаемъ и наипочтѣйше повелѣваемъ, какъ жалованною отъ предковъ нашихъ землею владѣть, такъ и всѣми тѣми преимуществами пользоваться не только имъ, но и будущему по нимъ роду свободно, и состоять подъ вѣдомствомъ и судомъ нашей Дворцовой Канцелярїи и ея конторы, подтверждая при томъ наискрѣпчайше, чтобъ они, бѣлорусцы, имъ постороннихъ въ ихъ званіе отподъ ни подъ какимъ вѣдомъ не принимали, подъ опасеніемъ нашего Императорскаго гнѣва.

Въ утвержденїи всего вышесказаннаго Мы сію Нашу Императорскую подтвердительную грамоту Нашею собственною рукою подписали и Государственной Нашею печатію украсили повелѣли. Дана въ Москвѣ, лѣта 1767, Декабря 8 дня, государствованїи Нашего въ шестое лѣто.

ЕКАТЕРИНА.

Вице-Канцлеръ Александръ Голицынъ.

При запечатанїи въ Коллегїи
Иностранныхъ дѣлъ № 890.

VIII.

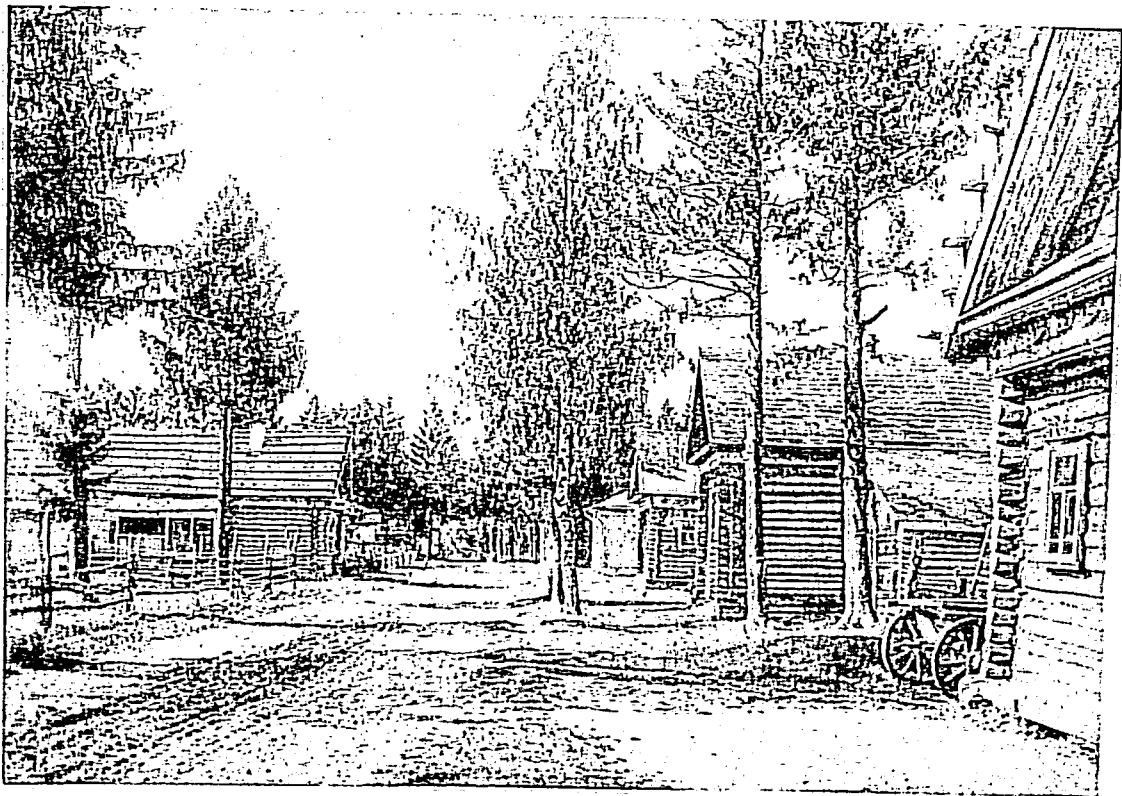
Подвигъ Ивана Сусаннина. Преданіе объ этомъ подвигѣ. Различныя редакціи его. Посольство въ Платіевскомъ монастырѣ. Восшествіе на престолъ Царя Михаила Теодоровича. Отъѣздъ Михаила Теодоровича въ Москву,

Самый фактъ спасенія Сусаннинымъ царя Михаила Теодоровича различными авторами описывается неодинаково.

Такъ, Костромской дворянинъ Васьковъ, жившій въ концѣ XVIII столѣтія, пишетъ, что «крестьянинъ Иванъ Сусаннинъ въ 1613 году, во время впаденія въ Костромской уѣздъ пономаремъ противу особы Михаила Теодоровича, поляками и литовцами былъ пойманъ, разными петляванъ муками и въ страданіи умерщвленъ; но твердый его духъ, зная о мѣстѣ пребыванія некоего врагами, сокрылъ непутываемую ими тайну, принесъ жизнь въ жертву для цѣлости особы ко утверженію государства сохраняемой» ¹⁾.

Князь Козловскій передаетъ это преданіе такимъ образомъ. Одинъ изъ отрядовъ поляковъ и литовцевъ, бродившихъ въ то время и грабившихъ Русь, отправился къ Костромѣ, въ вотчины Романовыхъ. Сбившись съ дороги, этотъ отрядъ встрѣтилъ близъ деревни Деревиницъ крестьянина Ивана Сусаннина и спросилъ его о дорогѣ въ село Домнино къ боярскому двору, гдѣ тогда былъ юный Михаилъ. Смышленый Сусаннинъ, подозрѣвая коварство, рѣшается спасти Михаила, рѣшается самъ проводить ихъ, и, между тѣмъ, показывая, что будто чего-то ищетъ, успѣваетъ приказать зятю своему, чтобъ онъ, какъ можно скорѣе, сѣвшилъ въ Домнино для уведомленія Михаила о предстоящей ему опасности. Самъ, помолясь Богу и препоручая себя Его святой десницѣ, ведетъ злодѣевъ въ противоположную

¹⁾ Васьковъ Н. Собраніе историч. извѣстій, относящихся до Костромы. 1792 года, стр. 49.

Село Коробово.

сторону, притворяясь, что ищетъ дорогу, которую въ темнотѣ будто бы потерялъ, блуждалъ съ ними по болотамъ и глубокимъ оврагамъ. Наконецъ, рассчитывая, что Михаилъ уже могъ окольными дорогами удалиться въ Кострому, прекращаетъ нетерпѣливость поляковъ объявленіемъ, что онъ съ намѣреніемъ завелъ ихъ въ противную сторону, дабы снмъ спасти жертву ихъ. Варвары уговариваютъ его, обольщаютъ наградами, угрожаютъ, наконецъ, мучительною смертію. Уже сабли блестятъ надъ головою Сусаннина, но ничто не въ силахъ отвратить его отъ принятаго имъ намѣренія, ничто не можетъ утратить души его. Поляки, приведенные въ бѣшенство твердостію старца, жестокими ударами повергаютъ его на землю, и Сусаннинъ, благословляя Промыслъ, избравшій его быть спасителемъ отрока, опредѣленнаго Небомъ къ счастію Россіи и украшенію трона, испустилъ духъ ¹⁾). Къ этому кн. Козловскій прибавляетъ, что въ одной древней рукописи, находившейся у издателя «Отечественныхъ Записокъ» и полученной имъ въ Костромѣ отъ коллежскаго совѣтника П. Н. Назарова, сказано, что Сусаннинъ увезъ Михаила въ свою деревню Деревнищи и тамъ скрылъ его въ ямѣ овина, за два дня передъ тѣмъ сгорѣвшаго, закидавъ его обгорѣлыми бревнами ²⁾).

Протоіерей Островскій, придерживаясь описанія кн. Козловскаго, вводитъ уже новые факты, именно, что, проплутавши цѣлый день и не достигнувъ цѣли, злодѣи рѣшили переночевать въ лѣсу и, изъ предосторожности связавъ проводника, легли спать. Между тѣмъ, семейные Сусаннина давно безпокоясь о томъ, что старикъ долго не возвращается домой, пошли искать его по лѣсу; зять его Богданъ Сабининъ былъ счастливѣе другихъ въ поискахъ: онъ нашелъ старика. Сусаннинъ съ великою осторожностію передалъ Сабинину всю опасность для Романовыхъ и приказалъ ему какъ можно скорѣе извѣстить ихъ объ этомъ, что Сабининъ и исполнилъ. Мать и сынъ въ мучительной тревогѣ поспѣшили отъ близкой опасности въ Кострому, куда при помощи своихъ крестьянъ и прибыли благополучно ³⁾).

¹⁾ Кн. Козловскій. Взглядъ на истор. Костромы, стр. 94—98, прил. 69—70.

²⁾ Кн. Козловскій, примѣч. 71, стр. 157 и 158.

³⁾ Протоіер. П. Островскій. Историч. записка о Костромѣ, стр. 54—58.

Н. Н. Селифонтовъ указалъ новую редакцію преданія о спасеніи Сусанинымъ Михаила Θεодоровича, заимствованную имъ изъ найденной и переданной ему Г. В. Мягковымъ рукописи XVIII ст. По этой редакціи дѣло проходило такъ. Михаилъ Θεодоровичъ, предупрежденный о зломъ умыслѣ на его жизнь, не надѣясь спрятаться въ Домнинѣ, ночью ушелъ въ деревню Перевозъ. Не доходя сажень 200 до Перевоза, онъ машинально свернулъ по другой дорогѣ, и, вмѣсто того чтобы удалиться отъ вологодской дороги, все болѣе и болѣе приближался къ ней. Вскорѣ Михаилъ Θεодоровичъ пришелъ въ выселокъ, состоявшій всего изъ одного дома, въ которомъ жила его крестьянинъ Иванъ Сусанинъ. Михаилъ Θεодоровичъ попросилъ Сусанина спрятать его куда-нибудь. Сусанинъ, узнавъ въ чемъ дѣло, охотно согласился и спряталъ Михаила Θεодоровича въ овинной ямѣ, прикрывъ ее и обложивъ дымящимся еще головнями, такъ какъ у него только что сгорѣлъ овинъ. Потомъ принесъ ему хлѣба, квасу и соли. Сусанинъ былъ дома только одинъ, дочь его Степанида была въ отсутствіи. Къ несчастію, ночью выпалъ снѣгъ, и на немъ ясно отпечатался весь путь Михаила Θεодоровича. Руководствуясь этими слѣдами, а также указаніями жителей деревни Перевозъ, поляки дошли до выселка Ивана Сусанина и, не видя далѣе слѣдовъ, начали спрашивать его о мѣстопребываніи Михаила Θεодоровича. Не смотря на пытки, Сусанинъ не выдалъ своего господина, и разъяренные враги разрубили его на куски, а сами поспѣшили идти далѣе, такъ какъ Русь въ то время уже поднималась противъ поляковъ, и въ вотчинѣ Михаила Θεодоровича было около 400 вооруженныхъ людей, да въ селѣ Молвитинѣ до 2000 человекъ. Мѣстопребываніе Михаила Θεодоровича не могли разыскать даже бывшія у поляковъ собаки-ищейки, чутые которыхъ было испорчено дымомъ отъ обгорѣлыхъ обломковъ овина. Дочь Сусанина Степанида видѣла, какъ поляки изрубили ее отца, видѣла и то, какъ они ушли, но будучи сильно испугана, рѣшилась вернуться домой только на другой день. Къ тѣлу Ивана Сусанина началъ собираться народъ. Услышавъ говоръ толпы и вопли несчастной Степаниды, рыдавшей надъ трупомъ своего отца, Михаилъ Θεодоровичъ вылезъ изъ подъ обгорѣлыхъ обломковъ и

приказалъ собрать останки Ивана Сусанина и похоронить въ родовой своей вотчинѣ, селѣ Доминнѣ, а самъ подъ охраной вѣрныхъ людей отправился въ г. Кострому.

Членъ Костромской архивной Комиссіи Н. М. Студитскій сообщаетъ, что въ церковной библіотекѣ села Доминна, бывшей вотчины инокини Мары Ивановны, хранится рукопись, въ которой событіе спасенія Царя Сусанинымъ описывается такъ.

«Скопнице злодѣевъ, настроенное въ Москвѣ тайными польскими приверженцами, носило, по избраніи юнаго Михаила Феодоровича на престолъ, въ его родовую вотчину; село Доминно, въ Костромскихъ предѣлахъ, чтобы погубить его. Одна уже ночь отдѣлила ихъ отъ желаемой цѣли, одна ночь могла погрузить Россію въ новый хаосъ и самое гибельное состояніе, но Богъ сохраняетъ избранныхъ своихъ невидимой силой. Злоумышленники на дорогѣ останавливаютъ крестьянина села Доминна Ивана Сусанина и хитро выспрашиваютъ его о мѣстопребываніи новоизбраннаго царя. Усердный сынъ отечества предложилъ злодѣямъ свои услуги проводить ихъ до царскаго жилища. Они рады были такому вызову и охотно поспѣвовали за нимъ. Проводникъ сворачиваетъ съ ними совсѣмъ въ другую сторону. Выгода и мракъ ночи принудили ихъ остановиться въ одномъ жилищѣ.

«Пьянство, вѣрный товарищъ злодѣевъ, и здѣсь не оставило своихъ друзей и крѣпко ихъ усыпило. Горлчо вѣрующій христіанинъ, рѣшившись умереть, не могъ уже сомкнуть глазъ и на одну минуточку. Тихая беседа его съ Богомъ была прервана почти въ самую полночь голосомъ его зятя у воротъ жилища. Сусанинъ съ осторожностью переступилъ черезъ спящихъ злодѣевъ и вышелъ къ зятю. Тотъ разсказалъ ему, что дома цѣлый день его ждали и подумали, что онъ сбился съ пути. «Я пошелъ отыскивать тебя, да и самъ, сбившись, попалъ сюда». Сусанинъ со слезами благодарности къ Богу произнесъ: «Господи! Тебѣ вручаю дѣтей моихъ. А ты, сынъ мой, не мѣшкай здѣсь, жизнь Царя въ опасности, злодѣи почуютъ со мной; я весь вечеръ подилъ ихъ по лѣсамъ и глубокимъ сѣнкамъ, какъ будто предчувствуя, что черезъ кого-нибудь дамъ знать Царю. Бѣги же скорѣе въ его вотчину и по-

вѣдай ему обо всемъ. Пусть остережется, а я межъ тѣмъ поведу злодѣевъ по такимъ же мѣстамъ. Прощай! можетъ быть, отъ ихъ рукъ доведется мнѣ умереть. Вотъ тебѣ нашъ родовой крестъ. Помни Бога, храни вѣру, полагай душу за братіи, живи въ мирѣ со всѣми. Прощай же. Увидимся на томъ свѣтѣ!» Зять слушалъ въ волненіи и страхѣ и не хотѣлъ съ нимъ разстаться. «Ступай же скорѣе, промазвиль Сусанинъ, не теряй времени снасти Царя».

«Раннимъ утромъ пробудились злодѣи, Сусанинъ вновь повелъ ихъ по прежнимъ слѣдамъ. Тутъ злодѣи поняли его хитрость и закричали: «Ты обманулъ насъ!»—«Не я васъ обманулъ, отиѣчалъ доблестный патриотъ: вы сами себя обманули! Какъ могли вы подумать, что я пошелъ съ вами противъ своего Государя? Самъ Богъ помогъ мнѣ. Нашъ Царь спасенъ. Вотъ вамъ вмѣсто царской моей крестьянская голова; дѣлайте съ ней, что хотите!» Сынъ вѣры и отечества умеръ мученически, а злодѣи погибли въ болотѣ».

Въ дѣлѣ, находящемся въ Костромекой Палатѣ Государственныхъ имуществъ, «о ремонтѣ церкви села Домнина» подвигъ Сусанина описывается такъ.

Въ селѣ Домнинѣ, какъ извѣстно и по исторіи, былъ господскій дворъ со всѣмъ устроивомъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1612 года Ксенія, тогда уже инокиня Марья Іоанновна, освободясь изъ польскаго плѣна, съ 15-лѣтнимъ сыномъ Михаиломъ, уѣхала изъ Москвы въ Костромское свое помѣстье, именно въ село Домнино, гдѣ, оставивъ сына своего, сама, какъ монахиня, удалилась въ домъ свой, состоявшій въ Костромскомъ кремлѣ у бывшаго тамъ Воздвиженскаго монастыря.

Въ 1613 году одинъ изъ начальниковъ, бродившихъ и грабившихъ тогда повсюду польскихъ и литовскихъ шаекъ, направился съ отрядомъ въ Костромскія вотчины Романовыхъ, съ намѣреніемъ захватить избраннаго въ то время въ Москвѣ на царство Михаила Феодоровича. Время было холодное, ненастное, наступила уже ночь, когда въ трехъ верстахъ отъ Домнина, близъ деревни Деревиницъ, существующей и нынѣ подъ названіемъ Деревеньки, поляки встрѣтили Ивана Сусанина, бывшаго, по народному пре-

данію, вотчиннымъ старостою, и взяли его въ проводники къ селу Домнину. Сусанинъ, по увѣренію мѣстныхъ жителей, какъ староста, хотя и проживалъ въ селѣ Домнинѣ при господскомъ дворѣ, но былъ уроженцемъ деревни Деревиницъ, гдѣ и имѣлъ своей домъ, въ которомъ въ это время проживалъ его зять Борданъ Сабининъ. Сусанинъ потихоньку послалъ Сабинина въ Домнину къ Михаилу Θεодоровичу увѣдомить его о предстоящей опасности, а самъ пошелъ отрядъ, какъ будто окольными дорогами, вмѣсто села Домнина по окружающимъ лѣсамъ и болотамъ. Проплутавъ цѣлую ночь и рассчитывая, что Михаилъ имѣлъ достаточно уже времени, чтобы удалиться изъ Домнина, онъ объявилъ полякамъ, что обманулъ ихъ и что Михаилъ, вѣроятно, теперь уже въ Костромѣ. Это было не болѣе, какъ въ двухъ верстахъ отъ Домнина на зыбкомъ болотѣ, поросшемъ большимъ густымъ лѣсомъ, здѣсь-то, по мѣстному преданію, и нашелъ мученическій вѣнецъ доблестный Сусанинъ.

До сихъ поръ на окраинахъ этого болота крестьяне находятъ бланъ него деревни Перезова, при разведеніи огородовъ, жалуются, что находящіеся по множествѣ корни и назывы затрудняютъ и препятствуютъ работамъ. Болото это жители называютъ Чистымъ,—не потому ли, что считаютъ его очищеннымъ кровью Сусанина-мученика?!

Конечно, всѣ эти отдѣльныя редакціи преданій заключаютъ въ себѣ долю правды, но въ то же время нельзя не признать, что всѣ онѣ, въ большей или меньше степени, прикрашены вымыслами. Такъ, разсказъ о томъ, будто-бы Сусанинъ спряталъ сбившагося съ дороги Михаила Θεодоровича въ овинную яму и обложилъ его горящими бревнами, не смотря на указаніе двухъ рукописей, положительна не заслуживаетъ довѣрія, такъ какъ, по 1-хъ, Михаилъ Θεодоровичъ, если и жилъ въ селѣ Домнинѣ, то не одинъ, а съ матерью, и если уже онъ рѣшилъ спастись, то во всякомъ случаѣ не оставилъ-бы вѣжно любимую имъ мать въ опасности, да и мать не рѣшилась-бы отпустить его одного; по 2-хъ, какая нужда была царю спастись вѣнкомъ, когда къ его услугамъ въ вотчинѣ было много лошадей, и, кромѣ того, достоверно извѣстно, что изъ села Домнина онъ выѣхалъ на лошадахъ вмѣстѣ

сь своей матерью; въ 3-хъ невозможно допустить, чтобы Михаилъ Θεодоровичъ такъ сравнительно долго могъ пребыть въ ямѣ, заваленной и окруженной потухшими и отчасти дымящимся головнями, такъ какъ въ подобной обстановкѣ онъ могъ-бы или сгорѣть, или, въ крайнемъ случаѣ, задохнуться отъ дыма.

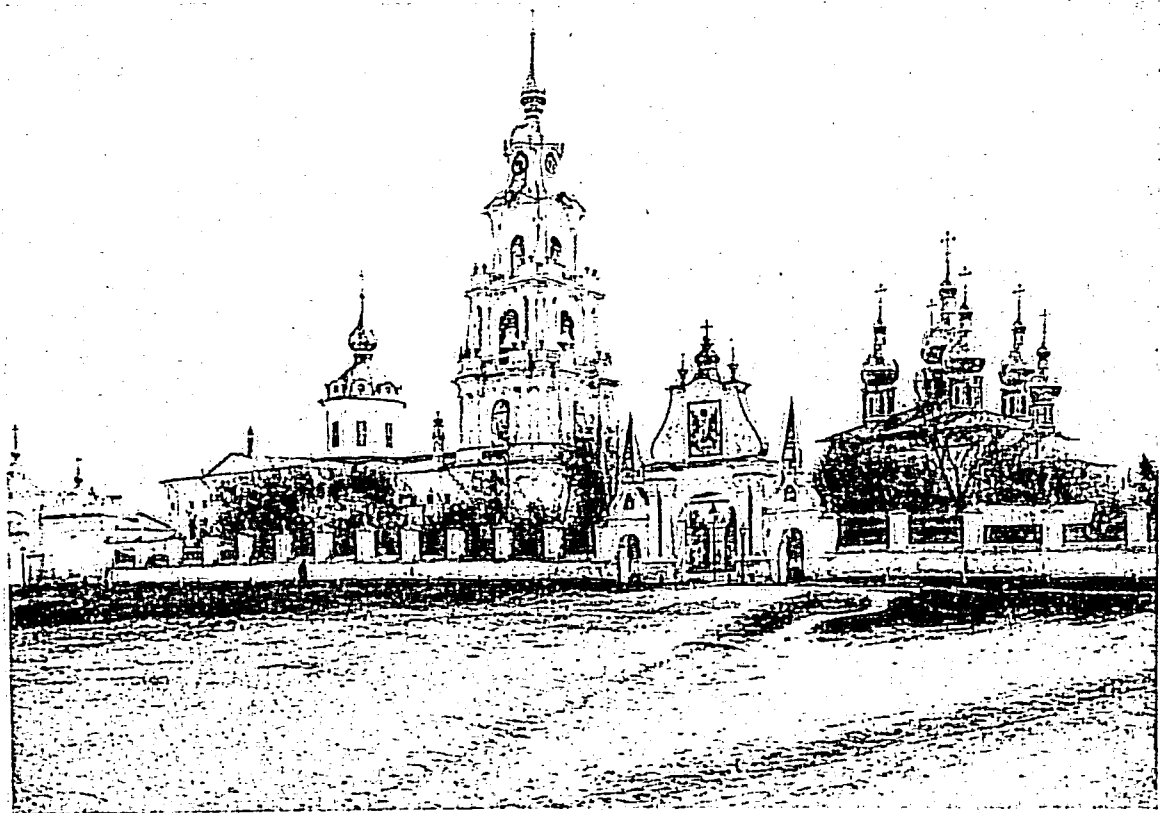
Рукопись, находящаяся въ библіотекѣ села Домнина, несомнѣнно поздняго происхожденія.

Преданіе, существующее до сихъ поръ среди Коробовскихъ бѣлопашцевъ, а равно и среди потомковъ Сусаннина, переселенныхъ изъ села Коробова въ 1859 году въ Симбирскую губернію, безъ всякихъ прикрасъ и вполнѣ естественно передаетъ фактъ подвига Ивана Сусаннина.

По словамъ П. Мартынова, преданіе это слѣдующее: «Иванъ Сусаннинъ жилъ въ деревнѣ Деревнищахъ, въ четырехъ верстахъ отъ вотчины Романовыхъ—села Домнина; онъ былъ тамъ выборнымъ (экономическимъ старостой), а Царь Михаилъ Θεодоровичъ жилъ тогда въ селѣ Доминѣ, а не въ Костромѣ. Сусаннинъ слышалъ, что поляки ищутъ новаго Царя, чтобы убить его, такъ что когда польскій отрядъ, разыскивая Михаила Θεодоровича, набрелъ на деревню Деревнищи и потребовалъ къ себѣ выборнаго, то Сусаннинъ догадался по костюму и по произношенію, что это не русское войско, а поляки, и, увидѣвъ минуту, послалъ своего воспитанника Ваню въ село Доминно (а не въ монастырь, какъ представлено барономъ Розеномъ въ оперѣ «Жизнь за Царя»,—ни въ Желѣзноборовской, ни, тѣмъ болѣе, въ Ипатіевской) предупредить царя, что враги близко, чтобы онъ спасался. Самъ-же, по требованію поляковъ, повелъ ихъ лѣсомъ въ противоположную отъ села Домнина сторону, увѣривъ, что лѣсомъ дорога ближе къ мѣсту пребыванія молодого Царя. Между тѣмъ, получивъ черезъ Ваню вѣстие, Михаилъ Θεодоровичъ съ матерью своею Марою Ивановною немедленно выѣхали въ городъ Кострому»¹⁾.

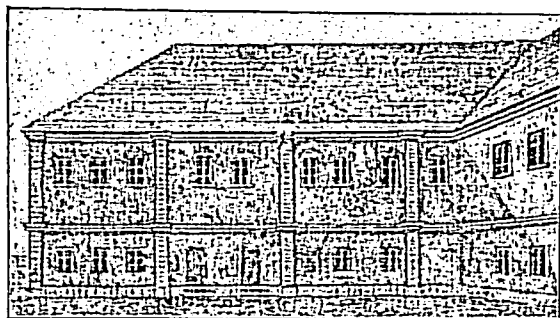
Въ Костромѣ Михаилъ Θεодоровичъ со своею матерью остановились въ своемъ осадномъ дворѣ, находящемся въ Кремлѣ. Затѣмъ,

¹⁾ П. Мартыновъ. Потомки Сусаннина—въ Симбирск. губ. 1901 года, стр. 13 и 14.

Катедральный соборъ въ г. Костромѣ.

когда получилось извѣстіе, что Московское посольство приближается къ Коstrомѣ, Михаилъ Θεодоровичъ съ матерью, по просьбѣ костромичей, перѣехали для приѣма посольства въ кельи Платіевскаго монастыря ¹⁾, которыя издавна носили названіе «намѣстничьи кельи» ²⁾.

Намѣстничьи кельи Платіевскаго монастыря.

13 марта 1613 года Московское посольство прибыло къ г. Коstrомѣ и остановилось въ селѣ Селищахъ (за рѣкою Волгою), что напротив Платіевскаго монастыря. Воеводы, дворяне, дѣти боярскіе, гости, служилые, торговые и жилацкіе люди г. Коstrомы встрѣтили посольство въ Селищахъ. Тотчас по прибытіи, посольство отрядило нѣсколькихъ чиновниковъ въ Платіевскій монастырь къ Михаилу Θεодоровичу съ просьбою указать, когда онъ прикажетъ Московскому посольству явиться къ нему. Михаилъ Θεодоровичъ назначилъ день 14 марта.

Въ воскресенье четвергой недѣли Великаго поста, 14 марта, отбывши заутреню въ селищенской церкви, «архіепископъ Θεодоритъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, облекоуся въ священныя ризы, возьме честный крестъ и чудотворный образъ Пресвятыи Богородицы и прочіи св. иконы, а бояринъ Θεодоръ Іоанновичъ Шереметьевъ и вси пришедшіе съ нимъ, учредивша чины по достоинію, поидоша чрезъ великую рѣку, именуемую Волгу, во обитель Живоначальныи Троицы, въ Платіевскій монастырь. И егда придоша на

¹⁾ Кн. Козловскій. Взглядъ на исторію г. Коstrомы, стр. 96. Самаринъ, стр. 6.

²⁾ В. А. Самаринъ. Палаты бояръ Романовыхъ, стр. 13. Намѣстничьи кельи построены бояриномъ Дмитріемъ Ивановичемъ Годуновымъ и племянникомъ его Борисомъ Θεодоровичемъ Годуновымъ.

устье рѣки Костромы, весь-же церковный чинъ града того облекшася въ свещенныя ризы, взяли честный крестъ и чудотворную икону Пресвятыя Богородицы Феодоровскія, изыдоша изъ града со множествомъ народа, съ женами и дѣтьми, и пондоша вкупѣ въ той-же Ипатіевскій монастырь, молебная совершающе»¹⁾.

На томъ мѣстѣ, говоритъ протоіерей Островскій, гдѣ рѣка Кострома сливается съ Волгою, соединилась Москва и Кострома— въ лицѣ святыхъ ихъ, освященныхъ соборовъ, сановниковъ и множества народаго въ одну знаменитую по цѣли процессію, единственную въ тысячелѣтъ нашего отечества»²⁾.

Колокольный звонъ во всѣхъ церквахъ города и въ Ипатіевскомъ монастырѣ извѣстилъ Романовыхъ о приближеніи посольства.

Архимандритъ Ипатіевского монастыря, братія со святыми иконами и юный Романовъ съ родительницею своею вышли за ворота монастыря навстрѣчу соединенной крестной процессіи.

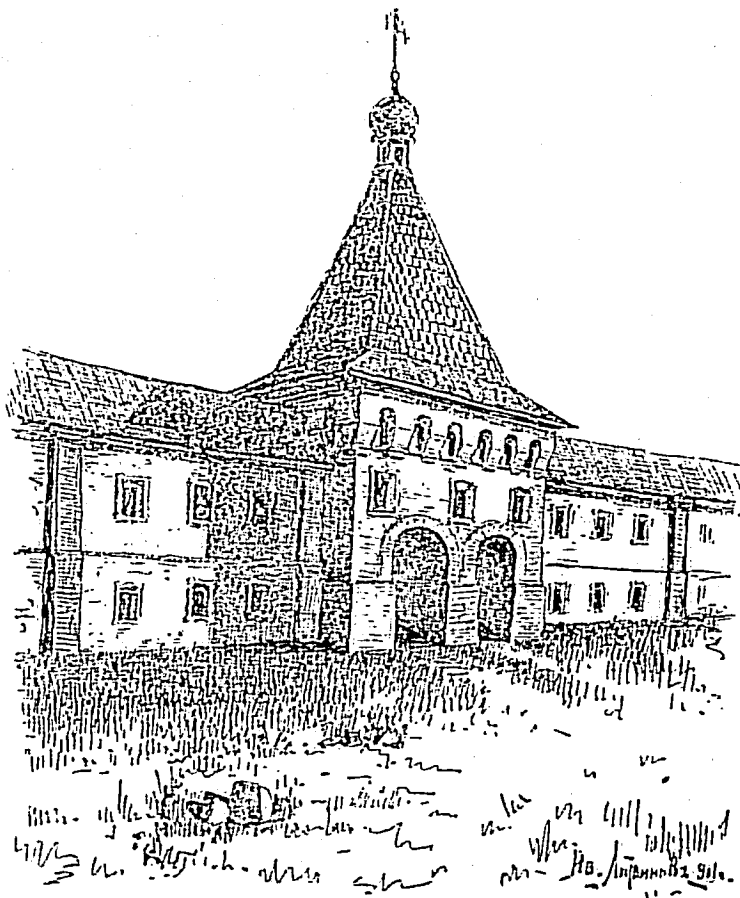
По благословеніи Романовыхъ архіепископомъ и послѣ приѣзженной рѣчи боярина Шереметева, послы поднесли Михаилу Феодоровичу грамоты объ избраніи его всемъ Земскимъ Соборомъ на русскій престолъ и просили его идти во главѣ процессіи въ Троицкій соборъ Ипатіевского монастыря. Но Михаилъ и мать его говорили, что онъ на Московскомъ государствѣ Государемъ быть не хочетъ, а она, государыня, его на Московское государство не благословляетъ.

Послѣ молебствія въ соборѣ, посольство возобновило свои моленія о принятіи Михаиломъ царскаго скипетра. Архіепископъ Феодоритъ произнесъ первую рѣчь, назначенную наказомъ. «По пресѣченіи царскаго корня, говорилъ онъ, въ Московскомъ государствѣ слѣдовалъ рядъ царей по избранію, и послѣдній изъ нихъ Василій; но, по общему земскому грѣху, многіе его возненавидѣли и оставили. Съ той поры въ государствѣ произошла рознь. Поляки и литовцы воспользовались этимъ случаемъ, чтобы довести государство до бѣдственнаго состоянія, пока не явились освободители

¹⁾ Посланіе изъ царствующаго града Москвы къ Костромѣ. Описаніе находится въ кладѣ Успенскаго храма въ Костромѣ.

²⁾ Прот. Островскій. Историч. записка о Костромѣ, стр. 59.

изъ народа. Ихъ усадили Москва возвращена отъ иноземцевъ и государство «очистилось». Послеъ того созванъ Земскій Соборъ, единомышленно, по внушенію Божию, избравшій Царемъ Михаила. Присяга принята въ Москвѣ, и прочіе города съ радостью слѣ-

Ворота Ипатьевского монастыря, черезъ которые вышелъ Михаилъ Осодоровичъ для принятія Московскаго Посольства въ 1613 году, 14 марта.

дуютъ примѣру столицы». Затѣмъ бояриномъ Шереметевымъ произнесена была вторая рѣчь, болѣе краткая, но усленно повторившая просьбу отъ лица свѣтскихъ властей. Мать и сынъ были непреклонны, не смотря на горючія убѣжденія духовенства, бояръ и плачь народа. «Много прежде бывшихъ царей поругаемы были, говорила

Марюа Иоанновна, а иные и чуждую землю познали, мое же чадо младо суще, недоумеветь управлять среди умноженія людскихъ злостей; молю васъ. не лишите меня едиnorodнаго чада». Тогда архіепископъ Θεодоритъ беретъ образъ Богоматери и произноситъ сильную рѣчь, заканчивая ее такими словами: «повинуйтесь волѣ Божіей и пречистой Его Матери. Сіи святыя иконы притекли повѣдать Вамъ опредѣленіе Ваше; не пародомъ, а ими вы избраны на великое дѣло, ими умудритесь въ предстоящихъ трудахъ и подвигахъ. Преклонитесь же передъ ними и повинуйтесь».

Марюа Иоанновна, проникнутая покорностію волѣ Божіей, наконецъ, дала свое согласіе и, на просьбы сына не соглашались, сказала: «Божіе есть сіе дѣло, не человѣческій разумъ, не смѣю протипитьсѣя». Юный Михаилъ плакалъ и, увиавъ передъ образомъ Богоматери, произнесъ: «Боже! Твоя есть воля, я рабъ Твой, спаси и соблюди меня!» Затѣмъ, вставши, онъ сказалъ: «еще есть на сіе дѣло воля Божія, да будетъ тако!» Постѣ этихъ словъ всѣ преклонились передъ новымъ царемъ и слезы отчаянія смѣшались слезами радости. *Благочестивая инокія Марюа, взявъ сына своего за руку и увиавъ на колѣни передъ Чудотворной Θεодоровскою иконою Богоматери, со слезами просила Ее «принять чадо ея въ Свои пречистыя руки, и поставить его на путь истинны и устроить полезнаго ему и всему православному христіанствоу».*

Затѣмъ Михаилъ Θεодоровичъ былъ одѣтъ въ царское облаченіе; архіепископъ, обѣнивъ его крестнымъ знаменіемъ, возложилъ на него крестъ, по преданію принадлежавшій некогда великому Императору Константину, а бояре вручили ему царскій жезлъ и возвели на царское мѣсто, послѣ чего Царь слушалъ божественную литургію и торжественное молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтня «Вогонбранному, Благовѣрному, Благородному Государю, Царю и Великому Князю Михаилу, всея Русіи Самодержицу».

Князь Козловскій въ своей исторіи говоритъ, что Михаилъ Θεодоровичъ возведенъ былъ на великокняжеское мѣсто, хранившееся въ Ипатіевскомъ монастырѣ послѣ Великаго Князя Василія Димитріевича ¹⁾.

¹⁾ Кн. Козловскій, стр. 99 и примѣч., стр. 159. Костр. Губери. Вѣдом. 1849 г., № 19.

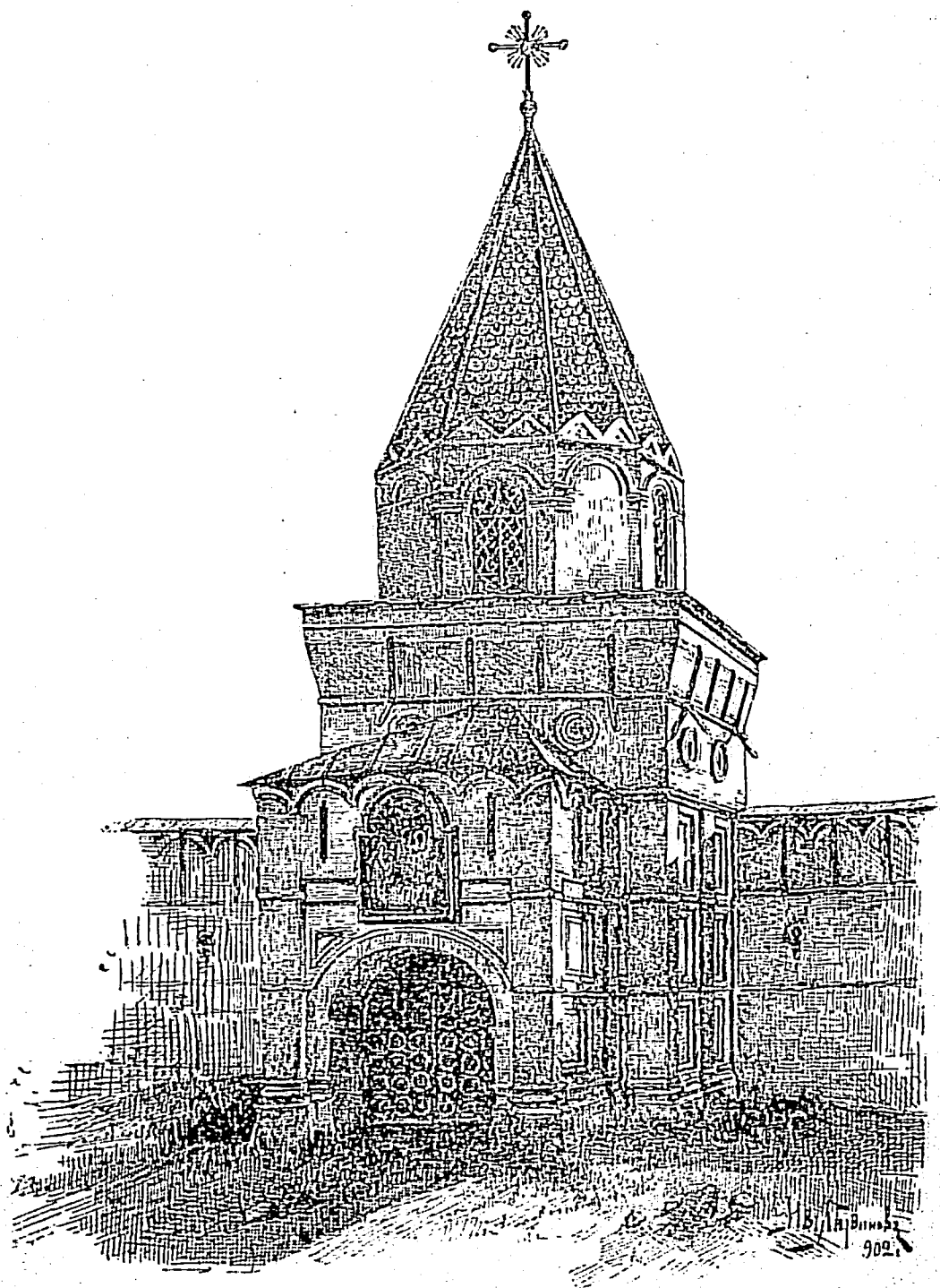
Три дня совершаемы были по церквамъ благодарственные молебны, три дня продолжался по всему городу колокольный звонъ и три дня не умолкали радостные крики народа. Однимъ словомъ, «преименитый городъ Кострома былъ охваченъ радостію и чудо согласія костромичи приписывали своей Владимичѣ». Это всепародное ликование Костромы, быстро передавшееся въ Москву, а затѣмъ и на всю Россію, было дѣйствительно величайшимъ моментомъ во всей исторіи многострадальнаго русскаго народа. Несомнѣнно, весь народъ чувствовалъ, что «безвременье отходитъ назадъ». Лѣтописцы писали, что русскіе люди чувствовали, что «великая держава, какъ добро-страстное и красноцвѣтущее древо, еже тѣснотами лютыя зими завядши смрися, по нынѣ пакы при лѣтней теплотѣ свѣтлостію услѣхнушися и процвѣте!».

Подъ наружнымъ ликованіемъ народа, безъ сомнѣнія, таилось твердое убѣжденіе, что настала дѣйствительно новая, свѣтлая эра возрожденія въ концѣ измученнаго бѣдствіями народа. Русь дѣйствительно и непритворно ликовала, потому что во всю свою исторію въ первый разъ сознательно объединилась, выдѣлившись изъ всѣхъ слоевъ своего общества такихъ свѣтлыхъ дѣятелей и истинныхъ патриотовъ, какъ Скопинъ-Шуйскій, Гермогенъ, Пожарскій, Мининъ и Суворовъ.

Съ извѣщеніемъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ принялъ корону, вѣкорѣ же посланы были изъ Костромы въ Москву съ грамотой Платъ Васильевъ Усовъ и протопопъ церкви Николая Зарайскаго—Димитрій.

Такъ 14 марта 1613 года совершилось въ древнѣйшемъ Костромскомъ Платіенскомъ монастырѣ воцареніе Михаила Ѳеодоровича Романова на всероссійскій престолъ и на этотъ же день, въослѣдствіи, въослѣдствіяходатайства костромичей, по повелѣнію самого Царя Михаила Ѳеодоровича, было перенесено съ 16 августа празднованіе явленія иконы Ѳеодоровской Божіей Матери. Кромѣ того, въ память этого событія въослѣдствіи воздвигнуты были въ Костромскомъ Кремлѣ двѣ церкви ¹⁾, изъ коихъ одна каменная, бланъ Успенскаго собора—

¹⁾ Обѣ эти церкви сгорѣли во время великаго пожара 18 мая 1773 года и, по недостатку средствъ, не были возобновлены.

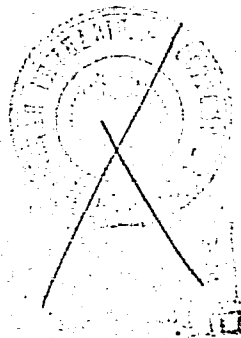

«Зеленая башня» въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

по имени преподобнаго Геннадія Костромскаго, какъ перваго провозвѣстника (около 1545 г.) славы Дома Романовыхъ, другая же деревянная, близъ Троицкаго собора, по имени московскихъ святителей Петра, Алексія и Іоны, какъ ходатаевъ предъ Богомъ за Россію о дарованіи ей Царя Михаила Феодоровича.

Москва послѣ этого нетерпѣливо ждала прибытія изъ Костромы вновь избраннаго Царя и поэтому Михаилъ Феодоровичъ назначилъ 19 числа марта днемъ отъѣзда своего изъ Костромы въ Москву. Въ этотъ день, по совершеніи молебствій, Царь съ родительницею своею, окруженный московскими и костромскими святыми и сопровождаемый посольствомъ и множествомъ народа, вышелъ изъ Платіевскаго монастыря чрезъ западные его ворота. Въ 1642 году, по царскому повелѣнію, на мѣстѣ отправления Михаила Феодоровича въ Москву сооружена была баня, существующая до сихъ поръ и называемая «Зеленою баннею».

21 марта царственные путешественники прибыли въ г. Ярославль и остановились въ Спасскомъ монастырѣ, гдѣ жили, вслѣдствіе плохихъ дорогъ и весенней распутицы, до 16 апрѣля. Только 2 мая Михаилъ Феодоровичъ прибылъ въ Москву. Причину такой медленности въ пути самъ Царь объясняетъ въ посланной имъ въ Москву грамотѣ слѣдующими словами: «Идемъ медленно затѣмъ, что подвѣдь мало, служилые люди худы (бѣдны); многіе стрѣльцы, казаки и дворовые люди идутъ ибнкомъ».

IX.

Кострома въ царствованіи Михаила Ѳеодоровича. Вѣнчаніе на царство Михаила Ѳеодоровича. Церковные вклады Царя. Возвращеніе въ Москву митрополита Филарета и нареченіе его патриархомъ. Путешествіе Царя въ Макарьевскій Угличскій монастырь. Письма Романовыхъ. Смерть Михаила Ѳеодоровича.

Съ вѣнчаніемъ Михаила Ѳеодоровича, а равно и въ послѣдующія царствованія, всѣ города, отдѣльно взятые, терять свое прежнее значеніе и болѣе начинаютъ жить общею жизнью государства, какъ клѣтки одного организма, неразрывно съ нимъ связанныя, какъ составныя его части. Поэтому дальнѣйшая исторія Костромы, какъ и другихъ городовъ, является однообразной въ смыслѣ общегосударственной жизни и представляетъ болѣе збѣтный интересъ.

Среди многочисленныхъ государственныхъ заботъ Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ никогда не забывалъ Костромы. За кровь Ивана Сусанина зятю его Богдану Сабинину и всему его потомству дарована была вѣчная свобода отъ податей, общественныхъ работъ и рекрутства. Въ 1631 году всю Домнинскую вотчину, состоявшую изъ села Домнина, 34 деревень, 14 починковъ, 1 сельца и посѣми пустошей, Царь, по завѣщанію родительницы своей, принесалъ къ Новоспасскому монастырю, такъ какъ въ этомъ монастырѣ погребены были дѣти Марыи Ивановны, умершія въ 1611 году. Вслѣдствіе этого деревня Деревнищи также перешла къ монастырю, почему Михаилъ Ѳеодоровичъ и далъ потомкамъ Сусанина пустошь Коробово, находящуюся на лѣвомъ берегу Волги, въ 45 верстахъ отъ города Костромы, гдѣ въ настоящее время и живутъ потомки Сусанина, называемые бѣлошапками, пользующея до сего времени дарованными имъ привиллегіями и льготами.

Послѣ вѣнчанія своего на царство, совершеннаго митрополитомъ Казанскимъ Евфремомъ 11-го іюля 1613 года, на каковомъ вѣнчаніи присутствовали архимандритъ Платіевскаго монастыря

Кирилль и игумень Костромскаго Богоявленскаго монастыря Арсеній, Михаилъ Θεодоровичъ прислать въ Пнатіевскій монастырь, въ память посещенія своего на престоль, рѣзное изъ липы царское мѣсто, которое сохраняется въ Троицкомъ соборѣ монастыря и до сихъ поръ. Кромѣ того, онъ обогатилъ Пнатіевскій монастырь многими вкладами и деревнями, такъ что за монастыремъ числилось болѣе 11.000 душъ крестьянъ. Онъ же приказалъ пристроить къ монастырю новую стѣну оградную и, вмѣсто игумена, назначилъ архимандрита, причисливъ монастырь къ кафедральнымъ перво-класснымъ монастырямъ.

Обогащенъ былъ щедрыми дарами и Костромской Успенскій соборъ, гдѣ какъ вклады Царя и Великаго Князя Михаила Θεодоровича значатся покровы, воздухи, ризы, евангеліе, крестъ, кадло, сосуды и большой благовѣстный колоколъ въ 200 пудовъ ¹⁾. Особенно драгоценны рясы, болѣе полуаршина длиною и въ одинъ першокъ шириною, къ явленной чудотворной Θεодоровской иконѣ Божіей Матери, низанныя въ рѣшотку изъ золотой фольги крупнымъ жемчугомъ, съ золотыми колодками и кольцами, изъ которыхъ перья украшены изумрудами, яхонтами и бурмистекими зернами. На колодкахъ надпись: «Божією милостію, Великій Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Θεодоровичъ, всея Русіи Самодержецъ, и Великая Старица Марѳа Іоанновна приложили сии рясы на Кострому въ соборную церковь, къ чудотворному образу Пресвятѣи Богородицы Θεодоровскіи въ пятое лѣто государства своего ²⁾. Кромѣ того, Царь приказалъ сравнять жалованьемъ причтъ костромскаго собора съ причтами придворныхъ московскихъ соборовъ и имѣть въ соборѣ передъ образомъ Θεодоровской Богоматери неугасимую свѣчу, для чего отпускать ежегодно 7 пудовъ воска, 12 фунтовъ ладона и ведро церковнаго вина ³⁾. Протопопу Костромскаго собора предоставлено было особенное право — дважды въ годъ (14 марта и 15 августа) являться въ Москву къ Царю со святою водою и просфорою, для чего давать ему виною двѣ подводѣ, а лѣтомъ три.

¹⁾ Писцовыя книги гор. Костромы.

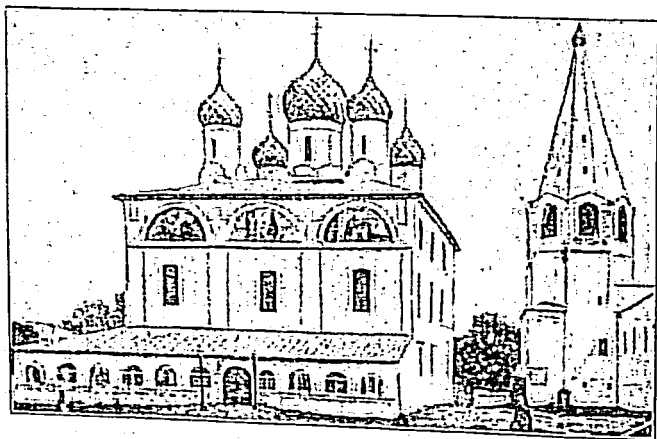
²⁾ Вознесенскій. Воспоминанія о путешествіи Высочайшій Особѣ, стр. 22 — 23. Остроумскій. Историч. записки стр. 68. Кн. Козловскій, стр. 100.

³⁾ Остроумскій, стр. 66 и 67. Кн. Козловскій, стр. 103.

Этотъ обычай продолжался и при преемникахъ Михаила Феодоровича, Царяхъ Алексѣѣ, Феодорѣ, Иоаннѣ и Петрѣ I. Приказано было также во время крестныхъ ходовъ въ Костромѣ являться въ соборъ всѣмъ костромскимъ приходскимъ священникамъ, а воеводамъ давать отрядъ пушкарей и стрѣльцовъ для почести и охраны, для того чтобъ въ ходу было «бережно и безмятежно».

По прибытіи съ новонабраннымъ царемъ въ Москву 2 мая 1613 года Марья Иоанновна удалилась въ Вознесенскій дѣвичій монастырь, въ которомъ съ 1619 года до самой кончины состояла игуменьей ¹⁾.

Въ 1619 году возвратился въ Москву изъ плѣна митрополитъ Филаретъ и 22 іюня (по Студенкину 24) онъ былъ нареченъ Всероссійскимъ патріархомъ. На чинѣ нареченія митрополита Филарета патріархомъ присутствовали архимандритъ Костромскаго Платъевскаго монастыря.

Макарьевскій монастырь. Троицкій соборъ. 1663—1670 г.

Въ благодарность за благополучное возвращеніе своего отца изъ польскаго плѣна Михаилъ Феодоровичъ съ родительницей своей пожелали совершить путешествіе въ г. Кострому, для поклоненія ея святынямъ, и въ Макарьевъ—къ св. Макарію, Угличскому Чудотворцу; особенно почитавшемуся патріархомъ Филаретомъ.

¹⁾ Сборникъ по исторіи предковъ Царя Михаила Феодоровича Романова ч II, стр. 91.

Въ лѣтописяхъ Макарьевскаго Ужженскаго монастыря по этому поводу повѣствуется слѣдующее: «воепріимшу же хоругви Россійскаго царствія христондражательному Царю Михаилу Θεодоровичу и по воцареніи непрестанно мольбы и моленія творящу ко всецедрому Богу и къ Пречистой Богородицѣ, и святаго призывающу на помощь, съ ними же кунно узилениѣ призываше въ молитвахъ своихъ и великаго чудотворца, преподобнаго Макарія Ужженскаго, яко да царствія его все мязежи и кровопролитія утоятся, и родители своего, блаженнаго архіерея Филарета, узрѣти освобожденна отъ плѣна и въ царствующій градъ Москву пришедна. Положи же благовѣрный Царь обѣщаніе свое преподобному Макарію въ молитвахъ своихъ, яко аще молитвами его вышсеченныя прошенія его, царскія, Богъ исполнитъ, то какъ свое царское шествіе сотворити въ честную его обитель ужженскую и гробъ его цѣлбоносный видѣти и цѣловати, и поклоненіе сотворити, и обитель наче распространити»¹⁾.

24 августа 1619 года, послѣ торжественнаго богослуженія, совершеннаго патріархомъ-отцомъ, напутствованные имъ «на продолженіе царскаго путнаго шествія освященною просфорою и святою подою», Михаилъ Θεодоровичъ съ матерью своею, въ сопровожденіи свиты, въ числѣ которой были князь Θεодоръ Ивановичъ Мстиславскій, Иванъ Никитичъ Романовъ, князь Дмитрій Ивановичъ Шуйскій и другіе, отбыли изъ города Москвы въ Кострому. Царскій путь лежалъ черезъ Троице-Сергіеву лавру, Переяславль, Ростовъ и Ярославль²⁾.

Вечеромъ 10 сентября царственные путешественники прибыли въ г. Кострому и остановились въ Кремлѣ, въ своемъ осадномъ дворѣ. Вотъ какъ описываетъ самъ Царь свое пребываніе въ Костромѣ въ шествіи, посланномъ 12 сентября къ отцу-патріарху: «Божіею милостію и поспѣшествомъ молитвъ святѣйшаго патріарха Филарета, града Костромы дошли и въ соборнѣй аностольскѣй церкви, у чудотворнаго образа пречистыя Богородицы, глаголемыи Θεодоровскіи, всенощная ибнія и утреннія, и литургію, и молебная благодаренія

¹⁾ Костр. Губ. Вѣд. 1878 г., №№ 10, 11 и 13.

²⁾ Вознесенскій, свѣд. Воспомин. путеш. Высочайшихъ Особъ, стр. 1—4.

принести насъ сподобить Богъ; хотимъ же, аще Богъ восхоцеть и твои свещенныя молитвы споспешествуютъ, и въ честнѣй обители свитыя и единосущныя Троицы, въ Ипатіевской обители, и у Богоявленія Господа нашего Исуса Христа всенощная пѣнія и благодарныя молитвы принести и далечайшему пути ятися, и цѣлбоноснымъ мощемъ преподобнаго отца Макарія поклонитися, аще повелитъ Вамъ Святѣйшество. А чтемъ, Государь, съ Костромы поидемъ сентября 15 числа».

Вышедши 15 сентября изъ Костромы, Царь 17 сентября прибылъ въ свою потчину село Домнино, гдѣ переночевалъ и затѣмъ отправился въ дальнѣйшее путешествіе. 25 сентября онъ прибылъ въ село Спасское, находящееся отъ Успенскаго монастыря въ 20 верстахъ. Переночевавъ здѣсь и выслушавъ раннюю литургію, Царь все двадцативерстное разстояніе проходитъ пѣшкомъ и, какъ онъ самъ пишетъ къ патріарху: «вечеромъ 29 сентября во обитель великаго чудотворца приниши дасть Богъ здорово; у цѣлбоноснаго гроба преподобнаго отца Макарія всенощная пѣнія и утрениши, и литургіи, и молебная благодаренія, по обѣщанію нашему, сподобилъ насъ Богъ совершити»¹⁾.

Обратный путь Царь совершилъ черезъ село Красное (Костромск. уѣзда) и прибылъ въ Кострому вечеромъ 10 октября, а 12-го уже отбылъ въ Ярославль, написавъ патріарху: «мы идемъ зѣшкотно, потому что дожди и снѣга идутъ многіе, и грязи великія, и мы идемъ, зготи людямъ нашимъ».

На память о своемъ посѣщеніи Костромскаго Успенскаго собора высокіе богомольцы оставили здѣсь двѣ иконы Возней Матери: Θεодоровскую и Владимірекую, въ серебрянныхъ окладахъ съ украшеніями. Обѣ эти иконы сохраняются въ соборѣ до сихъ поръ и находятся надъ сѣверными и южными дверями иконостаса Успенскаго собора. Костромская Богоявленская обитель, дважды посѣщенная царственными путешественниками, также была щедро одарена, именно: Марья Іоанновна пожаловала золотой панатіиный крестъ, а Царь «два угорскихъ золотыхъ». По возвращеніи въ Москву, грамотой за подписью дьяка Андрея Степанова, Михаилъ Θεодоровичъ отдалъ по

¹⁾ Письмо Мих. Θεод. Романова отъ сент. 1619 года.

владѣніе Богоявленскаго монастыря Пищальную слободу, находившуюся тогда близъ монастыря. Крозмъ того, на свое издѣніе Михаилъ Θεодоровичъ устроилъ въ Костромѣ монастыри: ружный Вознесенскій и Спасъ-Подвизный на Мишаевои улицѣ. Всю цѣрковную утварь, книги, колокола и все церковное строеніе приложилъ сюда самъ Царь Михаилъ Θεодоровичъ.

Въ 1628 году, грамотою Царя Михаила Θεодоровича, повелѣно было имѣть постоянное пребываніе въ Костромѣ отряду стрѣльцовъ и пушкарей, состоящему изъ 50 человекъ, которымъ отведены имѣста подъ дворы и огороды, каждому въ длину по 12, а въ ширину по 6 сажени, именно 25 стрѣлцамъ выше города, къ Волгѣ, у Георгія Страстотерца, а другимъ 25—ниже стараго города, къ Дебриневои улицѣ. Первымъ сотникомъ костромскаго стрѣлскаго отряда былъ назначенъ Степанъ Ивановичъ Жабинъ. ¹⁾

Съ 1628 года введены были по всему государству шенцовыи книги, изъ которыхъ видно, что въ самомъ городѣ Костромѣ въ то время было два собора: холодный Успенскій и теплый Троицкій—оба въ кремлѣ; пять монастырей: Крестовоѣднженскій мужской въ кремлѣ, Богоявленскій мужской, Ризположенскій Анастасіинъ женскій, Вознесенскій ружный мужской и мужской-же монастырь Спасо-Подвизный: 36 приходскихъ цѣрквей, 1688 жилыхъ двора, 75 пустыхъ мѣсть, 489 лавокъ и амбаровъ и около 5000 жителей.

27 января 1631 года скончалась инокиня Марфа Іоанновна и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ. 1 октября 1633 года скончался патриархъ Филаретъ (Θеодоръ Никитичъ), имѣи болѣе 80 лѣтъ отъ роду, и погребенъ въ Успенскомъ соборѣ, въ Москвѣ. 13 июля 1645 года Царь Михаилъ Θεодоровичъ скончался. Все его тридцати двухлѣтнее царствованіе прошло въ возстановленіи порядка, нарушеннаго долготѣтнеи смутои. Приходилось и сводить счеты съ безнокойными остатками тушинцевъ, и узирять кровозащдныя шапки разбойниковъ (казаковъ), которые, по словамъ очевидцевъ, были «грубыѣ литвы и нѣмцевъ». ²⁾ Отрядъ Мисовскаго также производилъ грабежи между Ярославлемъ и Костромоеи.

¹⁾ Костр. Губери. Вѣдом. 1838 года, № 47.

²⁾ Проф. Трачевскій. Русск. Истор. стр. 317. Тоже Соловьевъ.

Наконецъ пришлось выдержать двѣ войны съ Польшею и одну съ Швеціей, тоже доставшіяся Россіи, какъ наслѣдіе Смутнаго времени.

Патріархъ Филаретъ
(Феодоръ Никитичъ Романовъ).

Марія Іоанновна
(Ксенія Івановна Шестова).
Родители Царя Михаила Феодоровича Романова.

Приведемъ здѣсь три письма изъ переписки Царя Михаила Феодоровича и инокини Марыи съ патріархомъ Филаретомъ.

1. Письмо царя Михаила Феодоровича къ патріарху Филарету отъ 26 сентября 1619 г. Превосходящему честию во святыхъ, по общему естеству человеку, произволеніемъ же ангелу, кормчию Христа на кораблѣ, въ тишинѣ ученія Того Словесныя оицы во пристанище спасенія направляющу и на нажити спасенныхъ величій соблюдающу, великому государю и отцу нашему, святѣйшему Филарету Никитичу, Вожею милостию патріарху Московскому и всея Русіи, сынъ нашего по плоти благородія, паче же и по духу, Царь и Великій Князь Михайло Феодоровичъ, всея Русіи, вашего святительства ранно-ангельному лицу челомъ быю. Возвѣщаю, Государь, вашему святительству, яко мы и мать наша, благородная государыня, инока

Марѣя Ивановна, Божією милостію и посегнѣствомъ свитыхъ папшнихъ молитвъ, въ село Спасское пришли есма сентября въ 25 день, даять Богъ, здорово. А изъ села, Гоеударь, изъ Спасакаго поидемъ къ цѣльбоносному гробу великаго чудотворца Макарія сентября въ 26 день. Да челомъ, Гоеударь, бью вашему свитительству осетры да колузку, да шоврину, да стерлиди живыи, которыя лоплены въ Волгѣ при насъ. А посланъ, Гоеударь, съ тою рыбою къ тебѣ, къ Гоеударю, стольникъ Григорій Плецеевъ: и тебѣ бѣ, Гоеударь, покаловать велѣтъ приняти и кушати ихъ на здоровье. Да молимъ наше превосходящее свитительство, еже возелеши о насъ ко всемогущему Богу честныя ваши отеческія молитвы, яко да сподобитъ насъ Богъ путное наше шествіе, нанъ же обѣщахомеи, радостно прейти и цѣльбоносному гробу великаго отца Макарія поклонитися, и наки къ вамъ въ царствующій градъ возвратитися здраву и радостну, и руку нашего свитительства цѣловати съ радостію, и по достоинству нашему свитительству челомъ ударити.

2. Письмо Патріарха Филарета къ Царю Михаилу Теодоровичу отъ 28 октября 1619 г. Божією милостію Великому Гоеударю, Царю и Великому Князю Михаилу Теодоровичу, всея Россіи Самодержавцу, Богомъ хранимому и Богомъ избранному, и Богомъ вѣнчанному, побѣдоноборнику великаго истиннаго православія, по плотокому рожденію сыну, о Святѣмъ же Дусѣ возлюбленнѣйшему сыну нашего емиреи, въ православіи радоватися о Господѣ, и радость да будетъ ти, миръ и милость, и побѣда на враги и на супостаты православныя нашей истинныя вѣры, и въ жизнь живота безнаветна. Многолѣтствіемъ, Гоеударь, здравствуй душевнѣ, закупъ изъ и тѣлеснѣ, по вѣснкихъ благопотребныхъ и душевннхъ спасеніяхъ. Аще ли, Великій Гоеударь, покалуешь, похочешъ спросити о нашемъ пребываніи: и изъ, Гоеударь, приарнѣемъ Волжнмъ занемогъ, къ монмъ старымъ болѣзнямъ прикинулае лихорадка и конечно меня утруднила; а нынѣ, Гоеударь, Божією милостію и твоєю Гоеудареюю къ Богу вѣрою и молитвами, есть немного полегче. А здѣсь, Гоеударь, въ нашей Царской отчинѣ, въ пресловущемъ градѣ Москвѣ, Октября по 28 число, даять Богъ, здраво все. А что еси, Гоеударь, вознѣстнлъ намъ о своей, Гоеударевѣ, матери, а моеи по

закону бывшей жень, нынѣ жъ о Святыхъ Дусѣхъ дщери нашего спасенія, о старицѣ Маровѣ — о ея болѣзни: и я, Государь, слыша о томъ, поскорбѣлъ и у всемилостиваго Бога милости прошу о ея душевномъ спасеніи и о тѣлесномъ здравіи. А о томъ благодарю Господа Бога моего Иисуса Христа, что насъ обоихъ посѣтилъ болѣзнию; а вамъ бы, Великому Государю, объ нашихъ старческихъ болѣзняхъ не кручинитися: то наше старческое веселіе, что болѣзни съ радостию терпѣти. Васъ бы, вселюбезнѣйшаго сына нашего, Великаго Государя, благочестиваго Царя, учинилъ милосердный Богъ здрава и счастлива, и многолѣтна, и подалъ бы тебѣ, Государю, смыше побѣду и одолженіе на всея враги и супостаты, хотящая бранемъ, и царство бѣ твое миромъ оградилъ, и велѣлъ бы мнѣ Богъ тебя, Государя, въ царствующемъ градѣ, на твоемъ Царскомъ престолѣ, въ радости видѣти, его жъ и надѣмся векорѣ получитьи о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ. А милость Божія и пречестныя Богородицы и великихъ чудотворцевъ Петра и Олексея, и Іоны, и всѣхъ свитыхъ молитва, и нашего смиренія благословеніе да есть и будетъ съ вашимъ Царскимъ Благородіемъ нынѣ и во вѣки, аминь.

3. Письмо инокини Маровъ къ Патріарху Филарету отъ 2 іюня 1620 года. Вышесестественному въ подиавъхъ и равноангельному изволеніемъ, петинному кормчию Христова корабля, неблаженно той направляющею во пристанище благочестія, великому государю, свѣтѣйшему Филарету Никитичу, Божіею милостию патріарху Московскому и всея Русіи, старица Марова нашему свѣтителству челомъ бьетъ. Маія, Государь, съ 30 числа, противъ среды въ ночи, по грѣху моему, Государь, свѣтъ очю моею, пресвѣтлѣйшій Царь и Великій Князь Михаило Федоровичъ, всея Русіи, заперомъ сторошкою. И толъ, Государь, ночи и не опочивалъ, маленько къ свѣту поутинился и начало облегчевать. А поминулся прежній конской убой; а къ тому, Государь, больше къ нынѣшнему ходу, пришла кровь. А нынѣ, Государь, твоими свѣтлыми молитвами, подаровалъ Богъ ему, свѣту моему, совершенное здравіе; и по благословенію нашего свѣтителства, по обѣщанію жъ нашему, скончавася мѣстнѣ, и честныи обители свѣтлыя и единосущныя Троицы узъ

Судно "Мир" из порта Владивостока, на котором в 1904 году
были совершены преступления, о которых упоминается в вышеуказанном
приговоре, находится в настоящее время в порту Владивостока, и
в настоящее время находится в распоряжении Владивостокского
Городского Управления, и в настоящее время находится в распоряжении
Городского Управления, и в настоящее время находится в распоряжении

—

X.

Общій обзоръ Смутнаго времени. Роль Макарьевского Успенскаго монастыря въ исторіи смутнаго времени. Связь монастыря съ Романовыми. Старецъ-строитель Давидъ Хвостовъ. Митрополитъ Ефремъ. Авраамій Палицынъ.

Періодъ «смуты», періодъ «смутныхъ временъ», по выраженію Котошихина, а по мнѣнію русскихъ людей, переживавшихъ это тяжелое время — «періодъ великой разрухи Московскаго государства» представляется однимъ изъ важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ періодовъ нашей исторіи. Не смотря на массу историческихъ трудовъ выдающихся ученыхъ, историковъ и археологовъ, трактующихъ объ этомъ періодѣ, онъ тѣмъ не менѣе до сихъ поръ причисляется во многихъ отношеніяхъ къ темнымъ вопросамъ, настоятельно требующимъ дальнѣйшаго изученія. Интересъ къ нему возрастаетъ именно въ настоящее время, когда, ровно 300 лѣтъ тому назадъ, наши предки переживали это время.

Мы не беремся за разрѣшеніе этой громадной задачи; наша цѣль гораздо скромнѣе, а слѣдовательно и посильнѣе для насъ, именно: изложить и разъяснить нѣкоторые историческіе факты, несомнѣнно имѣвшіе мѣсто во время смуты, но не только не оцѣненные, а при томъ такъ обойденные молчаніемъ почти всѣми изслѣдователями, занимающимися изученіемъ смутнаго періода.

«Великая разруха» Московскаго государства, по мнѣнію проф. Ключевскаго, продолжалась съ 1598 по 1613 годъ, т. е. 14 лѣтъ. Мы не будемъ гонорить о почвѣ, поводахъ и коренныхъ причинахъ смуты — все это прекрасно и очень подробно изслѣдывано въ обширныхъ и глубоко научныхъ трудахъ профессоровъ С. Ѳ. Платонова, В. О. Ключевскаго и многихъ другихъ; не будемъ также излагать исторіи самой смуты, болѣе или менѣе знакомой всѣмъ по различ-

нымъ большимъ и малымъ историческимъ трудамъ; но коснемся нѣкоторыхъ частныхъ, повидимому ничтожныхъ и маловажныхъ, совершенно не упоминавшихся даже въ большихъ исторiяхъ, но, тѣмъ не менше, требующихъ своего объясненiя уже по одному тому, что нѣтъ дѣйствiй безъ причинъ, производящихъ эти дѣйствiя. Можетъ быть, эти частности помогутъ ученымъ специалистамъ, историкамъ и археологамъ, вооруженнымъ всею полнотою знанiя и средствъ изученiя, полнѣе и точнѣе разобратъ въ трактуемомъ вопросѣ; можетъ быть, эти частности дадутъ новую нить, новый путь къ изученiю многихъ, неразъясненныхъ еще и темныхъ сторонъ важнѣйшей страницы Русской исторiи.

По многимъ мѣстнымъ историческимъ даннымъ устанавливается съ несомнѣнностью тотъ фактъ, что Михаилъ Феодоровичъ Романовъ съ своей матерью, инокиней Марою Ивановной, былъ два раза въ Макарьевскомъ Ужженскомъ монастырѣ.

Макарьевскiй Ужженскiй монастырь нынѣ находится въ уѣздномъ городѣ Костромской губерни, Макарьевѣ, расположенномъ на берегу рѣки Ужж. Монастырь основанъ въ 1439 году преподобнымъ Макариемъ, пришедшимъ на берега Ужж съ береговъ Волги изъ Желтоводскаго монастыря, разореннаго Казанскимъ татарскимъ ханомъ Улу-Махметомъ въ 1439 году, во время княженiя Василия Васильевича Темнаго.

Казалось-бы, какое отношенiе къ великимъ событiямъ, совершавшимся въ Россiи 300 лѣтъ тому назадъ, можетъ имѣть бѣдный Макарьевскiй Ужженскiй монастырь, отстоящiй отъ центра событiй—Москвы, болѣе чѣмъ на 500 верстъ, находящiйся въ пустынномъ, безлюдномъ мѣстѣ, покрытомъ вѣковыми непроходимыми лѣсами.

Существуютъ несомнѣнныя данныя, что болѣе чѣмъ черезъ 150 лѣтъ послѣ основанiя монастыря, т. е. въ 1607 г., онъ былъ весьма скуднымъ. Такъ въ рукописи монаха Леониды, конца XVII вѣка, находящейся въ Макарьевско-Ужженскомъ монастырѣ, говорится, что авъ 7115 (1607) году билъ челомъ Государю и Царю, Великому Князю Василию Ивановичу строитель-старецъ Данилъ Хвостовъ: велѣлъ де мнѣ Макарьевъ монастырь строить Государь, Царь и Великiй Князь Феодоръ Ивановичъ, а братiя де у насъ 20 человекъ, а приходу

де у насъ хлѣбнаго и денежнаго *скудно* и монастырь строить *нельзя*. И Государь Царь Василій Ивановичъ пожаловалъ Подмонастырной волости деревню Ярцово Верхнее съ деревнями». На этотъ даръ выдана была жалованная грамота отъ 7 декабря 1607 г. на имя «чернаго пона Юасафа да старца Давида Хвостова съ братією». Хотя этой подлинной грамоты въ монастырь и не сохранилось, но существованіе ея подтверждается сохранившимся въ монастырь епископъ съ немъ XVIII вѣка ¹⁾). Какъ извѣстно изъ исторіи, старецъ Давидъ Хвостовъ былъ посланъ самимъ Царемъ Феодоромъ Иоанновичемъ еще въ 1596 году для устроительства монастыря, но, не смотря на это высокое покровительство, монастырь бѣдствовалъ и не былъ благоустроеннымъ еще въ 1607 году, что заставило строителя старца Давида Хвостова обратиться съ вышеупомянутымъ ходатайствомъ къ царю Василю Ивановичу Шуфиекому.

И вотъ въ эту-то, можно сказать, захудалую, мало кому извѣстную, находящуюся въ Костромскихъ лѣсныхъ трупобахъ, обитель, про которую въ лѣтописяхъ говорится, что до 1619 года она «неславна бѣше и немногочеловѣчна», дважды совершаетъ путешествіе первый Царь изъ дома Романовыхъ, Михаилъ Феодоровичъ: въ первый разъ—еще не будучи Царемъ, а во второй—черезъ пять лѣтъ по воцареніи. А если это фактъ, то неужели-же онъ не требуетъ изученія, при которомъ могутъ выясниться такія обстоятельства, которыя пополнятъ нѣкоторые пробѣлы въ нашемъ знаніи исторіи Смутнаго времени.

Мѣстный костромской историкъ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія, князь Козловскій, пишетъ, что, по случаю задержанія митрополита Филарета (Никифича) въ Польгѣ, инокиня Марѳа со своимъ сыномъ Михаиломъ предприняла путешествіе въ Макарьевскій Угличскій монастырь, чтобы принести «моленія» преподобному Макарію, «да поможетъ онъ своими молитвами освобожденію митрополита изъ томительнаго плѣна». ²⁾ Членъ Костромской Ученой Архивной Комиссіи г. Херсонскій приводитъ слѣдующее извлеченіе изъ житія преподобнаго Макарія, епископаго въ началѣ XVIII вѣка съ другой,

¹⁾ И. Херсонскій. Лѣтопись Макарьевск. Угличск. монастыря. Вып. 1, стр. 7.

²⁾ Князь Козловскій. Взглядъ на исторію г. Костромы стр. 87 и 151.

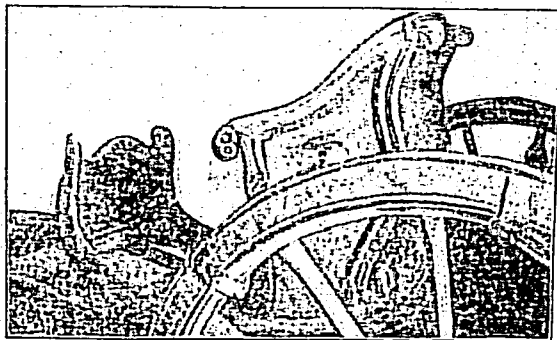
болѣе ранней рукописи: «спрінде въ монастырь сей и благовѣрная великая старица, инока Марса Іоанновна изъ Коостромекимъ предѣловъ, изъ вочины своея, на поклоненіе гробу святаго и молитвы ради, съ пречестною своею отраслію, съ сыномъ своимъ благовѣрнымъ отрокомъ Михаиломъ Теодороничемъ Романовымъ, иже потомъ векорѣ бысть милостію Вошеію Государь, Царь и Великій Князь всея Россіи. Тѣи убо мати съ сыномъ многія моленія у гроба святаго Макарія сотвориша, молящеся богоносному отцу, да поможетъ имъ своимъ ко Христу ходатайствомъ въ *печалехъ ихъ* и да сподобитъ я видѣти востину блаженнаго и многодобрѣтельнаго Филарета, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, въ Польнѣ тогда удержаннаго». И въ другомъ мѣстѣ: «ангеломенитый онъ, отъ Бога предъизбранный во временное царство, вѣчное прежде возлюбивый, егда еще не у діадиму нося и скипетръ державства, егда крылся отъ безбожныхъ лиховъ, въ младыхъ си лѣтахъ, въ предѣлахъ Коостромекимъ, наче же покрываемъ бываше покропомъ милости небесныя Царицы, христіанскія надежды и заступницы Богородицы..... достиже и Унженскія чуднаго Макарія обители. Слышалъ бо ближе славу чудесъ его и при его святѣмъ и чудотворномъ гробѣ *многій моленій показа, многій слезы изліл*, еже бы молитвами его отъ злочестивыхъ сохранитися.... сотвори убо моленія своя смиренно и о родителѣ своемъ чудномъ архіерей Филаретѣ, удержанномъ въ въ Польнѣ въ плѣнѣ, яко да понеже обლობыжетъ свѣтыя его слѣдны, наче же святѣи церкви молябы дѣяше».

Къ сожалѣнію неизвѣстно и гдѣ въ лѣтонисяхъ не указывается, въ какомъ году совершилось это путешествіе, но, изъ сопоставленій извѣстныхъ историческихъ данныхъ, можно приблизительно опредѣлить время перваго путешествія матери и сына Романовыхъ въ Макарьевскій Унженскій монастырь. Въ 1610 году митрополитъ Филаретъ возвратился въ Москву изъ Тушинскаго лагеря, пробывъ нѣкоторое время въ Іосифовомъ монастырѣ, и въ томъ же 1610 году отправленъ былъ во главѣ посольства къ королю Сигизмунду ³⁾, слѣдовательно въ 1610 году не могло быть и рѣчи о томительномъ плѣненіи Филарета въ Польнѣ, по поводу котораго

³⁾ Исторія Соловьева, стр. 911.

состоялось путешествие. Членъ Костромской ученой архивной Комиссiи г. Херсонскiй предполагаетъ, что путешествие это состоялось или въ концѣ 1612 года, или въ первыхъ двухъ мѣсяцахъ 1613 года, съ чѣмъ нельзя не согласиться, ибо Митрополитъ Филаретъ былъ отправленъ пѣшимкомъ въ Варшаву 3 июня 1611 года, а 22 октября 1612 года, когда поляки сдали Кремль ополченiю сѣверныхъ городовъ, изъ Кремля, въ числѣ другихъ бояръ и боярынь, вышли Иванъ Пикитичъ Романовъ, инокиня Мароа Иоанновна и сынъ ея Михаилъ Θεодоровичъ. Съ достоверностью можно сказать, что инокиня Мароа съ сыномъ своимъ Михаиломъ тотчасъ-же отправилась въ костромскiе предѣлы, каковое мнѣнiе подтверждается вышеприведенными словами лѣтописи, что «старница инока Мароа Иоанновна приде въ монастырь изъ *костромскихъ предѣловъ*» и добавляется еще: «*изъ вотчины своей*». Подтвержденiе того-же мы находимъ въ приложенiи къ журналу «Русская Старина» за 1878-й годъ, гдѣ въ статьѣ «Романовы, Царствующiй Домъ Россiйской Имперiи, съ 1613 года» говорится: «по освобожденiи отъ плѣна у поляковъ въ осажденномъ русскими Московскомъ Кремлѣ, Михаилъ Θεодоровичъ удалился съ матерью на Кострому».

Второе путешествiе въ Уженскiй монастырь Михаилъ Θεодоровичъ съ родительницею своею совершилъ уже будучи Царемъ. Вотъ что говорится въ выпискѣ, сдѣланной г. Самариновымъ изъ лѣтописи Макарьевского Уженскаго монастыря: «воспримшу же хоругви Россiйскаго Царствiя Христоподраскательному Царю Михаилу Θεодоровичу и по воцаренiи непрестанно мольбы и моленiя творящу ко всецедрому Богу и ко пречистѣй Богородицѣ, и святѣя призывающу на помощь, съ ними же купно умилениѣ призывающе въ молитвахъ своихъ и великаго чудотворца, преподобнаго Макария Уженскаго, яко да Царствiя его *вси млтвжи и кровопролитii утолятся*, и родителей своего блаженнаго архiereя Филарета уврить освобожденнаго изъ плѣна и въ Царствующiй Градъ Москву приидеши. Положи же благовѣрный Царь обѣщанiе свое преподобному Макарию въ молитвахъ своихъ, яко аще, молитвами его, *напервѣчннн прошенii Царскаа Богъ исполнитъ, то пакн свое Царское шестое сотворити въ честнну его обителью*».

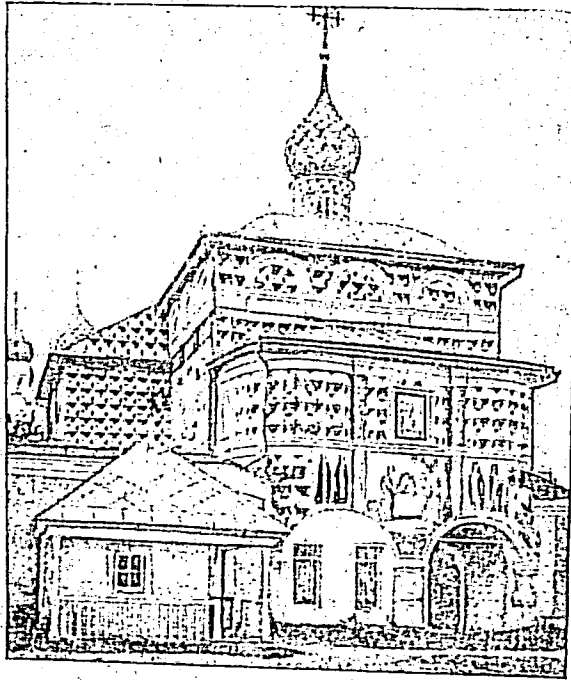

Колесница, по преданію, Михаила Θεодоровича, хранящаяся въ Макарьевскомъ монастырѣ.

Изъ этихъ словъ лѣтописи ясно видно, какъ юный Царь обезпокоенъ продолжающимся нестроеніемъ земли русской, различными мятежами и кровопролитіями, какъ онъ пламенно желаетъ имѣть около себя своего родителя, какъ такового и какъ опытнаго руководителя въ сложныхъ Царскихъ трудахъ, и снова его мысль обращается ни на что другое, какъ на скромную и отдаленную обитель Успенскую, и вотъ онъ даетъ обѣщаніе *наки соорудити* свое Царское шествіе въ честную обитель преподобнаго Макарія.

О второмъ путешествіи Михаила Θεодоровича въ Макарьевскій Успенскій монастырь мы имѣемъ довольно подробныя свѣдѣнія. Такъ, ихъ можно найти въ перепискѣ Царя и Матери его Марыи Ивановны съ Патріархомъ Филаретомъ,¹⁾ изъ лѣтописи XVII вѣка монаха Леониды и рукописнаго (XVIII вѣка) житія преподобнаго Макарія, хранящихся въ архивѣ Успенскаго монастыря. Изъ этихъ историческихъ документовъ ясно видна причина, заставившая Царя предпринять путешествіе, которое исполнилось по его «царскому обѣщанію» за нѣкоторый его, угодника Божию, «чудеса и помощь», оказанную ему, Великому Государю, и пречестнымъ родителямъ его государскимъ «въ время ихъ государскихъ печалей». Самъ патріархъ Филаретъ побуждаетъ Царя исполнить обѣщаніе, говоритъ: «молю и благословлю Ваше Царское Благородіе,

¹⁾ Письма Русскихъ Государей. Изданіе археографич. коммисіи. 1818 г., т. I.

Макарьевскій монастырь. Николаевская церковь. 1685 г.

чтобы Вы, Великій Государь, свое обѣщаніе совершалъ, къ Преподобному Отцу Макарію шель *безъ всякаго сомнѣнія*».

24 августа 1619 года, послѣ торжественнаго богослуженія, совершеннаго патріархомъ - отцомъ, напутствуемые имъ «на продолженіе царскаго путнаго шествія освященною просфорою и святою водою», Михаилъ Феодоровичъ съ родительницей своей, сопровождаемые свитою, отбыли изъ города Москвы въ Кострому, черезъ Троице-Сергіеву Лавру, Переяславль, Ростовъ и Ярославль. Вечеромъ 10 сентября Царственные путешественники прибыли въ Кострому и остановились въ Кремль, въ своемъ осадномъ дворѣ.

Вышедши 15 сентября изъ Костромы, Царь 17 сентября прибылъ въ свою вотчину—село Домнино, гдѣ переночевать, отправилъ въ дальнѣйшее путешествіе и 25 сентября прибылъ въ село Спасское, отстоящее отъ Успенскаго монастыря въ 20 перстахъ. Переночевать здѣсь и выслушавъ раннюю литургію, Царь все

двадцативерстное разстояние прошелъ и близко и, какъ онъ самъ пишетъ Патриарху, «вечеромъ 29 сентября въ обитель Великаго Чудотворца пришли, дасть Богъ, здорово; у цѣльбоноснаго гроба преподобнаго отца нашего Макарія всенощная пѣнія и утренни литургія, и молебныя благодаренія, по обличанію нашему, сподобилъ насъ Богъ совершити».

Великими и богатыми милостями осмыслъ Царь обитель преподобнаго Макарія, повелѣвъ «монастырь дѣль своихъ Царевныхъ сокровищъ пространнымъ строеніемъ устроить и весь чинъ монастырскій, якоже и въ прочихъ великихъ обителяхъ, имѣти, и между великими обителями сеѣ монастырь учини, паранѣ съ Соловецкимъ монастыремъ». Со времени царскаго посѣщенія игумены Макарьевскаго монастыря получили право и обязанность два раза въ годъ ѣздить въ Москву къ Царю и патриарху, «съ образами чудотворца и со святыми подами».

По свидѣтельству зѣтвищен Макарьевскаго Унженскаго монастыря, Царь Феодоръ Алексѣевичъ, какъ его отецъ и дѣдъ, питалъ глубокое почитаніе къ обители преподобнаго Макарія. Онъ обновилъ и украсилъ чудотворную икону преподобнаго Макарія, лежащую поверхъ его гроба, для каковой цѣли икона была отпращена въ Москву, откуда возвращена съ торжественнымъ пѣніемъ и при участіи въ церковномъ ходѣ самого Царя. Зѣтвищенецъ прибавляетъ, что Царь Феодоръ Алексѣевичъ имѣлъ намѣреніе посѣтить обитель преподобнаго Макарія, но къ несчастію вкорѣ умеръ ¹⁾.

Такимъ образомъ устанавливается съ несомнѣнностью тотъ, весьма интересный, исторически вѣрный, фактъ, что Михаилъ Феодоровичъ съ матерью своею Марою Иоанновною два раза посѣщали бѣдный, кромѣ окружающихъ мѣстностей, мало кому извѣстный Макарьевскій Унженскій монастырь. Невольно бросается въ глаза, что, какъ только мать и сынъ Романовы вышли изъ Московскаго Кремля въ 1612 году, когда борьба по очищенію отъ праговъ Русскаго Государства достигла вышнихъ предѣловъ, когда горячо обсуждался вопросъ о выборѣ Царя, когда предвыборная горячка,

¹⁾ Костромск. Губ. Вѣд. 1852 г.

говори современнымъ языкомъ, достигла кульминаціонной точки, въ этотъ критическій и важный моментъ Романовы немедленно удаляются изъ центра событія въ бѣдный, далекій и пустынный монастырь, чтобы принести моленіе преподобному Макарію о всѣхъ своихъ печаляхъ и объ освобожденіи изъ плѣна Митрополита Филарета. Хотя точно и неизвѣстно, но нужно полагать, что не иначе, какъ въ этотъ-же пріездъ, юный Михаилъ Θεодоровичъ надъ гробомъ преподобнаго Макарія далъ обѣщаніе вторично побывать въ монастырь послѣ освобожденія отца своего изъ польскаго плѣна, что и исполнилъ, по воешествіи на Всероссійскій престолъ и по возвращеніи своего отца изъ Польши.

Здѣсь *volens-nolens* является неотвѣзчивый вопросъ, почему-же мать и сынъ Романовы выказали такое сильное почитаніе преподобному Макарію Успенскому, почему ему одному они приписывали избавленіе отъ всѣхъ бѣдъ, почему, черезъ молитвы только преподобнаго Макарія, Михаилъ Θεодоровичъ получилъ царство и возвращенъ былъ изъ плѣна его отецъ? Гдѣ кроется причина, что патриархъ Филаретъ понуждаетъ царственного сына своего исполнить свое обѣщаніе «*безъ всякаго сумнѣнія*», да и самъ Царь дѣлаетъ великій, исключительный подвигъ, когда со всѣмъ свикли-томъ 20 верстъ идетъ въ монастырь *тышкомъ* по непроходимой осенней дорогѣ, ибо, какъ онъ самъ пишетъ съ пути въ письмѣ къ патриарху-отцу: «идемъ мѣшкотно, потому что дожди и едѣга идутъ многіе и гризи великія, и мы идемъ, льготы людямъ нашимъ». Много нужно быть благодарнымъ и даже обязаннымъ монастырю, чтобы рѣшиться на такое тяжелое путешествіе, на такую тяжелую отплату. Въдѣ неизвѣстно, какія первостепенной важности заслуги оказали своей родиѣ въ Смутное время знаменитая Троице-Сергіева Лавра, какія заслуги оказала Костромская Пятълевская обитель, какъ благоговѣнно чтплась Романовыми древняя костромская свитыня Θεодоровская Богоматерь—покровительница дома Романовыхъ. И все это несомнѣнно сознавала Царь Михаилъ Θεодоровичъ, ѣздилъ ко всѣмъ этимъ, особенно чтимымъ свитынямъ для благодарственныхъ молитвъ и поклоненія, щедро одарилъ ихъ богатыми дарами, но только одна Макарьевская обитель отмѣчена

А
была Царемъ и его матерію особеннымъ, написаннымъ почитаніемъ, которое выразилось въ подвигѣ Царя, шедшаго къ обителю пѣшкомъ двадцативерстное разстояніе. Неужели-же и этотъ фактъ не наводитъ на мысль, что что-то такое особенное, выходящее изъ ряда обыкновеннаго, совершилось въ Макарьевскомъ монастырѣ, что пока скрыто отъ исторіи и ждетъ своего тщательнаго изслѣдованія.

Конечно на дѣло можно смотрѣть гораздо проще. Костромской край для Романовыхъ былъ роднымъ краемъ, и поэтому весьма естественно предположить, что въ Макарьевскомъ монастырѣ они были не два раза, какъ о томъ извѣстно, и, во всякомъ случаѣ, могли хорошо его знать. Но дѣло въ томъ, что въ томъ-же Костромскомъ краѣ были и другіе монастыри, болѣе близкіе Романовымъ, какъ, напримѣръ, Желѣзноборовскій монастырь, гдѣ по преданію Михаилъ Ѳеодоровичъ пѣкоторое время жилъ со своей родительницей. Этотъ монастырь находится недалеко отъ села Домнина, вотчины бояръ Романовыхъ, и пользовался также особыми милостями Царя, однако же онъ не получилъ такого преимущества, какъ монастырь Макарьевскій. Далѣе нельзя не упомянуть еще объ одномъ монастырѣ, гдѣ почиваютъ мощи Геннадія Костромскаго, который при жизни своей хорошо зналъ бояръ Романовыхъ и даже однажды, благословляя семейство боярина Романа Юрьевича Захарина, предсказалъ его дочери Анастасіи, будущей супругѣ Царя Іоанна Грознаго, что она будетъ «Государыней, Царицей благовѣрной, всему міру». Но и этотъ монастырь, подвижникъ котораго предсказалъ славу дома Романовыхъ и къ которому такъ естественно было обращаться съ молитвами со стороны Романовыхъ, какъ они обращались къ преподобному Макарію,—и этотъ монастырь такъ рельефно не выдвинуть былъ, какъ Ужженскій.

Есть еще одно, повидимому, ничтожное обстоятельство, которое тѣмъ не менѣе требуетъ того или иного поясненія и освѣщенія. Дѣло въ томъ, что передъ вторымъ посѣщеніемъ Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Ужженскаго монастыря былъ пропавденъ официальный «сискъ» о чудесахъ преподобнаго Макарія Ужженскаго. Этотъ сискъ или «свѣдѣніе о чудесахъ», по мнѣнію Члена Костромской

Ученой Архивной Комиссiи г. Херсонскаго ¹⁾, былъ произведенъ между мартомъ и июлемъ мѣсяцами 1619 года. Вотъ что говорится объ этомъ «*смскѣ*» въ письмѣ патриарха Филарета отъ 3 сентября 1619 года, писанномъ Царю Михаилу Феодоровичу: «по твоему царскому повелѣнiю и по совѣту, а по нашему благословенiю, которые были посланы для свидѣтельства Макарія Унженскаго чудотворца, и въ ихъ, Государь, свидѣтельствѣ, и въ сыску написано: которыхъ они великихъ нецѣлѣвшихъ людей спрашивали и свидѣтелей по нихъ и про ихъ нецѣленiе, ихъ родимцовъ и отцовъ ихъ духовныхъ, и иныхъ людей, которые тѣхъ нецѣлѣвшихъ людей знаютъ и про то ихъ нецѣлѣнiе вѣдаютъ, предъ собою ставили; и по ихъ, Государь, сыску и свидѣтельству тѣхъ великихъ нецѣлѣвшихъ людей, которые были болѣны очною болѣзнию и иными всякими, различными болѣзнями лѣтъ по тридцати, а иные по двадцати лѣтъ и по двѣнадцати, и по десяти, и по осьми, и по три, и по четыре года—нецѣлѣло пятьдесятъ одинъ человекъ. Да нецѣлѣнiе же, Государь, люди отъ различныхъ болѣзней у свидѣтельства сами про себя сказывали, а свидѣтельства про нихъ для далека не было, и тѣхъ, Государь, двадцать три человекъ, а всего, Государь, нецѣлѣвшихъ людей семьдесятъ четыре человекъ. Да про Макарьева жъ, Государь, Желтоводскаго чудеса принесъ ко мнѣ твой, Государевъ, бояринъ, князь Дмитрiй Михайловичъ Пожарскiй, письмо, что отъ Макарьева жъ, Государь, чудотворцева образа въ его, князь Дмитрiевъ, погветѣ, въ Шурецкой волости, чудеса и нецѣлѣнiе многимъ людямъ. И про которыхъ, Государь, нецѣлѣвшихъ людей объявилось, послѣ, и про тѣхъ, Государь, велѣно сыскивать. Да, хотя бы, Государь, и не было иныхъ прибылыхъ чудесъ, а по тому, Государь, свидѣтельству, которое писано выше сего, по нашему общему духовному совѣту о святомъ Дусѣ, проповѣдати дѣла Божiи преславно есть и угодишку Его, преподобному Макарию, честь воздати тако жъ, яко же и прочимъ святымъ преподобнымъ отцемъ».

Прежде всего является вопросъ, зачѣмъ понадобился этотъ смокъ? Что Макарьевскiй Унженскiй монастырь былъ мало извѣ-

¹⁾ Лѣтоп. Мал. Унж. мон., стр. 18.

стенъ тогдашней широкой русской публикѣ, на это есть прямое указаніе лѣтописи Макарьевскаго монастыря, гдѣ сказано, что до 1619 года, т. е. до времени второго посѣщенія Царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ Макарьевской обители, она «не слава была и немногочеловѣчна», а въ житіи преподобнаго Макарія объявляется даже и причина этого: «безчисленные чудодѣйствія преподобнаго; по преставленіи его, многа лѣта не была писана и забвенію предана: ово убо народъ страны оныя нескусенъ сему и пренпростъ, ово же яко пустыни сія многое время было не избющи добръ имующихъ мужей, что написать, но просто живуще тако въ пустынѣ».

Изъ описанія въ монастырской рукописи чудесъ преподобнаго Макарія мы приблизительно можемъ опредѣлить сферу вліянія Макарьевскаго Унженскаго монастыря. Искѣленныхъ было: изъ Юрьевца и уѣзда—16, изъ Нижняго-Новгорода—13, изъ Унженской области—9, изъ Галича—7, изъ Балахны—5, изъ Муромъ и Костромы по 3, изъ Казани, Муха, Кинешмы, Рѣзны, Ярославля, Солигалича по 2 и по одному изъ Арзамаса, Вичуги, Городца, Ветлуги, Нерехты, Чухломы, Стародуба, Устюга и Яренска. Изъ этого, косвеннымъ образомъ, можно усмотрѣть, что преподобный Макарій былъ хорошо извѣстенъ только въ Нижнемъ-Новгородѣ, Юрьевцѣ, Балахнѣ, Галичѣ и, прибавимъ мы, въ Солигаличѣ и Казани, такъ какъ при описаніи чудесъ въ лѣтописяхъ упомянуто, что по молитвамъ преподобнаго Макарія спасенъ былъ городъ Уника въ 1552 году отъ нашествія агарянъ, а въ 1532 году городъ Солигаличъ—отъ нашествія татаръ. Въ этихъ мѣстностяхъ мы находимъ много храмовъ, посвященныхъ препод. Макарію Унженскому. Въ Казани-же препод. Макарій самъ бывалъ и близъ города Свияжска (Казанской губ.), при устьѣ рѣки Свияги, основалъ пустынь, извѣстную подъ именемъ Макарьевской Свияжской подгородной, въ которой устроена была впоследствии церковь въ честь основателя пустыни, преп. Макарія Желтоводскаго.

Такимъ образомъ, Макарьевскій Унженскій монастырь былъ несомнѣнно хорошо извѣстенъ только сѣверо-востоку Россіи, т. е. Костромской, Нижегородской и частью Казанской губерній, и врядъ-ли былъ извѣстенъ въ другихъ областяхъ, особенно въ Москвѣ, гдѣ было

много таких молитвенниковъ за Россію и великихъ чудотворцевъ, каковы московскіе святители Петръ, Алексѣй, Іона, преподобный Сергій Радонежскій и друг.

Намъ думается, что заслуги Макарьевского Унженскаго монастыря были какіе-то особенныя, исключительныя и такъ велики въ глазахъ Царя Михаила Феодоровича, его родительницы и Патріарха Филарета, что они поставили себя въ обязанность прославить преп. Макарія на всю Россію и причислить его къ сонму великихъ русскихъ чудотворцевъ, молитвенниковъ и духовныхъ покровителей всей земли русской, для каковой цѣли, можетъ быть, и предпринято было «официальное свидѣтельство» о чудесахъ преподобнаго, которое, собственно говоря, какъ это и видно изъ вышеприведеннаго письма патріарха Филарета, не вылило ничего новаго, да и не могло вылиться по причинамъ, можетъ быть, извѣстнымъ однимъ только Романовымъ и близкимъ къ нимъ дѣйствующимъ лицамъ.

Поставивъ на разрѣшеніе, по нашему мнѣнію, весьма важный вопросъ о томъ, какая существовала между Романовыми и Унженскимъ монастыремъ связь, вызвавшая посѣщеніе обители Царемъ и исключительное къ ней вниманіе Царя и Патріарха Филарета, мы напрасно старались бы найти хотя какой-либо отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ въ доступныхъ намъ историческихъ сочиненіяхъ, которыя часто даже и не упоминаютъ о самомъ фактѣ двукратнаго посѣщенія Царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ Макарьевскаго Унженскаго монастыря. Въ силу этого мы попытались прежде всего поспать какихъ-либо данныхъ на мѣстѣ, въ самомъ Унженскомъ монастырѣ, могущихъ, хотя бы даже косвенно, бросить лучъ къ выясненію этого интереснаго вопроса. Попытки наши въ этомъ отношеніи не остались безрезультатными. Въ г. Макарьевѣ на Унжѣ оказался свой скромный историкъ-любитель, мѣстный археологъ, нынѣ уже умершій, В. В. Вяземъ, который, какъ оказывается, былъ также заинтересованъ разбираемымъ нами вопросомъ. Въ вышедшемъ послѣ его смерти трудѣ, издаваемомъ И. М. Чумаковымъ, онъ приводитъ не лишеныя интереса соображенія и догадки, указывающія нѣкоторые пути, по которымъ слѣдуетъ идти для изученія интересующаго насъ вопроса. Въ своемъ трудѣ «Исторія

города Макарьева на Унжѣ и о пребываніи въ Макарьевскомъ монастырѣ Царя Михаила Феодоровича» г. Вѣлиевъ останавливается на строителѣ монастыря Давидѣ Хвостовѣ и говоритъ, что «Давидъ Хвостовъ — это замѣчательная историческая личность, которая составляетъ ядро исторіи и Макарьевской обители, и города, и свойства позволенія на престолѣ Дома Романовыхъ. Надъ этой личностію долженъ со вниманіемъ остановиться каждый историкъ; великій грамотный, кому случится узнать что либо новое объ этомъ лицѣ, долженъ во имя отечественной науки довести объ этомъ печатно до свѣдѣній историковъ и археологовъ.

Мы впоследствии увидимъ, на основаніи какихъ данныхъ, какихъ соображеній г. Вѣлиевъ пришелъ къ такому заключенію, а пока, предварительно, выяснимъ, согласно несомнѣннымъ историческимъ даннымъ, кто такой былъ Давидъ Хвостовъ?

Въ автописи монаха Леониды, хранящейся въ Макарьевскомъ монастырскомъ архивѣ говорится слѣдующее: «егда же дойде вѣсть до Государя Царя и Великаго Князя Феодора Иоанновича, всея Россіи, и слыша о чудесахъ преподобнаго отца Макарія и о неостроеніи обители, яко никимъ же брегома, позволилъ оны Государь послати сына боярскаго, монашескій чинъ имуца, Давыда Хвостова, по седми тысящахъ въ 104 году (1596), въ строители». ¹⁾ Князь Козловскій въ своемъ «Историческомъ взглядѣ на исторію гор. Костромы», говоритъ, что въ 1596 году Царь Феодоръ Иоанновичъ устроилъ Макарьевскій Унженскій монастырь, послалъ благочестиваго монаха, изъ бояръ Новгородскихъ, прозваніемъ Хвостова ²⁾. О попыткѣ Давида Хвостова въ Макарьевскій монастырь упоминается и въ исторіи Карамзина. В. В. Вѣлиевъ въ своей исторіи г. Макарьева пишетъ: «самъ Царь Феодоръ Иоанновичъ обратилъ на общину и могилу преподобнаго вниманіе и, крѣпко вѣря въ чудодѣйственность преподобнаго, послалъ для устроенія своимъ издѣвленіемъ обители Давида Хвостова, боярина своего по однимъ сказаніямъ, а по другимъ своего постельничаго боярина.

¹⁾ П. Херсонскій. Автоп. Макар. Унж. мон.

²⁾ Кн. Козловскій, стр. 154.

Приводя крѣпкую вѣру въ чудодѣйственность преподобнаго, какъ причину посылки Давидъ Хвостовъ для устройства бѣднаго и захолустнаго монастыря, В. В. Вѣляевъ ¹⁾ тѣмъ не менѣе задаетъ вопросъ, почему именно Феодоръ Иоанновичъ избралъ Макарьевскій монастырь, а не другой? какая была причина посылки боярина, или боярскаго сына, а можетъ быть царскаго постельничкаго, принявшаго монашескій чинъ, въ захолустный, дальній монастырь строителемъ, тогда какъ такой родовитый и, во всякомъ случаѣ, приближенный къ Царю человекъ могъ получить мѣсто игумена не только въ болѣе извѣстномъ и богатомъ монастырѣ, но и въ самой Москвѣ?

Фиксируясь на личности строителя монастыря — Давида Хвостова, г. Вѣляевъ рисуетъ себѣ такую картину.

Когда Годуновъ, какъ Царскій шурина, сталъ твердо забирать кормило Феодорова правленія, и Хвостовъ созналъ, что бороться ему съ Годуновымъ уже не по силамъ и бесполезно, то, посоветовавшись съ другомъ своимъ іерархомъ Гермогеномъ, онъ надѣлся на себя рису чернеца ²⁾ и ушелъ въ строители на Унику, но съ глубоко затаенной особю мыслью возведенія на престолъ Дома Романовыхъ ³⁾. Какъ умный и грамотный волигъ человекъ, какъ придворный, тонкій политикъ и дипломатъ, Давидъ Хвостовъ предвидѣлъ, что распри бояръ при Феодорѣ разгорится до громадныхъ размѣровъ, что отъ Бориса Годунова можно ожидать всего, и, опасаясь за свою жизнь, онъ счелъ за самое лучшее удалиться отъ міра, видимо, на извѣстное число лѣтъ изъ Москвы, чтобы впоследствии имѣть полную возможность дѣйствовать изъ монастыря на дѣятельный и храбрый Уженекскій народъ. Не могъ строитель Давидъ Хвостовъ не знать и знатнѣйшій по тогдашнему времени родъ боярина Никиты Романовича Захарыина-Юрьина, не могъ не знать онъ и придворную жизнь Царя Иоанна Грознаго и Феодора, его сына, убіеніе Царевича Димитрія, такъ какъ въ 1596 году онъ, какъ извѣстно, называется уже старцемъ. Давидъ Хвостовъ во время царствованія Бориса

¹⁾ Вѣляевъ В. В. Исторія города Макарьева, стр. 155.

²⁾ Ibid. стр. 183.

³⁾ Ibid. стр. 148.

Годунова ни разу не обратился къ нему за помощью, какъ обитель въ томъ не нуждалась, такъ какъ Давиду Хвостову нужно было для пользы дѣла, чтобы Годуновъ забылъ его.

Наконецъ, въ 1601 году Борисъ Годуновъ раскидалъ по монастырямъ, тюрьмамъ и ссылкамъ всѣхъ Романовыхъ и многихъ ихъ родственниковъ, и только одна княгиня Черкасская съ ея племянникомъ Михаиломъ Θεодоровичемъ Романовымъ и его сестрою были въ томъ же году возвращены въ свою родину. У жителей города Макарьева до сихъ поръ живо преданіе, что Михаилъ Θεодоровичъ сохранился нѣсколько лѣтъ въ куполѣ Успенской церкви. И въ описи монастырскаго имущества, составленной воеводою Юріемъ Ловчиновымъ въ іюлѣ 1613 года, помѣчена въ числѣ построекъ Давида Хвостова «игуменская келья съ комнатою». Когда Царь Государь Михаилъ Θεодоровичъ задумалъ посѣтить обитель въ 1619 году, то приказалъ себѣ выстроить для своего пребыванія особня келіи, рядомъ со строителескими, и келіи эти были построены какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Успенская церковь, выстроенная именно въ память прихода Царя и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ три дня жилъ въ монастырѣ. Потомъ, въ 1620 г., келіи эти сгорѣли и была выстроена сначала деревянная церковь, когда же и та сгорѣла, выстроена уже настоящая каменная. По мнѣнію г. Вѣльева, преданіе смѣшиваетъ два случая—храненіе и посѣщеніе и, указывая на куполъ Успенской церкви, связываетъ его съ комнатою, построенной Давидомъ Хвостовымъ. Принимая все вышесказанное во вниманіе, г. Вѣлиевъ дѣлаетъ слѣдующее предположеніе. Княгиня Черкасская съ дѣтьми Филарета Никитича, возвращаясь изъ ссылки съ Вѣлозера въ свое помѣстье, село Клоузъ, въ Юрьевецкій уѣздъ, пожелала быть въ Обители Преподобнаго Макарія, да, несомнѣнно, и лично была знакома съ строителемъ Давидомъ Хвостовымъ. Давидъ извѣстилъ всю важность сохраненія въ своихъ рукахъ молодого Михаила и оставилъ его при себѣ, поселить въ особой комнатѣ, устроенной имъ при игуменскихъ кельяхъ, въ которой молодой Михаилъ и прожилъ отъ 5 до 10 лѣтъ, т. е. до того времени, когда родительница его была возвращена изъ ссылки изъ села Челмузъ, Поивнецкаго уѣзда. Г-нъ Вѣлиевъ думаетъ,

что первый приезд Марыи Иоанновны въ Макарьевскій Угличскій монастырь былъ прямо изъ Челмука за молодымъ Михаиломъ и въ видѣ доказательства приводитъ то обстоятельство, что въ монастырѣ долгое время сохранялись сани, никогда не употребляемая въ дѣло, въ которыхъ, по преданію, приѣхала изъ Челмука Марья Иоанновна за сыномъ своимъ Михаиломъ Феодоровичемъ.

Остатки вливаются далѣе на личности строителя старца Давида Хвостова, г. Вѣляевъ отмѣчаетъ одно важное обстоятельство, именно таинственное исчезновеніе Давида Хвостова изъ монастыря. Если бы, говоритъ онъ, Давидъ Хвостовъ окончилъ свою земную жизнь въ обители преподобнаго, то ужели бы до насъ не сохранилась память о мѣстѣ его погребенія, какъ перваго строителя и царскаго посланника. Изъ лѣтописей монастыря извѣстно только, что еще при жизни Давида Хвостова, въ 1607 году, строительство и искусство получаетъ Иосафъ, а Давидъ сходитъ со сцены, и нужно думать, говоритъ г. Вѣляевъ, что тотчасъ же послѣ смерти Бориса Годунова и патріарха Иова, когда на патріаршій престолъ былъ возведенъ казанскій митрополитъ Гермогенъ, онъ, Гермогенъ, тотчасъ же вывралъ къ себѣ Давида Хвостова и поставилъ его на свое мѣсто. Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Вѣляева, строитель Давидъ Хвостовъ явился уже не въ лицѣ строителя, а казанскаго и свѣяжскаго митрополита Ефрема.

Обеуждая постепенно весь ходъ дальнѣйшихъ событій, говоритъ г. Вѣляевъ, невольно приходишь къ убѣжденію, что Давидъ Хвостовъ, уходя въ монашество отъ распрей и враждующихъ партій при дворѣ, точно намѣтилъ для себя яено опредѣленную цѣль, которую скрывалъ подъ скромнымъ видомъ строительства бѣднаго монастыря. Чинъ инока въ прежнее время давалъ такія преимущества, каковыхъ никто не могъ имѣть. Прежній иннокъ веоду имѣлъ доступъ, и, какъ ни суровы были царскіе приказы, въбра брала свое, иноки были почитаемы веоду, а разъ иннокъ выдавалъ себя за провинціала, незнакомъ былъ съ Москвою, то самою особой разумѣется, чего было опасаться его, что онъ можетъ передать какое-нибудь тайное политическое сообщеніе и, конечно, такія донесались къ арестованнымъ для развлечения и духовнаго собесѣдованія; да и чего было опасат-

ся какого-то унженскаго монаха, когда и о монастырѣ-то этомъ не было извѣстїя. Вотъ такіе-то нарочно посылаемые иноки или лица, принадлежащія къ монастырю и преданныя своему строителю отирававшая повсюду, собирали всюду необходимыя свѣдѣнія и разносили тайныя сообщенія. Р. Вѣляевъ указываетъ, какимъ путемъ, наприм., инокиня Мароа, засланная Годуновымъ въ заповѣдныя погосты Толвуи и Челмужъ, могла узнать, что въ Макарьевъ-Унженской обители находится ея малолѣтній сынъ, разъ она прямо изъ ссылки прїѣхала за сыномъ. Такіе разсылаемые изъ монастыря иноки, по мнѣнію г. Вѣляева, и только они освѣдомляли и воодушевляли Филарета и Мароу Романовыхъ, и давали имъ силу перенести свое горе съ теплою вѣрою въ свѣтлое будущее. Безъ объясненія личности Давида Хвостова, говорить Вѣляевъ, неразрѣшимыя вопросы, почему въ 1607 году Унжа и Галицкая сторона, какъ одинъ человѣкъ, выставили два ополченія по 5000 человѣкъ, одно подъ руководствомъ Иванны Кологривца, а другое, такое же, подъ начальствомъ воеводы Давида Жеребцова—галицкое, и кромѣ ихъ строилась коряковцами (Коряковская волость) и всѣми унженцами особая рѣчная флотилія, которая въ 1609 году показала себя на Волгѣ, разбила на голову Лисовскаго, гнала его къ Костромѣ и здѣсь дралась до выгона поляковъ за Волгу. Народное движеніе на Унжѣ, опредѣленно выразившееся въ подготовкѣ боевой арміи и флотиліи, очевидно, организовалось и воодушевлялось, сначала строителемъ Давидомъ Хвостовымъ, а затѣмъ митрополитомъ казанскимъ Ефремомъ. Крѣпко стояла за вѣру христіанскую и обитель пренеподобнаго Макарія, изъ которой еще въ 1602 году начали разсылаться особые проповѣдники на крайній сѣверъ, а равно и на югъ—въ Астрахань и на Донъ.

Остаивался на фактѣ избранія Михаила Феодоровича Романова на царство, г. Вѣляевъ пишетъ: «находясь молодой Михаилъ въ другой губерніи, онъ бы впрямую пропалъ. Также могъ-бы онъ пропасть и при томъ условіи, если бы не было въ живыхъ Давида Хвостова, который неустанными заботами своими ковалъ крѣпкое орудіе. Какъ не былъ труденъ путь въ Челмужъ, гонцы отъ Ефрема или Давида находили Мароу Иоанновну и Филарета

Пигитича. Перенесывался съ Гермогеномъ, при абсолютной безурядицѣ московской думы, нужно-же было опереться на чтонибудь болѣе твердое, и Ефремъ обратилъ свой взоръ на Дюнь и его казаконъ. Онъ завелъ съ атаманомъ ихъ сношенія, отпранилъ свое посланіе въ Астрахань, къ своимъ стрѣльцамъ, такъ какъ епископъ казанскій былъ въ тоже время епископомъ астраханскимъ, какъ мѣстный архіерей Вожій. Послалъ также и на сѣверъ, въ Вологду и Архангельскъ, и непрестанно руководилъ Унжею черезъ Макарьевскую обитель. Соображенія, продолжаетъ Вѣлиевъ, насчетъ воинской силы оказались не напрасными, почему у Соловьева и вырывается фраза: «когда же Дума и нѣкоторые изъ бояръ сказали, кто такой этотъ Михаилъ, прочитавъ два посланія собору, одно врученное галичанинномъ, а другое атаманомъ донскихъ казаковъ, тожественныя по своему смыслу, стрѣльцы схватились за оружіе».

Резюмируя все вышесказанное, г. Вѣлиевъ приходитъ къ слѣдующему. Съ какой стороны ни взглянешь на дѣло, а безъ участія строителя Макарьевско-Унженскаго монастыря Давида Хвостова возведеніе на престолъ Дома Романовыхъ было немислимо. Во всей системѣ возведенія былъ точно и непо сознанный гениальный планъ одного ума, который неуклонно шелъ къ своей цѣли. Въ свою очередь, и молодой Михаилъ привыкъ къ Давиду Хвостову, и замѣчая ежедневно совершаемыя преподобнымъ Макаріемъ чудеса, такъ привыкъ почитать великаго угодника, что, когда молитвами его сдѣлался Царемъ, само собою онъ все припомнилъ, оцѣнилъ и соизналъ, что необходимо воздать должное почтеніе обителю угодника ¹⁾.

Познакомившись съ весьма интересными соображеніями мѣстнаго Макарьевскаго монастырскаго историка В. В. Вѣлиева, мы видимъ, что его соображенія дѣйствительно объясняютъ громадное значеніе Макарьевской обители, ея несомнѣнныя заслуги для Романовыхъ во время смуты, но вопросъ только въ томъ, насколько все это не фантазія, а реальный фактъ, насколько это согласуется съ извѣстными въ настоящее время [несомнѣнными историческими данными. Вѣдь, если допустить справедливость соображеній г. Вѣ-

¹⁾ Вѣлиевъ, стр. 152—155, 167 и 168, 174—175, 207, 213, 226 и 227.

являя, то действительно строитель Давидъ Хвостовъ явится великой исторической личностью, поэтому справедливо г. Вълневъ, когда говорить, что надъ этой личностью долженъ со вниманіемъ остановиться каждый грамотный человекъ, во имя отечественной науки.

Прежде всего необходимо, насколько только возможно точно выяснить, кто же такой Давидъ Хвостовъ и какое онъ имѣлъ отношеніе къ Романовымъ?

Къ сожалѣнію довольно трудно разрѣшить этотъ вопросъ, ибо нигдѣ не упоминается, какъ звали Давида Хвостова, когда онъ не былъ еще монахомъ. Въ лѣтописи монаха Леонида сказано: «позволи онъ, Государь, послати сына боярекова, монашескїи чинъ имуща, Давида Хвостова, по седми тысящахъ въ 104 году (1596), въ строители.» Вълневъ говоритъ, что Давидъ Хвостовъ былъ бояриномъ, или боярскимъ сыномъ, а есть указаніе, что онъ былъ постельничимъ бояриномъ Царя. Князь Коллыванскій пишетъ, что Давидъ Хвостовъ былъ изъ бояръ Новгородскихъ. Въ вѣчномъ еинодикѣ Макарьево-Успенскаго монастыря въ числѣ настоятелей обители записано имя строителя монаха Давида, но родъ его не записанъ. Въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Эфрона находятся слѣдующія данныя: «Хвостовы—это старинный дворянскій, а потомъ графскій родъ. Родоначальникъ его, выѣхавшій изъ Пруссїи при Великомъ Князѣ Данилѣ Александровичѣ въ 1267 году, *«двоемъ мужъ честію своею Маркграфъ Аланда Васаволъ»*, крещенный съ именемъ Василія и бывшій намѣстникомъ Московскимъ. Праравнукъ его Алексѣй Петровичъ, по прованію Хвостовъ, былъ на Москвѣ тысяцкимъ и въ 1357 г. убитъ на площади *«на осликїи день безовѣстно»*, отъ него пошли Хвостовы. Родъ Хвостовыхъ записанъ въ Владимірской, Новгородской, Тверской и *Костромской губерніяхъ*. Нѣкоторые изъ Хвостовыхъ, служившихъ воеводами, осадными головами и проч., упомянуты, но нѣтъ никакихъ указаній на монаха Давида Хвостова ¹⁾. Въ Россійской родословной книгѣ ²⁾, изданной княземъ Петромъ Долгорукимъ въ 1856 году, въ части 3, мы находимъ, что Петръ Василенвичъ,

¹⁾ Брокгаузъ и Эфронъ. Энциклопед. словарь, т. 37, стр. 142 и 143.

²⁾ Россійская родословная книга, князя Петра Долгорукова 1856 г., ч. III, стр. 259—262

повода Великаго Князя Иоанна Даниловича Калиты и намѣстникъ его въ Муромѣ, изгнать сына Алексея Петровича, по прозвищу Хвостъ, боярина, занимавшаго важное мѣсто Московскаго тысяцкаго. Онъ былъ найденъ безвѣстно убитымъ на площади въ Москвѣ, утромъ 3 февраля 1356 года, во время благовѣста къ заутренѣ. Въ лѣтописяхъ сказано: «убіеніе же его странно и не знаемо, и невѣдомо ни отъ кого-же; точию обрѣтеея убіенъ, лежа на площади, егда заутреню благовѣститъ... и бысть митежъ велиіи на Москвѣ того ради убійства». Здѣсь перечисленъ весьма точно родъ Хвостовыхъ и сказано, что Петръ Васаволь при Великомъ Князѣ Данилѣ Александровичѣ выѣхалъ къ Москвѣ изъ цесарскія земли и именованъ въ то время честнымъ мужемъ служить къ Великому Князю, и за то былъ пожалованъ, сынъ же его Алексій Петровичъ Хвостовъ былъ на Москвѣ тысяцкимъ еще въ 1362 и 1363 годахъ и отъ него пошли Хвостовы.

Такимъ образомъ всѣ данныя подтверждаютъ, что родоначальникъ Хвостовыхъ вышелъ изъ Пруссіи или Литвы и переселился въ Россію при Князѣ Данилѣ Александровичѣ. Несомнѣнно также, что этотъ родоначальникъ принадлежалъ къ знатному роду—честно своею Маркграфъ, мужъ честный, какъ говорится въ лѣтописяхъ и поэтому на службѣ въ Москвѣ занялъ одно изъ важныхъ мѣстъ. Изъ Костромскихъ дворянскихъ родословныхъ книгъ видно, что Хвостовымъ принадлежали позѣстья въ Вуйскомъ уѣздѣ, а изъ дозорной книги по Чухломскому уѣзду ¹⁾, видно, что въ 1615 году въ Чухломскомъ уѣздѣ были вотчины Хвостовыхъ. Несомнѣнно, следовательно, что Костромской край былъ хорошо извѣстенъ Хвостовымъ, но крайней мѣрѣ въ періодъ смутнаго времени. Но неizmъ этимъ все таки не разрѣшается вопросъ о личности Давида Хвостова, ибо несомнѣнно, что имя Хвостова, Давидъ, монашеское, а въ извѣстныхъ въ настоящее время рукописяхъ и историческихъ трудахъ нигдѣ не упоминается его мірское имя, что, понятное дѣло, имѣетъ большую важность. Приходится попытаться разрѣшить вопросъ, такъ сказать, косвенными данными.

¹⁾ Г. В. Юдинъ. Матеріалы для исторіи гор. Чухломи.

Намъ извѣстно, что при посвященіи въ монашескій чинъ переименуется имя, данное при рожденіи, на другое, причемъ, по несмысленному древнему обычаю, существующему и по настоящее время, при переименіи имени забирается имя такого святого, которое начинается съ той же буквы алфавита, какъ и мірское, и только въ видѣ исключенія можно встрѣтить несоблюденіе этого обычая. Такъ, Царь Борисъ Годуновъ передъ смертью принялъ монашество съ именемъ Боголюбъ, бояринъ Ѳеодоръ Кошка, родоначальникъ Романовыхъ, передъ смертью принялъ монашество съ именемъ Ѳеодорита, бояринъ Василій Андреевичъ Шереметевъ принялъ монашество съ именемъ Вассіана, сынъ его Иванъ Васильевичъ Шереметевъ, бояринъ при Грозномъ, постригся въ монахи съ именемъ—Іоны, Иванъ Михайловичъ Юрьевъ-Захарьинъ умеръ въ 1552 году, принявъ монашество съ именемъ Іоасафа, бояринъ Никита Романовичъ Захарьинъ-Іуринъ умеръ схимникомъ съ именемъ Инфона, Федоръ Никитичъ Романовъ получилъ при постриженіи въ монашество имя Филарета, Аверкій Палицинъ въ монашествѣ получилъ имя Абраамія и т. д. Мы съ умысломъ привели имена многихъ личностей, принявшихъ монашество, почти современникомъ Давида Хвостова, которые придерживались обычая сохранять при переименіи первую букву имени, данного при рожденіи, поэтому съ громадной долей вѣроятности можно предположить, что и Давидъ Хвостовъ по отношенію къ себѣ не измѣнилъ древняго обычая, весьма соблюдаемаго въ эпоху его жизни и дѣятельности, и удержалъ при поступленіи въ монашество первую букву своего мірскаго имени, т. е. букву «Д».

Если мы обратимся къ поколѣнному родословію Хвостовыхъ, помѣщенному въ Россійской Родословной Книгѣ Петра Долгорукаго, и къ родословнымъ книгамъ Костромскаго Дворянства, то увидимъ вполнѣ согласныя слѣдующія свѣдѣнія:

№

Колѣно I:

№ отцовскій.

1. Алексѣй Петровичъ Хвостовъ.

Колѣно II:

2. Василій Алексѣевичъ Хвостовъ 1

Колѣно III:

3. Борисъ Васильевичъ Хвостовъ	2
4. Никита Васильевичъ Лебедь, родоначальникъ угасшей въ XVII вѣкѣ фамилии Лебедевыхъ	2
5. Феодоръ Васильевичъ Пыль, родоначальникъ Пы- жовыхъ	2
6. Феодоръ Васильевичъ Дюна	2

Колѣно IV:

7. Юрій Борисовичъ Хвостовъ	3
8. Феодоръ Борисовичъ Огяй	3
9. Феодоръ Феодоровичъ Шаферъ, родоначальникъ Шаф- ровыхъ	6

Колѣно V:

10. Алексѣй Юрьевичъ Хвостовъ, родоначальникъ Хво- стовыхъ	7
11. Иванъ Феодоровичъ Вѣлка, родоначальникъ Вѣлки- ныхъ	8
12. Тимофей Феодоровичъ Огяевъ, родоначальникъ старшей, угасшей вѣтви Огяевыхъ	8
13. Семенъ Феодоровичъ Огяевъ, родоначальникъ младшей дворянъ Огяевыхъ	8
14. Иванъ Феодоровичъ Огяевъ-Еричъ, постельничій Іоанна Грознаго, умеръ въ 1499 году	8

Колѣно VI:

15. Прокопій Алексѣевичъ Хвостовъ	10
16. Елизарій Алексѣевичъ Хвостовъ	10
17. Василій Ивановичъ	14

Колѣно VII:

18. Афанасій Прокофьевичъ	15
19. Александръ Елизарьевичъ	16
20. Иванъ Елизарьевичъ Шагъ	16
21. Иванъ Елизарьевичъ Шпеней	16

Колѣно VIII:

22. Василій Афанасьевичъ	18
23. Иванъ Александровичъ	19

24. Григорій Александровичъ	19
25. Иванъ Ивановичъ	20

Колѣно IX:

26. Данило Васильевичъ	22
27. Степанъ Ивановичъ	23
28. Ѳеодоръ Ивановичъ	23
29. Игнатій Григорьевичъ	24
30. Уключка Григорьевичъ	24
31. Павелъ Ивановичъ	25

Колѣно X:

32. Михайло Даниловичъ	26
33. Никита Степановичъ	27
34. Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ	28
35. Панкратій Павловичъ	31
36. Петръ Павловичъ	31
37. Василій Павловичъ, воевода въ Оршинѣ въ 1582 году	31

Колѣно XI:

38. Матвій Никитичъ	33
39. Иванъ Ѳеодоровичъ	34
40. Родіонъ Петровичъ	36
41. Ѳеодоръ Петровичъ	36
42. Дѣй Васильевичъ	37

Колѣно XII:

43. Максимъ-Войтъ Матѣевичъ	38
44. Иванъ Ивановичъ	39
45. Василій Родіоновичъ	40
46. Александръ Родіоновичъ	40
47. Стахій Ѳеодоровичъ	41
48. Иванъ Дѣевичъ, воевода на Дону, гдѣ убитъ Разнымъ	42

Изъ этой родословной видно, что на букву «Д» значатся только два лица—Данило Васильевичъ Хвостовъ, въ IX колѣнѣ и по прямой линіи, и Дѣй Васильевичъ Хвостовъ, въ XI колѣнѣ, а слѣдовательно необходимо разрѣшить, который изъ нихъ могъ быть подъ именемъ Давида Хвостова: Данило Васильевичъ, или Дѣй

Васильевичъ. Въ энциклопедическомъ словарѣ находимъ свѣдѣнія, что единственныйъ сынъ Данилы Васильевича Хвостова Михаилъ Даниловичъ Хвостовъ былъ осаднымъ головою въ Шацкѣ въ 1581—1582 году, т. е. въ царствованіе Іоанна Грознаго, слѣдовательно Данило Васильевичъ былъ современникомъ боярина Никиты Романовича Захарыина-Юрыина, умершаго къ 1585 году. Вполнѣ понятно поэтому, почему Давидъ Хвостовъ въ грамотѣ царя Василия Ивановича Шуйскаго отъ 1607 года называется уже старцемъ, ибо Данилъ Васильевичъ Хвостовъ въ 1607 году долженъ былъ быть дѣйствительно въ преклонныхъ лѣтахъ. Что же касается Дѣи Васильевича Хвостова, то онъ не могъ *быть* Давидомъ Хвостовымъ, такъ какъ извѣстно, что сынъ его Иванъ Дѣевичъ былъ донскимъ поповодомъ, жилъ во времена Степана Разина и въ 1667 году былъ убитъ разбуйтовавшимися казаками.

Такимъ образомъ наличныя свѣдѣнія говорятъ, что Давидъ Хвостовъ происходилъ по старшей прямой линіи изъ знатнаго древняго рода Хвостовыхъ, предокъ которыхъ переселился изъ Пруссіи или Литвы въ Россію на службу къ Князю Московскому Данилу Александровичу. Всѣ Хвостовы служили князьямъ и Царямъ Московскимъ, занимая важныя должности тысяцкихъ, бояръ, царскихъ постельничихъ, стольниковъ, стрѣльцкихъ и осадныхъ головъ и проч. Съ громадною долей вѣроятности можно утверждать, что Давидъ Хвостовъ, посланный царемъ Θεодоромъ Иоанновичемъ въ строители Макарьевскаго Угличскаго монастыря въ 1596 году, былъ никто иной, какъ *Данило Васильевичъ Хвостовъ*.

Выше было упомянуто, что предокъ Хвостовыхъ пришелъ на службу къ Московскому Князю Данилу Александровичу, который справедливо считается основателемъ Московскаго Царства. Онъ присоединилъ къ Москвѣ Переяславль-Залѣсскій и началъ тотъ планъ собиранія земли русской подъ главенствомъ Москвы, который продолжали его потомки, послѣдующіе за нимъ князья, Юрій Даниловичъ, Иванъ Калита и другіе. Здѣсь интересно отмѣтить, что къ Данилу Александровичу, не бывшему даже Великимъ Княземъ, ѣхали русскіе и литовскіе князья, принимали православную вѣру и поступали именно къ нему на службу. Кромя Азіанды Басавола,

родоначальника Хвостовыхъ, изъ «Литвы или Пруссѣ» прибылъ на службу въ Москву къ тому же Князю Данилу Александровичу и, приблизительно, въ то же время Гланда Камбилла Дивоноичъ, принявшій православную вѣру и при крещеніи получившій имя Ивана. У Ивана Камбиллы былъ сынъ Андрей Ивановичъ Кобыла, который служилъ бояриномъ при Великомъ Князѣ Иоаннѣ Даниловичѣ Калитѣ и однимъ изъ первыхъ сапожниковъ при сынѣ его Симеонѣ Гордомъ. Этотъ Андрей Ивановичъ Кобыла является прародителемъ 18 русскихъ родовъ и въ числѣ ихъ Дома Романовыхъ ¹⁾. Такимъ образомъ несомнѣннымъ является, что, какъ Амаида Басаполъ, прародитель бояръ Хвостовыхъ, такъ и Гланда Камбилла, прародитель бояръ Романовыхъ, въ одно и тоже время эмигрировали изъ Пруссіи, или вѣрнѣе изъ Литвы, въ Москву, оба приняли православную вѣру, оба поступили на службу къ одному Князю Данилу Александровичу и, наконецъ, потомки ихъ обонхъ служили въ высшихъ должностяхъ при дворѣ Великихъ Князей и Царей Московскихъ. Такъ извѣстно, что Великій Князь Симеонъ Гордый посылалъ за своей невестой въ Тверь Андрея Кобылу (предка Романовыхъ) и Алексея Басапола (предка Хвостовыхъ). Следовательно, данилинское и прочное ихъ знакомство, продолжавшееся, можно сказать, вѣками—нигъ всякаго сомнѣнія. Если къ этому прибавить, что въ XVIII вѣкѣ какъ у Романовыхъ, такъ и у Хвостовыхъ были вотчины въ Костромской области и даже въ одномъ уѣздѣ—Вуйскомъ, то предположеніе о близкомъ, данилинскомъ и прочномъ знакомствѣ Романовыхъ съ Хвостовыми, становится фактомъ. А это, въ свою очередь, можетъ служить указаніемъ, что Давидъ Хвостовъ принадлежалъ къ партіи Романовыхъ, т. е. дѣйствовалъ не иначе, какъ въ ихъ интересахъ.

Вотъ все, весьма скудные, данныя о Давидѣ Хвостовѣ, которыя пришлось добыть намъ изъ находящихся у насъ подъ руками источниковъ.

Г-нъ Вѣляевъ говоритъ, что Давидъ Хвостовъ, оцѣнивая и анализируя происходившее передъ его глазами положеніе вещей,

¹⁾ Н. Н. Селѣфоновъ. Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ Царя Михаила Оседоровича Романова.

посоветовался со своимъ другомъ іерархомъ Гермогеномъ, надѣлъ на себя рѣсу чернеца и ушелъ въ строители на Унжу съ глубоко затаенною мыслью возведенія на престолъ представителя Дома Романовыхъ. Онъ съ заранѣе обдуманымъ намѣреніемъ скрылся съ глазъ Годунова, что, какъ говоритъ г. Вѣлиевъ, доказывается тѣмъ, что онъ ни разу не обратился къ Годунову за помощію для устройства монастыря.

Посмотримъ, насколько все это согласуется съ извѣстными намъ историческими данными. Прежде всего неизвѣстно, самъ ли, по своей волѣ, принялъ Давидъ Хвостовъ монашество, или же его принудили къ тому Годуновъ и Херсонскій въ своей «Жизнописи Унженскаго монастыря» говоритъ слѣдующее.

Такъ какъ именемъ Феодора правилъ тогда государствомъ Борисъ Годуновъ, то, очевидно, назначеніе Давида Хвостова строителемъ въ Макарьевскій монастырь состоялось по распоряженію Годунова. Можетъ быть Давидъ Хвостовъ былъ изъ числа лицъ, которыхъ Годуновъ считалъ своими недоброжелателями, а потому, какъ нерѣдко дѣлалъ съ подобными лицами, и заставлялъ его постричься въ монахи и, подъ предлогомъ благочестиваго порученія — устроить бѣдную обитель, удалить его изъ Москвы ¹⁾.

Мы, съ своей стороны, болѣе склоняемся на сторону мнѣнія г. Херсонскаго, что Давидъ Хвостовъ былъ постриженъ въ монахи противъ своей воли и тотчасъ же отправленъ изъ Москвы, какъ-бы въ ссылку, въ захолустный Унженскій монастырь уже человекомъ, «монашескій чинъ имунимъ», но нигдѣ не упоминается изъ какого монастыря былъ этотъ монахъ, что, безъ сомнѣнія, было бы указано, если бы только онъ дѣйствительно былъ въ какомъ нибудь Московскомъ монастырѣ; кромѣ того немыслимо допустить, чтобы родовитаго боярина, принявшаго по своему желанію монашескій санъ, послали безъ всякой вины съ его стороны строителемъ въ захолустье, въ бѣдный монастырь; затѣмъ, если бы причиной посланки Давида Хвостова было дѣйствительно желаніе самого Царя, вслѣдствіе какинъ-либо поводовъ, устроить бѣдную Унженскую обитель,

¹⁾ И. Херсонскій. Жит. Мак.-Унж. мон., стр. 6.

то Давидъ Хвостовъ былъ бы, безъ сомнѣнн, снабженъ соответствующими средствами изъ Царской казны, чего не было на самомъ дѣлѣ, ибо строитель Давидъ Хвостовъ, по словамъ лѣтописи, постоянно нуждался въ ередствахъ, не могъ даже устроить церкви надъ могилой преподобнаго Макарія, и обитель, по словамъ тѣхъ-же лѣтописенныхъ данныхъ, была бѣдна и неблагоустроена до 1619 года, т. е. до Царскаго посвѣщенн обители. Вѣдь, если Царь Михаилъ Феодоровичъ дѣйствительно захотѣлъ устроить обитель, то онъ и дать для этого средства, а если Царь Феодоръ Ивановичъ не сдѣлалъ того-же, то ясно, что обстоятельства дѣла, при которыхъ былъ посланъ Давидъ Хвостовъ, были какн-то другн. Наконецъ, за насильственное постриженн въ иноки Давида Хвостова и его ссылку говорить и тогдашнее политическое положенн.

Правитель Государства Борисъ Годуновъ уже съ 1587 г. началъ нацунывать своихъ враговъ и удалять ихъ съ своего пути. Такъ извѣстно, что въ этомъ году Ивана Петровича Шуфскаго удавили въ Вѣлозерь, Андрея Ивановича Шуфскаго также удавили въ Каргополь, князя Ивана Татеева сослали въ Астрахань, Крюкъ-Колычева—въ Никанн-Новгородъ, въ «тюрьму каменную», Феодору Ногаю съ шестью товарищами отсѣкли головы, многихъ въ тюрьмы разослали по городамъ на житье. Въ 1588 году состоящн въ Царской службѣ дворяннш Аверкнн Ивановичъ Палицынъ подвергся оналѣ, лишился имущества, которое было взято въ казну, постриженъ въ монахи съ именемъ Авраамнн (знаменнтьн вностѣдетнн келарь) и сосланъ въ Соловецкнн монастырь. Наконецъ, боярннш Феодоръ Никнтнчъ Романовъ въ 1601 году постриженъ въ монахи, лишился имущества и сосланъ въ Антонневъ-Снйскнн монастырь. Такнмъ образомъ, скорѣе всего нужно думать, что боярннш Давидъ Васильевичъ Хвостовъ былъ постриженъ въ монахи не по своей волѣ, и, по всей вѣроятности, какъ недоброжелатель Бориса Годунова, былъ сосланъ на жительство въ бѣдный, захолустнн Унгенскнн монастырь.

Что касается разсужденнй г. Вѣллена о томъ, что строитель Давидъ Хвостовъ съ умысломъ не обращался къ Борису Годунову ни за какой помощью, то это противорѣчить лѣтописеннымъ даннымъ, извѣющимся въ Унгенскомъ монастырѣ, которыи прямо

указываютъ, что строитель Давидъ Хвостовъ въ 1601 году «блѣ челомъ свѣтѣйшему патриарху Іову: храмъ де у нихъ въ монастырѣ теплый, свѣтыхъ мучениковъ Фрола и Лавра, ветхъ, п, чтобы пожаловалъ—велѣлъ построить новый храмъ Святыя Троицы и свѣтыхъ мученикъ Фрола и Лавра, теплый и съ трапезой. И дана ему грамота строить». Херсонскій въ своей лѣтописи Макарьевского Ужненскаго монастыря добавляетъ, что по челобитью Давида *жалованною грамотою Царя Бориса* предоставлены монастырю «рыбныя ловли» на Стрелкѣ рѣкѣ и въ Уляжѣ, отъ рѣки Марыинки вверхъ по рѣчку Пришъ, озерко Доманъ, озерко Свиное, да выше Приша заводъ Темницына. Кромѣ того, при Давидѣ Хвостовѣ ужненскій житель Оома Крюковъ пожертвовалъ въ монастырь недвижимое имущество, и Царь Борисъ Годуновъ утвердилъ это своею грамотою. Право на это владѣніе подтверждено было впоследствии Царемъ Василиемъ Шуйскимъ. Наконецъ, указаніе г. Вѣллена на то, что будто бы Давидъ Хвостовъ совѣтовался съ патриархомъ Гермогеномъ и былъ даже его другомъ ни на чемъ не основано, ибо къ тому не только нѣтъ никакихъ историческихъ данныхъ, но нѣтъ никакихъ даже косвенныхъ указаній.

Объявленія дальнѣйшія событія, г. Вѣлленъ говоритъ, что послѣ того, какъ въ 1601 году Борисъ Годуновъ раскидалъ по монастырямъ, тюрьмамъ и ссылкамъ всѣхъ Романовыхъ, княгиня Черкасская, возвращаясь черезъ годъ, т. е. въ 1602 году, изъ ссылки съ Вѣлоозера вмѣстѣ съ дѣтми Θεодора Никитича Романова, Михаиломъ и Татьяной, къ себѣ въ Юрьевецкій уѣздъ (?) пожелала быть въ обители преподобнаго Макарія, тѣмъ болѣе, что знала лично строителя Давида Хвостова, и Давидъ оставилъ Михаила при себѣ, поселивъ его въ особой комнатѣ, которую устроилъ при своей игуменской кельѣ, гдѣ Михаилъ и жилъ съ 5 до 10 лѣтъ, т. е. до того времени, когда родительница его была возвращена изъ ссылки изъ села Челмужа.

Посмотримъ, подтверждается ли это предположеніе имѣющимися историческими данными. Известно, что Θεодоръ Никитичъ Романовъ въ 1601 году былъ постриженъ въ монахи и сосланъ въ Антоніевъ Сѣвскій монастырь. Въ 1606 г. Жедимитріемъ I, въ день его коро-

пованіи, 30-го іюля, возведенъ въ санъ митрополита Ростовскаго. 3 іюня 1505 года перевезъ мощи Царевича Димитрія изъ Углича въ Москву. Въ 1608 году схваченъ въ Ростовѣ тушинцами, отведенъ въ Тушино и 11 октября жилъ уже въ Тушинѣ, откуда возвратился въ Москву въ 1610 году. Въ томъ-же 1610 году, 11 сентября, по распоряженію патріарха Гермогена и бояръ, отправленъ былъ посломъ въ Польшу, арестованъ поляками 26 марта 1611 года и прожилъ въ плѣну до 1 іюня 1610 года.

Кеснія Івановна Романова въ іюні 1601 г. пострижена была въ монахини и сослана въ Толууфскій погостъ. При Лжедмитріи I она была возвращена изъ ссылки и жила до 1608 года съ сыномъ своимъ Михаиломъ въ Ростовѣ, гдѣ святительствовалъ Филаретъ Никитичъ ¹⁾. 22 октября 1612 года, когда поляки сдали кремль ополченію сѣверныхъ городовъ, то въ числѣ другихъ бояръ и боярынь вышли изъ кремля Іванъ Никитичъ Романовъ и инокиня Марѳа Іоанновна съ сыномъ Михаиломъ Θεодоровичемъ; въ Москву они удалились изъ Ростова по захватѣ митрополита Филарета поляками. По выходѣ изъ кремля Марѳа Іоанновна отправилась въ монастырь св. Інатія.

Тетки Михаила Θεодоровича—Анастасія Никитична и Марѳа Никитична Черкаскаѳ, съ мужемъ и дочерью, а также съ племянниками—6 лѣтнимъ Михаиломъ и Татьяною Романовыми, сосланы были въ 1601 году на Вѣлоозеро, гдѣ и жили до конца 1602 г., когда переведены были на житье въ потчину Романовыхъ, Юрьевецкаго уѣзда, село Клинтъ, освобождены же изъ подъ надзора Лжедмитріемъ I ²⁾.

Изъ этихъ историческихъ данныхъ видно, что Михаилъ Θεодоровичъ никоимъ образомъ не могъ жить съ 5 до 10 лѣтняго возраста у Давида Хвостова. Несомнѣнно, что, согласно вышериведеннымъ историческимъ даннымъ, Михаилъ Θεодоровичъ съ момента освобожденія Лжедмитріемъ его родителей, т. е. съ конца 1605 г., жилъ съ своими родителями въ Ростовѣ и числился даже въ званіи

¹⁾ Е. В. Мещеряковъ; Г. Н. Студенкинъ, Русск. Старина, 1878; П. Н. Селюфонтовъ, ч. II, стр. 70—81.

²⁾ Романовы, — Царствующій Домъ, Русск. Стар., 1878, IV, прилож.; П. Н. Селюфонтовъ, ч. II, стр. 93—97.

стольника, а послѣ отвода въ плѣны изъ Ростова въ Тушину отца его, митрополита Филарета, уѣхалъ съ матерью въ Москву, гдѣ, нужно полагать, и жилъ до освобожденія своего изъ кремля, т. е. до 22 октября 1612 года. Можетъ быть только вопросъ о томъ, гдѣ жилъ Михаилъ Феодоровичъ послѣ того, когда сосланные на Вѣлоозеро Романовы и Черкасскіе были возвращены изъ ссылки въ концѣ 1602 года, т. е. въ продолженіи 3-хъ лѣтъ, съ 6-лѣтняго до 9-лѣтняго возраста, когда еще родители его продолжали быть въ ссылкѣ—въ селѣ ли Клину, извѣстѣ съ теткой своей княгиней Черкасской, или въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ?

Никакихъ историческихъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса нѣтъ. Если допустить самое простое, что, если изъ ссылки съ Вѣлоозера вѣ Романовы и Черкасскіе были переселены въ село Клины, Юрьевского уѣзда, да еще подъ надзоръ, что видно изъ того, что вѣ они были освобождены изъ подъ надзора только при Лежедмитриѣ I, то, слѣдовательно, Михаилъ Феодоровичъ и жилъ эти три года у тетки, княгини Черкасской, въ Клину. Но въ такомъ случаѣ непонятно, почему нѣтъ никакихъ историческихъ данныхъ о жизни Михаила Феодоровича въ Клину, почему въ этомъ селѣ не осталось никакихъ даже воспоминаній о трехлѣтнемъ пребываніи будущаго Царя Московскаго. Почему ни самъ Михаилъ Феодоровичъ, ни родители его ни единымъ словомъ нигдѣ не упоминаютъ о селѣ Клины? Вѣлиевъ по этому поводу справедливо говоритъ, что будучи пятилѣтнимъ (шестилѣтнимъ, какъ мы выше сказали) ребенкомъ и живи еще четыре (а мы думаемъ три), года, молодой Михаилъ былъ уже девяти лѣтъ въ селѣ Клинахъ (Клины), а это такой возрастъ когда вѣ симпатіи человѣка вылетаютъ наружу и обозначаются на разныхъ предметахъ, и у молодого Михаила непременно бы появилась какаи нибудь привязанность въ селѣ Клины, либо къ товарищу дѣтства, либо къ какому нибудь мѣсту.

Мы видѣли, что Михаилъ Феодоровичъ отмѣтилъ тѣмъ или инымъ путемъ много мѣстъ, къ которымъ онъ имѣлъ хотя какое либо отношеніе, но онъ не сдѣлалъ этого по отношенію къ селу Клины, поэтому, какъ думаетъ г. Вѣлиевъ, въ Клину онъ

не жить ¹⁾. И мы, съ своей стороны, думаемъ, что дѣйствительно Михаилъ Ѳеодоровичъ не жилъ въ Клину.

Не говоря уже объ отсутствіи всякихъ слѣдовъ пребыванія его въ этомъ селѣ, мы можемъ привести по данному вопросу еще слѣдующія соображенія. Изъ историческихъ данныхъ повѣстно ²⁾, что въ 1601 г., по приказанію царя Бориса Годунова, Михаилъ Ѳеодоровичъ съ тетками своими, Марою Никитичною Черкасскою, Анастасіею Никитичною и Ульяною Семеновною (жена Александра Никитича) Романовыми, сестрою Татьяною Ѳеодоровною, княземъ Борисомъ Камбулатовичемъ и дочерью его Припою Борисовною были сосланы на Вѣлоозеро, гдѣ всѣ они и жили до конца 1602 г., когда были переведены на жительство въ с. Клинь, Юрьено-Польскаго уѣзда. Во время ссылки на Вѣлоозерѣ, 25 апрѣля 1601 г., а по другимъ источникамъ 29 апрѣля 1602 года, князь Борисъ Камбулатовичъ Черкасскій умеръ, слѣдовательно переселены были и должны были жить въ селѣ Клинь одиѣ женщины съ единственнымъ мужчиной, шестилѣтнимъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ.

Принимая во вниманіе тогдашнее положеніе вещей въ Россійскомъ Государствѣ, когда вся Русь находилась въ броженіи, когда голодъ, пожары и моровая язва свирѣствовали повсемѣстно, когда безземельное, не имѣющее никакихъ интересовъ и связей съ обществомъ казачество, получившее со второй половины XVII столѣтія сильное развитіе, бродило по всей Руси съ цѣлями грабежа, убійствъ и насилій, — принимая все это, повторяемъ мы, во вниманіе, тетки Михаила Ѳеодоровича, идя на рукахъ шестилѣтняго малютку, хотя бы по чисто родственнымъ чувствамъ и въ силу нѣкоторой нравственной ответственности передъ родителями малютки, не могли не задумываться надъ его участіемъ, когда отовсюду ему грозила опасность, когда ежеминутно онъ могъ погибнуть. И вотъ мы видимъ, что дѣйствительно Михаилъ скрывается съ горизонта, историческая нить какъ-бы прерывается на три года, и нѣтъ ниоднѣ никакихъ данныхъ объ его мѣстопребываніи.

¹⁾ П. Вѣшевъ. Исторія г. Макарьева, стр. 223—224.

²⁾ П. Селюфонтовъ, ч. II, стр. 91—97.

Мы пытались прослѣдить жизнь и дѣятельность всѣхъ окружающихъ Михаила лицъ, живущихъ, какъ на Бѣлоозерѣ, такъ и въ селѣ Клинь, чтобы по этимъ даннымъ выяснить, жилъ-ли Михаилъ Феодоровичъ въ селѣ Клинь, но доступныя намъ историческія данныя также не даютъ никакихъ, даже косвенныхъ указаний. Князь Черкасскій, какъ мы видѣли выше, умеръ еще на Бѣлоозерѣ. Марья Никитична, его жена, переведена была съ Бѣлоозера въ село Клинь, вотчину Романовыхъ, освобождена изъ подъ надзора при Лжедмитріи, умерла 28 февраля 1610 года и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ. Анастасія Никитична, впоследствии по мужу Лыкова-Оболенская, освобождена изъ подъ надзора при Лжедмитріѣ I, упоминается на второй свадьбѣ Михаила Феодоровича въ 1626 году и Алексѣи Михайловича въ 1648 году, умерла 9 октября 1655 года, принявъ въ схимѣ имя Анисей, и погребена въ Пафнугѣево-Боровскомъ монастырѣ. Ульяна Семеновна, вторая супруга Александра Никитича, изъ рода Погожевыхъ, скончалась 5 декабря 1624 года, при схимѣ принявъ имя Іулія, и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ. Ирина Борисовна была замужемъ за Феодоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ, умерла 2 марта 1616 года и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ. Татьяна Феодоровна, сестра Михаила Феодоровича, была замужемъ за княземъ Иваномъ Михайловичемъ Катыревымъ-Ростовскимъ, скончалась 21 іюня 1611 г. и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Такимъ образомъ, остается открытымъ вопросъ, гдѣ жилъ, и подъ чьимъ покровительствомъ и надзоромъ находился Михаилъ Феодоровичъ съ конца 1602 года до второй половины 1605 года, т. е. съ 6-ти до 9-ти лѣтняго его возраста?

Историческія данныя говорятъ одно и тоже, что Михаилъ Феодоровичъ жилъ съ тетками въ селѣ Клинь, и говорятъ это единственно только потому, что болѣе ничего не извѣстно, кромѣ того, что всѣ сосланные на Бѣлоозеро были въ 1602 году переведены въ с. Клинь. А между тѣмъ три года прожилъ юный Михаилъ съ родственниками въ селѣ Клинь, и у этого села не осталось никакой съ нимъ связи, ни одного воспоминанія, въ то время какъ въ Униженскій монастырь, гдѣ никогда не жилъ Михаилъ, по крайней мѣрѣ

на это нигдѣ нѣтъ указаній, онъ идетъ съ матерью своею на поклоненіе по какому-то *«обѣту»*, исполнить который понуждаетъ его отець-патріархъ. Въ селѣ Клину, гдѣ три года якобы жилъ Михаилъ Θεодоровичъ, нѣтъ никакой памяти, оставленной Романовами, въ Униженской же обители сохраняется *«келійный»* образъ Михаила Θεодоровича, крестъ изъ маслянаго дерева, присланный патріархомъ Филаретомъ изъ благодарное воспоминаніе объ избавленіи отъ польскаго плѣна. Уже будучи Царемъ, одарить и отмѣтить такъ или иначе все заслуживающее хотя малѣйшаго вниманія, Михаилъ Θεодоровичъ совершенно забылъ о селѣ Клину, гдѣ онъ жилъ продолженіи 3-хъ лѣтъ, между тѣмъ Макарьевской Униженской обители, гдѣ онъ не жилъ—«многую милость сотвори и велие благоутробіе показа, и премногія щедроты изліа..... радостною душею и свѣтлымъ образомъ, Христоподобнымъ призрѣнемъ на святую преподобнаго отца Макарія обитель и ко игумену, и братіи»¹⁾. И невольно взоры каждаго изслѣдователя должны обратиться на Макарьевско-Униженскую обитель, невольно въ ней хочется найти ключъ къ разъясненію многихъ темныхъ событій Смутаго времени.

До сихъ поръ мы приводили въ доказательство того, что Михаилъ Θεодоровичъ жилъ съ 1602 по 1605 годъ не въ селѣ Клину, а скорѣе въ Униженскомъ монастырѣ, только болѣе или менѣе правдоподобныя, чисто теоретическія сопоставленія и соображенія, но вѣстный Макарьевскій историкъ В. В. Взяевъ указываетъ еще на два факта, которые могутъ только подтвердить вышеозначенныя соображенія—это постройка строителемъ монастыря Давидомъ Хвостовымъ при своей игуменской кельѣ какой-то особой «комнаты» и преданіе, что изъ куполь церкви Макарьевского монастыря нѣкоторое время сохранялся Михаилъ Θεодоровичъ.

Что Давидомъ Хвостовымъ построена игуменская келья съ «комнатой»—это несомнѣнный фактъ, ибо подтверждается официальною документомъ, именно описью монастырскаго имущества, составленною воеводою Юріемъ Ловчиковымъ при передачѣ монастыря игумену Зосимѣ въ іюль 1619 года, гдѣ сказано, что при

¹⁾ П. Херсонскій. Рукописное житіе преп. Макарія, стр. 23.

строитель Давидъ въ монастырѣ, между прочими постройками, была сдѣлана «игуменская келья съ комнатою». Что это за комната? Видѣ въ игуменскомъ жилищѣ наѣрное была не одна комната, но въ данномъ случаѣ зачѣмъ-то понадобилось отгѣнить эту «комнату», особо упомянуть ее. Это упомянаніе о комнатѣ при игуменской кельѣ—столь не обычно, что заставляетъ думать, что она служила для какихъ-либо особыхъ цѣлей. Вѣроятно, приводя преданіе, упорно живущее среди уженскаго народа до сихъ поръ, о томъ, что Михаилъ Феодоровичъ сохранялся въ Макарьевскомъ монастырѣ, говорить, что въ этой-то комнатѣ и жилъ Михаилъ Феодоровичъ. И съ этимъ опять-таки нельзя не согласиться. Видѣ почему ильбуда да существуетъ такого рода народное преданіе, и именно въ районѣ Уженскаго монастыря; видѣ откуда же ильбуда оно взялось и упорно держится, и его нельзя игнорировать.

Во многихъ храмахъ, между прочимъ и въ Костромскомъ Успенскомъ соборѣ, сохраняются образа, пожертвованные Михаиломъ Феодоровичемъ въ память посѣщенія имъ какихъ-либо монастырей и церквей, но въ одномъ только Макарьевскомъ Уженскомъ монастырѣ сохраняется его особый образъ—«*келейный*», каковое названіе образа указываетъ, что онъ когда-то былъ въ его кельѣ и остался въ этой кельѣ послѣ его отъѣзда изъ нея, откуда онъ впоследствии и перенесенъ былъ въ храмъ на храненіе.

Въ какой-же кельѣ могъ жить Михаилъ Феодоровичъ и когда?

Михаилъ Феодоровичъ могъ жить въ кельѣ какого-либо монастыря въ Ростовѣ, когда онъ жилъ тамъ съ своей матерью инокиней Марою; могъ жить въ кельяхъ Ипатіевскаго монастыря и Желѣзнодорожскаго, на что есть нѣкоторые указанія,—но въ такомъ случаѣ этотъ «келейный образъ» и остался бы въ томъ монастырѣ, въ кельяхъ котораго изгълъ пребываніе Михаилъ Феодоровичъ. Поэтому проще и правильнѣе допустить, что, если въ Уженскомъ монастырѣ сохранился келейный образъ Михаила Феодоровича, то въ кельяхъ этого монастыря онъ и жилъ нѣкоторое время.

Слѣдовательно, если и нѣтъ прямыхъ историческихъ указаній на то, гдѣ жилъ Михаилъ Феодоровичъ съ конца 1602 года, до второй половины 1605 г., то всетаки, на основаніи многихъ по-

бочныхъ и косвенныхъ данныхъ, мы должны придти къ заключенію, что скорѣе всего Михаилъ Феодоровичъ жилъ въ это время въ Макарьевскомъ Унженскомъ монастырѣ, въ комнатѣ при игуменскихъ кельяхъ, подъ наблюденіемъ и руководствомъ строителя-старца Давида Хвостова.

Намъ остается еще разсмотрѣть со стороны исторической возможности предположеніе г. Взялева, что Давидъ Хвостовъ и Митрополитъ Казанскій Ефремъ—одно и тоже лицо.

Въ 1596 году Давидъ Хвостовъ назначается строителемъ Макарьевскаго Унженскаго монастыря. Въ 1607 году, еще при жизни строителя-старца Давида Хвостова, вступилъ въ управленіе Унженскимъ монастыремъ игуменъ Иосафъ. Такимъ образомъ въ 1607 г., гонимый Взялевъ, Давидъ Хвостовъ скрывается изъ Макарьевской обители, т. е. вдругъ пропадаетъ изъ виду и, если бы Давидъ Хвостовъ окончилъ свою земную жизнь въ обители преподобнаго Макарія, то ужель бы до насъ не дошла память о мѣстѣ его погребенія, какъ перваго строителя и царскаго посланника?—это съ одной стороны. Съ другой же, какъ неожиданно скрывается изъ Макарьевской обители строитель Давидъ Хвостовъ, такъ неожиданно появляется въ Казани митрополитъ Ефремъ, который продолжаетъ, по мнѣнію Взялева, дѣйствовать въ духѣ Хвостова. Отсюда г. Взялевъ дѣлаетъ заключеніе о тождествѣ этихъ лицъ и думаетъ, что вѣрнѣе всего, что тотчасъ же послѣ смерти Бориса Годунова и патріарха Иова (?), когда на патріаршій престолъ былъ возведенъ казанскій митрополитъ Гермогенъ, то онъ тотчасъ же вызвалъ къ себѣ Давида Хвостова и поставилъ его на свое собственное мѣсто.

Для отрицанія или утвержденія этого предположенія нѣтъ никакихъ историческихъ данныхъ, и дѣло будущихъ историковъ изслѣдовать этотъ весьма интересный вопросъ. Мы же, съ своей стороны, можемъ привести слѣдующее. Въ монастырскомъ архивѣ есть копія съ грамоты Шуйскаго 1607 года, писанная въ XVIII вѣсѣ, гдѣ право на владѣніе Ооминнымъ дворомъ и рыбными ловлями подтверждено грамотою Царя Василія Ивановича Шуйскаго отъ 10 марта 1607 года *на имя строителя Давида*. Въ лѣто-

писи монаха Леониды и сохранившемся списке съ грамоты приводится другая жалованная грамота Царя Василия Ивановича Шуйскаго, отъ 7 декабря 1607 г., на владѣніе угодьями — «на имя чернаго пона Іоасафа и строителя Давида Хвостова съ братіею». Сопоставляя даты этихъ жалованныхъ грамотъ, данныхъ царемъ Василиемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, отъ 10 марта 1607 года на имя одного строителя Давида Хвостова и отъ 7 декабря того же года на имя уже двоихъ — чернаго пона Іоасафа да старца Давида, можно заключить, что Давидъ Хвостовъ въ періодъ времени отъ 10 марта по 7 декабря 1607 года уступилъ свое игуменское мѣсто Іоасафу, но или оставался въ монастырѣ, или только числился въ немъ нѣкоторое время. Между тѣмъ, по несомнѣннымъ историческимъ даннымъ, извѣстно, что казанскій митрополитъ Гермогенъ 3 июля 1606 года посвященъ въ санъ патріарха русскими святыми ¹⁾ и уже отъ 29 и 30 ноября 1606 года разослалъ по всей Россіи грамоты о погибели вора и еретика Димитрія и о поцареніи Шуйскаго «Царя благочестиваго и поборателя по православнои вѣрѣ ²⁾». Въ это время казанскій митрополитъ Ефремъ, услышавъ, что жители Свияжска увлечены злодѣями и измѣнили Государю, наложилъ на нихъ запрещеніе и приказалъ мѣстному духовенству не принимать отъ нихъ въ церкви приношеній. Тогда виновные смирились и били челомъ Государю простить ихъ, а патріарху снять съ нихъ запрещеніе. Царь простилъ, патріархъ разрешилъ, а митрополиту Ефрему послать отъ лица всего освященнаго собора благословеніе, какъ доблестному пастырю — это было 22 декабря 1606 года ³⁾. Въ документахъ казанскаго Спасо-Преображенскаго монастыря говорится, что митрополитъ казанскій Ефремъ погребенъ въ пещерѣ казанскаго Спасо-Преображенскаго монастыря, рядомъ съ мѣстомъ петляйнаго покоя казанскихъ просвѣтителей Гурія и Варсонофія, причемъ добавлено, что митрополитъ Ефремъ былъ посвященъ въ 1606 г.

¹⁾ Митр. Макарій. Исторія Русской церкви, т. X, стр. 130.

²⁾ Ibid., стр. 132.

³⁾ Карамзинъ, т. XII, стр. 15 - 27; митр. Макарій. Исторія Русской церкви, т. X, стр. 133.

Такимъ образомъ, судя по вышеприведеннымъ грамотамъ на имя строителя старца Давида Хвостова, выходитъ, что Давидъ Хвостовъ сдалъ свое игуменство черному пону Юасафу и ушелъ изъ монастыря въ 1607 году, между тѣмъ, какъ мы только что видѣли, исторія указываетъ съ опредѣленными датами, что митрополитъ Ефремъ хиротонисанъ въ 1606 году и былъ въ Казани дѣйствующимъ лицомъ уже во второй половинѣ 1606 года. Кромѣ того, какъ мы выше видѣли, у Хвостова имя Давидъ было монашеское и, при посвященіи его въ санъ епископа, оно не было-бы замѣнено.

Но не смотря на это, вѣсело съ положительностью нельзя отрицать того, что строитель Макарьевского Успенскаго монастыря старецъ Давидъ Хвостовъ и казанскій митрополитъ Ефремъ не были однимъ и тѣмъ же лицомъ, и вотъ на какихъ, хотя и косвенныхъ, данныхъ. Историческія свидѣтельства указываютъ, что митрополитъ Ефремъ былъ назначенъ въ Казань точно въ постъ: назначенія Гермогена патріархомъ и свидѣтельства казанскаго Спасова монастыря не противорѣчаютъ этому и указываютъ, что митрополитъ казанскій Ефремъ былъ посвященъ въ 1606 году. Весьма возможно и шлолибъ естественно допустить, что Давидъ Хвостовъ былъ хиротонисанъ въ митрополита Казанскаго во второй половинѣ 1606 года и переѣхалъ туда на жительство и что тогда же состоялось назначеніе и чернаго поня Юасафа на мѣсто Давида Хвостова, а грамоты указываютъ только на то, что все то, что ранѣе просилъ единолично и совмѣстно съ Юасафомъ Давидъ Хвостовъ, принято во вниманіе и утверждено. Отъ момента послышки до утвержденія просимаго могло пройти нѣсколько мѣсяцевъ, даже и годъ, и за это время могли, конечно, совершиться многія перемены. Что-же касается того, какимъ образомъ монахъ Давидъ Хвостовъ могъ еще разъ переименовать имя на Ефрема, то и это могло быть, ибо извѣстно, что, напримеръ, свититель Юасафъ Горленко (1705 — 1754), епископъ бѣлгородскій и оболонскій, нареченъ былъ въ святомъ крещеніи именемъ *Юакима*, при поступленіи въ иночество получилъ имя *Иларіона*, а при принятіи мантіи ректора и игумена Кіево-братскаго нареченъ былъ *Юасафомъ*.

(Князь П. Д. Жеваховъ. Святитель Юсафъ Горленко, стр. 171 и 172).

И въ самомъ дѣлѣ, откуда взялся митрополитъ Ефремъ, почему онъ именно сдѣлался замѣстителемъ знаменитаго Гермогена, почему онъ, а не кто-либо другой, послѣ смерти Гермогена, сталъ во главѣ русской іерархіи; наконецъ, почему онъ 11 іюля 1613 года совершилъ въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, священное вѣнчаніе и миропомазаніе перваго Царя изъ Дома Романовыхъ?

При вступленіи на престолъ московскій Мжедимитрія были слѣдующіе архіепископы Русской церкви: патріархомъ—Іовъ; митрополитами: Крутицкимъ—Пафнутіѣй, Новгородскимъ—Иендоръ, Казанскимъ—Гермогенъ и Ростовскимъ—Кириллъ (Завидовъ); архіепископами: Вологодскимъ—Сильвестръ, Суздальскимъ—Галактіонъ, Рязанскимъ—Игнатій, Смоленскимъ—Сергій, Тверскимъ—Феофигіесть, Архангельскимъ (эласонскимъ)—Арсеній и Астраханскимъ—Феоодосій; епископами: Коломенскимъ—Іосифъ и Псковскимъ—Геннадій ¹⁾;

При Мжедимитріи произошли только нѣкоторыя измѣненія; именно, вмѣсто патріарха Іова поставленъ былъ патріархомъ рязанскій архіепископъ Игнатій, грекъ, который первый привналъ Мжедимитрія за истиннаго Димитрія Царевича, ²⁾ и вмѣсто митрополита ростовскаго Кирилла (Завидова) поставленъ былъ Филаретъ Никитичъ Романовъ. Почему же, когда, вмѣсто низложеннаго патріарха Игнатія, призванъ былъ Царемъ Василиемъ Шуйскимъ на патріаршій престолъ казанскій митрополитъ Гермогенъ, то на его мѣсто въ Казань не былъ назначенъ никто изъ наличныхъ архіепископовъ и епископовъ, а поставленъ невѣдомый до сихъ поръ Ефремъ, между тѣмъ какъ среди іерарховъ были люди, по своему образу дѣйствій въ царствованіе Мжедимитрія, достойные повышенія. Такъ, можно указать на тверскаго архіепископа Феофигіста и астраханскаго Феоодосія. Первый изъ нихъ въ 1606 году, когда къ самозванцу пристали уже города Орель, Мценскъ, Тула, Калуга, Рязань, Дорогобузь и друг., созвалъ къ себѣ духовенство, приказныхъ людей

¹⁾ Митр. Макарій, Исторія рус. церкви, т. X.

²⁾ Ibid, стр. 106 и 107.

и всѣхъ жителей, укрѣпили ихъ постоять за св. Божіи церкви, за вѣру православную, и Тверь не пристала къ бунту ¹⁾. Архіепископъ же астраханскій Феодосій, когда уже многіе города признали Лжедмитрія, убѣждалъ астраханцевъ, что называющій себя царевичемъ Димитріемъ есть самозванецъ и похититель нарекаго имени. Эти слова онъ не побоялся повторить и передъ лицомъ Лжедмитрія, когда астраханцы препроводили къ нему своего архіепископа ²⁾.

Когда Гермогена не стало, говорить въ своей «Исторіи Русской Церкви» митрополитъ московскій Макарій, естественно было ожидать, что управленіе дѣлами церкви, впредь до выбора новаго патріарха, приметъ въ свои руки митрополитъ крутицкій, такъ какъ крутицкіе владыки, постоянно жившіе въ Москвѣ, издавна считались помощниками и какъ бы викаріями московскаго первосвятителя, но въ Крутицахъ въ то время не было архіепископа, такъ какъ архіепископъ Пафнутіи скончался. Первымъ изъ русскихъ митрополитовъ, послѣ патріарха, былъ митрополитъ новгородскій, который и долженъ былъ сдѣлаться временнымъ управителемъ церковныхъ дѣлъ, но всетаки во главѣ церкви сталъ митрополитъ казанскій Ефремъ. Объяснилъ это обстоятельство, церковный историкъ Макарій принимаетъ мнѣніе историка Соловьена и говоритъ, что Новгородъ тогда находился подъ властію шведовъ и какъ бы отдѣлился отъ Россіи, влѣдствіи чего тогдашній митрополитъ новгородскій Пендоръ не могъ завѣдывать управленіемъ Русской церкви и вообще не участвовалъ ни въ какихъ дѣлахъ Московскаго Государства и церкви.

При всемъ уваженіи къ авторитетамъ упомянутыхъ историковъ, мы не можемъ съ этимъ согласиться, такъ какъ это не вытекаетъ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что тотъ же митрополитъ новгородскій Пендоръ былъ главнымъ святителемъ при поставленіи въ патріархи Гермогена, сидѣлъ на уготованномъ мѣстѣ, посреди церкви, рядомъ съ Царемъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ и вручилъ Гермогену посохъ святителя Петра Чудотворца. Кроме того, самъ же митрополитъ Макарій, на страницѣ 224, т. X, своей «Исторіи Рус-

¹⁾ Ibid., стр. 131 и 132.

²⁾ Ibid., стр. 106.

ской Церкви» подтверждаетъ, что и новгородское духовенство участвовало въ дѣлахъ московскихъ, говори, что извѣстѣ съ монастырскими епархіальными и домовыми жертвовали на нужды отечества и наши архимастыри, лично отъ себя, какъ это засвидѣтельствовало о *новгородскомъ*, митрополитѣ *Исидорѣ* князь-герой Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.

«Св. Ефремъ, митрополитъ Казанскій и чудотворецъ». (Оригиналъ этого изображенія находится въ казанской синодальной Николаевской церкви).

Поэтому мы думаемъ, не было ли другихъ, болѣе глубокихъ, причинъ къ устранинью новгородскаго митрополита Исидора и къ назначенію казанскаго митрополита Ефрема къ верховному управленію церковными дѣлами.

Касательно личности митрополита казанскаго Ефрема нужны дальнѣйшія изысканія и изслѣдованія. Митрополитъ казанскій Ефремъ называется знаменитымъ историческимъ лицомъ во всей восточной окраинѣ Руси, усмирителемъ мятежей и всякихъ нестроений въ эпоху самозванцевъ, но неизвѣстно, когда онъ родился, откуда происходилъ и въ чемъ заключалась, собственно говоря, его дѣятельность. Говорятъ только, что онъ игралъ крупную роль въ избраніи перваго Царя изъ Дома Романовыхъ, Михаила Θεодоровича (С.-Пет. Вѣд., «Забытое имя», 1901 г.). Онъ извѣстъ утѣшеніе первымъ подписать грамоту объ избраніи на Царство юнаго Михаила Θεодоровича Романова; въ 1613 году потребилъ избраннаго народомъ Царя и 11 июля того же

года торжественно возложилъ на Михаила вѣнецъ и бармы Мономаха. (Историка Казан. Спас. Преображ.монаст., стр. 14—15—16). Существуетъ даже его иконописное изображеніе, относящееся къ 1722 г., но, какъ справедливо говорить, оно совершенно забыто, какъ современниками, такъ и исторической наукой. Въ настоящее время интересъ къ личности казанскаго митрополита Ефрема усугубляется, въ виду весьма возможной тождественности его съ не менѣе интересной исторической личностію — строителемъ Макарьевскаго Уиженскаго монастыря, Давидомъ Хвостовымъ.

Путешествіе Михаила Θεодоровича и его родительницы въ Макарьевскій Уиженскій монастырь, особенное почитаніе монастыря Романовыми и, вообще, всѣ обстоятельства дѣла, вынесенными нами выше, указываютъ, что, несомнѣнно, такъ или иначе Макарьевская Уиженская обитель играла въ Смутное время не послѣднюю роль. Какая была это роль, кто были здѣсь дѣятелями и какую связь эти дѣятели имѣли съ дѣятелями московскими, — до сихъ поръ никто этими вопросами не интересовался. Чтобы нѣсколько приблизиться къ выясненію роли Макарьевскаго Уиженскаго монастыря въ Смутное время, мы рѣшаемся сдѣлать, хотя можетъ быть и слабую, попытку привести въ связь все разсказанное, по возможности не отступая отъ извѣстныхъ историческихъ данныхъ.

Ушедшій ли добровольно въ монахи съ особою затаенною цѣлью, какъ предпологаетъ г. Вѣлиентъ, или насильно постриженный и сосланный по волѣ Бориса Годунова въ захолустный и далеко отстоящій отъ Москвы Макарьевскій Уиженскій монастырь, какъ думаемъ мы, бояринъ Даниилъ Васильевичъ Хвостовъ, въ иночествѣ Давидъ Хвостовъ, не могъ остаться безучастнымъ зрителемъ постепенно и неудержимо развертывающихся на Руси великихъ событій. Несомнѣнно оно, какъ близкій ко двору бояринъ, дѣйствовавшій еще при Царяхъ Іоаннѣ Грозномъ и Θεодорѣ Іоанновичѣ, былъ въ курсѣ всѣхъ тогда совершившихся и совершающихся событій, хорошо зналъ всѣхъ современныхъ ему дѣятелей и, конечно, принадлежалъ къ извѣстной партіи, дѣйствовавшей согласно съ его убѣжденіями. Ушедшій ли въ монахи съ извѣстной цѣлью, или, тѣмъ болѣе, постриженный насильно и сосланный, — какъ въ томъ, такъ и въ

другомъ случаѣ. онъ, конечно, не могъ принадлежать къ партіи Годунова и быть его врагомъ; и если нѣтъ никакихъ прямыхъ лѣтописныхъ указаній, что онъ былъ въ одной партіи съ боярами Романовыми, то онъ всталъ окончательно на ихъ сторону, когда всѣ Романовы подверглись опалѣ царя Бориса Годунова и незаслуженнымъ страданіямъ.

Бояринъ Даниилъ Васильевичъ Хвостовъ, явившійся въ роли монаха Давида Хвостова, конечно не могъ жить и дѣйствовать какъ обыкновенный монахъ. Онъ понялъ и оцѣнилъ свое новое положеніе и постарался использовать его сообразно своимъ убѣжденіямъ и взглядамъ на положеніе раздираемаго смутами отечества.

Какъ-же онъ могъ использовать свое положеніе?

Прежде всего, по нашему мнѣнію, онъ использовалъ свой, стоящій въ Костромскихъ лѣсныхъ дебряхъ, монастырь, какъ крѣпкое и надежное убѣжище для юнаго сына Филарета и Марыи Романовыхъ, Михаила Θεодоровича, когда еще его родители находились въ ссылкѣ, т. е. съ конца 1602 г. до второй половины 1605 г. Народное преданіе всего сѣверо-востока Россіи упорно говоритъ, что Михаилъ Θεодоровичъ скрывался въ монастырь, но въ какомъ именно точно не указывается ни исторіей, ни преданіями. Но всѣ народныя преданія сводятся только къ тремъ костромскимъ монастырямъ: Платіевскому, Желѣзноборовскому и Макарьевскому Успенскому. Надежнымъ убѣжищемъ для Михаила не могъ служить въ царствованіе Бориса Годунова, Платіевскій монастырь, ибо этотъ монастырь, какъ основанный предками Годунова и постоянно обогащаемый Годуновыми, былъ, безъ сомнѣнія, близокъ царю Борису. Такъ извѣстно, что въ 1586 году бояре Дмитрій Ивановичъ, Иванъ Ивановичъ и Борисъ Θεодоровичъ Годуновы обнесли монастырь крѣпкою каменною стѣною, украсили его и обогатили такъ щедро, что въ то время онъ назывался преименитою, великою лаврою. Затѣмъ, боярами Дмитріемъ Ивановичемъ и Борисомъ Θεодоровичемъ Годуновыми построены были церкви надъ свитыми и въѣзкими порогами. Кроме того, трудно было сохранять кого-либо въ незначительности въ монастырь, стоящемъ близъ большого города, въ какомъ-нибудь положеніи находился Платіевскій монастырь. Въ Желѣзно-

боровскомъ монастырѣ, находившемся въ труднопроходимомъ лѣсномъ бору, конечно, могъ бы сохраниться юный Михаилъ, тѣмъ болѣе, что этотъ монастырь находился недалеко отъ вотчины Романовыхъ, села Домнина, но здѣсь не было человѣка, которому можно было бы поручить это важное дѣло.

Остается, слѣдовательно, одна Макарьевская обитель, которая удовлетворила требованіямъ момента во всѣхъ отношеніяхъ и, по нашему глубокому убѣжденію, съ 1602 года по 1605 годъ Михаилъ Θεодоровичъ сохранялся именно въ Успенскомъ монастырѣ, въ кельяхъ строителя монастыря, старца Давида Хвостова, бывшаго боярина Давида Васильевича Хвостова. Но здѣсь необходимо добавить, что какъ Платіевскій, такъ и Желѣзноборовскій монастыри также служили убѣжищемъ Михаила Θεодоровича, но совершенно въ другое время, именно въ концѣ 1612 года, или въ началѣ 1613 года, когда Михаилъ Θεодоровичъ съ родительницей своей, освободившись изъ Московскаго Кремля, уѣхали въ Костромскіе предѣлы. Имѣются отрывочныя, но несомнѣныя историческія извѣстія, что въ это время мать и сынъ Романовы жили: то въ вотчинѣ своей, селѣ Домнинѣ, то въ Платіевскомъ, то въ Желѣзноборовскомъ, то въ Успенскомъ монастыряхъ, то въ г. Костромѣ. Такое скитаніе ихъ по разнымъ мѣстамъ вполне объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что политическое положеніе вещей начало выясняться, Михаилъ Θεодоровичъ уже намѣчался Царемъ, и враги его, рыскавъ по всей Русь, разыскивали его съ намѣреніемъ погубить. Погибель Суварина и извѣщеніе изъ Михаила о грозившей опасности, установленныя несомнѣнными историческими документами, есть неопровержимое доказательство того, что Михаилъ Θεодоровичъ перебѣгалъ изъ монастыря въ монастырь, предупреждаемый объ опасности въ той, или другой мѣстности, спасаясь отъ преслѣдованій своихъ враговъ.

Если мы внимательно разсмотримъ путь слѣдованія Царя Михаила Θεодоровича Романова на поклоненіе преподобному Макарію Успенскому, то мы увидимъ безусловное подтвержденіе всего нами вышеказаннаго.

Какъ извѣстно «Царское путное шестіе» совершено было

через Троице-Сергиеву Лавру, Ростовъ, Ярославль, Кострому—Ипатьевскій монастырь, село Домнино—(Желѣзно-Боровскій монастырь) и село Спасское, отъ котораго Царь шелъ въиномъ до Макарьевского Ужженскаго монастыря. Изъ писемъ Царя къ Патріарху-отцу видно, что Царь изъ Костромы до Ужженской обители находился въ пути 11 дней, не считая остановокъ въ Домнинѣ и селѣ Спасскомъ, обратный же путь онъ совершилъ только въ 9 дней со всѣми остановками; на пути, слѣдовательно обратный путь онъ совершилъ значительно скорѣе, ибо есть указаніе, что онъ возвратился въ Кострому, черезъ село Красное, Костромскаго уѣзда. Слѣдовательно болѣе длинный маршрутъ царскаго путешествія былъ составленъ съ тѣмъ расчетомъ, чтобы принести благодареніе и посѣтить всѣ тѣ мѣста, которыя необходимо было отмѣтить вниманіемъ и обязательно къ нимъ благодарностію Царя и его родителей.

Но Макарьевскій Ужженскій монастырь могъ играть и другую роль въ Смутное время, на которую указываетъ г. Вѣлиевъ, именно онъ былъ центромъ объединенія и сплоченія разьединенныхъ силъ всего сѣверо-востока Россіи, вставшаго въслѣдствіи такъ единодушно на защиту отечества и вѣры христіанской. Конечно Ужженскій монастырь не принималъ такого участія въ борьбѣ, какъ Троицкая Лавра, выдержавшая 16-ти мѣсячную осаду, какъ Ипатьевскій монастырь и другіе, которые выдерживали цѣлыя сраженія и осады, но онъ могъ удовлетворяться болѣе скромною, но не менѣе важною задачею—объединенія и поднятія духовныхъ и физическихъ силъ того района, на который онъ имѣлъ вліяніе. Обыкновенно историки говорятъ, что весь сѣверо-востокъ Россіи поднялся на защиту погибающаго отечества, возбужденный патріотической рѣчью Козьмы Минина въ Нижнемъ-Новгородѣ, но, насколько не умаляя заслугъ Минина, пришь ли одна патріотическая рѣчь могла объединить весь сѣверо-востокъ безъ заранѣе исполненныхъ подготовительныхъ работъ, которыя несомнѣнно велись въ монастыряхъ.

Во всей исторіи Смуты весьма рельефно выдѣляется дѣятельное участіе многихъ монастырей въ борьбѣ, и это явленіе находитъ

себѣ объясненіе во многихъ обстоятельствахъ. Прежде всего монастыри, особенно въ Смутное время, выдѣлились и какъ центры удовлетворенія религиозныхъ чувствъ, и какъ центры грамоты, образованности и учености, и, наконецъ, какъ кормильцы бѣдныхъ и обездоленныхъ людей.

Неудивительно поэтому, что они пользовались большимъ авторитетомъ среди народа, взоры котораго всегда обращались на нихъ при всякомъ событіи, особенно общегосударственномъ. Неудивительно также и то, что въ Смутное время болѣе всего пострадали именно монастыри, особенно средней и южной Россіи, гдѣ бродили польскіе и литовскіе люди, русскіе поры и измѣнники, и безземельные казаки, которые грабили и разоряли обители, надругались надъ ихъ святынями и массами убивали иноковъ. Поэтому глубоко справедливо мнѣніе Митрополита Макарія, который описывая полное нравственное паденіе русскаго народа во всѣхъ его слонхъ во время Смуты, говоритъ, что одно только святое чувство осталось тогда въ русскіихъ твердымъ и непоколебимымъ — это чувство любви и преданности къ своей православной вѣрѣ; оно-то и спасло Россію, оно-то, во имя поруганной и оскорбленной православной вѣры, подвинуло дружины для освобожденія отечества¹⁾.

Дѣятельность монастырей особенно проявилась во время патриаршества Гермогена, который, еще будучи митрополитомъ казанскимъ, правильно усенилъ себѣ положеніе дѣла и имѣлъ извѣстный, опредѣленный планъ дѣйствій, отъ котораго онъ не отступилъ до самой своей смерти, что доказывается слѣдующими фактами. Лжедмитрій, по вступленіи своемъ на престолъ Московскій, выдвинулъ въ Москву для приуветствованія въ сенатъ между прочимъ и казанскаго митрополита Гермогена, который былъ однако вскорѣ удаленъ въ епархію и заключенъ въ монастырь, такъ какъ не могъ ужиться съ людьми и Царемъ, склонными къ католицизму, и настойчиво и рѣшительно потребовалъ, чтобъ Марина Миншекъ передъ свадьбой съ Лжедмитріемъ приняла православную вѣру и была вновь крещена²⁾.

¹⁾ Митр. Макарій. Пет. Русск. Церква, стр. 231 и 233.

²⁾ Гржезлевскій. Богодоловская Энциклопедія, стр. 319—331.

Въ ноябрѣ 1606 года, при Царѣ Василіи Шуйскомъ, будучи уже патриархомъ Московскимъ, онъ разсылалъ грамоты объ умирении царства и утишению православныхъ не слушаться тѣхъ пороковъ, злодѣевъ и разбойниковъ, которые говорятъ, что Мекедмитрій живъ. И послѣ этого тотчасъ же митрополитъ Казанскій Ефремъ, замѣститель Гермогена, услышавъ, что жители Свияжска увлечены злодѣями, наложилъ на нихъ запрещеніе, запечаталъ церкви, и виновные смирились, а митрополиту Ефрему Гермогенъ прислалъ благословеніе, какъ доблестному настоятелю. Поддерживая царя Василія Ивановича Шуйскаго противъ всевозможныхъ самозванцевъ и противъ всѣхъ дворцовыхъ интригъ, Гермогенъ однако же отлично понималъ, что положеніе Шуйскаго далеко не прочно, такъ какъ онъ былъ избранъ не всею Русскою землею, а только боярско-княжеской реакціонной партіей (С. Ѳ. Платоновъ). Государственная политика пока требовала этой поддержки, но, по существу дѣла, несомнѣнно Гермогенъ былъ противъ Шуйскаго, на что есть прямые историческія указанія. Такъ, во многихъ историческихъ трудахъ указывается, что Гермогенъ былъ мужъ словесенъ и хитроумнѣе, но къ Царю Василю «строгнво и неблагоулюно бесѣдованне всегда, пожеке *оцутрыюду* имая навѣтованный *огнь ненависти* и супостатнаго коварства, якоже лѣпо, бѣ *никакоже отчелюбно* совѣщающеся съ Царемъ».

Поддерживая Шуйскаго, патриархъ Гермогенъ въ то же время весьма дипломатично указывалъ на Романовыхъ, говоря въ порицательной грамотѣ къ приверженцамъ тушинскаго вора: «Филаретъ же митрополитъ и прочіе не своею волею, но епшою взиты въ плѣтъ и на христіанскій законъ не стоятъ, крови православныхъ братій не проливаютъ. Мы такихъ не порицаемъ, но молимъ о нихъ Бога... то мученики Господни и ради пынѣшняго временнаго страданія они удостоятся небеснаго царства».

Послѣ 17 іюля 1610 года, когда, не смотря на заступничество Гермогена, Царь Василій Ивановичъ Шуйскій былъ свергнутъ съ престола и когда правленіе государствомъ поручено было, до выбора новаго Царя, боярской Думѣ, патриархъ Гермогенъ обнаружилъ свой планъ и немедленно разослалъ грамоты, призывающія къ набору

Цари всею Русскою землею, причесть оны первый указалъ кандидатомъ— князя В. В. Голицына и сына митрополита Филарета, Михаила Феодоровича Романова. Кроме этого въ Москвѣ тогда же образовалась сильная партія, къ каковой принадлежалъ и патріархъ Гермогенъ, знаменемъ которой выставлено было: хотѣть Царя только изъ своихъ бояръ и не хотѣть Государемъ ни польскаго королевича, ни Лжедмитрія. Въ этомъ смыслѣ съ лобнаго мѣста говорили рѣчи патріархъ Гермогенъ и митрополитъ ростовскій Филаретъ Никитичъ, который между прочимъ сказалъ: «не прельщайтесь, мнѣ самому доподлинно извѣстно королевское злое умышленіе надъ Московскимъ государствомъ и хочетъ оны изъ съ сыномъ завладѣть и нашу христіанскую вѣру разорвать, и свою латинскую утвердить».

При управленіи Государствомъ Вѣрскою Думою, Гермогенъ продолжаетъ идти по намѣченному плану. Оны соглашается на кандидатуру Владислава на Московскій престолъ, но оны такъ выставилецъ непремѣннымъ условіемъ и при томъ весьма тяжелымъ, даже, можно сказать, невозможнымъ для католика, чтобы королевичъ Владиславъ прежде всего принялъ православіе. Оны твердо высказался и противъ короля Сигизмунда и не далъ своей подписи въ грамотѣ московскимъ посламъ, находящимся у Сигизмунда, въ которой говорилось отъ имени боярской Думы, чтобы во всемъ положиться на волю короля Сигизмунда.

Проводи извѣстный планъ борьбы въ защиту церкви и государства, само собой разумѣется, патріархъ Гермогенъ не былъ одинъ и имѣлъ помощниковъ, какъ среди святителей и духовенства, такъ и среди свѣтскихъ лицъ.

Кто же были его главные помощники?

Гермогенъ и самъ указываетъ на это въ послѣдней предсмертной своей грамотѣ, посланной въ августѣ 1611 года въ Нижній-Новгородъ изъ своего заключенія, въ которой оны говоритъ *«пишите азъ Казань къ митрополиту Евфрему, пусть пошлетъ въ полки къ боярамъ и къ казацкому войску учительную грамоту, чтобы они стояли крѣпко за вѣру и не принимали Маринкина сына на царство, и не благословляю. Да и въ Вологду пишите къ властямъ о томъ, и къ рязанскому владыкѣ: пусть пошлетъ въ полки учитель-*

ную грамоту къ боярамъ, чтобъ унимали грабежъ, сохраняли братство и, какъ обѣщались положить души свои за домъ Пречистой и чудотворцевъ и за иѣру, такъ бы и совершили. Да и по всѣмъ городамъ пишете, что сына Маринкина отнюдь не надо на царство. *Всѣмъ говорите моимъ именемъ*».

Изъ этого интереснаго документа ясно видно, что Патріархъ Гермогенъ прежде всего настаиваетъ на томъ, чтобъ написали къ казанскому митрополиту Ефрему, очевидно считая его однимъ изъ главныхъ своихъ сотрудниковъ, могущихъ повліять даже на казанское войско. Какъ исполнилъ это порученіе митрополитъ Ефрему, къ сожалѣнію, на это нѣтъ никакихъ данныхъ, но судя по тому, что онъ остался послѣ смерти Гермогена во главѣ русской церкви, нужно думать, что онъ продолжалъ вести дѣло въ духѣ Гермогена и завершилъ его вѣнчаніемъ на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Интересъ къ личности свитителя Ефрема еще больше увеличивается, если допустить, что это былъ никто иной, какъ бояринъ Даниилъ Васильевичъ Хвостовъ, или, что тоже, монахъ Давидъ Хвостовъ.

Чтобы хотя приблизительно уловить связь между дѣятелями Смутаго времени, мы должны вкратцѣ коснуться біографическихъ данныхъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Патріархъ Гермогенъ родился около 1530 года, былъ незнатнаго происхожденія, родомъ *изъ донскихъ казаковъ*, служилъ клирикомъ въ казанскомъ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ и въ 1579 году уже былъ приходскимъ священникомъ въ Казани при церкви св. Николая, въ гостинномъ ряду ¹⁾. Современникъ Гермогена Александръ Гонсевскій, начальникъ поляковъ въ Москвѣ, жаловалъ на патріарха Гермогена за возбужденіе имъ ненависти въ русскихъ противъ поляковъ, говорить: «чого доводимъ шельмомъ руки священника нашего московскаго, который въ тѣ поры (1610—1611 г.г.) въ Москвѣ мене, Александра, оберегалъ и прежнія дѣла многія патріарховы, какъ онъ въ казакахъ донскихъ и послѣ потомъ въ Казани бывалъ, выписалъ..» Затѣмъ Гермогенъ былъ архимандритомъ казанскаго

¹⁾ Митр. Макарій, стр. 127; С. О. Платоновъ. Журналъ минист. народн. просвѣщ.; Энциклоп. словарь, т. IV, стр. 317.

Спасо-Преображенскаго монастыря, въ 1589 году возведенъ въ санъ архіерейскій и началъ собою рядъ митрополитовъ казанскихъ. Въ 1606 году возведенъ въ московскіе патріархи.

Авраамій Палицынъ происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, вышедшаго изъ Литвы, родился въ селѣ Протасевѣ, близъ Ростова (Яросл. губ.). Состои на царской службѣ дворинникомъ, Авергій Ивановичъ Палицынъ, въ царствованіе Θεодора Иоанновича, въ 1588 году, подверженъ опалѣ, лишился имуществъ, которое было взято въ казну, сосланъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ и постриженъ въ монахи съ именемъ Аврааміи. Въ царствованіе Бориса Годунова Авраамій Палицынъ упоминается какъ старецъ Богородицкаго Свияжскаго монастыря, въ царствованіе Шуйскаго онъ же былъ келаремъ Троице-Сергіевой лавры и жилъ въ Москвѣ на Троицкомъ подворьѣ.

Въ своей послѣдней грамотѣ патріархъ Гермогенъ указываетъ еще на рязанскаго владыку и Вологду. Въ то время въ Рязани былъ архіепископомъ Θεодоритъ, который, какъ извѣстно, былъ посланъ въ Кострому во главѣ посольства для приглашенія избраннаго на царство Михаила Θεодоровича, а въ Вологдѣ—архіепископъ Сильвестръ, котораго «злѣды, за приверженность къ патріарху Гермогену, взяли въ 1612 году, уже послѣ смерти Гермогена, въ плѣнъ и четыре ночи держали подъ стражей, много разъ приговаривали къ казни и отпустили чуть живого.

Изъ всего только что сказаннаго можно усмотрѣть, что патріархъ Гермогенъ имѣлъ дѣятельныхъ сотрудниковъ, связанныхъ между собой общей идеей, и пункты, гдѣ эти сотрудники развивали свою дѣятельность, вполне согласную съ намѣреніями Гермогена. Этими главными пунктами, какъ видно изъ послѣдней грамоты Гермогена, были: на юго-востокѣ Казань, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ самъ Гермогенъ и подъ его руководствомъ Авраамій Палицынъ, а затѣмъ митрополитъ Ефремъ; въ Вологдѣ архіепископъ Сильвестръ; въ центрѣ Россіи—рязанскій архіепископъ Θεодоритъ; на сѣверѣ—Соловецкій монастырь, гдѣ жилъ и подготавливалъ почву въ извѣстномъ направленіи Авраамій Палицынъ. Что почва была подготовлена ранѣе въ Соловецкомъ монастырѣ, доказывается письмомъ въ

Москву соловецкаго игумена Антонія, который писалъ, что у нихъ, въ Соловецкомъ монастырѣ, и по всей Поморской области рѣшили имѣть Царемъ изъ прирощенныхъ бояръ московскаго государства, такъ рѣшили патріархъ въ Москвѣ и бояре и мы съ ними согласны.

Дѣйствуя въ Казани подъ руководствомъ самого Гермогена, Авраамій Палицынъ, взявъ съ Гермогеномъ, перешелъ въ Москву при Царѣ Василіи Шуйскомъ и, хотя былъ назначенъ келаремъ Троице-Сергіевой лавры, но жилъ въ Москвѣ даже во время знаменитой осады лавры, очевидно, состоя правую руку Гермогена, тѣмъ болѣе, что въ лаврѣ, въ то время былъ другой энергичный помощникъ Гермогена, архимандритъ Діонисій, весьма образованный для своего времени челоувѣкъ, который, по порученію Гермогена, «многи писемъ послыалъ по градомъ».

Какъ извѣстно, донскіе казаки при Царѣ Борисѣ Годуновѣ были сильно стѣснены, ибо онъ не велѣлъ впускать ихъ ни въ одинъ городъ, а когда они куда-либо прѣдутъ—велѣно было ихъ ловить и сажать въ тюрьму. И это было, по мнѣнію многихъ историковъ, причиною того, что казаки тотчасъ же откликнулись на призывъ Іжедимитрія I и вообще весьма сочувственно относились ко всѣмъ послѣдующимъ Іжедимитріямъ. Но гдѣ кроется причина того, что, въ числѣ прочихъ, и атаманъ донскихъ казаковъ подалъ въ боярскую думу письменное мнѣніе о прирощеніи Царѣ Михаилѣ Θεодоровичѣ? По этому поводу проф. Ключевскій говоритъ, что казаки подали свои голоса за Михаила Θεодоровича Романова потому, что отецъ его Филаретъ былъ ставленникомъ обоихъ самозванцевъ, получилъ санъ митрополита отъ перваго самозванца, а вторымъ провозглашенъ патріархомъ въ тушинскомъ лагерѣ. Казаки, слѣдовательно, продолжаетъ Ключевскій, хотѣли видѣть Царемъ или сына тушинскаго Царя, или сына тушинскаго патріарха ¹⁾.

Но, по нашему скромному мнѣнію, это объясненіе слишкомъ истяннуто и скорѣе всего нужно предположить, что митрополитъ казанскій Гермогенъ, послѣдствіи патріархъ, будучи самъ дон-

¹⁾ Проф. Ключевскій, стр. 76—80.

снимъ казакомъ по рожденію, не порывалъ своей связи съ Дюномъ, и сумѣлъ на своей родинѣ найти себѣ многихъ единомышленниковъ и сплотить ихъ для своихъ цѣлей. Можетъ быть, и въ этомъ случаѣ главнымъ помощникомъ ему былъ старецъ Богородицкаго Свѣязскаго монастыря Авраамій Палицынъ.

Но на соборъ, собранный въ Москвѣ для избранія Царя, кромѣ казацкаго атамана, явился еще *милочининъ* съ грамотой, въ которой также указывалось на Михаила Романова. Одинаковое существо обнихъ грамотъ уже указываетъ, что онѣ происходили изъ одного источника, преслѣдовали одну и ту же идею. Конечно все пути опять таки можно свести къ Гермогену и его сотрудникамъ, его партіи, но въ такомъ случаѣ возникаетъ интересный вопросъ: кто же былъ дѣйствителемъ въ Галичской области, иначе сказать — всего сѣверо-востока Россіи. Если мы, хотя и съ приблизительной точностію, выяснили нѣкоторыхъ дѣятелей сѣвера, юго-востока и центра Россіи, то о Галичской области уже не извѣстятъ никакихъ, даже косвенныхъ данныхъ, но, тѣмъ не менѣе, мы попытаемся подойти къ приблизительному рѣшенію и этого вопроса.

Какъ извѣстно, сѣверо-востокъ Россіи, принявъ дѣятельное участіе въ борьбѣ по очищенію Русскаго государства, въ концѣ концовъ безповоротно рѣшилъ дѣло и возстановилъ нормальный порядокъ вещей въ государствѣ. Да иначе и быть не могло, ибо государство было крайне истощено борьбой во всѣхъ отношеніяхъ, между тѣмъ сѣверо-востокъ Россіи сравнительно мало пострадалъ отъ борьбы. Проф. С. Ф. Платоновъ ¹⁾ въ своихъ очеркахъ по исторіи смуты въ Московскомъ Государствѣ, говоритъ, что рыболовство (Галичъ, Чухлома и друг.), лѣсные промыслы, варка соли и земледѣлство составляли занятія жителей. Давность поселеній и хозяйственность культуры въ краѣ сказывались — съ одной стороны, въ очень значительной населенности края, а съ другой въ крѣпости внутренней связи, сложившихся ко времени смуты XVII вѣка. Уже въ 1608 г. Галичскій уѣздъ былъ изъ самыхъ богатыхъ по населенію, а въ Чухломскомъ краѣ успѣло заселеніе еще въ XV и, особенно, въ XVI вѣкахъ.

¹⁾ Платоновъ, С. Очерки Исторіи Смуты.

Уинкенскій край также сталъ усиленно заселяться еще въ XV вѣкѣ, но крайней мѣрѣ есть свидѣнія (Бѣляевъ, стр. 18), что въ первый разъ казанскіе татары пришли на Уинку, чтобы поротить уведенный преп. Макаріемъ съ береговъ Волги народъ, который обложенъ былъ данью татарами. Городъ Уинка считался въ это время уже большимъ городомъ. Водные пути сообщенія по Уинкѣ, Волгѣ и Окѣ благопріятствовали развитію судоходства и торговли въ Уинкенскомъ край, который причислялся въ то время къ Галичской области, и есть свидѣнія, что жители Уинкенскаго края вели дѣятельную торговлю не только съ Нижнимъ, Казанью и Москвою, но и съ Дономъ. В В. Бѣляевъ удостовѣряетъ, что жители по рѣкѣ Уинкѣ и ея притокамъ съ очень давнихъ временъ и до сихъ поръ продолжаютъ ходить каждую осень на низы Дона катать валеную обувь и другія шерстяныя издѣлія (войлоки, стельки, потники, подфедельники и т. под.).

Такимъ образомъ, становится яснымъ, что если и произошло оскуднѣніе силъ и средствъ Москвы и вообще центра государства для окончательной борьбы за очищеніе Московскаго государства, то эти средства по вышеприведеннымъ причинамъ нашлись на сѣверо-востоцѣ Россіи. Но вѣдь необходимо было подвинуть на это дѣло нѣсколько разрозненные и далеко отстоящіе другъ отъ друга элементы, объединить ихъ и вдохнуть въ дѣло общую руководящую и одухотворяющую идею.

Напрасно мы стали бы искать такого руководителя, онъ не-известенъ пока исторіи, но онъ несомнѣнно былъ. Безошибочно можно только утверждать, что руководство исходило изъ Макарьевской Уинкенской обители. Что это было именно такъ, подтверждается вышеприведенными документальными данными, что Царь идетъ вознести моленіе преподобному Макарію за помощь, оказанную ему въ то время, когда онъ принужденъ былъ скрываться въ Костромскихъ предѣлахъ въ молодыхъ лѣтахъ, и за помощь ему и родителю его во время ихъ *государскихъ печалей*.

Также безошибочно можно сказать, что ими преподобнаго Макарія, его авторитетъ, распространившійся на далекое разстояніе вокругъ Уинки сыграли выдающуюся роль. Если Патриархъ Гермо-

гентъ, главный дѣятель по очищенію Московскаго государства, объединять и воодушевлять народъ на борьбу съ врагами, приглашая идти за домъ Пречистой и за чудотворцевъ московскихъ Петра, Алексѣя и Іону; если Авраамій Палицынъ дѣйствовалъ именемъ преподобнаго Сергія Радонежскаго; если митрополитъ Казанскій Ефремъ воодушевлялъ народъ именемъ новоявленной иконы Казанской Богоматери и снимокъ съ этой иконы послалъ даже въ московскіе полки, — то Ушкенскій монастырь, въ районѣ своего вліянія, дѣйствовалъ именемъ преподобнаго Макарія. Что это было именно такъ, можно привести въ доказательство сраженіе на островѣ Маминѣ, около Юрьевца, кориковскихъ крестьянъ съ отрядомъ Липовскаго въ 1609 году, которые вступили въ бой *„съ надеждою на помощь преподобнаго Макарія“*, и, побѣдивши враговъ, дали обѣщаніе выстроить монастырь въ честь преподобнаго. Историкъ города Макарьева г. Вѣзлевъ удостовѣряетъ, что въ царствованіе Михаила Феодоровича благодарные жители во многихъ мѣстахъ устроили храмы въ честь преподобнаго Макарія, избавившаго ихъ въ Смутное время отъ враговъ. Такъ устроены были: въ Боговиленскомъ монастырѣ храмъ въ честь преподобнаго Макарія, храмы въ двухъ пещяхъ: Елнатекой, на рѣкѣ Лазаревой, и въ Березницкой, на рѣкѣ Сегати, съ отводомъ церковной земли и луговъ близъ рѣки Немды — обитель съ храмомъ, кельями и угодіями, наконецъ — въ Рѣзвѣ и Цурехѣ.

Но кто-же былъ руководителемъ, кто былъ въ Ушкенскомъ монастырѣ тѣмъ человекомъ, который вынесъ на своихъ плечахъ всю тяжесть, всю отвѣтственность этой нелегкой задачи?

Невольно бросается въ глаза и направляется на параллель судьба трехъ личностей: Феодора Никитича Романова, Данила Васильевича Хвостова и Аверкія Ивановича Палицына. Предки всѣхъ ихъ вышли изъ Литвы, происходили отъ древнихъ знатныхъ родовъ и служили на видныхъ мѣстахъ Московскимъ Князьемъ и Государямъ. Сами они при Царѣ Феодорѣ Иоанновичѣ, когда фактически правилъ государствомъ Борисъ Годуновъ, всѣ подверглись оплатѣ, сосланы въ монастыри и пострижены въ монахи. Наконецъ двое изъ нихъ, Романовъ и Палицынъ, играли выдающуюся роль въ

Смутное время, и только о деятельности Хлюстова история не сохранила намъ ничего, кромѣ отрывочныхъ свѣдѣній.

Принимая во вниманіе всѣ вышележенныя данныя и соображенія, мы вполне присоединяемся къ мнѣнію В. В. Вѣльева, что большимъ дѣвателемъ въ Макарьско-Униженскомъ монастырѣ былъ именно старецъ Давидъ Хлюстовъ, въ міру бояринъ Данилъ Васильевичъ Хлюстовъ. Онъ былъ единственною въ то время въ монастырѣ личностью, могущею вести и совершить такое отвѣтственное дѣло. За него же говорить и масса другихъ косвенныхъ данныхъ, изложенныхъ нами выше, а именно, постройка имъ игуменскихъ келій съ «комнатою», назначеніе при жизни своей своего преемника, безслѣдное исчезновеніе его изъ монастыря и т. д. Какое отношеніе имѣлъ онъ къ патриарху Гермогену, былъ-ли онъ лицомъ идентичнымъ съ митрополитомъ Казанскимъ Ефремомъ—на это пока нѣтъ никакихъ историческихъ доказательствъ.

Патриархъ Гермогенъ, конечно, не могъ не знать и не придавать большого значенія Северо-Востоку Россіи въ борьбѣ съ врагами вѣры и государства и, кромѣ тѣхъ или иныхъ посредниковъ, весьма возможно и самъ посетилъ нѣкоторые пункты северо-востока. Намекъ на это можно найти въ исторіи г. Костромы князя Козловскаго, который говоритъ, что въ 1609 году 8 мая свѣтѣйшій патриархъ Гермогенъ освящалъ въ Богоявленскомъ монастырѣ въ Костромѣ придѣлъ во имя Іоанна Богослова. Также подтверждаетъ историкъ Костромскаго Богоявленскаго монастыря Н. В. Важенковъ, который пишетъ, что, при упраздненіи храма, подъ напестольною доскою въ одномъ изъ столбцовъ престола найдены холстинный аггидионъ съ надписью: «освятися алтарь Госнода Бога и Спаса нашего Иисуса Христа въ церкви святаго и всехвальнаго апостола и евангелиста Іоанна Богослова въ обители свѣтыхъ Богоявленій, свѣтѣйшимъ Ермогеномъ, патриархомъ Московскимъ, при благовѣрномъ Царѣ и Великомъ Князѣ Василѣ Ивановичѣ и при благовѣрной Царицѣ и Великой Княгинѣ Маріи Петровнѣ и при благовѣрной Царицѣ Анастасіи, въ лѣто 7118 (1610 г.), мая въ 8 день, при игуменѣ Арсеніѣ». Нельзя допустить, чтобы въ такое критическое время, можно сказать, наканунѣ сверженія съ престола Царя Ва-

епископа Ивановича Шуйского, патриарх Гермогенъ могъ оставить Москву только для одного освященія придела въ церкви в. Кострома.

Подводя итогъ всему изложенному, мы рѣшаемся сдѣлать слѣдующіе общіе выводы:

1. Михаилъ Феодоровичъ Романовъ съ матерью своею инокою Марою Иоанновною дважды посѣщали Макарьевскій Успенскій монастырь: въ первый разъ въ постѣднихъ двухъ мѣсяцахъ 1612 г., или въ самомъ началѣ 1613 года; во второй разъ—осенью 1619 г.

2. Причиной посѣщенія монастыря нельзя считать только особое релігіозное чувство къ личности и чудесамъ преподобнаго Макарія Успенскаго. Необходимо допустить какія-то особенныя, исключительныя заслуги со стороны Макарьевского Успенскаго монастыря передъ Романовыми во время смуты, благодаря каковымъ заслугамъ и образовалась интимная и притомъ глубокая связь между монастыремъ и домомъ Романовыхъ.

3. Заслуги эти, какъ видно изъ нѣсколькихъ несомнѣнныхъ историческихъ документовъ, выразились въ помощи преподобнаго Макарія Успенскаго, оказанной великому Государю Михаилу Феодоровичу, «егда онъ не у дядиму пося и скипетръ державства, кривая отъ безбожныхъ ликовъ, въ младыхъ лѣтахъ, въ предѣлахъ костромскихъ, и пречестнымъ родителямъ его, государскимъ, во времени ихъ государскихъ печалей».

4. На основаніи несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ—въ Макарьевскомъ Успенскомъ монастырѣ съ 1596 года по 1607 г. былъ строителемъ старецъ Давидъ Хвостовъ, который происходилъ отъ древняго знатнаго рода, предки котораго вышли изъ Литвы при Московскомъ князѣ Данилѣ Александровичѣ. Нужно полагать, что старецъ Давидъ Хвостовъ въ міру былъ бояриномъ Даниломъ Васильевичемъ Хвостовъ, принявшій при постриженіи, добровольномъ или насильственномъ, монашеское имя Давида.

5. Хотя и нѣтъ прямыхъ историческихъ указаній, но, на основаніи многихъ косвенныхъ данныхъ, Михаилъ Феодоровичъ Романовъ, съ конца 1602 года до второй половины 1605 года, т. е. съ

6-ти до 9 лѣтняго возраста своей жизни, жить въ кельяхъ Макарьевскаго Унженскаго монастыря у строителя монастыря старца Давида Хвостова, подъ его личнымъ наблюдениемъ и руководствомъ.

6. Былъ ли строитель Макарьевскаго Унженскаго монастыря Давидъ Хвостовъ и митрополитъ казанскій Ефремъ однимъ и тѣмъ же лицомъ, сказать трудно, въ виду отсутствія какихъ-либо данныхъ, но отрицать это по многимъ соображеніямъ нельзя. Во всякомъ случаѣ необходимы дальнѣйшія послѣдованія о весьма загадочныхъ и крайне интересныхъ личностяхъ—старца Давида Хвостова и митрополита казанскаго Ефрема.

7. Есть указанія, что Макарьевскій Унженскій монастырь въ Смутное время игралъ промадную роль, какъ центръ объединенія и сплоченія раздѣленныхъ силъ всего сѣверо-востока Россіи, и нужно предполагать, что не послѣднюю роль въ данномъ случаѣ игралъ строитель монастыря Давидъ Хвостовъ, за время его пребыванія въ монастырѣ.

XI.

Царствование Алексея Михайловича. Пожары въ Костромѣ. Чума. Состояніе Костромы въ 1670 г. Мятель въ Костромѣ. Расколъ и его дѣтели. Царь Феодоръ Алексѣевичъ, правительница Софія и Императоръ Петръ Великій. Голодъ въ Костромѣ при Императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ. Императрица Елизавета Петровна. Учрежденіе въ Костромѣ епархіи. Развитіе въ Костромѣ крупной промышленности. Поставляемая смертная казнь въ Костромѣ.

ПО смерти Михаила Феодоровича на престолъ вступилъ 16-лѣтній сынъ его *Алексѣй Михайловичъ*. Тотчасъ же по всѣмъ городамъ посланы были особые лица для приведенія народа къ кѣсноподданнической присягѣ. Въ Костромѣ присланъ былъ для этой цѣли стольникъ князь Андрей Михайловичъ Солнцева-Васѣкинъ ¹⁾.

Въ 1646 году для «сравбора дѣтей боярскихъ и дворянъ» присланъ былъ въ Костромѣ бояринъ Михаилъ Михайловичъ Салтыковъ и дьякъ Никифоръ Шинзулинъ ²⁾.

Въ 1652 году, когда на патриаршій престолъ былъ назначенъ Никонъ, Царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ игумену Костромскаго Боголюбленскаго монастыря Гераиму, вмѣстѣ съ попомъ Николаевской церкви Григоріемъ Алексѣевымъ, имѣть надзоръ за священно-церковно-служителями г. Костромы, «чтобы чтеніе и пѣніе въ церквахъ совершалось по чину: единогласно и не евъшно», причемъ игумену предоставлено было право наказывать ослушниковъ монастырскимъ смиреніемъ, работами, денежнымъ штрафомъ и даже заключеніемъ въ цѣли ³⁾.

Въ 1654 году для набора дворянъ и дѣтей боярскихъ присланъ былъ въ Костромѣ стольникъ Иванъ Андреевичъ Полевъ. 1654 годъ.

¹⁾ Кн. Колосовскій, стр. 102—103.

²⁾ Костр. Губ. Вѣд. 1835 г., № 21.

³⁾ Русск. Временникъ; Кн. Колосовскій, стр. 103, стр. 171.

быть однимъ изъ самыхъ неблагополучнымъ для г. Костромы, такъ какъ въ этомъ году въ Костромѣ былъ большой пожаръ: обгорѣлъ Успенскій соборный храмъ отъ загорѣвшейся теплоі деревянной церкви, при Троицкомъ соборѣ, и слѣзкеі избы; также сгорѣло много домовъ, принадлежавшихъ монастырямъ, осадный дворъ старицы Мары Іоанновны и деревянные стѣны, окружающія городъ ¹⁾. Въ Большесольской ратушѣ хранится требованіе отъ 7162 (1654) года о вызовѣ изъ Великихъ Сoley, по случаю истребленія пожаромъ въ Костромѣ деревяннаго города, людей, знающихъ строительное дѣло, какъ для устройства города, такъ и для вѣрной смѣты къ постройкѣ оного, равно количества лѣсу, тесу, гвоздей и разныхъ другихъ запасовъ ²⁾. Изъ этого очевидно, что большесольцы славились въ то время знаніемъ строительнаго дѣла.

Съ 1 сентября появилась въ г. Костромѣ моровая язва (чума) въ такой сильной степени, что умершіе оставались безъ погребенія, итъ 5356 человекъ народонаселенія Костромы осталось въ живыхъ только 1893 человека; дворовъ жилыхъ осталось 1122, а пустыхъ дворовъ и мѣсть 1276. Одинъ Боголюбскій монастырь лишился 56 человекъ братіи ³⁾.

Дѣло по постройкѣ городскихъ стѣнъ, сгорѣвшихъ въ 1654 году, подвигалось крайне медленно, ибо черезъ 10 лѣтъ стѣны не были еще окончены постройкой, что видно изъ слѣдующаго интереснаго документа: «7172 (1664) года поступилъ доносъ Костромлянтъ Царю Алексею Михайловичу, якобы въ Костромскихъ пригородкахъ, на посадахъ, живутъ люди торговые черные и не тилые, и въ городѣ де Костромѣ съ Костромичами городского дѣла не дѣлають. Велѣдствіе доноса поступила грамота изъ Пушкарскаго Приказа князю Ивану Петровичу Вяземскому, по коей велѣно посадскихъ на монастырское повѣтье послать Костромскаго Ипатіевскаго монастыря на городное дѣло. А чего посадские городского дѣла не додѣлають, велѣно съ Костромичами додѣлывать, почему Перехяне и Усолцы дѣлали въ кремлѣ провзкую Спасскую банню и на дѣлахъ монастырей

¹⁾ Костр. Губ. Вѣд. 1833 г., № 47, стр. 106 и 107.

²⁾ Костр. старина, вып. V.

³⁾ Костром. Губ. Вѣд. 1871 г., № 24; Соловьевъ; Колодецкій, стр. 103.

Щатиевскаго и Боговладенскаго были, а Костромичи, что въ остаткахъ было дѣла, не помогали и налегали на посадскихъ, и учинились противныи указу Государя. Посадскіе приносили на это жалобу¹⁾.

Послѣ того, какъ вторая польская война окончилась въ 1667 году перемиріемъ, заключеннымъ Московскимъ дипломатомъ Ордянъ Нащокинскимъ въ деревнѣ Андрусовѣ, Алексѣй Михайловичъ, пожаловавъ его званіемъ боярина, подарилъ ему серебряный кубокъ, соболью шубу и село Шинкино, Костромскаго уѣзда. Въ 1668 году Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ городу Костромѣ чугуныи пушки²⁾, которыя и поставлены были на валахъ Костромскаго кремля³⁾.

Такии же пушки пожалованы были Алексѣемъ Михайловичемъ и Боговладенскому монастырю, по ходатайству боярина Михаила и кравага Петра Михайловичей Салтыковыхъ⁴⁾.

Въ смѣтной книгѣ Раарда за 1670 годъ описывается состояніе г. Костромы въ 1670 году. Оказывается, что Кострома не крѣпость, а кремль, а острогъ ея—только руина. Со времени пожара 1654 года пушки безъ станковъ ржавѣютъ подъ Успенскимъ соборомъ, зашалоу иѣтъ, кромѣ пороху и свинца; 18 отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, жившихся въ земскую пубу, представляютъ собой ядро гарнизона; если прибавить къ этому 12 стрѣльцовъ и 3 пушкарей, а также воеводу Деметрія Тимофеева, то весь гарнизонъ состоялъ изъ 34 человекъ защитниковъ на 2½ персты крѣпостныхъ стѣнъ и 25 башенъ, и не менѣе 50 безнозныхъ орудій. Ремесленная жизнь въ Костромѣ не богата и не разнообразна. Волѣе всего въ ней было рукавичниковъ, затѣмъ сапожниковъ и шапочниковъ; одежду выдѣлывали всякаго рода портные мастера, швары, шубники и эпанечники. Эта группа самая многочисленная. Группа ремесленниковъ по дереву—вторая послѣ вышеуказанныхъ—это плотники, строгальщики, красильщики и т. под.; по металлу—кузнецы, замочники; измѣтись также иконники, коло-

¹⁾ Костр. старина, вып. V, стр. 177, 178.

²⁾ Эти пушки сняты въ 1814 г. и поставлены на Муравьевкѣ.

³⁾ Кн. Коллежскій, стр. 101; Памятная книжка Костр. Губ. 1862 г., стр. 261.

⁴⁾ Костр. Губ. Вѣд. 1817 г., № 1.

дезинки, мыльнички и т. п. Третья группа—это люди, занимавшіеся приготовленіемъ свѣтлыхъ принаесовъ¹⁾.

Въ 1672 году въ Костромѣ былъ большой пожаръ: «оба города... сгорѣли безъ остатку, тайничный колодезь обгорѣлъ и весь обрушился, и землю засыпало»²⁾.

Въ томъ же году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, была написана на стѣнѣ юго-западной бани Богоявленскаго монастыря икона Смоленской Божіей Матери³⁾, которая уже давно составляетъ мѣстно чтимую великую святыню, привлекающую къ себѣ многихъ богомольцевъ изъ Костромичей.

Только что пережитая неслыханная смута не могла не отразиться весьма сильно на всемъ организмѣ Россійскаго Государства. Она, по словамъ проф. В. Ключевскаго, произвела глубокія опустошенія, какъ въ хозяйственномъ положеніи народа, такъ и въ нравственномъ настроеніи русскаго общества; народъ изъ смуты вышелъ гораздо впечатлительнѣе, ибо выносливость его, которой онъ отличался во время смуты, уже истощилась. Полное разстройство народнаго хозяйства, изытоичничество, увеличеніе податей, пьянство, церковные порядки — все это создало «*Буиташное время*», каковымъ эпитетомъ отмѣчено исторіей царствованіе Алексея Михайловича. Мятежи въ Москвѣ, Устюгѣ, Козловѣ, Сольничегодскѣ, Томскѣ и другихъ городахъ—въ 1648 году, въ Псковѣ и Новгородѣ—въ 1650 году, снова въ Москвѣ изъ-за мѣдныхъ денегъ—въ 1662 г., въ Соловецкомъ монастырѣ противъ новоисправленныхъ книгъ—въ 1668 году, завершилъ колоссальнымъ мятежемъ Степана Разина въ 1670—71 годахъ.

Кострома также не избѣгла мятежа, который былъ въ 1660 г. Вотъ какъ описываетъ священникъ Лаговскій этотъ мятежъ въ Костромѣ.

«Во время буйнаго всеобщаго смятенія окрестныхъ жителей, прославился своею дерзостью и буйствомъ нѣкто села Селищъ близъ Костромы недостойный своего званія священникъ Иванъ. Пользуясь

¹⁾ П. П. Смирновъ. Въ исторіи г. Костромы, докладъ IV област. археол. съѣзду.

²⁾ Ibid.

³⁾ Костр. губ. вѣд., 1917 г., № 21.

слабодушіемъ начальства или неумѣлымъ снисхожденіемъ, 1660 г. въ маѣ мѣсяцѣ Иванъ собралъ шайку подобныхъ себѣ буйныхъ пьяницъ, того-же села Селищъ и села Минскаго крестьянъ, человекъ до ста, а въ другое время до двухъ сотъ и болѣе. Такимъ образомъ, пьяные ходили въ городѣ Костромѣ, пѣли срамныя пѣсни, кричали, воили, плясали и веселескими бѣсовскими играми играли, бранились скаредно веселески, а которые стояли за благочестіе, тѣхъ побивали до смерти, а иныхъ замятво. Богоявленскаго монастыря игумена Герасима и братію, и монастырскихъ служекъ, и крестьянъ хотѣли на смерть побить. Костромскаго протоіерей Данила хотѣли убить до смерти. Протоіерей сей укрылся отъ скопу въ Воздвиженскомъ монастырѣ женскомъ. И къ соборной церкви приходили скопомъ и некали протоіерей и у соборной церкви екоморохи пѣли пѣсни. Отцы духовные избищали, кто именно приходитъ къ церквямъ съ пожами и, на церковныхъ порогахъ стоя, кричали въ церковь на отцовъ духовныхъ и матерно лаяли, угрожая ихъ пожами зарѣзать, а иные, увидѣвъ протоіерей Данила и другихъ добрыхъ людей, вышивъ срамныя уди наружу, гонялись за людьми, и всякое скаредное дѣло въ городѣ и уездѣ дѣлали. А конъ безчинники были взяты подъ палатку соборной церкви на емпреніе, тѣхъ села Селищъ поплъ Иванъ и крестьяне, сбивъ замокъ, вышугали. А 25 мая боярина Бориса Ивановича Морозова крестьянинъ Мысковецъ, Куземка Васильевъ съ товарищи, идучи спшау на судить, Костромскаго протоіерей Данила на Волгѣ на берегу на смерть били и скуфью сбили. И тогъ же Куземка Васильевъ съ прыжниками, пришедъ къ соборной церкви, у поповскаго двора и при поповѣ Юрьѣ Аксаковѣ того протоіерей бить»¹⁾.

Этотъ бунтъ, происшедшій подъ руководствомъ священника и направленный главнымъ образомъ противъ протоіерей Данила и вообще противъ духовенства и монаховъ, нужно полагать, происходилъ на почвѣ духовныхъ, церковныхъ неурядицъ, царившихъ въ то время. С. Н. Введенскій, пользуясь документами архива Министерства Юстиціи, говоритъ, что безпорядки, въ столкновеніи костромскаго

¹⁾ Костр. Стар., вып. V, стр. 178—179.

протопопа Данила съ воеводой и жителими города Костромы и соседнихъ селъ, были вызваны строгостями Данила относительно пьянства, бѣсовскихъ пѣсень и скomorоховъ¹⁾. Но врядь ли одно только это было причиною безпорядковъ въ Костромѣ и не было ли тутъ одной изъ причинъ появленіе церковнаго раскола, ибо извѣстно, что протопопъ Даниилъ былъ пріителемъ знаменитаго юрьевецкаго протопопа Аствакума и, по словамъ Введенскаго, окончилъ свою жизнь въ ссылкѣ за расколъ въ Астрахани.

Въ Большесольской Ратушѣ сохранилось много разныхъ прошеній и жалобъ, изъ которыхъ видно, что митезки въ Костромѣ и ея округѣ имѣли разнообразныя причины, коренившіеся въ общемъ экономическомъ положеніи государства.

«Воеду слышны разбои, обиды, на паштинахъ отнимали лошадей, коровъ съ поля, хлѣбъ изъ житницъ днемъ увозили, противящихся били, не щадили даже монастырскаго достоянія, увозили покосы съ луговъ, ломали житницы, ходили съ ружьями, покосами въ самый иногда посадъ къ варницамъ, угрожали воеводѣ, внутри самаго посада проѣзжихъ грабили. Окрестные бояре съ своими крестьянами выступали для таковыхъ промысловъ съ саблями на бояръ, или крестьянъ другихъ господъ. И крестьяне иногда не уступали, чужіе лѣса сѣкли, травили своею скотиною хлѣбъ и покосы. Въ это бѣдственное время открылись въ посадѣ у Большихъ Солой денежные мастеровые воры»²⁾.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича появился церковный расколъ. Еще предшественникъ Патріарха Никона, Патріархъ Іосифъ вмѣстѣ съ царскимъ духовникомъ Стефаномъ Вонифатьевымъ хлопотали объ обновленіи церкви, о школахъ, о переводѣ и издаваніи образовательныхъ книгъ. И для проведенія въ народную массу благопріестойныхъ понятій и правотъ Стефанъ вызвалъ изъ разныхъ уголковъ Россіи популярныхъ проповѣдниковъ-священниковъ: Пвана Перопова изъ Нижняго, Данила изъ Костромы, Логгина изъ Муромъ, Аствакума изъ Юрьевца и Назаря изъ Романова-Ворисогтѣбскаго³⁾.

¹⁾ С. Н. Введенскій. Извѣст. IV области. съѣзда въ Костр., № 8, стр. 11.

²⁾ Костр. Стар., вып. V, стр. 179.

³⁾ Проф. В. Клязетскій. Курсъ всеобщ. истор., стр. 339.

Хотя въ этой же средѣ были и Никонъ, но, тѣмъ не менѣе, все вышеупомянутые священники послѣдствіи времени, при патріархѣ Никонѣ, сдѣлались ярыми приверженцами раскола.

Отсюда слѣдуетъ полагать, что въ Костромѣ и ея области протопопы Даниилъ Костромской и Авакумъ Юрьевецкій были первыми насадителями раскола. Но извѣстенъ еще весьма интересный человѣкъ, потрудившійся въ насажденіи сектанства въ Костромскихъ предѣлахъ — это Капитонъ, который, по изслѣдованію преосв. Макарія, первый положилъ начало безноповицкой сектѣ.

Капитонъ, крестьянинъ Даниловской слободы (нынѣ г. Даниловъ, Ярослав. губ.), принявъ постриженіе, юношей, около 1630 года, основалъ въ Вологодской губ. Спасо-Преображенскую пустынь и въ 1633 году, «отошедъ недалеко отъ села Даниловскаго въ мѣсто, нарицаемое Колиениково, тамо нача жити по образу пустынножителевъ». Строгая жизнь среди распущенного и сребролюбиваго духовенства того времени привлекла къ нему не мало поклонниковъ и послѣдователей. Молва о его подвигахъ дошла до царя Михаила Феодоровича, который и пожаловалъ Капитону пустошь Колиениково, гдѣ онъ построилъ церковь Св. Троицы съ двумя придѣлами. Строгость «иногда себя томилъ» и даже въ праздники Рождества Христова и Пасхи не разрѣшалъ своимъ ученикамъ сыръ, масло и рыбу, христосовался крашеными луковницами. Вериги на себѣ носилъ каменные, вѣсу въ 3 пуда, «спелъ ему бѣ полетъ, а крюкъ въ потолокъ, и оба желѣзны, и то ему постели: прицѣпъ крюкъ въ петлю, повисаше спать». Таковы были и ученики Капитона. Первое отступленіе Капитона отъ церковнаго устава было: «онъ и въ субботу разеудилъ по жидовски поститися». Онъ много возмнилъ о себѣ и началъ презирать духовный санъ, и внушалъ своимъ послѣдователямъ отстраниться отъ пастырей церкви и чуждаться единенія съ церковью. Капитонъ жилъ болѣе ста лѣтъ, укрывался отъ преслѣдованія церковныхъ властей и распространялъ свое ученіе преимущественно въ Костромскомъ и Кинешемскомъ уѣздахъ¹⁾.

Развитіе раскола, бунты казаковъ на Дону, Степана Разина на

¹⁾ Титовъ. Колиениковскій синодаль, стр. 3—7.

Волги и масса других неурядиц положительно раздирали государство. То же самое продолжалось и при преемникѣ Алексѣя Михайловича — Θεодорѣ Алексѣевичѣ, когда ко всему вышеупомянутому присоедилилась еще семейная вражда и интриги между многочисленными родственниками Царя.

Очевидно было, что при старыхъ порядкахъ оставаться не было уже возможности. Сознание культурной отсталости и нравственной и умственной несостоятельности, говоритъ Е. А. Вѣловъ, проявлялось во всѣхъ сферахъ жизни. Народъ живой и окрѣпшій, по словамъ С. М. Соловьева, рвался изъ плеленокъ. Государство требовало обновленія.

Царь Θεодоръ Алексѣевичъ, даровитый и весьма образованный по тому времени, по все время болѣвншій, сознавалъ, въ чемъ должно быть проведено обновленіе. Онъ уничтожилъ мѣстничество и, при содѣйствіи патріарха Іоакима, учредилъ около 1680 года греческую школу, въ которой обучалось до 40 мальчиковъ, и думалъ ее увеличить, вызывая «искуенныхъ мужей», но, къ несчастію, некорѣ умеръ. И когда такіе «искуенные мужи», братья Іоанникій и Софроній Лихуды прибыли въ Москву, то ихъ оклеветали и въ 1690 году сослали въ заточеніе въ Костромской Инагіевскій монастырь ¹⁾.

По свидѣтельству лѣтописца Макарьевского Угличскаго монастыря, Царь Θεодоръ Алексѣевичъ, какъ его отецъ и дѣдъ, имѣлъ глубокое почтеніе къ обителю преподобнаго Макарія. Онъ обновилъ и украсилъ чудотворную икону преподобнаго Макарія, лежащую поверхъ гроба, для каковой цѣли икона была отправлена въ Москву, откуда возвращена съ торжественнымъ пѣніемъ, при участіи въ церковномъ хорѣ самого Царя. Лѣтописецъ прибавляетъ, что Царь Θεодоръ Алексѣевичъ имѣлъ намѣреніе посѣтить обитель преподобнаго Макарія, но некорѣ умеръ ²⁾. Въ 1682 году, во время стрѣлецкаго бунта, пострадалъ Костромской помѣщикъ, комнатный стольникъ, Іванъ Богдановичъ Сумароковъ. Въ это же время, уби-

¹⁾ Кн. Коллежскій, стр. 106.

²⁾ Костр. Губ. Вѣд., 1882 г., стр. 66.

тій въ царскихъ чертогахъ, въ мастерскихъ сѣняхъ, стольникъ Ѳеодоръ Петровичъ Салтыковъ, похороненъ въ Костромскомъ Бого-милевскомъ монастырѣ ¹⁾).

При правительницѣ Софіи Алексеевнѣ положеніе вещей еще болѣе ухудшилось, но, къ счастью для Россіи, въ эту трудную пору ея жизни во главѣ Государства сталъ гениальнѣйшій *Царь Петръ Алексеевичъ*, человекъ съ могучей силой воли и съ желѣзнымъ характеромъ. Судьба, наградивъ его всеми дарами своими, какъ бы нарочно приготовляла его для того, чтобы онъ своимъ гениемъ быстро обновилъ Россію, сблизилъ ее съ Европой. Царь понималъ, что для сближенія съ Европой нужно было вывести Россію изъ замкнутости, дать ей выходъ въ море. Онъ ясно видѣлъ, что Москва, исполнивъ предначертанную ей исторіей роль, должна была уступить свое политическое и административное первенство новому центру, выдвинутому новыми культурными запросами жизни. Такимъ новымъ центромъ по волѣ Петра явился С.-Петербургъ.

Конечно, историческое развитіе каждаго народа происходитъ постепенно, по извѣстнымъ законамъ, независимо отъ отдѣльных личностей, но эти отдѣльныя личности, благодаря своимъ гениальнымъ способностямъ, умѣютъ понять духъ времени, воплощаютъ въ себѣ все нужды, все желанія, все, зачастую безсознательныя, стремленія своего народа, ищущаго извѣстнаго выхода.

Если еще въ 1628 году въ г. Костромѣ, въ самомъ Кремлѣ, нѣкоторые дворы принадлежали иностранцамъ—фонъ Менддену, Гольбергу, Вельмиру, Зенгеру, Мейцену, что было нѣпріятно не въ одной только Костромѣ, то нужно признать за фактъ, что сближеніе русскихъ съ иностранцами началось далеко ранѣе эпохи Петра Великаго, но его громадная заслуга и заключалась въ томъ, что онъ выявилъ это истинное стремленіе своего народа и своимъ личнымъ примѣромъ показалъ, какъ и чему нужно учиться у иностранцевъ, и тѣмъ быстрѣе и усѣбнѣе подвинуть Россію на путь цивилизаціи.

Обновленіе Россіи Петромъ началось вскорѣ послѣ его поца-

¹⁾ Кн. Колосовскій, стр. 105.

реин. Налогъ на бороды, введеніе новаго платья, переизмѣна съ 1700 года лѣтосчисленія, запрещеніе писаться уменьшительными именами ¹⁾ и т. под. нововведенія быстро сѣдовали другъ за другомъ и, конечно, вызывали естественную реакцію въ различныхъ городахъ государства. Къ сожалѣнію, въ настоящее время нѣтъ возможности, за неизмѣимъ данныхъ, изобразить, какъ относились костромичи къ новымъ мѣропріятіямъ, проводимымъ въ Москвѣ, но, судя по тому, что Кострома съ ея окрестностями издавна принадлежала къ расколичнымъ мѣстностямъ, нужно полагать, что реакція была здѣсь очень *неблагопріятна всякимъ новшествамъ*. Но какое бы противодѣйствіе ни оказывалось реформамъ Царя, прогрессивное движеніе продолжало расти и скоро коснулось даже отдаленныхъ областей Россіи.

Въ 1708 году Россія раздѣлена была на 8 губерній, при чемъ Костромской край вошелъ въ составъ губерній: Московскои, Архангелогородскои и Казанскои ²⁾. Въ 1719 году Россія была раздѣлена на 11 губерній, а каждая губернія подраздѣлена была на провинціи. Кострома тогда сдѣлалась провинціальнымъ городомъ Московскои губерніи и къ ней приписаны были города Судиславль, Любимъ, Буй и Кадыи съ ихъ уѣздами.

Въ 1721 году Императоръ Петръ Великій, указомъ отъ 11 февраля, повелѣлъ съ Костромской области собрать съ каждаго двора по два четверика ржи для магазиновъ, учрежденныхъ на Бѣлоозерскои, Ватюшинои и Крохинскои пристаняхъ ³⁾. Въ 1722 году на счетъ казны приказано было завести въ Костромѣ цифирную школу ⁴⁾.

28 января 1725 года скончался великій Императоръ и по его смерти вступила на престолъ супруга его *Екатерина*, которая царствовала только два года. По ея указу, отъ 6 августа 1726 г., повелѣно было въ г. Костромѣ построить квартиры для номѣщенія

¹⁾ Менше извѣсти, говорилъ Петръ по этому случаю, и болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству.

²⁾ Коллежскій, стр. 100; Памятная книжка Костром. губерніи за 1862 г., стр. 210.

³⁾ Вл. Козловскій, стр. 105.

⁴⁾ Н. Андрюшковъ. Записки о семинаріи и гимназіи, стр. 2; Памятная книжка Костром. губ. 1862 г., стр. 213.

скаго монастыря. Симонъ Тодорскій былъ весьма образованный и ученый человекъ, получившій образование въ двухъ иностранныхъ университетахъ Галльскомъ и Йенскомъ и хорошо знавшій языки нѣмецкій, латинскій, греческій, еврейскій, сирскій, арабскій, и халдеискій. Епископъ Симонъ, собственно говоря, не былъ въ Костромѣ и всѣ свои распоряженія по епархіи присылалъ въ конскоторію. 18 августа того-же года онъ былъ переведенъ въ Псковъ, а впоследствии уже въ званіи архіепископа, былъ назначенъ законоучителемъ Государыни Императрицы Екатерины II. ¹⁾ Выбсто Симона Тодорскаго въ Кострому былъ рукоположенъ въ епископа изъ архимандритовъ кіевского Боголюбскаго монастыря знаменитый богословъ и проповѣдникъ, лично извѣстный Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, Сильвестръ Кулибка, при которомъ, въ концѣ 1747 года, была основана въ Костромѣ церковническая или епархіяльная школа для образованія юношества изъ духовнаго званія, современемъ получившая названіе Духовной Семинаріи. ²⁾

Въ 1746 году изъ придворной интендантской конторы присланъ былъ въ Кострому подпоручикъ Скрипичанинъ для набора костромскихъ каменщиковъ и штукатуровъ и для заключенія съ ними договоровъ о разныхъ каменныхъ постройкахъ въ Петербургѣ. ³⁾ Въ число ихъ попалъ и знаменитый костромской печникъ и штукатуръ Андрей Ивановъ Хлебниковъ. ⁴⁾

Въ царствованіе Елизаветы Петровны, именно къ концу первой половины XVIII ст., городъ Кострома начинаетъ становиться крупнымъ фабрично-промышленнымъ центромъ. Первую полотняную фабрику въ городѣ на 500 станковъ завелъ купецъ Иванъ Дмитріевичъ Угличаниновъ и получилъ привилегію. Вслѣдъ за нимъ построили значительныя фабрики: Иванъ Пименовъ Стригалецъ, Семенъ Ивановъ Ашастищъ и Дмитрій Федоровъ Волковъ, дѣдъ знаменитаго основателя русскаго театра, Федора Григорьевича Волкова.

¹⁾ Колосовскій, стр. 107, прилѣж., стр. 173; Памят. кн. Костр. губ. 1862 г., стр. 218; Прот. Островскій. Историч. записки о Костромѣ, стр. 120.

²⁾ Островскій, стр. 118—122; П. Андрониковъ. Истор. записки о духовн. семинаріи, стр. 1—4.

³⁾ Памят. кн. Костр. губ. 1862 г., стр. 261.

⁴⁾ Костр. Губерн. Вѣдом. 1847 года, № 20.

Костромской провинции собрано было 572 человека, изъ которыхъ 70 человекъ было отправлено въ Азовъ, на мѣсто военныхъ дѣйстви. Когда началась война съ Турками, въ Кострому были присланы 2 офицера и 76 рядовыхъ, причемъ офицеры получали въ сутки по 5 коп. каждый, а рядовые по 2 коп. и провiантъ для продовольствiя. Во время Турецкой войны многiе плѣнные турки присланы были въ Кострому и содержались здѣсь до заключенiя мира; знатные плѣнные жили въ Уфимскомъ полковомъ дворѣ, а остальные были размѣщены въ городѣ по квартирамъ. ¹⁾

Послѣ смерти Анны Иоанновны и кратковременнаго царствованiя малолѣтняго Юанна VI, подѣ регенствомъ сначала Бирона, а затѣмъ принцессы Анны Леопольдовны, на престолѣ вступила дочь Петра Великаго *Елизавета Петровна*.

Согласно завѣщанiю своего отца, Елизавета Петровна старалась улучшить государственныи механизмъ Россiи во всѣхъ отношенiяхъ. Такъ, введенъ былъ правильныи ежегодныи рекрутскiи наборъ, основаны два банка—дворянскiи и купеческiи и улучшено судопроизводство и администрацiя, что было совершенно необходимо, такъ какъ дороги, деревни и города были переполнены разбойниками и бродягами, вѣдѣтiе постоянныхъ побѣговъ помѣщичьихъ и монастырскихъ людей. Для борьбы съ разбойниками и грабителями въ 1744 году, при Костромскомъ воеводѣ Иванѣ Александровичѣ Шапокинѣ, учреждена была «комиссiя для поимки и искорененiя воровъ и разбойниковъ», подѣ начальствомъ полковника Левина съ командою изъ 57 драгунъ, а послѣ него подѣ начальствомъ премьеръ-маiора Васькова, на коего кромѣ того возложено было отысканiе грабителей по рѣкѣ Волгѣ отъ Твери до Кивенны. ²⁾

Въ томъ-же 1744 году учреждена въ г. Костромѣ епархiя и первымъ епископомъ костромскимъ былъ рукоположенъ въ С.-Петербургѣ, въ присутствiи Государыни Елизаветы Петровны, 31 марта 1745 года, Симонъ Тодорскiи, архимандритъ костромскаго Платиен-

¹⁾ Кн. Коллежскiи, стр. 106.

²⁾ Памятная книжка Костр. губ. 1862 года, стр. 210-211.

скаго монастыря. Симонъ Тодорскій былъ весьма образованный и ученый человекъ, получившій образование въ двухъ заграничныхъ университетахъ Галльскомъ и Гейскомъ и хорошо знавшій языки нѣмецкій, латинскій, греческій, еврейскій, еврскій, арабскій, и халдеискій. Епископъ Симонъ, собственно говоря, не былъ въ Костромѣ и всѣ свои распоряженія по епархіи присылалъ въ консисторію. 18 августа того-же года онъ былъ переведенъ въ Псковъ, а впоследствии уже въ званіи архіепископа, былъ назначенъ законоучителемъ Государыни Императрицы Екатерины II. ¹⁾ Въмѣсто Симона Тодорскаго въ Кострому былъ рукоположенъ въ епископа изъ архимандритовъ кіевскаго Боголюбскаго монастыря знаменитый богословъ и проповѣдникъ, лично извѣстный Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, Сильвестръ Кулябка, при которомъ, въ концѣ 1747 года, была основана въ Костромѣ церковническая или епархиальная школа для образованія юношества изъ духовнаго званія, современемъ получившая названіе Духовной Семинаріи. ²⁾

Въ 1746 году изъ придворной интендантской конторы присланъ былъ въ Кострому подноручникъ Скрипичникъ для набора костромскихъ каменщиковъ и штукатуровъ и для заключенія съ ними договоровъ о разныхъ каменныхъ постройкахъ въ Петербургѣ. ³⁾ Въ число ихъ попалъ и знаменитый костромской печникъ и штукатуръ Андрей Ивановъ Хлѣбниковъ. ⁴⁾

Въ царствованіе Елизаветы Петровны, именно къ концу первой половины XVIII ст., городъ Кострома начинаетъ становиться крупнымъ фабрично-промышленнымъ центромъ. Первую полотняную фабрику въ городѣ на 500 станковъ завелъ купецъ Иванъ Дмитріевичъ Удличаниновъ и получилъ привилегію. Велѣдъ за нимъ построили значительныя фабрики: Иванъ Пименовъ Стригалевъ, Семень Ивановъ Ашастинъ и Дмитрій Ѳеодоровъ Волковъ, дѣды знаменитаго основателя русскаго театра, Ѳеодора Григорьевича Волкова.

¹⁾ Козловскій, стр. 107, примѣч., стр. 173; Памяти. кн. Костр. губ. 1862 г., стр. 218; Прот. Островскій. Историч. записки о Костромѣ, стр. 120.

²⁾ Островскій, стр. 118—122; П. Андрониковъ. Истор. записки о духовн. семинар., стр. 1—4.

³⁾ Памяти. кн. Костр. губ. 1862 г., стр. 264.

⁴⁾ Костр. Губерн. Вѣдом. 1847 года, № 20.

На этих фабриках работали раяндуки, фламекія полотна, коломенки и отправляли эти изделия въ Петербургъ и через Архангельскъ въ Голландію и Англію ¹⁾.

Благодаря развитію фабричной промышленности, городъ сталъ принимать болѣе благоустроенный видъ. За это время были построены пять каменныхъ приходскихъ церквей, каменный домъ для присутственныхъ мѣстъ (домъ нынѣшней думы), созиной магазинъ ²⁾, и каменные дома куницовъ Угличанинова, Стригалева, Волкова, Анасташа, Пынина, Соколова, Вородавкина и Панова.

Въ 1751 году въ Кострому приеланъ былъ для квартированія Пермскій пѣхотный полкъ, но скоро былъ выведенъ въ хлѣбныя мѣста, такъ какъ въ этомъ году по всей Костромской губерніи была большой неурожае хлѣбовъ ³⁾.

Важнымъ мѣропріятіемъ Императрицы Елизаветы Петровны была отмена смертной казни. Последняя казнь въ городѣ Костромѣ была совершена надъ знаменитой костромской свахой Музихой.

Болѣе полутора вѣка лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но въ памяти Костромичей до сихъ поръ живетъ преданіе объ этой казни и до сихъ поръ съ подробностями переходить изъ поколѣній въ поколѣнія.

Интересенъ поводъ, по которому сваха Музиха была приуждена къ смертной казни. Въ Костромѣ въ то время жилъ богатый кунецъ Барышиновъ, который торговалъ краенымъ товаромъ. Жилъ онъ около Мѣднаго пруда со своей тещей и дочерью Настей, рожденіе которой было причиною смерти его супруги. Для того, чтобы некучно было Настѣ расти одной, отецъ ея взялъ спотыку дѣвочку, которую и воспитывалъ вмѣстѣ съ своею дочерью. Барышиновъ былъ человекъ добрый, честный, отзывчивый на все хорошее и имѣи большіе достатки, много помогалъ бѣднымъ, въ противоположность тещѣ, которая была сердита, сварлива и скуна. Въ 18 лѣтъ Настя сдѣлалась красавицей, а при богатствѣ отца и завидной невѣстой. Сваха Музиха, славившаяся своимъ ремесломъ по всей Ко-

¹⁾ Кн. Козловскій, примѣч. стр. 173; Штуценбергъ. Статистическіе труды, 1833 г., стр. 17.

²⁾ На этомъ мѣстѣ въ настоящее время находится домъ Губернскихъ Присутственныхъ мѣстъ.

³⁾ Изъ записокъ В. А. Назокина, Козловскій стр. 107.

сгромъ, уже приходила съ предложеніемъ различныхъ жениховъ. Но Настя давно уже полюбила сына костромскаго рыбака, красавца Гришу. Но онъ былъ бѣденъ и не имѣлъ никакой надежды на то, чтобы за него отдали Настю. Между тѣмъ Лузиха сватала ей очень богатого, пожилото и некрасиваго куна Живчикова. Однажды Барышниковъ сдѣлать новоселье въ день именинъ своей дочери, на которомъ было много гостей, и ширь вышелъ на славу, такъ какъ угощали гостей даже чаемъ, въ то время только что начинавшимъ входить въ употребленіе и поэтому слншкомъ дорогимъ. На самомъ шру теца Барышникова поссорилась съ Лузихой и выгнала ее. Всафѣдствіе этого Лузиха поклялась по гробъ жизни не забыть этой обиды и рано или поздно отомстить за нее. Вскорѣ она наружно примиралась съ Барышниковыми.

Узнавши, что Настя любитъ сына рыбака Гришу и что они видятся другъ съ другомъ въ старой набѣ Барышникова, она однажды привезла его и тецу на мѣсто свиданія. Отецъ, считая себя опозореннымъ, тутъ же набилъ дочь свою и проклялъ ее, прогнавъ съ мѣста Гришу, который въ то время былъ у него отчетнымъ приказчикомъ по рыбной торговлѣ. Сдѣлавши такое дѣло, Лузиха не остановилась на этомъ. Съ одной стороны, она посоветовала, чтобы покрыть грѣхъ, отдать ее насильно за Живчикова, на что согласился отецъ и теца, а съ другой стороны, обѣщала Настѣ, что она устроитъ ее замужествомъ съ Гришей. Для этой цѣли Лузиха велѣла Настѣ собрать все свои драгоценныя вещи и явиться въ указанное Лузихой мѣсто, куда она приведетъ и Гришу, чтобы они могли бѣжать. Настя повибрила и явилась въ назначенный домъ, гдѣ Лузиха, забравъ все драгоценности, задушила ее подушкой, а затѣмъ извѣстила своего племянника, который занимался разбоемъ и грабежами въ Костромѣ и ея окрестностяхъ, чтобы онъ скрылъ куда нибудь тѣло Настя. Разбойникъ завернулъ трупъ въ рогожку и бросилъ его за городъ по большой дорогѣ.

Гриша, лишившійся отъ горя сна, бродя по окрестностямъ города, случайно замѣтилъ трупъ Настя и, узнавъ ее, лишился чувствъ. Тутъ онъ былъ найденъ проходцами и, подозрѣваемый въ ея убійствѣ, посаженъ былъ въ острогъ. Началось судебное слѣдствіе.

Г-жа Кобыкова, со словъ очевидцевъ, рассказывая въ «Современникѣ»¹⁾ эту драму, пишетъ: «въ родительскомъ домѣ, на дубовомъ столѣ, лежитъ Настя, въ своемъ обширномъ сарафанѣ; черная коса двумя полнами сбѣжала по плечамъ, обвитая алою лентой, въ уши были вѣдты жемчужныя серьги. На отгалившихъ щечкахъ мертвой красавицы игралъ яркій румянецъ, словно у живой, только на груди было большое багровое пятно, да лебединная шея распухла». Отецъ обезумѣлъ отъ горя. Масса народа не отходила отъ умершей. Всѣ ждали главнаго момента—свѣдѣній. Дѣло въ томъ, что въ то время было обычаемъ приводить убійцу для прощанія съ убитой. Этимъ нехитрымъ моментомъ пользовались свѣдѣтельные судьи для того, чтобы выяснитъ, какое впечатлѣнiе произведетъ этотъ моментъ свиданія. И нужно познать, что въ прежнія, по крайней мѣрѣ, времена, этотъ моментъ приводилъ зачастую къ положительнымъ результатамъ. Солдаты съ ружьями, подъ начальствомъ военнаго писаря, привели закованнаго въ кандалы Григорія въ домъ покойницы. Весь народъ внимательно всматривался въ него и нетерпѣливо ожидалъ его признанія. Но Гриша тихо поцѣловалъ покойницу въ губы и проговорилъ: «а какъ мы любили другъ друга, такъ какъ же вы думаете, будто я убилъ ее». Послѣ того, какъ военнаго писаря занесалъ эти слова, Григорія увезли снова въ острогъ. Музика также пришла проститься съ Настей и, подошедши, поцѣловала ее. Народное прощаніе рассказываетъ, что вмгъ лицо Насти покрылось румянцемъ, и струйка алой крови брызнула фонтаномъ изъ носа на бѣлую камчатную пазетку убійца. «Злодѣйка, убійца, душегубка!» раздавалось со всѣхъ сторонъ, и Музика чистосердечно покасалась въ томъ, что она ограбила и задушила Настю. Послѣ этого Музика отправили въ судъ, гдѣ ее вторично допросили, заковали въ кандалы и посадили въ острогъ. Затѣмъ состоялся судъ и Музика приговорили къ повѣшенію. Въ назначенный для казни день ударили въ соборный колоколъ, и народъ толпами устремился къ Кремлю, гдѣ на валу, противъ острога,

¹⁾ Современникъ. Т. I. XVIII. 1858 года.

устроена была шпелница ¹⁾). Скоро весь валъ и даже пересохшій около вала ровъ наполнился людьми. Наконецъ привели Музику и постановили ее на помостъ. Секретарь восподекой канцелярїи снялъ трехугольную шляпу, чему послѣдовали и все окружающіе, и громкимъ голосомъ прочелъ приговоръ. Музика перекрестилась и, поклонившись на все стороны, сказала: «простите вы меня, отцы и братїи, и сестры, и сродницы. Помолитесь за упокой грѣшной моей души; звезду прїемлю по грѣхамъ моимъ; простите меня небо и свѣтила небесныя, и ты, мать сыра-земля! не было на тебѣ грѣшницы окаяннѣе меня и ты возопїала къ Богу! Палачъ ввелъ ее на эбсенку, накинулъ петлю—и Музика закачалась въ воздухѣ.

Это была послѣдняя казнь въ Костромѣ, такъ какъ на другой день, въ соборѣ, при большомъ стеченїи народа, прочитаѣть бытъ указъ Императрицы Елизаветы Петровны объ отлѣгѣ смертной казни.

¹⁾ Острогъ въ то время находился на Ильинской улицѣ за ровомъ. Это было большое деревянное зданіе, обнесенное вокругъ высокимъ заборомъ изъ столбчатъ бревенъ, верхъ котораго былъ усаженъ большими желѣзными гвоздями остриемъ къверху. Въ заборѣ были провилены узкія отверстїя и, когда въ праздничный день или въ помпезныя родительскїя субботы колодниковъ выпускали на дворъ, то въ эти отверстїя подавались добрымъ людямъ арестантамъ деньги.

XII.

Императрица Екатерина II. Комиссія для сочиненія проекта новаго Уложенія. Путешествіе Екатерины II по Волгѣ. Приготовленіе г. Костромы къ приему Государыни. Депутатія для встрѣчи Государыни въ Ярославль. Встрѣча Государыни въ Костромѣ. Пожалованіе городу Костромѣ герба.

ПОСЛѢ кратковременнаго царствованія Императора Петра III, на престолѣ вступила супруга его *Екатерина II*.

Первой ея заботой было улучшить законодательство, для каковой цѣли Государыня составила «комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія». Эта комиссія представляла изъ себя нѣчто въ родѣ прежняго земскаго собора, такъ какъ депутаты ея, въ количествѣ 565 человекъ, были набраны баллотировкою по большинству голосовъ отъ сената, синода, всѣхъ коллегій, отъ каждаго города, отъ дворянства каждаго уѣзда, отъ государственныхъ крестьянъ, служилыхъ людей, инородцевъ и казацкихъ войскъ. Въ 1766 году въ Костромѣ проходили выборы въ означенную комиссію, причемъ набраны были отъ дворянства—Костромскаго уѣзда генералъ-поручикъ Александръ Шлычъ Вибииковъ и лейбъ-гвардіи капитанъ-поручикъ Иванъ Тимофеевичъ Одинцовъ; отъ города—купцы Кузьма Ивановичъ Угличаниновъ и Василій Ивановичъ Стригалева. Для наблюденія за исполненіемъ законовъ въ каждый провинціальный городъ назначенъ былъ комиссіонеръ-прокуроръ. Первымъ Костромскимъ прокуроромъ былъ Иванъ Ивановичъ Вердеревскій ¹⁾.

Комиссія для сочиненія новаго уложенія начала свои занятія 30 іюня 1767 года въ Москвѣ, въ Грановитой Палатѣ. Изъ трехъ представленныхъ кандидатовъ въ маршалы этой комиссіи былъ

¹⁾ Кн. Козловскій, стр. 108.

утвержденъ Государыней костромской депутатъ Александръ Пльичъ Вибиковъ. Императрица собственноручно положила такую резолюцію: «какъ графъ Орловъ Пасъ просилъ о увольненіи, а графъ Чернышовъ обязанъ многими дѣлами, то быть председителемъ костромскому депутату Александру Вибикову». Кромя того въ комисіи заседали еще костромичъ, генераль-прокуроръ А. А. Вяземскій ¹⁾).

Интересно, между прочимъ, что въ этой комисіи поднятъ былъ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права, чему весьма сочувствовала Императрица.

Такъ какъ Императрица ясно видѣла, что внутреннее государственное устройство требовало коренныхъ преобразованій, то она и рѣшила посѣтить некоторые города, чтобы лично выискнуть въ нужды Государства. Маршрутъ царскаго путешествія составленъ былъ на Новгородъ, Москву, Тверь и далѣе по рѣкѣ Волгѣ до Казани, причемъ для переѣзда Государыни сухимъ путемъ съ костромскаго яма (Ямской слободы) назначено было поставить на станцію Новгородъ 75 лошадей. Флотилія, приготовленная для Государыни въ Твери, состояла изъ 11 судовъ:

1. Царская Галера *Тверь* съ судовой командой, состоявшей изъ одного штабъ-офицера, 3 оберъ-офицеровъ, 14 унтеръ-офицеровъ и 19 рядовыхъ. На галерѣ находились: Императрица, генераль-поручикъ, членъ государственной адмиралтейской коллегіи графъ Плянь Григорьевичъ Чернышовъ и капитанъ 1-го ранга Петръ Пуцинъ.

2. Галера *Волга* съ командой—изъ одного штабъ-офицера, одного оберъ-офицера, 7 унтеръ-офицеровъ и 14 рядовыхъ. На ней были: генераль-поручикъ Вибиковъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Волковъ и капитанъ Лаврентій Мушанинъ.

3. Галера *Ярославль* съ командой—изъ одного штабъ-офицера, одного оберъ-офицера, 10 унтеръ-офицеровъ и 128 рядовыхъ. На ней были: графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, камергеръ Будлянскій, генераль-полицеймейстеръ Чичеринъ, камеръ-юнкеръ Всеволожскій, лейбъ-хирургъ Рейслентъ, полковникъ князь Долгорукій и капитанъ-лейтенантъ Изъминовъ.

¹⁾ Кн. Коллосскій, стр. 108.

4. Галера *Казань* съ командой—изъ одного штабъ-офицера, двухъ оберъ-офицеровъ, 6 унтеръ-офицеровъ и 137 рядовыхъ. На ней были гофмаршалъ Орловъ, лейбъ-докторъ Гюнцгофъ и капитанъ-лейтенантъ Палибинъ.

Кромѣ того: галера *Уличъ*, галера *Кострома*, экипажное судно *Симбирскъ*, госпиталь *Ржевъ-Владимиръ*, провіантское судно *Новгородъ* и суда *Лами* и *Сивостьяновка* ¹⁾.

Кромѣ того, государыню сопровождали министры иностранныхъ дворовъ: австрійскаго—князь Лобковичъ, прусскаго—графъ Сольмсъ, испанскаго—Виконтъ-Де-ля-Герерхъ, датскаго—Ассбургъ и шведскаго—баронъ Рибингъ ²⁾.

Какъ только стало извѣстно о путешествіи Государыни, городъ сталъ приготовляться къ принятію Высокой Путешественницы. Отдѣланъ былъ военскій домъ, находившійся въ кремлѣ, сдѣланы приспособленія къ иллюминаціи и воздвигнута была при въѣздѣ въ городъ триумфальная арка. Сохранилось довольно подробное описаніе этой интересной арки, заслуживающей вниманія по идеѣ, какой старались достигнуть устроители ея.

При въѣздѣ въ ворота на верхней главной картинѣ изображена была Ея Императорское Величество, въ образѣ богини Цереры, везомаи двумя львами и держащая въ правой рукѣ возки, а въ лѣвой сплетенный изъ лавровъ вѣнецъ; надъ нею летящая слава съ трубою, подъ которою хартія съ вензелемъ Ея Императорскаго Величества. Съ правой стороны, близъ колеса одноколки, представленъ городъ Кострома въ видѣ женщины въ длинной одеждѣ, съ распущенными по вѣтру волосами, изгибающей на головѣ зубчатый вѣнецъ. Эта женщина, припадши однимъ колыномъ на землю, лѣвою рукою подаетъ сидящей въ колесницѣ горящее сердце, а правою указываетъ на упражненія и труды молодыхъ гениусовъ, изъ которыхъ одинъ вяжетъ хлѣбный колосъ, другой собираетъ земные плоды и кладетъ въ корзину, третій держитъ въ рукѣ

¹⁾ Кн. Колосовскій, примѣч. стр. 156.

²⁾ Спач. Е. П. Вознесенскій. Воспоминаніе о путешествіяхъ Высочайшихъ особъ, стр. 31.

челнокъ и играетъ витянымъ клубкомъ, а четвертый указываетъ на сооталепную изъ кину, которая назначена къ отправленію въ путь. Внизу—сидица женщина съ длинными волосами, у которой голова убрана широкими водяными листьями и которая держитъ весло въ правой рукѣ, облокотилъ оною на урну; въ ногахъ у ней лежитъ рыба, чрезъ которую пробирающаяся изъ урны вода образуетъ Волгу; вдали видѣнъ пахарь, который отдыхаетъ, отложивъ отъ плуга свою лошадь.

2. Двѣ статуи, изображающія: 1) благочестіе и 2) милосердіе.

3. Два девица: 1) курица, къ которой подбѣгаютъ со всѣхъ сторонъ цыплята, съ надписью: «Матерь свою познаваютьъ»; 2) посреди цвѣтного поля пальмовое дерево, къ коему привѣшаютъ щитъ съ Россійскимъ гербомъ; внизу, около коля дерева, лежатъ знаки наукъ и художествъ, и всякихъ полезныхъ промысловъ съ надписью: «Тако процвѣтуть». На другой сторонѣ воротъ верхняя главная картина изображаетъ избраніе на престолъ Государя Царя Михаила Феодоровича съ аллегорическимъ изображеніемъ избавленія Россіи отъ злоключеній; двѣ статуи: «Слава Имперіи» и «Надежда благополучныхъ временъ» и два девица, изъ которыхъ первый изображаетъ площадь, кругомъ которой поставлены статуи Государей Россійскихъ изъ дома Романовыхъ; посреди площади сооружеиъ высокій столпъ, на которомъ лежитъ императорская корона съ надписью: «Утвержденная на вѣки»; другой девица представляетъ солнце, восходящее въ полнонь сѣнии надъ частью земного шара, на которой изображены предѣлы Россійской Имперіи съ надписью: «Да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ»¹⁾).

19 апрѣля 1737 года по повѣстѣ, посланной предводителемъ дворянства гвардіи капитаномъ Одинцовымъ, собралась Костромская депутация, специально избранная для встрѣчи въ Ярославлѣ и сопровожденія до Костромы Государыни Императрицы и для всеподданнѣйшаго приглашенія ея удостоить городъ Кострому своимъ посѣщеніемъ. Депутация эта состояла изъ шести лицъ: надворнаго со-

¹⁾ Свѣд. Е. П. Вознесенскій. Воспоминаніе о путешествіяхъ Высочайшихъ особы, стр. 40 и 41.

вѣтника Пвана Золотухина, премьерь-маіора Родіона Зузина, отставного гвардіи поручика Василія Каблукова, отставного прапорщика Михаила Щенина и фабрикантовъ.—Петра Угличанинова и Θεодора Анастина. Предводитель и депутация, въ сопровожденіи комиссіонеръ-прокурора Вердеревскаго и множества народа, отправились въ Успенскій соборъ для прошенія отъ Всевышняго помощи въ благополучномъ исполненіи возложеннаго на нихъ порученія и, по окончаніи молебствія, прибыли на богато убранную депутатскую лодку у волжской пристани, къ тому времени наполненной множествомъ собравшихся гражданъ Костромы. Въ честь отправляющихся депутатовъ съ пристани Пнатіевскаго монастыря сдѣланъ былъ залпъ изъ 13 пушекъ, а на депутатской лодкѣ поднятъ главный флагъ. При прощаніи съ депутатами предводители дворянства и прокурора, съ депутатской лодки сдѣланъ былъ залпъ изъ 9 пушекъ.

Въ 7 часовъ по полудни Костромская депутация въ сопровожденіи множества лодокъ¹⁾, отправилась въ Ярославль и, отъѣхавъ 9 верстъ, расположилась почевать. 30 апрѣля депутация прибыла къ Николо-Бабаевскому монастырю и совершивъ тамъ молебствіе, продолжала свой путь. Въ 7 часу вечера лодка остановилась у села Введенскаго, гдѣ находилась костромская граница. Здѣсь съ лодки сдѣлали залпъ изъ 5 пушекъ и выпустили 12 верхнихъ ракетъ въ знакъ окончанія границы своей родины, при чемъ множество народа изъ близъ лежащихъ селеній собралось для встрѣчи депутации. 1 мая въ 12 часу по полудни депутация благополучно прибыла въ г. Ярославль.

По прибытіи въ Ярославль депутатъ Зузинъ, черезъ канцеляриста Якова Могниова, письменно уведомилъ графа Романа Плларіоновича Воронцова и князя Александра Алексѣевича Вяземскаго о прибытіи въ Ярославль костромской депутации. Съ 1-го до 9 мая депутация посѣщала храмы и обители г. Ярославля и каждадневно о вѣсѣхъ своихъ дѣйствійхъ писала въ Кострому предводителю дворянства Одинцову. 9 мая Императрица прибыла въ Ярославль, а въ 10 часовъ утра костромская депутация была представлена А. П.

¹⁾ Кн. Козловскій, стр. 173.

Бибиковымъ, прѣбывавшимъ изъ Москвы, гофмаршалу Григорію Никитичу Орлову и графу Григорію Григорьевичу Орлову, который при видѣ депутатовъ сказалъ: «очень хорошо, они мнѣ люди знакомые». Черезъ часъ послѣ того костромская депутація гофъ-маршаломъ Орловымъ была предстивлена Государынѣ, причѣмъ депутаты Золотухинъ, какъ старшій, сказалъ слѣдующее: «Всемилющійшая Государыня! Вашему Императорскому Величеству костромское дворянство и все общество города приносятъ бесподданнѣйшее поздравленіе съ благополучнымъ прибытіемъ, и всенужайше Вашего Императорскаго Величества просимъ върноподданнѣйшіе рабы, обрадовать насъ Высокомонаршимъ своимъ присутвіемъ». На это привѣтствіе Государыня поволѣла объявить со Всемилющійшимъ благоволеніемъ свое прибытіе и допустила къ рукѣ, которую депутаты клановали съ преклопеніемъ колѣна. Затѣмъ Государыня подошла къ майору Зузину и спросила его: «какъ далеко отъ Ярославля до Костромы? водою или сухимъ путемъ прѣехали? такъ-ли въ Костромѣ веселы мѣста, какъ въ Ярославлѣ?» Отвѣтивъ на всѣ эти вопросы, Зузинъ прибавилъ, что «дворянство и общество города со всерадостнѣйшими сердцами ожидаютъ Высокомонаршаго Вашего Императорскаго Величества матерняго присутствія», на что Государыня отвѣчала: «благодарна» и, обратясь къ генералитету, прибавила: «онъ мнѣ показался; вижу, что онъ добрый человекъ».

11 мая костромскіе депутаты были у графа Григорія Григорьевича Орлова и благодарили его за представленіе, при чемъ майоръ Зузинъ просилъ графа о посѣщеніи и доложили ему, что они прибыли для встрѣчи и проводовъ Государыни отъ костромской границы до Костромы, на что графъ сказалъ, что онъ дастъ депутаціи знать о времени выѣзда Государыни и прикажетъ депутатамъ лодкѣ идти передъ галерою Ея Величества. Въ тотъ же день депутаты посѣтили графъ Андрей Петровичъ Шумаловъ, Александръ Ильичъ Бибиковъ и многіе изъ лицъ генералитета. На слѣдующій день, т. е. 12 мая, бывши на обѣдѣ у ярославскихъ фабрикантовъ, Государыня, подошедши къ Зузину, снова его спрашивала: далеко ли онъ живетъ отъ Костромы, извѣсть ли въ

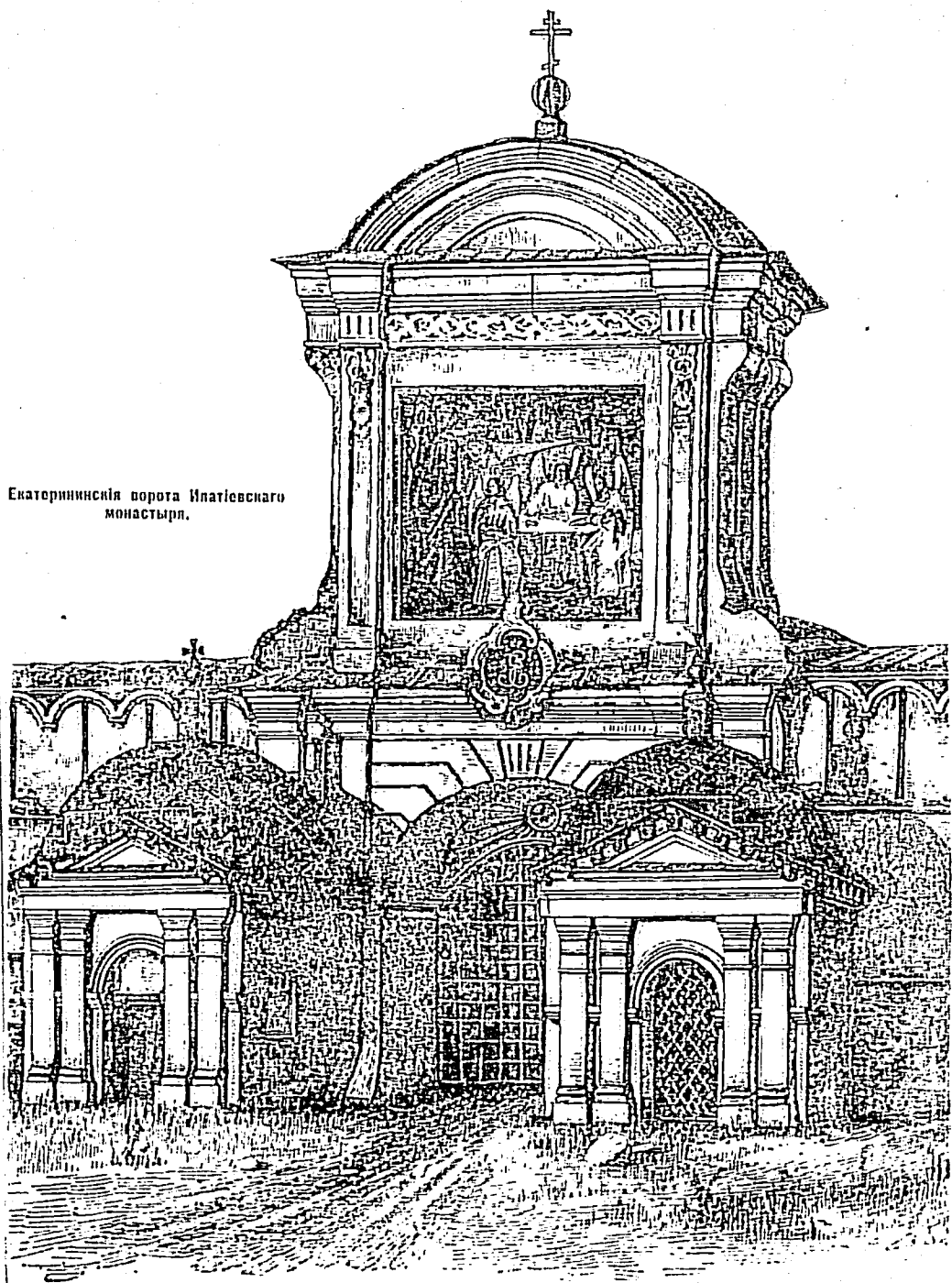
въ городѣ домъ, похоже ли мѣстоположеніе Костромы на Ярославль и много ли дворянства въ Костромѣ? Отвѣтивъ на всѣ вопросы, Зушинъ прибавилъ, что въ ожиданіи Ея Величества въ городѣ прибыло много дворянства съ намѣреніемъ видѣть Ея Величество, милосердную Матерь отечества. На это Государыня отвѣчала: «благодарна, буду».

Въ тотъ же день депутаты выѣхали изъ Ярославля къ своей границѣ, предварительно отправивъ письмо къ костромскому предводителю дворянства съ описаніемъ всего происходившаго.

14 мая, въ 8 часу утра, флотилія Ея Величества приблизилась къ предѣламъ костромской области, которые были обозначены флагами. Когда галера Ея Величества поровнялась съ флагами, то какъ на берегу, такъ и на депутатской лодкѣ флаги были спущены, народъ, собравшійся на берегахъ рѣки, громкимъ ура привѣтствовалъ Государыню, которая находилась у окна галеры, мило-стивно раскланиваясь съ народомъ. Изъ всѣхъ селеній на Волгѣ жители собирались толпами и привѣтствовали Государыню, крестьяне махали шапками, крестьянки платками, причеты сельскихъ церквей находили на берегъ и святою водою окропляли путь Ея Величества. За 8 верстъ до Костромы депутаты Золотухинъ и Зушинъ на малой лодкѣ подъѣхали къ галерѣ Ея Величества съ донесеніемъ гофмаршалу о домѣ, назначенномъ для Государыни. Когда депутаты были представлены Государынь, она сказала: «миѣ жаль Васъ, вы такъ перемокли и сегодня весь день трудились на дождѣ», затѣмъ дала приказаніе депутатамъ ѣхать впередъ и дать знать о ея прибытіи.

Въ 7 часу вечера, 14 мая, пушечными выстрѣлами данъ былъ сигналъ собираться къ Ипатьевской пристани для встрѣчи Государыни: начался благовѣстъ въ Успенскомъ и Ипатьевскомъ соборахъ, и въ Богоявленскомъ монастырѣ. На пристани собрался преосвященный Дамаскинъ съ духовенствомъ, костромское дворянство, во главѣ съ предводителемъ, депутаты, кушечество и масса народа. Въ 8 часовъ вечера прибыла Императрица въ Кострому. При вступленіи флотиліи въ устье рѣки Костромы, съ кремленскаго вала сдѣланъ былъ 31 выстрѣлъ, въ Ипатьевскомъ монастырѣ

Екатерининскія ворота Ипатьевского монастыря.

также събланы были залы изъ 37 пушекъ, начался колокольный звонъ во всѣхъ церквахъ города, и кликами ура народъ приѣхствовалъ свою Государыню.

Царская галера Тверь стала на якорь посреди рѣки противъ пристани, куда съ поздравленіемъ о благополучномъ прибытіи явились генераль Александръ Ильичъ Вибиновъ и костромеккой губернскаго предводитель дворянства, которые и были приглашены къ Высочайшему ужину, а всѣмъ остальнымъ повелѣно было на слѣдующее утро собраться для торжественной встрѣчи Государыни.

15 мая, въ 7 часовъ утра, преосвященный Дамаскинъ съ духовенствомъ, въ сопровожденіи генералитета, предводители, депутаты, дворянства всей губерніи, купечества и массы народа собрались въ указанномъ мѣста для встрѣчи Государыни. Царскій путь въ Платиновскую обитель окруженъ былъ съ правой стороны множествомъ жень и дѣвиць дворянскаго и купческаго сословія, съ лѣвой дворянами и кунцами.

Въ 9 часовъ утра, при колокольномъ звонѣ церковей всего города, пушечной пальбѣ и непрерывныхъ народныхъ кликахъ, Государыня вошла въ приготовленную шлюбку, при выходѣ изъ которой преосвященный Дамаскинъ привѣтствовалъ Ее рѣчью, заканчивавшейся такими словами: «спиди, Государыня, въ древною обитель своего предка и обнови ее твоимъ присутствіемъ. Прими отчину древнаго князя Василія Ярославича и съ ней градъ сей и страну подъ Твое Монаршее покровительство и матернее милосердіе, да и мы, какъ параллельные о Давидѣ, прославляемъ о Тебѣ навсегда Божіе величество». Прослушавъ рѣчь и приложившись ко кресту, Государыня просѣдовала въ Троицкій соборный храмъ чрезъ выѣзныя сѣверныя ворота, гдѣ, приложившись къ св. иконамъ, встала на црское дѣло, приеланное царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, и слушала божественную литургію. Послѣ литургіи Государыня со свитою посѣтила преосвященнаго, гдѣ привѣтствовалъ Ее рѣчью генераль-поручикъ Бибиковъ. Затѣмъ было допущено къ ружь Императрица все костромекое дворянство и костромеккой воевода Малыгинъ. Четверо изъ воспитанниковъ Костромеккой духовной семинаріи привѣтствовали Государыню рѣчами на греческомъ, латин-

скомъ, еврейскомъ и русскомъ языкахъ. Пресвященный поднесъ образъ и на тафтѣ богословскія сочиненія.

Во время обѣденнаго стола подлѣ Государыни стояли двѣ дѣвицы—Надежда Золотухина и Елизавета Борцова; для принятія со стола тарелокъ находились: Николай Овцынъ, Павель Шиповъ и Александръ Вузинъ; подавали кушанье—подполковникъ Скрипичинъ и двадцать человекъ дворянъ. Передъ столомъ Ея Величества находились для услугъ: генералъ Вибиковъ, предводитель, два денутата и дамы—Прасковья Одинцова, Анна Золотухина, Анна Вузина, Анна Протопопова, Екатерина Овцына и Анна Арцыбашева. Послѣ перемены кушанья генералъ Вибиковъ и предводитель, наполни бокалы бургундскаго вина и поставъ на колѣни, пила за здоровье Государыни, а денутаты подносили вино свитѣ Ея Величества. Когда обнесли всѣхъ виномъ, генералъ Вибиковъ поднесъ Ея Величеству бокалъ съ крышкою, который Государыни, принявъ, пила за здоровье костромскаго дворянства, чему послѣдовали иностранные министры и все свита. Дворянство же, взявъ бокалы и поставъ на колѣни, благодарили за высочайшую Ея Величества милость. Вышедши послѣ обѣда въ залъ, Императрица объявила, что жалуетъ городу Костромѣ гербъ, котораго до сихъ поръ городъ не имѣлъ.

Гербъ города Костромы.

Изображеніе герба города Костромы найдено въ архивѣ Костромскаго Городскаго Общественнаго Управленія. Изображеніе написано масляными красками. Подъ изображеніемъ герба сохранилась надпись, что гербъ нарисованъ натуральными цвѣтами и сочиненъ во время путешествія Императрицы въ 1767 году.

Нужно полагать, что ладья, изображенная на гербѣ, есть точная копія галеры «Гверъ», на которой совершила путешествіе по Волгѣ Императрица.

XIII.

Торжественное шествіе Императрицы Екатерины Великой въ Успенскій соборъ и рѣчь преосвященнаго. Отъѣздъ изъ Костромы. Письмо Императрицы къ графу Панину. Чума и пожаръ въ Костромѣ. Подготовительныя военныя мѣропріятія по случаю появленія на низовьяхъ Волги Емельяна Пугачева. Торжества въ Костромѣ по случаю заключенія мира между Россіей и Турціей.

Въ 4 часа пополудни Императрица со всею блестящею свитою, при пушечной пальбѣ со стѣнъ Платіевскаго монастыря, съ флотиліи и съ кремлевскаго вала, при колокольномъ звонѣ церквей всего города, отправилась на богато убранной шлюпкѣ черезъ рѣку Кострому до городской пристани, отъ которой до Успенскаго собора продолжала путь въ каретѣ, запряженной восемью вороними лошадьми. Ей предшествовали: четыре человѣка купцовъ верхомъ, въ русскогъ платьѣ, а за ними четыре же въ нѣмецкомъ платьѣ; далѣе, подъ предводительствомъ коллежскаго совѣтника Нелидова, на богато убранныхъ лошадяхъ верхами ѣхали по четыре человѣка въ рядъ: подполковникъ Скрипичинъ, маіоръ Одинцовъ, маіоръ Керикорсъ, маіоръ Николай Сумароковъ; поручики Павелъ Шиповъ и Александръ Вузинъ; подпоручики Андрей Сумароковъ и Николаи Бороданкинъ; прокуроръ Вердеренскій и товарищъ поеводы Бардаковъ. Подлѣ кареты ѣхалъ предводитель дворянства, а за нимъ офицеры Каблуковъ и Супоновъ въ гвардейскихъ мундирахъ. Въ каретѣ съ Государыней сидѣли двѣ фрейлинны. Весь штатъ ѣхалъ въ трехъ таратайкахъ и шести каретахъ. По прибытіи къ специально выстроенымъ триумфальнымъ воротамъ, гдѣ играли на трубахъ и литаврахъ, генералъ Вибиновъ поднесъ Ея Величеству планъ этихъ воротъ. Около Святыхъ вратъ собора Государыню встрѣтилъ преосвященный съ городскимъ духовенствомъ и чудотворною ико-

ною Феодоровской Богоматери и сказалъ привѣтственную рѣчь, закончивъ ее такими словами: «вииди, молю, вииди въ градъ сей, вииди путемъ, изъ же, пріѣмъ скипетръ Всероссійскаго царства, шествовалъ достохвальный прадедъ твой Михаилъ Феодоровичъ. Сей путь не столько ваими, сколько добротетвами украсишь; се врата, се храмъ Богоматери, се и сердца наша—имѣемъ отвѣрета». Послѣ привѣтствія епископа, Императрица, войдя въ соборъ, приложила къ св. иконамъ и послѣ краткаго молебствія слушала многолѣтіе. На обратномъ пути изъ собора маленькія дочери дворянъ Глафира и Кира Нелидова, Анна и Елизавета Иванцкія, Александра Карцева, Юдина, Анна и Екатерина Бардаковы, Татьяна Буракова и Марія Кнлизева, въ бѣлыхъ кисейныхъ платьяхъ съ зелеными перевязями и гирляндами черезъ плечи, на коняхъ висѣли корзины съ цвѣтами, съ вѣнками на головахъ, поставленныя съ обѣихъ сторонъ входа по ступенямъ соборной лѣстницы, усыпали путь Государыни цвѣтами; причежь дѣвочка Глафира Нелидова сказала слѣдующее привѣтствіе: «Всемилющійшая Государыня! духъ мой и сердца всѣхъ, вииди свою Монархиню, отъ радости горятъ. Вѣнокъ сей въ знакъ благодарности всенижайше отъ малыхъ дѣтей просимъ принять». Принявъ вѣнокъ, Государыня церцѣловала всѣхъ дѣвочекъ и отправилась въ домъ костромскаго воеводы Стенана Гавриловича Малыгина, гдѣ были представлены Ея Величеству костромскіе фабриканты, костромской магистратъ, купечество городовъ Кострома, Ярославля и Перехты, прокуроръ Вердеренскій и костромскіе татары съ женами; присемъ костромскими фабрикантами поднесены были полотна и платки, разсматривалъ которыхъ, Государыня хвалила ихъ доброту. Изъ воеводскаго дома Ея Величество возвратилась въ Платіевскій монастырь, гдѣ Бибиковъ, предводитель дворянства и депутаты приглашены были къ царскому ужину, послѣ котораго, допустивъ всѣхъ къ рукъ, сказала: «я очень довольна; объявите отъ меня всему Костромскому дворянству обоюго пола благодарность».

Въ 12 часовъ ночи Государыня отправилась на галеру. Передъ отбытіемъ изъ Платіевскаго монастыря, Государыня пожаловала 3000 рублей Платіевскому монастырю на благоуукрашеніе и ремонтъ

въ немъ. Весь городъ и берега рѣки Костромы были пламенно-ваны всю ночь.

16 мая, въ 7 часу утра, при пушечной пальбѣ съ пристани Платіевскаго монастыря, галеры, снявшіе съ якорей, отирались въ дальнѣйшее путешествіе, а управляющій флотиліею Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ съ иностранными посланцами отиралися въ Москву сухимъ путемъ. Первой пошла лодка съ двумя экономическими казначеями Степановымъ и Ашитковымъ, далѣе шла богато убранная депутатская шлюпка въ сопровожденіи 10 лодокъ, на которыхъ гребцы были одѣты въ пестрядишныя рубахи, обшитыя позументами, и въ шляпахъ, перевязанныхъ лентами разныхъ цвѣтовъ. Когда галера поравнялась съ соборомъ, съ городского пала съдѣланъ былъ залпъ изъ 51 пушки, а на депутатской лодкѣ заиграли въ волторны. Волѣе 300 лодокъ окружали царевою флотилію и сопровождали ее. По проѣздѣ города, въ знакъ прощанія съ нимъ, съ галеры съдѣланъ былъ залпъ изъ семи пушекъ. Такъ Кострома принимала великую Государыню Екатерину Алексѣевну въ половинѣ мая 1767 года ¹⁾.

Въ какомъ расположеніи духа находилась въ Костромѣ Императрица, видно изъ слѣдующаго ея письма къ графу Никитѣ Ивановичу Панину.

«Изъ Костромы, майя 15. 1767. Никита Ивановичъ! Ваше письмо отъ 13 числа я сего утра здѣсь получила; мы все здоровы и радуясь, что и вы съ великимъ княземъ таково же находитесь. Завтра поѣду отсель, а иноплемениковъ отпущу къ Москвѣ. Они вамъ скажутъ, какъ здѣсь я принята была. И ихъ всехъ не одинажды видѣла въ слезахъ отъ народной радости, а І. Гр. Чернышовъ весь обѣдъ проплакалъ отъ здѣшняго дворянства благодушнаго и ласковаго обращенія. Захаръ Григорьевичъ погу ушибъ, вчерась; только думаю, что недолго будетъ дома сидѣть. Прощайте, я завтра буду отвѣтствовать на ваше письмо, а теперь не знаю и пишу въ Платіевомъ монастырѣ, который прославленъ въ исторіи

¹⁾ Описаніе путешествія Императрицы Екатерины II см.: кн. Коллодскій, стр. 103—115, примѣч. 173—189; сваш. Вознесенскій. Воспоминанія о путешествіяхъ Высочайшихъ Особъ. 1859 г., стран. 26—42; Костромскія Губернскія Вѣдомости, 1838 годъ, №№ 6—9.

нашей тѣмъ, что изъ него Царь Михаило Феодоровичъ на Царство педенъ къ Москвѣ, и истинно сіе мѣсто и видомъ, и богатствомъ украшеній въ церквахъ почтено. Екатерина» ¹⁾.

Во время пребыванія своего въ Костромѣ Императрица Екатерина II приказала костромскому воеводѣ Малагину состоящую близъ города Костромы Татарскую слободу и живущихъ въ ней татаръ извѣсть ему, воеводѣ, подѣ собственнымъ его смотрѣніемъ и попеченіемъ во всякихъ касающихся ихъ нуждахъ и отъ нихъ прошеніяхъ разбирать ему, а кромѣ его никому не вѣдать, потому что они татары, хотя и иноуврцы, но ихъ можно считать за иностраннхъ ²⁾.

По однимъ извѣстіямъ, татары переселены были изъ гор. Кострому изъ Ромашово-Ворнеогтѣбска (Ярославской губ.) еще въ первой половинѣ XVIII в. ³⁾; по другимъ же, болѣе правдоподобнымъ, эти татары, потомки татаръ ногайскихъ, переселены дѣйствительно изъ нынѣшняго Ромашово-Ворнеогтѣбскаго уѣзда, но позднѣе, именно въ 1761 году. Причина ихъ переселенія была та, что къ 1761 году большая часть татаръ приняла уже христіанскую вѣру, а оставшимся поклонникамъ Магомета пожалована была земля около города Костромы, на которую они и переселились ⁴⁾.

Въ 1771 году, 3 августа, въ Костромѣ была сильная буря и какъ въ городѣ, такъ и во всей области свирѣпствовала чума, занесенная торговцами изъ Москвы. Несмотря на заставы, поставленныя у воротъ города, чтобы не впускать никого изъ Москвы, и не смотря на другія мѣропріятія, болѣзнь распространилась по городу и похитила въ короткое время множество людей.

Въ 1773 году новое бѣдетвіе постигло Кострому: сильнымъ пожаромъ истреблена была вся юго-западная часть города. Кромѣ обывательскихъ домовъ сгорѣли Крестовоздвиженскій дѣвичій монастырь, находившійся въ кремлѣ и оградой отстоявшій на 12 только сажень отъ Успенскаго собора, Успенскій соборъ, девять приходскихъ церквей, всѣ торговые ряды и лавки съ хлѣбомъ. Вотъ какъ

¹⁾ Чтен. Импер. Общ. Исторіи и древн. Росс., 1803 г., кн. 2, стр. 19.

²⁾ Кн. Козловскій, Взглядъ на истор. Костромы, примѣч. стр. 183.

³⁾ Описаніе Костромской губерніи въ историч. и географ. отношен. 1871 г., стр. 15.

⁴⁾ Кн. Козловскій, примѣч., 182—183 стр.

описываетъ этотъ пожаръ костромичъ и очевидецъ этого бѣдствія, имя и фамилія котораго остались неизвѣстными: «1773 года, мая 18 дня, во градѣ Костромѣ прилучился тогда пожарный грѣхъ при великой и страшной погодѣ. Загорѣлось близъ Благовѣщенія въ нѣкоторомъ домѣ. Первою погорѣла церковь Благовѣщенія, второю— Николаевская, что въ Кузнецкахъ, потомъ—Иліи Пророка, Воскресенія на площади, Богословекая, Борисоглабская, Никольская на Дебрѣ, Анастасіинскій монастырь, Успенскій соборъ, гдѣ чудотворный образъ Феодоровскія Пресвятыя Богородицы; оный святыи образъ съ прочими святыми пяти образами вынесены, кромѣ оныхъ образовъ ничего не вынесено, вся утварь церковная пригорѣла и колоколь большой подгорѣлъ, упалъ и расшибся на многія части. Затѣмъ еще Спасская церковь, что на горѣ, еще Предтеченская, что въ Молочномъ ряду, Николаевская, что у кабака, Михаила Архангела и прочее. Магистратъ, военудская канцелярія, амбары съ хлѣбомъ, ряды все съ великимъ товаромъ, домовъ купецкихъ и прочихъ погорѣло 665, кабакъ большой съ прочими стойками, которыя близъ кабака были. Такой былъ пожаръ сей, что страшно было и смотрѣть, никогда такого великаго пожару въ Костромѣ ни сначала, сказывали, не бывало»¹⁾.

Послѣ пожара монахини Крестовоздвиженскаго монастыря, по Высочайше утвержденному 5 марта опредѣленію Св. Синода, переведены были въ Анастасіинскій женскій монастырь, что на Сулѣ, а на мѣстѣ Троицкаго монастыря построень мѣщанскимъ посада Большія Соли Стефаномъ Воротиловымъ теплый Богоявленскій соборъ (освященъ въ 1791 г.) съ колокольней, на каковой предметъ изъ Государственной коллегіи, по именному указу Императрицы Екатерины II, выдано было 12000 руб. Кромѣ того, тогда же обнищавъ обгорѣвшій во время пожара Успенскій соборный храмъ, а изъ оставшагося отъ зданій сгорѣвшаго монастыря кирпича построены были въ 1791 году около собора два большихъ каменныхъ дома²⁾.

Въ 1773 году бѣглый донской казакъ Емельянъ Пугачевъ

¹⁾ Рукопись въ библиотекѣ Костромской архивной комиссіи; I. Преображенскій. Журналъ Костр. губ. учен. арх. ком. 1891 г., стр. 26.

²⁾ Св. Кривоблоцкій, Островскій, Коловскій и Назимъ. книг. К. Губ. 1862 года.

объявлять себя Императоромъ Петромъ III, пошелъ въ сношеніи съ раскольниками и двинулся съ полкомъ къ Казани, которую и сжегъ. Чернь во всѣхъ поволожскихъ городахъ глухо волновалась, подбиваемая раскольниками, которымъ Пугачевъ объявлялъ «крестъ и бороду». Въ виду этого костромекой полкова Иванъ Даниловичъ Арешевъ и предводитель Зузинъ своевременно приняли энергичныя мѣры къ тому, чтобы предупредить народное возстаніе въ г. Костромѣ. Они раздѣлили весь Костромекой уѣздъ на 8 частей; въ каждой части набранъ былъ корпусъ. Четыре корпуса назначены для защиты нагорной стороны, 4—для луговой, а 9-й корпусъ долженъ былъ составить городскую стражу. Начальниками въ городѣ корпусъ были: капитанъ Егоръ Липевъ, офицеръ гвардіи Иванъ Супоновъ, артиллерій поручикъ Николай Овцынъ и офицеры Сысоевъ и Каблуковъ ¹⁾).

Съ 10 іюля 1775 года происходилъ въ г. Костромѣ торжество по случаю заключенія мира между Россіей и Турціей. Вотъ какъ описываются эти торжества въ рукописи, пожертвованной Костромской Архивной Комиссіей П. Г. Горесимъ.

«Наканунѣ онаго дня, т. е. 9 числа іюля, благородное дворянство изъ уѣзду собралось въ городъ, и предводитель онаго общества просилъ на завтрашній день, т. е. 10 числа, къ обѣденному столу, приготовленному отъ благороднаго общества, присланнаго по имениному Ея Императорскаго Величества повелѣнію съ объявленіемъ радостнаго мира лейбъ-гвардіи господина поручика Евреннова, Его Превосищенство епископъ Симонъ съ прочимъ духовенствомъ, господь въ канцеляріи присутствующихъ, также и провинціальной межевой конторы членовъ, прилучившихся тогда въ городъ по разнымъ комиссіямъ господь штабъ и оберъ-офицеровъ, и все знатное купечество.

«Потомъ того же дня, съ 9 часа пополудни, отправлялось въ соборной церкви всенощное бдѣніе самимъ епископомъ Симономъ съ прочимъ духовенствомъ, при слушаніи коего какъ все вышеписанное общество, такъ и множество народа находилось. А какъ слѣдовало обнародовать чтеніемъ трактатъ мирный, присланный при указахъ,

¹⁾ Кн. Козловскій, стр. 116, примѣч. стр. 189.

то Его Преосвященство разсудилъ оный читать на ономъ всенощномъ отпавленіи вмѣсто другихъ чтеній, почему оный и прочтенъ»...

«10 числа по утру, по съѣздѣ того же общества, началась божественная литургія, которую совершалъ означенный же епископъ съ прочимъ своимъ духовенствомъ. По окончаніи оной Его Преосвященство говорилъ причинную сему радостному торжеству проповѣдь. По окончаніи проповѣди Его Преосвященство началъ соборный благодарственный молебенъ, предъ начинаніемъ коего читать былъ Ея Императорскаго Величества манифестъ о заключеніи вѣчнаго и славнаго мира самимъ Его Преосвященствомъ. По прочтеніи коего и по окончаніи молебна, при ибнѣи многолѣтїя, выпалено изъ приуготовленныхъ орудій, которая поставлены были на городскомъ валу, изъ 101 пушки. А между тѣмъ, какъ народу помѣтителся въ церкви было невозможно и чтобы тѣмъ чувствительнѣе и знаменитѣе начать торжество, то въ городѣ, въ Кремлѣ, предъ прежнимъ погорѣвшимъ соборомъ, ивъ ограды на просторномъ мѣстѣ, разбиты были ставки, куда отъ церкви, въ коей было служеніе, началось шествіе слѣдующимъ порядкомъ:

1) Напередъ шли серединою, по два въ рядъ—попарно, для того приуготовленные отъ Его Преосвященства изъ семинаріи и изъ вѣвчихъ мальчики, одѣтые въ особливо украшенное бѣлое платье и препоясанные черезъ плеча алыми кушаками, на головѣ ивъи лавровые вѣвчи, а въ рукахъ держа зеленѣющія вѣвчи, что и придавало прїятный видъ. За симъ мальчиками по сторонамъ непосредственно шло множество другихъ вѣвчихъ и ивъи всѣ восклицательно нарочно сочиненные на тотъ торжественный день стихи.

2) Духовенство священники и дьяконы шли передомъ по сторонамъ, среднюю давъ вѣвчимъ; а архимандриты и протопоны шли около Его Преосвященства; Преосвященный же шелъ серединою въ мантіи и съ посохомъ.

3) Прибывшій съ объявленіемъ манифеста генералъ лейбгвардіи Преображенскаго полку поручикъ и генералъ, присутствующіе въ канцеляріи.

4) Предводителъ съ благороднымъ дворянствомъ, по три въ рядъ, по своимъ степенямъ.

5) Городекой голова съ депутатомъ, съ магистратскими членами и купечество таковыиъ же порядкомъ. А заключало мѣщанство и окружающее великое множество обоего пола народа зрителей. Шествіе было отъ церкви, въ коей служба совершалась, ведущею улицю къ означенному мѣсту, которая была по обѣ стороны украшена деревьями. Да и прочіи во всемъ городѣ улицы оными были уставлены.

«По приходѣ къ означенному мѣсту, ставъ на посланномъ коврѣ, Его Преосвященство читалъ самъ, во первыхъ, манифестъ Ея Императорскаго Величества объ изліивныхъ милостяхъ; потомъ, когда Его Преосвященство сіе скончалъ, то по приказанію его, протодіакономъ громогласно было читать рескриптъ о милостяхъ отъ Ея Императорскаго Величества, оказанныхъ вѣрноподданнымъ ея. Народу же при семъ находилось толкое множество, что не только ставни окружали, но вся площадь и городекой валъ онымъ наполненъ былъ. По прочтеніи онаго списка Его Преосвященство говорилъ къ народу рѣчь, въ коей изъявлялась сила торжества и побужденіе къ радости и благодарности къ Богу, виновнику блага нашего, такъ и помощницѣ Его, Ея Императорскому Величеству. По окончаніи рѣчи какъ отъ пѣвчихъ зачѣто многолѣтіе Ея Императорскому Величеству и Ихъ Императорскимъ Высочествамъ, и народъ тому радостнымъ гласомъ восклицалъ «ура!» то съ городекого вала какъ пропала подилась изъ пушекъ пальба, и по всемъ городѣ пропеходилъ колокольный звонъ, который и весь тотъ день продолжался; въ тоже время народу отъ купчества выставлено было вино и пиво.

«По окончаніи сей церемоніи, черезъ часть и болѣе, званые къ столу, сѣвъ въ кареты повѣзали въ означенный для того особый домъ, и народъ туда же для общаго веселія собираться началъ, и улицю наполнилъ. По собраніи всѣхъ говорена была рѣчь отъ имени благороднаго общества къ прибывшему лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку господину поручику, яко вѣстнику и участнику того торжества, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку курьеромъ Никитою Сузароковымъ.

«По окончаніи рѣчи, отъ благороднаго общества поднесенъ былъ господину вѣстнику подарокъ и вручена рѣчь, говоренная. Послѣ

сего съѣли за приуготовленный столъ, который накрытъ былъ на 80 кувертовъ; продолженіи коего играла вокальная и инструментальная музыка. Во время стола, при штиль за Высочайшее Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Величествъ здравіе, съ пѣніемъ многолѣтня, проходила пунечная нальба. Учинено почтеніе питеязъ за здоровье господъ главнокомандовавшихъ въ арміи и по флотахъ съ воинствомъ, а въ заключеніи сего пито здоровье прислаиваемаго вѣстника и всѣхъ Ея Императорскаго Величества вѣрно-подданныхъ. Столъ продолжался по полудни до 6 часовъ. По выходѣ изъ за стола играла инструментальная, а отъ собравшагося народа по улицѣ роговая музыка, и проходили, какъ по улицамъ, такъ и въ находящемся того дому садѣ, разныя пѣсни, что и продолжалось до 10 часу.

«Въ наступленіи 10 часа все собраніе поѣхало въ кремль къ приуготовленнымъ ставкамъ, куда прѣхалъ же и Его Преосвященство. А собраніе народа толь многое находилось, что всѣ тѣ мѣста онымъ съ великою тѣнотою заняты были; и, по данному сигналу изъ пушки, начали заевѣчать поставленные у собора по оградѣ огни, гдѣ вдругъ означились дѣи приуготовленные отъ благороднаго дворянства и отъ кунечества картины. Также городъ былъ весь иллюминированъ и знатныя дома многими флажками уставлены были. А по второму, выстрѣлами изъ трехъ пушекъ, сигналу увидѣли посреди Волги, на поставленномъ большомъ судиѣ, храмъ веселія, разными огнями украшенный, вверху котораго неизслезное имя Ея Императорскаго Величества, виновница нашей толкой радости въ пріятномъ видѣ оказывалось; въ то же время по берегу рѣки Волги заажжены были смоляныя бочки, а вдали, при устьѣ Костромы рѣки, представилась флотилія, состоящая изъ множества лодокъ въ линіи и украшенная разными огнями. Потомъ съѣзая выстрѣлъ изъ пушки, поставленной при храмѣ, тогда сія флотилія начала свой походъ тихою греблею въ двѣ линіи, а какъ прошли нѣсколько, то еще съѣзая сигналъ тремя выстрѣлами изъ пушекъ отъ того храма, тогда та флотилія начала стронуться въ линію, а по построеніи еще данъ сигналъ ракетой, при чемъ построились въ двѣ линіи и шли греблею уже скорѣе прежняго. Постъ данъ сигналъ 3 раке-

тами, тогда начали стронуться въ одну линію и пошли ко храму, откуда было едѣлано пять выстрѣловъ изъ пушекъ, по которому знаку у храма затрубили на трубахъ и флотилія начала раздѣлиться на двое и окружать оный съ пѣніемъ и стрѣльбой, что зрителямъ дѣлало увеселительное зрѣлище, и слышенъ былъ пріятный шумъ. А, при слѣдованіи флота, на валу пѣты пѣвчими въ свѣтлости огней поставленными, разныя кантаты торжественныя. Постѣ онаго, по знаку съ городекого валу семи выстрѣлами изъ пушки, пущены были ракеты, и попеременно представлены были разныя огненные явленія, каковыя при фейерверкахъ бывають, какъ-то: колеса, фонтаны, пирамиды—и продолжалось то болѣе часа. А между тѣмъ съ городекого валу происходила пушечная стрѣльба; въ окончаніи всего выстрѣлено изъ 15 пушекъ, чѣмъ торжество того дня по полуночи во 2 часу и окончено.

«11 числа была разставъ. Купечество же просло на 12 число все то общество, которое находилось у благороднаго дворянства къ обѣденному столу.

«На слѣдующій день было всенощное бдѣніе. 12 числа, по совершеніи Его Пресвищенствомъ Божественной литургіи, говорена проповѣдь протоіереемъ Троицкаго Платекаго собора Иоанномъ Красовскимъ. А по окончаніи оной отправлялся о здравіи Ея Императорскаго Величества соборный молебень со звономъ и при многолѣтій выпалено изъ 51 пушки. По выходѣ изъ церкви всѣ приглашенные гости поѣхали въ домъ городекого головы Угличенинова, гдѣ приуготовленъ былъ отъ всего купечества столъ; и какъ прибыли въ домъ, тогда господинъ отъ купечества депутатъ Стригалевъ къ прибывшему вѣстнику съ объявленіемъ Ея Императорскаго Величества манифеста говорилъ краткую со изъявленіемъ благодарности рѣчь. По окончаніи коей городекой голова поднеслъ подарокъ, а послѣ онаго таковой же подарокъ, при изъявленіи за оказанныя Ея Императорскаго Величества милости всеподданической благодарности, и отъ перехотскаго купечества, черезъ фабрикера Михаила Меньшого Пастухова, поднесенъ былъ. А потомъ начался столъ, который происходилъ таковымъ же порядкомъ, какъ першій. Постѣ

стола поднесень подарокъ отъ купечества плесского тому же господину вѣстнику.

«А Преосвященный, пробывъ нѣсколько времени, отъѣхалъ въ монастырь свой до вечера, при чемъ просилъ всѣхъ тутъ присутствующихъ гостей къ себѣ 14 числа, къ обѣденному столу. Въ 4 часа начали къ городекому головѣ прѣзжать дамы и начался балъ, который и продолжался по полудни до 10 часовъ. А на дворѣ собралось множество народа обоого пола и веселились разными деревенскими играми. Въ вечеру прибылъ въ городъ и Его Преосвященство съ пѣвчими, и также, какъ и въ первый день, украшенные мальчики съ прочими ходили по знатнѣйшимъ мѣстамъ къ народу, по данному имъ порядку пѣли торжественныя пѣсни, къ великому угощенію собравшихся въ множайшемъ числѣ зрителей.

«Домъ же хозяйскій площадки и представленною картиною также и другіе обывательскіе дома иллюминованы, а при томъ возжены были при пушечной стрѣльбѣ фейерверковыя штуки и ракетъ пушено не малое число; продолжалось и сіе увеселеніе по полупочн до 2 часа.

«13 числа ночи былъ разстать, и отъ Преосвященнаго черезъ приезжаннаго прошены были на завтрашній день, т. е. 14 числа, къ обѣденному столу; а въ вечеру Ипатскаго монастыря въ соборной церкви отиравлялось всенощное бдѣніе храмовому празднику.

«14 число въ одномъ Ипатскомъ монастырѣ, за Костромою рѣкою, кой есть и архіерефскимъ домомъ, въ 10 часу пополудни, при благородномъ и прочемъ собравшемся множественномъ обществѣ, была Божественная литургія, послѣ коей самъ Преосвященный епископъ служилъ за зданіе Императорскаго Величества по храмовому правданію молебствъ, который и отиравленъ, равно какъ и въ прежніе дни, съ колокольнымъ звономъ и пушечною пальбою.

«По окончаніи молебна Преосвященный шествіе имѣлъ въ мантіи къ шатрамъ, на дворѣ по лугамъ поставленнымъ, и передъ нимъ шли пѣвчіе, между коими и убранные въ отличное одѣяніе и въ вѣнки, и пѣли тропарь: «Спаси, Господи, люди Твоя». Дошедъ же до ставки, стали пѣвчіе по сторонамъ въ порядкѣ, а Преосвященный и гости вошли въ ставку; священнослужители же со всего города

передъ палаткою окружили мѣсто, а за ними народъ, для коего была выставка вина и пива. По семь вышелъ Его Преосвященство изъ станики предъ всѣхъ окружающихъ оную и стоящихъ по двору и говорилъ краткую рѣчь о продолжающейся радости и коль усердно о здравіи Матери Отечества и виновницы нашего мирнаго торжества молитвы приносить мы должны и ликовать. По тѣхъ словахъ вдругъ пѣвчіе и священнослужители, и народъ «ура!» воскликнули; изъ колокола же звонъ, а изъ пушекъ пальба учинена. По отправкѣ сего пошли хозяинъ и гости въ покои учрежденнымъ порядкомъ. По переды же ихъ шли пѣвчіе и пѣли пѣснь, первую изъ сочиненныхъ на сіе торжество. Какъ вошли въ залу и заняли по учрежденію хозяина мѣсто, то пошелъ одинъ изъ учителей семинаріи костромской передъ вѣстника и, по повелѣнію Его Преосвященства, говорилъ рѣчь.

«По сказаніи сея рѣчи, Его Преосвященство господина вѣстника благословилъ образомъ и, учиня подарокъ, пошелъ съ гостями за пріѣзготовленный столъ, который и производился по примѣру друлъ прошедшихъ дней и въ томъ празднованіи, съ штилемъ за Высочайшимъ здравіи и съ пушечною пальбою.

«Въ началѣ 8 часа все собраніе, вышедъ изъ покоевъ, смотрѣли монастырскія зданія и видѣ оного украшенныя отъ природы мѣстоположеніи; въ неходѣ 9 часа данъ былъ сигналъ выстрѣломъ изъ пушки, почему всѣ, обратясь, пошли наки въ монастырь, который весь свѣчами и плошками, и при немъ садъ, презрительно были иллюминированы. Противъ же балкона, къ Костромѣ рѣкѣ, поставлена была изрядными фигурами размалеванная картина и двѣ по сторонамъ ея. За сими картинами были плошки зажжены, парядною фигурою Высочайшихъ именъ вензели изображающія. Также и въ городѣ знатныя дома были иллюминированы плошками.

«Въ 10 часовъ данъ былъ сигналъ изъ 3 пушекъ, по которому вышли хозяинъ и гости изъ покоевъ на переходъ, что около покоевъ, на внутреннюю монастыря сторону, и тогда вдругъ представилась глазамъ посреди двора огненная пирамида на столѣ, изъ свѣчь сдѣланная, къ оной съ четырехъ сторонъ шли въ бѣломъ одѣвннн мальчики съ лаврами и со свѣчами и пѣли кантаты, но,

не дошедъ оной, остановились, а другіе позади, и еще не доходя, стояли со свѣчами же. И по данному знаку оныя мальчишки пошли къ оной пирамидѣ, не доходя другъ друга, что составляло глазамъ пріятный видъ; а послѣ того данъ былъ знакъ, по которому всѣ собрались въ одно мѣсто, и пошли по два въ садъ, въ томъ же монастырѣ находящійся, въ которомъ всѣ аллеи были иллюминированы фонарями. А какъ вошли въ оный, то разошлись изъ средней аллеи по ведунимъ въ три стороны дорогамъ и согласно пѣли, а, наконецъ, оборотясь обратно, съ пѣніемъ же сошлись на среднюю дорогу и пошли изъ онаго вошь, и, вышедъ изъ монастыря въ ворота, раздѣлились на три части, изъ коихъ одна пошла къ главной картинѣ противу балкона, а другіе двѣ къ другимъ картинамъ, и пѣли стихи похорно. Потомъ, по данному знаку, пошли обратно въ монастырь и, вышедъ въ другія ворота на берегъ, сѣли на суда, украшенные фонарями, и проѣзжали съ пѣніемъ же по рѣкѣ, внизъ и вверхъ; а между тѣмъ на другой сторонѣ рѣки Костромы, по данному сигналу изъ 5 пушекъ, пущены были ракеты и нѣсколько колесъ фонтановъ, пирамидъ и другихъ фейверочныхъ явленій, что и продолжалось часъ, и при томъ производилась пушечная пальба и, наконецъ, заключено 15 выстрѣлами; пѣвчіе же, возвратившись съ пѣніемъ въ монастырь и, вошедъ въ покой, допѣвали то, что надлежало пѣть. Наконецъ, хозяинъ заблагоразсудилъ тѣмъ закончить торжество, тѣмъ начато, т. е. приглашеніемъ многолѣтія Ея Императорскому Величеству и Ихъ Императорскимъ Высочествамъ.

«Такъ оконча все торжественно празднованіе, проводилъ хозяинъ гостей съ оказаніемъ чувствительнѣйшаго патріотическаго усердія. Сіе время было уже время за полночь».

*) Костр. Старина, вып. III, страл. 8—21.

XIV.

Костромскіе воеводи. Торжества въ Костромѣ по случаю рожденія великаго князя Александра Павловича. Открытіе Костромскаго намѣстничества и новыя учрежденія. Пожаръ Костромы. Ходатайство Костромскихъ дворянъ объ открытіи училища. Генеральный планъ Костромы. Первая аптека и первая частная типографія.

Въ 1775 году вышло, по указу Императрицы, новое положеніе о губерніяхъ. Во главѣ губерній, вмѣсто воеводъ, поставлены были генералъ-губернаторы, или намѣстники, облеченные широкими полномочіями.

Послѣднимъ костромскимъ воеводой былъ князь Николай Андреевичъ Вяземскій.

Начиная съ эпохи Великаго Князя Дмитрія Донскаго и до учрежденія при Екатеринѣ II Костромскаго намѣстничества, исторіи сохранила имена слѣдующихъ костромскихъ воеводъ:

1. Воевода Александръ Плещей, въ 1375 г.
2. Иванъ Родионовичъ Квашня, въ 1378 г.
3. Иванъ Ивановъ, въ періодъ 1425—1462 г.
4. Иванъ Васильевичъ Стрига-Оболонскій, въ 1467 г.
5. Сементъ Федоровичъ Алабышевъ, въ 1512 г.
6. Захарій Яковлевъ, въ 1548 г.
7. Князь Михаилъ Ивановичъ Воротынский, въ 1551 г.
8. Вопринъ Степанъ Васильевичъ Годуновъ.
9. Князь Дмитрій Масальскій, въ 1609 г.
10. Борисъ Салтыковъ, въ 1610 г.
11. Князь Волконскій, въ 1611 г.
12. Иванъ Шереметевъ, въ 1612 г.
13. Князь Романъ Гагаринъ, въ 1613 г.
14. Кольчевъ, въ 1614 г.

15. Стольникъ, князь Василій Васильевичъ Хилковъ, въ 1616 г.
16. Князь Миронъ Михайловичъ Шехонскій, въ 1623—1624 г.г.
17. Матвій Ѳедоровичъ Стрѣшневъ, въ 1627 г.
18. Князь Иванъ Андреевичъ Козловскій, въ 1628 г.
19. Андрей Ивановичъ Голубовскій, въ 1629—1630 г.г.
20. Князь Петръ Ѳедоровичъ Волконскій, въ 1630—1631 г.г.
21. Иванъ Борисовичъ Доможировъ, въ 1632—1633 г.г.
22. Иванъ Андреевичъ Франциковъ, въ 1635 г.
23. Князь Иванъ Ѳедоровичъ Меньшой-Шаховской, въ 1636—
1638 г.г.
24. Стольникъ Иванъ Дмитриевичъ Колычевъ, въ 1639—1640 г.г.
25. Стольникъ, князь Иванъ Ѳедоровичъ Дѣвель, въ 1641 г.
26. Князь Василій Васильевичъ Тюфлякинъ, въ 1644 г.
27. Владиміръ Кирилловичъ Бутурлинъ, въ 1645 г.
28. Иванъ Ивановичъ Стрѣшневъ, въ 1647 г.
29. Стольникъ, князь Михаилъ Никитичъ Егуновъ-Черкасскій,
въ 1649—1650 г.г.
30. Иванъ Гордѣевичъ Судаковъ, въ 1651 г.
31. Юрій Михайловичъ Аксаковъ, въ 1652 г.
32. Никифоръ Владиміровичъ Жедринскій, въ 1653 г.
33. Василій Михайловичъ Ерокинъ, въ 1653—56 г.г.
34. Константинъ Устимовичъ Нащокинъ, въ 1657 г.
35. Ѳедоръ Владиміровичъ Пушкинъ, въ 1657—1659 г.г.
36. Посникъ Григорьевичъ Огаревъ, въ 1660 г.
37. Романъ Ивановичъ Беклемишевъ, въ 1662—1663 г.г.
38. Князь Иванъ Петровичъ Вяземскій, въ 1664 г.
39. Иванъ Корсаковъ, въ 1665 г.
40. Андрей Ивановичъ Тушинъ, въ 1667 г.
41. Стольникъ, князь Иванъ Андреевичъ Львовъ, въ 1670 г.
42. Деметрій Тимофеевичъ Тарбѣевъ, въ 1671—1673 г.г.
43. Стольникъ Иванъ Ивановичъ Боборыкинъ, въ 1675 г.
44. Андрей Илларионовичъ Пуцунъ, въ 1676—1677 г.г.
45. Андрей Петровичъ Парфеновъ, въ 1678 г.
46. Стольникъ Борисъ Дмитриевичъ Петесовъ, въ 1682 г.
47. Стольникъ Борисъ Марковичъ Чириковъ, въ 1684 г.

48. Федоръ Ивановичъ Чемодановъ, въ 1685 г.
49. Столыникъ Афанасій Давыдовичъ Неплюевъ, въ 1688 г.
50. Григорій Андреевичъ Племянниковъ, въ 1689—1691 г.г.
51. Столыникъ Андрей Алексѣевичъ Мѣшковъ-Плещеевъ, съ 1694 г.
52. Столыникъ Тимофей Акимовичъ Дуруевъ, въ 1697 г.
53. Столыникъ Афанасій Ивановичъ Зиновьевъ, въ 1698 г.
54. Столыникъ Иванъ Сергѣевичъ Племянниковъ, въ 1698—1699 г.г.
55. Князь Афанасій Ивановичъ Шедиковъ, съ 1700 г.
56. Василій Головцынъ, въ 1701 г.
57. Столыникъ Василій Дмитріевичъ Сабуровъ, въ 1702 г.
58. Тимофей Ивановичъ Воборыкинъ, въ 1705 г.
59. Столыникъ Иванъ Петровичъ Бунаковъ, въ 1708 г.
60. Столыникъ Петръ Ивановичъ Большой-Воейковъ, въ 1710 г.
61. Петръ Никитичъ Муенинъ-Пушкинъ, въ 1712 г.
62. Стрелецъ, въ 1721—1723 г.г.
63. Подполковникъ Любимъ Андреевичъ Грибоѣдовъ, въ 1723—1726 г.г.
64. Подполковникъ Иванъ Дмитріевичъ Кольчугинъ, въ 1726—1731 г.г.
65. Бригадиръ Алексѣй Григорьевичъ Киселевъ, въ 1731—1733 г.г., товарищъ его капитанъ Вѣлоцерковцевъ.
66. Подполковникъ Никифоръ Васильевичъ Кольчугинъ, въ 1733—1736 г.г., товарищъ его капитанъ Воейковъ.
67. Маіоръ Иларіонъ Григорьевичъ Воронцовъ, въ 1736—1738 г.г.
68. Маіоръ Лука Ивановичъ Теневъ, въ 1738—1740 г.г., товарищъ его капитанъ Муенинъ-Пушкинъ.
69. Маіоръ Иванъ Никитичъ Воронцолоковъ, въ 1740—1742 г.г., товарищъ его капитанъ Захаровъ.
70. Маіоръ Матвій Васильевичъ Перфильевъ, въ 1742—1744 г.г., товарищъ его капитанъ Петръ Пазухинъ.
71. Коллежскій ассессоръ Андрей Шишовъ, въ 1744 г., товарищъ его коллежскій ассессоръ Семенъ Глѣбовъ.

72. Коллежскій совѣтникъ Иванъ Александровичъ Пащокинъ, въ 1744—1747 г.г.

73. Коллежскій совѣтникъ Александръ Ивановичъ Кабсаровъ, въ 1747 г.

74. Иванъ Жеребцовъ, въ 1764—1767 г.г.

75. Бригадиръ Степанъ Гавриловичъ Малыгинъ, съ 1767 г.

76. Иванъ Даниловичъ Арсеньевъ, въ 1774 г.

77. Коллежскій совѣтникъ князь Николай Андреевичъ Вяземскій съ 1777 г., его товарищъ надворный совѣтникъ Яковъ Сарскій¹⁾).

При послѣднемъ воеводѣ князѣ Вяземскомъ, по распоряженію епископа Костромскаго Симона II, перенесена была изъ деревни Байдарокъ въ Успенскій соборъ чудотворная икона святителя Николая, которая до сихъ поръ чтится жителями города Костромы.

1-го, 7-го и 21 января 1778 года, по случаю рожденія великаго князя Александра Павловича, въ Костромѣ происходили большіи празднества.

1-го числа, при громадномъ стеченіи народа, епископъ Симонъ совершилъ въ Успенскомъ соборѣ торжественную литургію съ молебномъ. Когда произносилось многолѣтіе Царствующему Дому и поворожденному великому князю, происходила палба изъ пушекъ. Послѣ литургіи всѣ начальствующи и почетныя лица города приглашены были къ воеводѣ князю Николаю Андреевичу Вяземскому на обѣдъ, гдѣ, при провозглашеніи тоста за Царствующій Домъ, также производилась пушечная палба. Весь день былъ колокольный звонъ, а вечеромъ иллюминація.

7-го числа, по тому же поводу, происходило второе торжество, начавшееся литургіею въ Успенскомъ соборѣ и молебномъ, во время котораго была произведена пушечная палба. Въ этотъ день состоялся у преосвященнаго Симона парадный обѣдъ, во время котораго архіерейскими пѣвчими исполнялись различные канты, сочи-

¹⁾ Списокъ воеводъ, взятый изъ Памятной книжки Костромской губерніи за 1862 г., стр. 211—214, пополненъ по сочиненіямъ князя Коллодскаго, П. В. Миловидова, а также по грамотамъ и документамъ, собраннымъ Костромской архивной комиссіей; по сочиненіямъ Титова «Упраздненіи монастыри Костр. епархіи», стр. 50; П. П. Селифонтова—Подробная опись 440 рукописей, прилож. I; Опись Вальдесольскаго архива, стр. 189; Опись 962 рукописей, прилож. VI, и Опись 272 рукописей, стр. 142.

пенные специально для этого торжества. Кроме того, в средние Платиенского монастыря представлена была великолѣпная пирамида, составленная изъ прозрачныхъ картинъ, освѣщенная бенгальскимъ огнемъ.

21 числа, по просьбѣ костромскаго дворянства, состоялось третье торжество, на которое приглашенъ былъ ярославскій генералъ-губернаторъ Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ съ семействомъ. Послѣ литургіи съ молебномъ состоялся торжественный обѣдъ въ домѣ костромскаго дворянина Аже. Во время обѣда играла музыка. Вечеромъ домъ былъ иллюминированъ и сожженъ фейерверкъ ¹⁾.

Въ 1778 году, въ началѣ лѣта, прибылъ въ Кострому ярославскій генералъ-губернаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ, командированный Императрицей Екатериной II для открытія Костромскаго намѣстничества и вообще всей системы вновь вводимыхъ административныхъ и судебныхъ мѣстъ, дворянскихъ и городовскихъ управленій. По прибытіи Алексѣи Петровича въ Кострому, костромичи отиравились къ нему съ хлѣбомъ и солью и почтительнѣйше просили его открыть намѣстничество въ Галичѣ, или Кинешмѣ, во избѣжаніе народнаго разоренія. Мудрый и опытный вельможа ласково принялъ ихъ, убѣдилъ ихъ въ благотворныхъ послѣдствіяхъ открытія намѣстничества именно въ Костромѣ и указалъ на явную пользу его для жителей. Скопфуженная денутація разошлась по домамъ ²⁾.

Прежде всего генералъ-губернаторъ приступилъ къ подготовительнымъ работамъ, для каковой цѣли онъ лично объѣхалъ всю Костромскую область, собралъ данныя о мѣстоположеніи, количествѣ населенія, состояніи торговли и промышленности, количествѣ лѣса, хлѣбонасествѣ, состояніи путей сообщенія и намѣтилъ мѣста для основанія нѣкоторыхъ уѣздныхъ городовъ (Везуга, Варнавинъ). Вооруженный этими богатыми свѣдѣніями, собранными лично, генералъ-губернаторъ опредѣлялъ границы Костромскаго намѣстничества, назначилъ уѣздные города, и раздѣлилъ все Костромское

¹⁾ Костр. Губернск. Вед., 1856 годъ.

²⁾ Памятная книжка Костромск. губ. на 1862 годъ, стр. 215.

назвѣстничество на двѣ провинціи: Костромскую съ 22100 и Галицкую съ 130970 жителями.

Вотъ какъ описываетъ приготовленія къ открытію назвѣстничества самъ Мельгуновъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ Императрицѣ Екаторинѣ II: «Вашему Императорскому Величеству приѣмлю смѣлость всеподданнѣйше донести, что я, кончивъ теперь всѣ распоряженія, какія только слѣдовало исполнить къ приготовленію учреждаемаго Костромскаго назвѣстничества, съ помощію Божіею начну производить открытіе сей губерніи съ 4-го числа сего декабря мѣсяца. Дворинства по сіе время въ Кострому съѣхалось 606 человекъ, въ числѣ которыхъ только два полковника, прочихъ же штабъ-офицеровъ находится довольное число, но большая часть оберъ-офицерскихъ чиновъ, между которыми многіе весьма достойные люди. Не малое при томъ количество пріѣхали и съ фамиліями, а уповательно и еще прибудутъ, ибо таковыхъ, конемъ при семъ случаѣ быть должно, самая малая часть не съѣхалась. Что же касается до прочихъ, о коихъ не надежно, чтобъ въ собраніи были, то не иначе остались, какъ одни только мелкопомѣстные и безчиновные дворяне, и тѣ, конемъ за болѣзненными припадками быть не можно. Съѣхавшіеся всѣ весьма обрадованы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества благоволеніемъ о учрежденіи сей губерніи. Впрочемъ, какъ скоро кончатся выборы новыхъ дворянскихъ предводителей, а потомъ и уѣздныхъ судей, тогда Вашему Императорскому Величеству съ глубочайшимъ моимъ повиновеніемъ о семъ чрезъ нарочнаго донесу. Село Воскресенское по повелѣнію Вашего Императорскаго Величества у книгини Вѣлосельской я купилъ и заплатилъ за него съ пошлинами 8600 рублей; а какъ оно способно всѣхъ тамошнихъ мѣсть, то тутъ новый городъ Ветлугъ и учрежденъ будетъ»¹⁾.

Наконецъ, когда всѣ подготовительныя работы были окончены, 4 декабря 1778 года, по данному сигналу изъ Кушечъ, собрался къ генералъ-губернатору Мельгуну всѣ губернскіе, какъ вышніе,

¹⁾ «Доказанія» рукопись XVIII стол., находившаяся въ библіотекѣ Костромской ученой архивной комиссіи, стр. 42 и 43.

такъ и высшіе чины, все дворянство и купечество. Затѣмъ, по главѣ съ генераль-губернаторомъ всѣ отправились въ соборъ, гдѣ слушали Божественную литургію, совершенную преосвященнымъ Павломъ I, епископомъ Костромскимъ, въ сослуженіи соборнаго духовенства. По окончаніи литургіи дѣйствительный тайный совѣтникъ Мельгуновъ прочиталъ манифестъ отъ 7 ноября 1775 г. объ учрежденіи въ Россіи губерній и указъ объ открытіи Костромскаго наместничества, послѣ чего преосвященный сказалъ приличное сему случаю слово. Послѣ рѣчи преосвященнаго отслуженъ былъ благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ и многолѣтіемъ царствующей Императрицѣ Екатерицѣ II, во время котораго съ костромскаго кресла произведенъ былъ 101 пушечный выстрѣлъ. По окончаніи молебна, по поводу предстоящихъ выборовъ, произведена была прелега.

Когда церемонія открытія окончилась, преосвященный съ духовенствомъ, губернское начальство и дворяне приглашены были генераль-губернаторомъ къ обѣденному столу.

7 декабря избраны были всѣ уѣздные предводители дворянства, 10 и 11—судьи и засѣдатели уѣздныхъ и нижнихъ земскихъ судовъ. Въ слѣдующіе дни были выборы городского головы, засѣдателей губернскаго магистрата, бургомистровъ, ратмановъ и судей словеснаго суда. Первымъ городскимъ головою города Костромы былъ избранъ купецъ Дмитрій Солодошниковъ.

Наконецъ, 14 декабря избранъ былъ губернской предводитель дворянства, костромской полиціи генераль-маіоръ Александръ Мошковъ, человекъ весьма похвальныхъ качествъ, какъ отзывался о немъ генераль-губернаторъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ Государыни. ¹⁾

Для открытія присутственныхъ мѣстъ въ уѣздахъ посланы были Мельгуновымъ въ городъ Перехту, Лухъ, Юрьевецъ, Кинешму и Плещь губернаторъ Шинкинъ; въ Кадый Макарьевъ, Ветлугу и Варнавинъ—вице-губернаторъ Алазыкинъ, а въ Вуй, Галичъ, Чух-

¹⁾ Рукопись, стр. 26.

лему, Солнгалитч и Кологривъ— предѣдатель гражданской палаты Нелидовъ.

Введеніе новыхъ учрежденій коснулось, конечно, многихъ сторонъ жизни жителей города: такъ, костромская Рыбная слобода причислена была къ городу, рыбаки вошли въ число городскихъ жителей, а самыя рыбныя ловли предоставлены во владѣніе городской думѣ. Кирпичная слобода также вошла въ черту города, а кирпичники и каменщики обращены въ костромской цехъ, который поступилъ въ вѣдомство городского магистрата. Точно также и Полянская слобода вошла въ черту города, и многіе ея жители, по распоряженію начальства, отправлены въ старорусскіе заводы для обученія соленаренію. ¹⁾

Костромскіе дворяне, довольные введеніемъ новыхъ учрежденій, избрали депутацію для личнаго выраженія Государынѣ чувствъ благодарности и признательности за ея попеченія о благѣ подданныхъ. Въ эту депутацію избраны были: губернскій предводитель дворянства Мошковъ, уѣздные предводители: Чухломскій—Котенинъ, Плесской—Овцынъ, Вуйскій—Шшовъ и заседатели верхняго земскаго суда—маіоръ Чагинъ, ассессоръ Ростовцевъ и маіоръ Щуленниковъ. Кроме того, дворяне постановили ходатайствовать объ открытіи въ губернскомъ городѣ училища, на содержаніе котораго обязались внести достаточную сумму денегъ.

Несомнѣнно, что введеніе новыхъ учрежденій было уже настоящею потребностью, а поэтому принято было всеми слоями общества съ большимъ сочувствіемъ, на что много разъ генералъ-губернаторъ Мельгуновъ указываетъ въ своихъ всеподданнѣйшихъ докладахъ Императрицѣ. Такъ, въ одномъ изъ докладовъ объ открытіи Вологодскаго начетничества онъ пишетъ: «не могу преминуть не свидѣтельствуя, съ какимъ удовольствіемъ и благодарностію всѣ пріемлютъ Высочайшія милости, ибо всѣ выборы весьма единодушно окончены и избранные—всякъ съ удовольствіемъ принимаютъ на себя налагаемую отъ общества должность, и снѣмъ дворяне чрезмѣрно обрадованы, что вышніе суды будутъ

¹⁾ Памятная книга Костр. губ. 1862 года, стр. 265, 266 и 268.

находиться по близости домовъ ихъ. Поселыне несказанно ободрены, что судъ и расправа впредь производима будетъ надъ ними подобными имъ собратими; и по истинѣ сказать, что ощущаемая всѣми радость, даже до восхищенія, во всѣхъ и при всякомъ случаѣ видна совершенно». ¹⁾

Въ 1779 году Костромское наместничество присоединено было къ Нижегородскому, гдѣ въ то время генераль-губернаторомъ былъ сенаторъ, генераль-поручикъ Алексѣй Алексѣевичъ Ступининъ.

Въ этотъ году, 13 мая, пожаръ, начавшійся въ домѣ Вузина, около Боговиленскаго монастыря, опустошилъ большую часть города Костромы. Въ этотъ пожаръ особенно пострадалъ Боговиленскій монастырь. Та стѣна юго-западной башни, на штукатуркѣ которой еще въ 1672 году изображенъ былъ образъ Смоленской Божіей Матери, была объята волнами пламени; однако св. икона и деревянный на ней крестъ чудесно остались невредимыми. Съ того времени среди жителей города началось особенное чтеніе этой иконы ²⁾.

Въ этотъ же пожаръ сгорѣлъ деревянный мостъ черезъ ровъ отъ новаго города къ старому городу или кремлю. Въместо этого моста устроена была гать съ каменною трубою для стока воды. Въ 1781 году Высочайше подтвержденъ на Кострому генеральный планъ, по которому и начали сооружаться казенныя и частныя зданія и гостинный дворъ. Тогда же по Высочайшему повелѣнію указано, чтобъ въ костромскомъ кремлѣ не было никакихъ частныхъ зданій. Въ томъ же 1781 году, 30 іюня, зѣвкаръ Петръ Говій съ дозволенія начальства въ собственномъ домѣ открылъ первую въ Костромѣ аптеку ³⁾.

Въ 1782 году Костромское наместничество присоединено было къ Владимірскому, гдѣ генераль-губернаторомъ былъ сенаторъ, генераль-аншефъ графъ Романъ Илларионовичъ Воронцовъ, сынъ Иллариона Григорьевича Воронцова, бывшаго костромскимъ воеводой съ 1736 по 1738 годъ.

¹⁾ «Доклады», рукопись XVIII вѣка, стр. 91.

²⁾ Козловскій, стр. 192; Важенъ Н. Костр. Боговилен. Анаст. мон., стр. 15.

³⁾ М. Девъ. Костр. Губ. Вѣдом. 1856 года, № 21.

Съ 1784 г. по 1787-й владимірскимъ и костромскимъ генераль-губернаторомъ былъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, а съ 1787 по 1797 годъ Иванъ Александровичъ Заборовскій.

Ни одинъ изъ генераль-губернаторовъ не жилъ въ Костромѣ, но для прѣзда его въ Костромѣ былъ особый домъ на Никольской улицѣ. Генераль-губернаторами обыкновенно назначались люди очень богатые и облеченные большою властію, такъ что одного ихъ слова обыкновенно было достаточно для того, чтобы всякое ихъ приказаніе было исполнено. Генераль-губернаторы должны были жить въ Костромѣ нѣсколько мѣсяцевъ въ году и обязаны были на дворянскихъ выборахъ, куда съѣзжалось множество дворянъ съ семействами, и Кострома сильно оживлялась. Дворяне съ семьями переселялись въ намѣстническій городъ и на время прѣзда генераль-губернатора, и балы и торжества непрерывно слѣдовали другъ за другомъ. Въ это время каждый намѣстническій городъ изображалъ изъ себя столицу.

Хотя пребываніе генераль-губернатора, окруженнаго многочисленной и блестящей свитой, было временнымъ въ Костромѣ, тѣмъ не менѣе это много содѣйствовало украшенію и увеличенію города, такъ какъ богатые помѣщики, занимая должности по выборамъ и отъ короны, строили себѣ въ Костромѣ дома со всѣми удобствами. Около трети городской земли застроено было домами дворянъ и чиновниковъ ¹⁾.

22 сентября 1786 года, въ день коронаціи Императрицы Екатерины II, открыто было «главное народное училище» ²⁾.

Въ 1789 году учреждена въ Костромѣ ярмарка, подъ названіемъ «девятой», а въ 1790 году начать постройкой губернаторскій домъ близъ церкви Всѣхъ Святыхъ. Въ 1791 году на Павловской площади былъ устроенъ сѣнной рядъ. Въ 1793 г. основана Г. Журковскимъ первая въ Костромѣ типографія, въ которой до 1796 г., т. е. продолженіи 3-хъ лѣтъ, напечатано было только девять

¹⁾ Прот. Девъ М. Костромск. Губ. Вѣдом. 1856 г., №№ 21—24.

²⁾ Н. Андрониковъ. Историческ. записка о Костромской Духовной Семинаріи и Костр. Губернск. Гимназіи. 1874 г., стр. 3—5.

книжь ¹⁾. Эта типографія была закрыта правительствомъ въ началѣ царствованія Императора Павла I, когда были закрыты всѣ частныя типографіи и усилена цензура за книгопечатаніемъ.

Сохранились названія всѣхъ девяти книжь, напечатанныхъ въ первой Костромской типографіи:

1. Повариха, или приготовленіе разныхъ востныхъ кушаньевъ. Костр. 1793 года, въ 8-ю долю листа.

2. Андриада, или мужественная битва. Костр. 1794 г., 8 д. л.

3. Чувствительное путешествіе въ С., перев. съ французск. Костр. 1794 года, 8 д. л.

4. Слово на торжественный день мира Россійской Имперіи съ Оттоманскою Портою. Костр. 1794 г., 4 д. л.

5. Списокъ гусарскаго конейнаго рейтарскаго и солдатскаго строю. Полковникамъ, подполковникамъ и инымъ нижнихъ чиновъ начальнымъ людямъ Русскимъ, сочин. 1696 г., 5 ч. Костр. 1794 г., въ 8 д. л.

6. Цѣбты ичеламъ, медъ жевамъ, а соръ дуракамъ. Костр. 1795 года, въ 8 д. л.

7. Безполезно палитне уметь, правоучительная сказка, перев. съ нѣмецк. Костр. 1795 г., въ 4 д. л.

8. Разумная нянюшка. Костр. 1796 г., въ 8 д. л.

9. Опытъ Россійской библиографіи ²⁾.

¹⁾ П. Н. Андрониковъ. Костр. Губерн. Вѣд., 1858 г., № 52; Прот. П. Остроуміевъ. Записки о Костромѣ и ея святихъ, стр. 112, прилѣчаніе.

²⁾ М. Девъ. Костр. Губерн. Вѣд., стр. 204.

XV.

Императоръ Павелъ I. Уничтоженіе Костромскаго намѣстничества. Новый губернской гербъ. Встрѣча Императора Павла I въ г. Перехть. Императоръ Александръ I. Открытіе губернской гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Высочайшая грамота Костромскому дворянству по случаю учрежденія милиціи. Усиленное строительство въ г. Костромѣ каменныхъ церквей и зданій. Отечественная война. Посѣщеніе Костромы великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ.

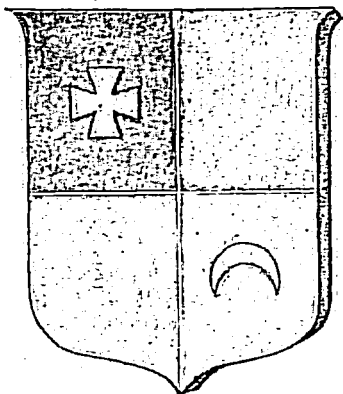
II О смерти Императрицы Екатерины II, на престолъ вступила дочь ея *Павла Петровна*.

Императорскимъ указомъ отъ 1797 года Владимірское и Костромское генераль-губернаторство было закрыто, а званіе намѣстника, или правителя намѣстничества замѣнено званіемъ начальника губерніи, или губернатора, который подчиненъ былъ вѣдѣнію Правительствующаго Сената.

Правителей Костромскаго намѣстничества, со времени его введенія, т. е. съ 1778 года по 1797 годъ, было пять, именно: генераль-маіоръ Алексѣй Семеновичъ Шинкинъ, бригадиръ Александръ Панычъ Алаыкинъ, генераль-маіоръ Иванъ Львовичъ Чернышевъ, бригадиръ Алексѣй Давидовичъ Голоственовъ и генераль Иванъ Варооломеевичъ Ламбъ. Такимъ образомъ, въ 1797 году Костромское намѣстничество сдѣлалось самостоятельной губерніею, подъ управленіемъ особаго губернатора. Первымъ костромскимъ губернаторомъ былъ Борисъ Петровичъ Остроуковъ.

При образованіи губерній нужно было назначить одинъ изъ городовъ намѣстничества губернскимъ. По этому поводу составилось совѣщаніе для рѣшенія вопроса, какой городъ долженъ сдѣлаться губернскимъ. Голоса на совѣщаніи раздѣлились: одни указывали на Кинешму, другіе на Юрьевецъ и третьи на Макарьевъ на Унжѣ, какъ болѣе всѣхъ центральный городъ въ губерніи. Каж-

дней защищать предложенный изъ городъ и выставлять его преимущества. Споръ было окончательно рѣшенъ въ пользу Костромы только тогда, когда въ числѣ преимуществъ указано было на явленіе и пребываніе въ этомъ городѣ Феодоровской иконы Богоматери.

Гербъ города Костромы.

Въ 1797 году по повелѣнію Императора Павла I пожалованъ былъ городу Костромѣ новый губернской гербъ, изображающій щитъ, раздѣленный на четыре части, изъ которыхъ въ первой на красномъ полѣ изображенъ золотой крестъ, а въ четвертой на зеленомъ полѣ серебряный полумѣсяцъ, обращенный вишаъ рогами; во второй и третьей частяхъ пустое золотое поле.

Въ 1798 году вмѣсто управы благочинія учреждена полиція, при чемъ городъ Кострома раздѣленъ былъ на три полиційскихъ части, а черезъ годъ—на двѣ. Въ 1801 году устроено каменный красной рядъ, состоящій изъ семи лавокъ. Въ періодъ времени съ 1797 года по 1800 костромское народное училище перешло въ вѣдѣніе Приказа Общественнаго Приказанія, для помѣщенія его приобрѣтенъ каменный двухъэтажный домъ около церкви Бориса и Глѣба ¹⁾, и директоромъ этого училища назначенъ былъ флота капитанъ 1-го ранга Германъ Ивановичъ Шурманъ.

Императоръ Павелъ I намѣревался посѣтить Кострому проездомъ изъ Казани, но, доѣхавъ до города Нерехты и переночевавъ тамъ, отправился прямо въ Ярославль.

Для встрѣчи Государя въ Нерехту прибылъ преосвященный костромской Павелъ и гражданскій губернаторъ Островскій съ чиновниками губерніи. За нѣсколько часовъ до приѣзда Государя прибылъ въ Нерехту изъ Императорской свиты князь Неледин-

¹⁾ Теперешній губернаторскій домъ.

скій, родственникъ костромскаго губернатора и вмѣстѣ тайный его недоброжелатель, и далъ коварный совѣтъ губернатору, чтобы онъ приказалъ городничему встрѣтить Государя у городской заставы съ отрядомъ гусаръ и съ обнаженными саблями. Незвѣстно, по этой или другой причинѣ Императоръ отдалъ Высочайшій приказъ о немедленномъ удаленіи губернатора изъ Перехты. Государь не захватилъ даже въ соборъ, такъ что и преосвященный выѣхалъ изъ Перехты послѣдъ за губернаторомъ. Императоръ почевалъ въ Перехтѣ въ домѣ купца Хворниова, который получилъ въ награду золотые часы. Незвѣстно, по какому случаю въ Перехтѣ Императору представлялся Костромскій купецъ Дмитрій Дмитриевичъ Солодониновъ, съ женою своею Феоклою Васильевою, и костромскіе татары ¹⁾.

1801 годъ можно считать годомъ введенія въ Россіи вакцинаціи—прививки телячьей оспы. Введеніе и распространеніе вакцинаціи тѣсно связаны съ изменемъ Императрицы Маріи Феодоровны, супруги Императора Павла I. Въ Костромѣ и Костромской губерніи оснопрививаніе начало производиться съ 1805 года, въ какомъ году телячья оспа была принята 127 дѣтямъ: въ 1806—27; въ 1808—1003; въ 1809—2076 и въ 1810 году—3928 дѣтямъ ²⁾.

Въ 1801 году, во время приготовленій къ войнѣ съ Англіею, Императоръ Павелъ I скончался и на престолъ вступилъ старшій сынъ его *Александръ*, любимый внукъ Екатерины II. Въ его царствованіе реформы внутреннихъ, общегосударственныхъ учреждений получили дальнѣйшее развитіе. Коллегіи Петра I замѣнены были министерствами, учреждены Комитетъ министровъ и Государственный Совѣтъ, изданъ указъ, позволяющій помѣщикамъ отпускать на волю крестьянъ цѣлыхъ деревень, отмѣнены пытки при допросахъ и запрещено продавать крѣпостныхъ людей на торгахъ и ярмаркахъ, Реформы Александра I коснулись и народнаго образованія. Такъ открыты университеты Казанскій, Харьковскій и С.-Петербургскій, главные народныя училища перенесены въ гимназій и учреждены приходскія училища для первоначальнаго образованія.

¹⁾ Вознесенскій. Воспомин. о путешеств. Высоч. Особи дома Романовыхъ, стр. 42 и 43.
²⁾ В. О. Губертъ. Оспа и оснопрививаніе, стр. 491 и 513.

15 сентября 1804 года торжественно открыта была Костромская губернская гимназия. Первымъ директоромъ гимназии остался директоръ главнаго народнаго училища Германъ Ивановичъ Шурманъ. Въ 1805 году открыто было въ Костромѣ уѣздное училище. Хотя распоряженіе объ открытіи приходскихъ училищъ было дано еще въ 1803 году, однако въ г. Костромѣ первое приходское училище, именно Александровское, было открыто поздиѣе, именно въ 1814, а Константиновское приходское—въ 1824 году.

Въ 1806 году Пицальная слобода вошла въ черту города и экономическіе крестьяне этой слободы принесяны были въ дворянское сословіе. Въ томъ-же году скончался костромской губернаторъ тайный совѣтникъ, командоръ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, Николай Ивановичъ Кочетовъ и погребенъ въ Вабаевскомъ монастырѣ, Костромской губерніи.

Въ 1807 году изданъ былъ указъ объ учрежденіи милиціи или земскаго войска, и организація этого дѣла поручена русскому дворянству. Костромское дворянство хорошо выполнило эту задачу, что видно изъ слѣдующей грамоты Императора Александра I: «свѣдѣвъ навѣстно, съ какою ревностію и усердіемъ благородное русское дворянство по воззванію Нашему подвизалось въ образованіи земскаго войска. Знаменитые оныя единодушнаго его содѣйствія въ лѣтошнихъ общественныхъ дѣланіяхъ всегда будутъ незабвенны, и къ чести русскаго имени вмѣстѣ съ нами поощрительныя преидуть къ поздѣвшему потомству. Въ семъ общемъ подвигѣ благородное дворянство Костромской губерніи, не щадя ни трудовъ, ни жертвъ своего достоинства, ознаменовало себя отличными соревнованіемъ ко благу общему. Именемъ благодарнаго отечества, поздавъ въ свое время сімъ достохвальнымъ побужденіямъ принадлежащую справедливость, признали мы за благо явнее оное утвержденіе сею особенною Нашею грамотою изобразить благородному сословію дворянства Костромской губерніи свидѣтельство Нашей признательности и непрезвѣнимаго благоволенія. Въ удостоеніе чего, мы сію Нашу грамоту рукою Нашею подписали и государственною печатью утвердить повелѣли». Первымъ коман-

диромъ костремской милиціи былъ капитанъ Иванъ Антоновичъ Карповъ. ¹⁾

Въ 1810 году костремскимъ помещикомъ Кологривовымъ устроенъ въ костремскомъ тюремномъ замкѣ прекрасный храмъ и на обезпеченіе отдѣльнаго причта въ этомъ храмѣ въ 1817 году этимъ же благотворителемъ пожертвована была значительная сумма денегъ. Этотъ тюремный храмъ былъ единственнымъ тогда во всей Россіи и послужилъ примѣромъ для устройства таковыхъ и въ другихъ мѣстахъ Имперіи. ²⁾

Въ первое десятилѣтіе XIX вѣка Кострома продолжала обстраиваться и украшаться каменными зданіями. За это время выстроены каменные церкви: Борисогаѣвская, Благовѣщенская, Власьевская и Спасская на Запруднѣ, кромѣ того устроены каменные лавки Маслянаго и Свиного рядовъ. Усиленное строительство каменныхъ церквей и зданій въ г. Костромѣ относится къ концу XVIII и началу XIX в., что показываетъ, что въ это время городъ имѣлъ большіе достатки, что можно объяснить ни чѣмъ инымъ, какъ быстрымъ развитіемъ фабричной промышленности въ городѣ. Знаменитый митрополитъ Платонъ, который въ 1792 г. пріѣзжалъ въ Кострому для поклоненія ея святынямъ, въ своихъ путевыхъ запискахъ, между прочимъ, отмѣчаетъ, что «капиталъ Костромы всѣхъ нами видимыхъ городовъ—Переслави, Ростова и Ярославля—достаточнѣе и приборнѣе» ³⁾.

Наступилъ знаменитый въ исторіи Россіи 1812 годъ, когда войска всей Западной Европы, во главѣ съ Наполеономъ, обрушились на Россію.

Какъ только непріятельскія войска въ іюнѣ 1812 г. перешли Неманъ и вступили во владѣнія Россіи, многіе жители Смоленска и Москвы, разныхъ сословій, устремились въ поволжскіе города и перенесли туда свое имущество. Это массовое переселеніе на берега Волги дало поводъ Ваенію Львовичу Пушкину, родному дядѣ знаменитаго впоследствии поэта Пушкина, написать тогда оду, ко-

¹⁾ Кн. Колосовскій, стран. 197, примѣчаніе.

²⁾ Князь Колосовскій—рукопись.

³⁾ Прот. П. Островскій. Исторія. записки о Костромѣ, стр. 130.

торая начиналась словами: «Примите насъ подъ свой покровъ, О, возлюбленныя жители бреговъ». Не только жители, но цѣлыя учрежденія переведены были въ поволжскіе города. Изъ Москвы въ Кострому переведены были театр съ чиновниками и воспитанниками, изъ Смоленска—губернаторъ Ушаковъ съ канцелярією, воспитательный домъ, кадетскій корпусъ и архивы Смоленской губерніи, которые были помѣщены въ Боголюбленскомъ монастырѣ. Волге 300 различныхъ фамилій переселились изъ разныхъ мѣстъ въ Кострому, между которыми были: графиня Каменская съ внучатами, княгиня Анна Васильевна Горчакова (сестра знаменитаго А. В. Суворова), князья Трубецкіе, Щербатовы, Мятлева, Ступинины, Аленины, Тихменевы и Павловы. «Особеннаго примѣчанія достойно, говоритъ историкъ Костромы кн. Кошловскій ¹⁾, что, при пошеченіи правительства и христіанскомъ соблазнованіи къ ближнему костромскихъ жителей, въ столь смутное время, могущее возбудить жадность къ обогащенію, цѣна ни на какія жизненные потребности и въ то время ни мало противъ прежней не возвысилась». По повеленію Императора, гдѣ онъ выражаетъ увѣренность, что врагъ встрѣтитъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицуна и въ каждомъ гражданѣ Миллина, костромское дворянство собрало ополченіе, состоявшее изъ 10.519 человекъ ратниковъ и раздѣленное на 4 полка и одинъ батальонъ пѣшихъ и одинъ конный полкъ. Во главѣ всего Костромскаго ополченія былъ генералъ-лейтенантъ П. Г. Бардаковъ; полковниками начальниками: полковникъ Черевинъ, князь Вяземскій, подполковникъ Щуленниковъ и капитанъ 2 ранга Маковѣевъ, котораго вскорѣ замѣтилъ камергеръ Татищевъ; начальникомъ коннаго полка былъ Небольсинъ.

Передъ выступленіемъ отряда преосвященный Сергій благословилъ ополченіе Феодоровскою иконой Богоматери «въ знакъ Божіи благословенія и въ залогъ будущихъ надъ врагомъ побѣдъ» ²⁾. Въ послѣднихъ числахъ августа 1812 года Костромское ополченіе

¹⁾ Прот. П. Островскій. Исторія. записки о Костромѣ, стр. 117.
²⁾ Тамъ же, стр. 137.

выступило из Костромы на театр военных действий. Кроме того, в Костромѣ былъ собранъ еще резервный отрядъ, состоявшій изъ 500 человекъ, который былъ подъ командой статскаго совѣтника С. Ѳ. Аладына.

Разореннымъ жителямъ гор. Смоленска и губернии костромское дворянство пожертвовало 50.000 четвертей ржи и собрало деньгами 500.000 рублей (ассигнацими), изъ которыхъ 50.000 употреблено было на поправку церквей Смоленской губернии, 50.000 для солдатскихъ вдовъ и сиротъ и 400.000 на веномоществованіе разореннымъ жителямъ Смоленской губернии. И остальные сословія Костромы также горячо отзывались на призывъ къ помощи. Такъ пожертвованія поступили: отъ архимандрита костромского Боголюбленскаго монастыря съ братією въ слиткахъ золота 19 $\frac{1}{4}$ золотн. и 9 фунт. 78 золотн. серебра; отъ протоіерея кафедральнаго Троицкаго собора ¹⁾ Данила Груздева съ братією червоннаго арабскаго золота въ слиткѣ и обрѣзкахъ 2 фунта; отъ протоіерея костромского Успенскаго собора Иакова Арсеньева съ братією 1 фунтъ 53 золотн. серебра 63 пробы въ слиткѣ; отъ священника гор. Костромы Златоустовской церкви Соколова 1 фунтъ 72 $\frac{1}{2}$ зол. 60 пробы въ слиткѣ и вещахъ; отъ священника Ворнеоглѣбской церкви Θεодора Пружининскаго 4 фун. 69 зол. въ слиткахъ и вещахъ; изъ костромской коненсторіи серебра, доставленнаго изъ разныхъ мѣстъ, 76 фунт. 70 $\frac{3}{5}$ зол. въ слиткахъ, привѣсахъ, вѣсничкахъ, крестахъ и медаляхъ; отъ корнета Павла Андреевича Мошкова и капитана Абрама Петровича Сумарокова, отъ каждаго по 100 дровковъ для никъ; отъ титулярнаго совѣтника Александра Пушкина холетныя рубашечной и подкладочной 200 аршинъ; отъ Костромскаго перностатейнаго кунца и фабриканта Петра Угличанинова равендуку 300 кусковъ, отъ перностатейнаго же кунца Петра Дурыгина 100 кусковъ равендуку; отъ 1-й гильдіи кунца Дмитрія Солодовникова 100 кусковъ равендуку; отъ 1-й гильдіи кунца Александра Стригалева 50 кусковъ равендуку; отъ Алексея Дурыгина съ братьями 100 кусковъ фламенкѣхъ; отъ Николая Стригалева съ братьями 60 кусковъ; отъ

¹⁾ Въ Платіевскомъ монастырѣ.

Феодора Ашастина съ братьями 150, отъ Феодора Ознобихина 70 и отъ Василія Колодкина 50 кукловъ равендуку¹⁾). Ученики Костромской семинарии пожертвовали на военныя нужды 200 рублей, записавшись именъ умершимъ (7 дек. 1811 г.) преосвященнымъ Евгеніемъ; кромѣ того, весьма многіе изъ нихъ записались въ ополченіе, куда поступило по особому выбору начальника ополченія лишь 25 человекъ²⁾).

Такъ костромичи отозвались на общественное бѣдствіе 1812 г.

Изъ костромичей, сражавшихся за отечество подъ командой Бардакова, многіе получили награды за храбрость. Крѣпость Глагоу едазасъ костромскому отряду и ключи этой крѣпости поднесены были въ Парижѣ Императору Александру I командиромъ одного изъ полковъ костромского ополченія дѣйствительнымъ камергеромъ 4-го класса и канцлеромъ С. П. Татищевымъ,³⁾ который за это награжденъ орденомъ Св. Анны 2-й ст., украшеннымъ брилліантами, а отъ короля Прусскаго орденомъ Краснаго Орла 2-го класса⁴⁾).

По окончаніи Отечественной войны, когда побѣдоносныя русскія войска возвращались изъ Франціи, изъ всѣхъ губерній отправилась въ Петербургъ депутація для поднесенія Императору поздравленій. Костромская депутація состояла изъ губернскаго предводителя дворянства князя Д. Н. Козловскаго, уѣздныхъ предводителей: солгалическаго—полковника Куирянова и буйскаго—Насѣкина, дворянъ Постникова и Алаыкина, костромскаго городского головы Стригалева и купца Пудина.

Въ 1813 году въ Костромѣ были построены каменная кузница и плывучій мостъ черезъ рѣку Кострому: въ томъ же году пожаромъ уничтожены всѣ зданія духовной семинарии, находившейся на Запруднѣ, вслѣдствіе чего семинарія помѣщена была въ Боговиленскомъ монастырѣ, а духовное училище—въ домѣ, принадлежавшемъ Успенскому собору.

1) Кн. Козловскій. Взглядъ на истор. Костромѣ, стр. 193—197, примѣч.

2) П. О. Андрониковъ. Историч. записки о Костромѣ. дух. семина., стр. 40—41.

3) С. П. Татищевъ впоследствии нѣсколько трехлѣтій служилъ костромскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

4) Кн. Козловскій, примѣчаніе на стр. 193

19 августа 1817 года посетил Кострому великий князь Михаилъ Павловичъ. Тотчасъ по прѣздѣ онъ отправился въ Успенскій соборъ, у святыхъ вратъ котораго его встрѣтилъ ректоръ костромской семинаріи архимандритъ Августъ. Послѣ поклоненія святыни собора—Теодоровской иконы Богоматери, великий князь, въ сопровожденіи знаменитаго героя Паскевича—Эриванскаго, отправился въ Платіевскій монастырь, гдѣ его привѣтствовалъ, за отсутствіемъ мѣстнаго епископа, протоіерей Даніилъ Груздевъ слѣдующею рѣчью: «Быстра молва—предтеча нестѣя Твоего востоду по счастливымъ берегамъ Волги разливаешь жажду зрѣть Тебя, Великій Князь! Пришествіе Твое грады и веси наполняетъ веселіемъ. Но ни одно мѣсто въ пространной Имперіи не имѣетъ столь справедливыхъ причинъ радоваться при взглядѣ на Тебя, Высокій нашъ посетитель, какъ градъ нашъ, а наниче сія древняя обитель, смиренію и молитвамъ посвященная. При имени Михаила она сотрясаетъ дряхлость свою, юнѣетъ и преполняется веселіемъ. Всѣ сердца суницхъ здѣсь трепещутъ отъ радости, воскресая въ памяти тѣ времена, когда не столько крѣпость сихъ стѣнъ, сколько крѣпость вѣрныхъ сердець предковъ нашихъ хранили въ ней послѣднюю надежду бѣдствующаго отечества нашего—отрасль фамиліи Романовыхъ, предопредѣленныхъ судьбами провидѣнія царствовать въ Россіи и назидать ея славу и благоденствіе. И се отверсты предъ тобою тѣ самыя врата, коими соименный Тебѣ предокъ, Государь Михаилъ Теодоровичъ нешелъ отсюда устроить счастье умолявшихъ его сыновъ Россіи. Гряди, второй Михаилъ, порфирноносный сынъ Павла перваго, гряди въ достопамятныя для насъ врата сіи, посети обитель, которую Екатерина Великая милостиво посетить благоволила. Тамо узриши алтарь, на который древле юный Михаилъ первый возложилъ торжественный обѣтъ спасти Россію отъ бѣдствій и возвеличить паче всѣхъ царствъ земныхъ. А мы, въ сердечномъ умленіи взирая на Тебя, пыскаго Потомка его, возложимъ на оный же алтарь жертву благодаренія за исполненіе обѣтовъ знаменитаго предка, славнымъ и великимъ потомкомъ Его»¹⁾. Выслушавъ въ Платіев-

¹⁾ Свщ. Вознесенскій, стр. 45 и 46; кн. Коллоевскій, стр. 199 и 200.

скомъ монастырѣ молебень съ многолѣтнемъ и приложившись къ иконамъ, великій князь возвратился въ Кострому. На другой день онъ снова прибылъ въ Ипатьевскую обитель, гдѣ съ любопытствомъ обозрѣвалъ достопримѣчательности монастыря. Особенное его вниманіе было обращено на Евангеліе, которое, по преданію, написано рукою княжны Ксеніи Воронцовны Годуновой. При осмотрѣ келій, гдѣ временно, въ февралѣ—мартѣ 1613 года, жилъ Михаилъ Феодоровичъ съ своей матерью, великій князь былъ пораженъ крайнею ихъ простотою и сказалъ: «что въ такомъ были царскіе чертоги!». Не укрылись отъ его наблюдательнаго взора и трещины, которыя были на сводахъ келій, и исправленіе ихъ онъ приказалъ отложить до пріѣзда Императора Александра, намѣревавшася посетить Кострому ¹⁾.

Заботясь объ улучшеніи города, костромской губернаторъ Карлъ Ивановичъ Баумгартенъ въ 1817—18 годахъ приказалъ срыть земляные валы съ сѣверо-восточной стороны бывшаго кремля и засыпать рвы, находившіеся около валовъ. На этомъ мѣстѣ въ 1819—20 годахъ былъ разбитъ садъ, а по юго-восточному валу бульваръ. Въ это же время городъ обстроился новыми красивыми зданіями. На Екатерининской площади (Сусаннинская) были сломаны деревянныя лавочки, въ которыхъ производился торгъ овсомъ и сѣномъ, и на мѣстѣ ихъ устроены каменные дома генерала Ворцова ²⁾ и Благовѣщенской церкви; позади сада, вмѣсто деревянныхъ лавочекъ, выстроенъ былъ каменный корпусъ лавокъ и домъ городского общества ³⁾. Въ 1822 г. городское общество устроило прекрасный планчатый мостъ чрезъ рѣку Кострому, стоившій болѣе 8540 руб., но этотъ мостъ существовалъ только до первой весны, когда никакія укрѣпленія, устраниваемые въ защиту береговъ подмостковъ, не могли устоять противъ напора льда изъ Волги въ рѣку Кострому ⁴⁾.

Въ 1823 году открыто въ Костромѣ попечительство о бѣдныхъ

¹⁾ Сниц. Е. П. Вознесенскій. Воспомин. о путеш. Высочайшихъ особъ, стр. 44—49; Кн. Коаловскій, притѣч. на стр. 199—200.

²⁾ Имя Окружной Судъ.

³⁾ Судѣнія пашты у Островскаго, кн. Коаловскаго и изъ Памяти. книжки Костром. губ. за 1862 годъ.

⁴⁾ Островскій, прот. Истор. записки о Костромѣ, стр. 141.

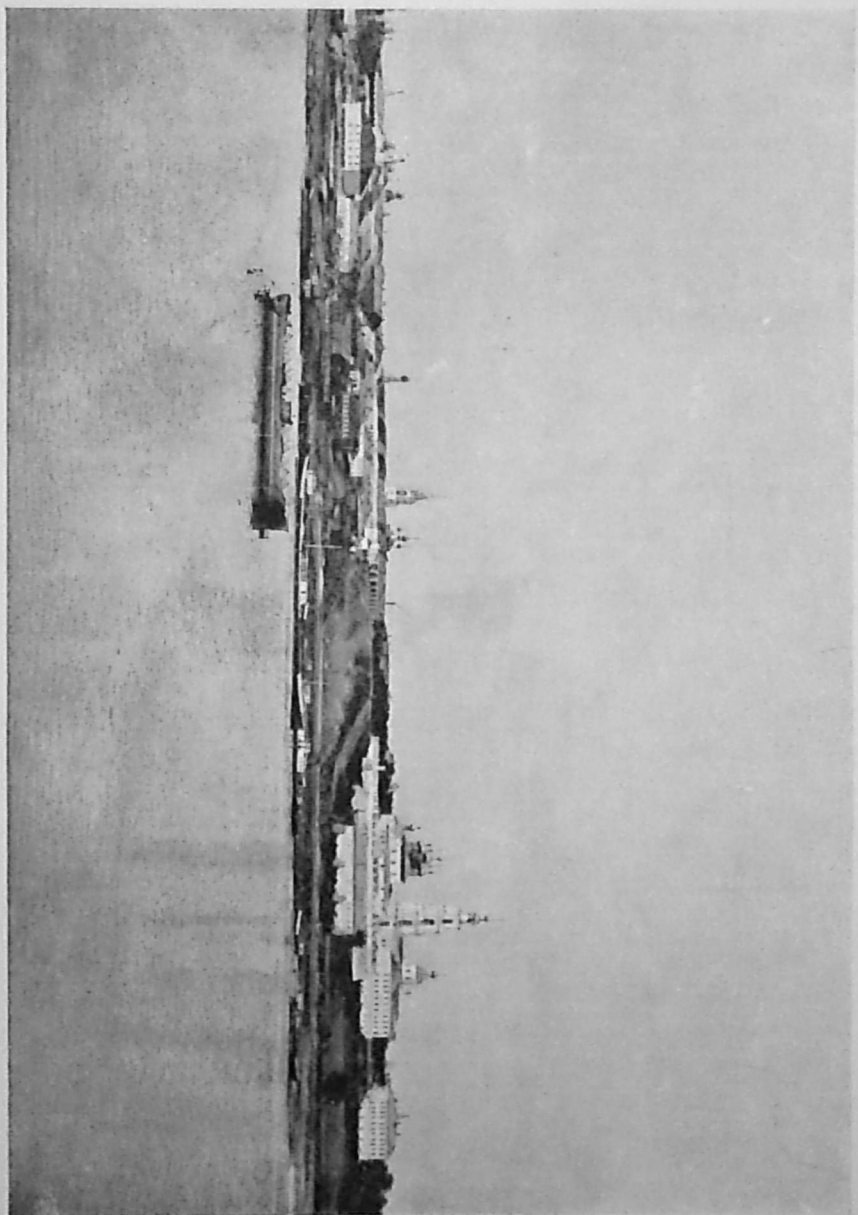
духовнаго званія, на что изъ казны ассигновано было каждагодно 1355 руб.

Въ 1824 году Кострома продолжала украшаться каменными зданіями. Такъ, выстроены были, по мысли преосвященнаго костромскаго Самуила, большой каменный двухъэтажный домъ на углу Ильинской и Набережной улицъ для церковно-служителей Успенскаго собора, а на городской Екатеринославской площади величественная каланча и гауптвахта. Строителемъ каланчи и гауптвахты былъ ссыльный архитекторъ П. Н. Фурсовъ ¹⁾. П. П. Колупановъ въ своихъ (посмертныхъ) запискахъ говоритъ, что оба эти зданія въ настоящее время обезображены и мало похожи на свой первообразъ. Изящный, на четырехъ коринфскихъ колоннахъ, портикъ каланчи сохранился до сихъ поръ и красиво выступаетъ на площади. Прежде вся каланча состояла изъ ажурныхъ ярусовъ, поддерживаемыхъ такими-же колоннами, и точно висѣла въ воздухѣ.

Въ томъ-же 1824 году въ Костромѣ открыто было Константиновское приходское училище, а кадетскій корпусъ снова переведенъ изъ Костромы въ Смоленскъ.

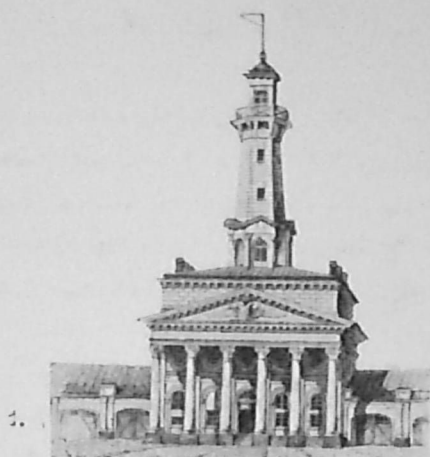
¹⁾ Русское Обозрѣніе 1895 года, янв. и мартъ—май.

Общий видъ г. Кострома съ р. Волги.

Портрет Царя Михаила Феодоровича Романова,
находящийся в музее Костромской Архивной Комиссии.

1. Пожарная каланча.
 2. Часовня на Святомъ озерѣ, на мѣстѣ битвы съ татарами.
 3. Часовня на другой сторонѣ Святого оз., въ память битвы съ поляками.
 4. Старый дворъ. 5. Успенскій соборъ.
 6. Домъ начала XVIII ст. 7. Домъ Акатова.

XVI.

Императоръ Николай Павловичъ. Училище для дѣтей канцелярскихъ служителей. Почетный о тюрьмахъ комитетъ. Пребываніе Императора Николая Павловича въ Костромѣ. Возбужденіе попроса о памятникѣ Царю Михаилу Осодоровичу и крестьянину Ивану Сусанину. Приѣздъ въ Кострому Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Закладка св. воротъ и надъ ними храма во имя св. Христова и Дарія въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

19 НОЯБРЯ 1825 года скончался Императоръ Александръ Павловичъ и на престолъ вступилъ братъ его *Николай Павловичъ*, который въ 1826 году въ Москвѣ короновался на царство. На коронаваніи, въ качествѣ депутата отъ костромскаго духовенства, какъ первослужитель у Феодороваго иконы Богоматери, присутствовалъ протоіерей Іаковъ Арсеньевъ.

Въ 1826 году въ Костромѣ именнымъ гражданномъ Угличаниновымъ устроено было инвалидный домъ на 10 человекъ ¹⁾.

Въ 1827 году состоялся Высочайшій приказъ объ учрежденіи особыхъ училищъ для дѣтей канцелярскихъ служителей. Эти училища предполагено было открыть для всей Россіи въ десяти губернскихъ городахъ. 25 декабря 1828 года такое училище было открыто въ Костромѣ для губерніи Костромской, Ярославской, Владимирской и Вологодской. Въ 1830 году городъ Кострому постигло несчастіе. Особеннаго свойства болѣзнь—холера, неслыханная доселѣ въ Россіи, появилась и въ Костромѣ и произвела страшныя опустошенія среди жителей города и губерніи. Болѣзнь повторилась и на слѣдующій годъ въ тѣ же мѣсяцы. Администрація города Костромы принимала всевозможныя записки отъ нея мѣры къ прекращенію болѣзни, и особенную благодарность въ памяти костро-

¹⁾ Кн. Коляковскій. Рукопись.

мичей оставилъ въ этомъ отношеніи, по свидѣтельству очевидца князя Козловскаго, костромской губернаторъ С. С. Ланской своею неумолимостью и самоотверженіемъ.

Въ 1831 году, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, приступлено было къ сформированію Костромскаго попечительнаго комитета о тюрьмахъ. При содѣйствіи епископа Костромскаго и Галичскаго Павла и по приглашенію губернатора многіе дворяне, чиновники и купцы отзывались на призывъ, какъ готовностью служить этому богоугодному дѣлу, такъ и своими единовременными и ежегодными взносами. Уже состоялось избраніе членовъ комитета и утвержденіе ихъ, но комитетъ не могъ быть тотчасъ же открытъ, такъ какъ губернаторъ Ланской былъ переведенъ во Владиміръ, поступившій же вмѣсто него губернаторъ Жемчужниковъ вскорѣ уволенъ отъ должности и многіе члены комитета выбыли. Вновь назначенный костромскимъ губернаторомъ Александръ Григорьевичъ Приклонскій посѣпшилъ приступить къ открытію тюремнаго комитета. 14 марта, въ день празднованія въ честь Феодоровской иконы Божіей Матери, послѣ божественной литургіи, которую въ Успенскомъ соборѣ совершилъ Его Преосвященство съ произнесеніемъ назидательнаго слова, а въ тюремномъ замкѣ—ректоръ костромской семинаріи архимандритъ Аонасіи, возвѣстившій узникамъ о милосердномъ о нихъ попеченіи Монарха, гг. вице-президенты, члены комитета и многочисленные посѣтители прибыли въ находящійся близъ собора архіерейскій домъ. Открытіе комитета началось концертомъ архіерейскихъ пѣвчихъ: «Кто Богъ велий, яко Богъ нашъ?». Затѣмъ Его Преосвященство произнесъ къ присутствующимъ краткую, но исполненную силою убѣжденія, рѣчь, послѣ которой прочтано было Высочайшее повелѣніе объ устройствѣ попечительнаго о тюрьмахъ комитета въ г. Костромѣ. Въ заключеніе всѣ присутствующіе сдѣлали во вновь открытій комитетъ пожертвованіе, превышающее 1000 рублей асс. (285 р. с.); торжество открытія закончено пѣніемъ пѣвчими «Воже Царя храни» и многолѣтія Государю. Въ томъ же году были открыты уѣздные попечительные о тюрьмахъ комитеты въ каждомъ уѣздномъ городѣ Костромской губерніи ¹⁾.

¹⁾ Костр. Губ. Вѣд. 1839 года, №№ 14, 15 и 16.

Въ 1831 году въ г. Костромѣ умерла замѣчательная старица, которую современники звали «блаженная Дарьюшка». Дарьюшка 30 лѣтъ носила тяжелые вериги, явила въ жизни много опытовъ духовной прозорливости и пользовалась извѣстностью среди всѣхъ классовъ города Костромы. Дарьюшку, какъ удостовѣряетъ Н. В. Баженовъ («Чуд. обр. Христа Спасителя въ Запрудн. храмѣ», стр. 7), принимали къ себѣ Государь Александръ Павловичъ и супруга Его Елизавета Алексѣевна.

7 октября 1834 г., въ 5 часовъ вечера, прибылъ въ Кострому изъ Москвы, черезъ Ярославль, Государь Императоръ Николай Павловичъ. Коляска Государя, быстро пронесшись сквозь разступившіяся толпы собравшагося со всѣхъ сторонъ народа, остановилась у Екатерининскихъ воротъ Ипатіевскаго монастыря. Здѣсь Государя встрѣтилъ преосвященный костромской Павелъ съ архимандритами, соборнымъ духовенствомъ и монашествующими, съ запрестольнымъ крестомъ, хоругвями и образомъ св. Троицы. Государь, выслушавъ привѣтственную рѣчь Преосвященнаго и приложившись къ Животворящему Кресту, прослѣдовалъ въ Троицкій соборный храмъ, гдѣ, по выслушаніи краткаго молебствія, осмотрѣлъ ризницу монастыря и всѣ мѣста, освященные воспоминаніями о своемъ Царственномъ Родоначальникѣ. По окончаніи осмотра, Его Величество, сопровождаемый массой народа, при колокольномъ звонѣ церкви всего города, прибылъ въ домъ генераль-лейтенанта Сергія Семеновича Борцова ¹⁾, гдѣ былъ встрѣченъ начальникомъ губерніи Александромъ Григорьевичемъ Приклонскимъ. Народъ сплошь заполнилъ всю Суевинскую площадь и прилегающія къ ней улицы. Прекрасная погода благоприятствовала иллюминаціи площади и всего города.

На другой день, въ 9 часовъ утра, представлялись Государю: костромское дворянство, чиновники и купечество, а также жители Татарской слободы и бѣлонашцы-потомки Суевина. Въ 10 часовъ утра Его Величество, въ одномъ экипажѣ съ начальникомъ губерніи, запряженнымъ парой лошадей, посетилъ костромской Успенскій

¹⁾ Гдѣ нынѣ Окружный Судъ.

соборъ, предъ святыми вратами котораго былъ встрѣченъ преосвященнымъ Павломъ съ Ѳеодоровскою иконою Богоматери. Приложившись къ чудотворной иконѣ, Государь пошелъ къ собору по помосту, устланному бѣлыми полотнами. По выслушаніи молебствія, принявъ отъ преосвященнаго копию съ иконы Ѳеодоровскою Богоматери, Государь освѣдомился: «сколь давно построень соборъ и при комъ?»

Въ соборѣ преосвященный представилъ Государю ректора семинаріи архимандрита Аонасія, архимандрита галичскаго Паисіева монастыря Никанора, соборныхъ протоіереевъ и городскихъ благочинныхъ. Изъ собора Государь Императоръ отправился для обзрѣнія богоугодныхъ заведеній приказа общественнаго призрѣнія, острога, училища дѣтей канцелярскихъ служителей, рабочаго и инвалиднаго домовъ. Осмотрѣвъ богоугодныя заведенія, Государь сказалъ: «развалины гнилы, а содержатся такъ, какъ, дай Богъ, у меня въ Петербургѣ». При обзорѣ училища дѣтей канцелярскихъ служителей Его Величество, замѣтивъ сырость въ нѣкоторыхъ комнатахъ, приказалъ штукатурку отбить, въ комнатахъ поставить желѣзныя печи и воспитанниковъ перевести въ новое зданіе тогда, когда оно будетъ сухо ¹⁾. Въ 12 часовъ дня Государь посѣтилъ гимназію.

Въ тотъ же день, т. е. 8 октября, состоялся Высочайшій обѣдъ, на который, кромѣ лицъ Государевой свиты, приглашены были: начальникъ губерніи Приклонскій, губернскій предводитель дворянства Куприяновъ, генералъ Тришатный, окружный начальникъ гарнизона въ внутренней стражи и хозяинъ Царской квартиры генералъ-лейтенантъ Борцовъ. Вечеромъ гостинный дворъ, присутственная мѣста, домъ дворянскаго собранія, таунтпахта и весь городъ были иллюминированы; особенно изящно и красиво, подъ наблюденіемъ архитектора Фурсова, была освѣщена каланча, и Государь долго стоялъ и любовался ею, а затѣмъ сказалъ: «такой каланчи у меня и въ Петербургѣ нѣтъ» ²⁾.

9 октября утромъ, около 9 часовъ, Государь Императоръ, по выходѣ изъ внутреннихъ покоевъ, милостиво поздоровались съ гу-

¹⁾ Козловскій, стр. 123, 124; свис. Е. П. Вознесенскій, стр. 55—60; Колывановъ П. П. Посмертныя записки. Русское Обозрѣніе 1895 года.

²⁾ П. П. Колывановъ. Русское Обозрѣніе 1895 года.

бернаторомъ Приклонскимъ, подвозилъ къ себѣ графа Бенкендорфа и сказали ему, «скажи Цовену ¹⁾, чтобы онъ вручилъ губернатору орденъ прежде, чѣмъ онъ выйдетъ изъ этого дома».

По выходѣ Государя для осмотра Костромскаго баталіона внутренней стражи, Цовенъ тутъ же поднесъ Приклонскому рескриптъ и орденъ св. Владиміра III степен. ²⁾. Хозяину Царской квартиры Государь подарилъ золотую табакерку съ вензелевымъ изображеніемъ Имени Его Величества.

Въ 10-мъ часу утра, при колокольномъ звонѣ и крикахъ ура, Государь выѣхалъ изъ города Костромы, сказавъ на прощанье: «Я видѣлъ такую приверженность, любовь и усердіе народное только въ Ригѣ и Костромѣ» ³⁾.

18 октября 1834 года губернаторъ Приклонскій получилъ отъ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ предписаніе слѣдующаго содержанія: «Государь Императоръ въ Высочайшее путешествіе по Костромской губерніи и пребываніе въ Костромѣ изволилъ найти слѣдующее: 1) острогъ въ порядкѣ и чистотѣ; 2) инвалидный домъ и богадѣльня въ порядкѣ; 3) школа дѣтей канцелярскихъ служителей въ старомъ домѣ въ порядкѣ; новый домъ отчасти хорошъ, но сыръ отъ ранней штукатурки, почему Его Императорское Величество изволилъ: запретить переводить туда нынѣ школу и приказать штукатурку снаружи сбить, а въ комнатахъ поставить желѣзныя печи и каминны; 4) больница въ весьма ветхомъ деревянномъ домѣ, но въ порядкѣ и требуетъ непремѣнной постройки новыхъ общихъ зданій приказа по утвержденнымъ планамъ. Его Величество соизволилъ, чтобъ таковыя постройки были ускорены; 5) губернаторскій домъ большой, на хорошемъ мѣстѣ, но близокъ къ разрушенію. Его Величество Высочайше соизволилъ, чтобъ сей домъ нынѣ же былъ сданъ въ вѣдомство Министерства Народнаго Просвѣщенія, дабы отдѣлать его для гимназій съ пансіономъ, къ чему онъ весьма удобенъ, а въ замѣнъ того нынѣшній домъ гимназій отдать для помѣщенія губернатора, сдѣлать въ немъ нужныя передѣлки; 6) г. Кострома

¹⁾ Правителю походной Государевой канцеляріи.

²⁾ Костромская старина, вып. IV Коробничинъ, стр. 201.

³⁾ Коестр. Губери. Вѣд. 1847 года, № 48; Вознесенскій, стран. 61.

содержится чисто и хорошо; 7) дороги по губернии въ самомъ прелестномъ видѣ и исправности и, послѣ Московскаго шоссе, первыи въ Россіи; 8) почтовые дома каменные и содержатся прекрасно. Его Императорское Величество повелѣтъ соизволить: за все сіе объявить вашему превосходительству особенную Монаршую благодарность.

Пребываніе Императора Николая I не осталось безъ послѣдствій и для посѣщеннаго имъ Ипатіевскаго монастыря. Высочайше повелѣно реставрировать дворецъ Михаила Феодоровича, сохранивъ остатки архитектуры и вкуса древняго времени, и вновь возвести по сдѣланному пзвѣстнымъ въ Россіи архитекторомъ Тономъ плану Святыя ворота, устроивъ надъ ними храмъ во имя св. мучениковъ Хрисаноса и Даріи, память которыхъ празднуется церковію 19 марта, чтобъ увѣковѣчить это историческое число, когда 19 марта 1613 г. Михаилъ Феодоровичъ вышелъ изъ Ипатіевскаго монастыря въ Москву на царство и когда 19 же марта 1814 года Императоръ Александръ I съ побѣдоносными русскими войсками вступилъ въ столицу Франціи.

14 декабря 1834 года, какъ даръ Государя Императора Ипатіевскому монастырю, получены изъ Москвы: а) серебряный, внутри и снаружи вызолоченный, ковшъ, съ двуглавымъ орломъ внутри, вѣсомъ 1 ф. 27 зол., въ клеймахъ на поляхъ имѣющій рѣзную надпись: «Вожією милостію Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Феодоровичъ и всея Русіи Самодержецъ» и б) чернаго дерева посохъ, принадлежавшій Царю Михаилу Феодоровичу — хранившіеся до сихъ поръ въ Московской Оружейной Палатѣ.

Императоръ Николай Павловичъ обратилъ вниманіе на положеніе бѣлошанцевъ. Будучи освобождены отъ денежныхъ сборовъ и натуральныхъ повинностей, бѣлошанцы села Коробова однако не пользовались благосостояніемъ, стали заниматься торговлей и отхожими промыслами, а землю сдавали въ аренду. Императоръ Николай Павловичъ приказалъ привести потомковъ Сусанна въ «лучшее состояніе». Имъ отведены были добавочныя удобныя участки земли, въ количествѣ 742 десятины, а главное попечительство надъ потомками Сусанна ввѣрено было министру Двора, ближайшее же

наблюдение костромскому гражданскому губернатору съ тѣмъ, однако, чтобы онъ не иначе вѣзжалъ въ нхъ селенія, какъ всякій разъ съ разрѣшенія министра Двора, кромѣ случаевъ особенной важности, не терпящихъ отлагательства, о коихъ въ тоже время доносить бы ему, министру ¹⁾.

Приблизительно въ томъ же 1834 году среди дворянства и вообще образованныхъ людей того времени, подъ вліяніемъ героической эпохи 12-го года, а также подъ вліяніемъ развивающагося сознанія важности подвига Н. О. Сусанина, появилась мысль о сооруженіи въ Костромѣ историческаго памятника спасителю Родоначальника Царствующаго Дома. Предполагалось сначала воздвигнуть среди Ипатьевскаго монастыря какой-либо величественный монументъ. Но когда объ этомъ желаніи дворянъ Костромской губерніи доведено было до свѣдѣнія Государя Императора, то Онъ, одобрилъ эту мысль, выразилъ желаніе, чтобы памятникъ Царю Михаилу Феодоровичу и крестьянину Сусанину поставленъ былъ въ самомъ городѣ Костромѣ, и приказалъ представить на Его утвержденіе планъ мѣстности и проектъ памятника ²⁾.

Вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Костромы Государя, костромское дворянство собралось на совѣщаніе по поводу открытія памятника. При этомъ присутствующій на совѣщаніи протоіерей костромскаго Успенскаго собора Іаковъ Арсеньевъ произнесъ передъ дворянами слѣдующую рѣчь:

«Почтеннѣйшее дворянское сословіе!

«Не можно представить ужаснѣе той картины, въ какой исторія изобразила Россію въ началѣ XVII столѣтія. Она начертана кровавыми, такъ скажу, буквами. Съ одной стороны, терзаема была враждебною всегда къ ней Польшею, съ другой—завистливою Швеціею, внутри раздираема была митежными возстаніями, воздвигаемыми тѣми сынами отечества, которые ополчались за нее, защищать ее до послѣдней капли крови должныствовали. Она не имѣла тогда ни царя спасающаго, ни вождя защищающаго, ни настыри

¹⁾ Вирюковъ. Истор. очеркъ о селѣ Коробовѣ, стр. 6.

²⁾ Костромскія старина, вып. IV—II. П. Коробицкіи, стр. 203.

утѣшающаго. Россія, говорю, подобно Иерусалиму, который оплакивалъ горькими слезами паденіе Иерусалима, рыдала тогда на стогнахъ перваго града Москвы—сего російскаго Сіона, взирала на разореніе онаго и лютое озлобленіе сыновъ его. Тяжкое озлобленіе Израиля въ Египтъ спосебе было, чѣмъ русскаго въ своемъ отечествѣ. Оно было самое горькое. Откуда же возсіяло для него солнце отрады, утѣшенія и покоя? Какой Моисей предсталъ къ избавленію его? Кто провелъ чрезъ бурное море всѣхъ бѣдствій и ввелъ оное въ покой свой? Это родоначальникъ славно нынѣ царствующаго дома, Государь и Великій Князь Михаилъ Θεодоровичъ, въ юности своей Богомъ сохраненный въ древней, знаменитой Ипатіевской обители града нашего. Благородные сыны Россіи! Древній мудрецъ Іисусъ сынъ Сираховъ о мужахъ благотѣльныхъ слѣдующее оставилъ разсужденіе. «Мѣлеса ихъ, говоритъ онъ, въ мѣрѣ погребена быша, а имена ихъ живутъ въ роды. Премудрость ихъ повѣдять людіе и похвалу ихъ неовѣсть церковь». Слѣдуя сему мудрому наставленію, прекрасно, прехвально, свято и законно полагаете въ совѣтъ своемъ, благороднѣйшіе мужи, прославить въ роды родовъ и повѣдать хвалы Государя и Великаго Князя Михаила Θεодоровича, мѣрѣ любезному отечеству нашему даровавшаго, сооруженіемъ достойнаго ему памятника. Господь Богъ заповѣдалъ Израилю совершать нѣкоторыя празднованія въ воспоминаніе великихъ событій, повелѣлъ хранить слово сіе законно себѣ и сыномъ ихъ до вѣка: «и будетъ, рекъ онъ, егда возглаголютъ вамъ сынове ваша, что есть служеніе сіе? возвѣстии сыну твоему въ день онъ глаголя: рукою крѣпкаго изведе Господь Богъ изъ Египта».

«Подобно сему, мужи благороднѣйшіе, когда спросятъ насъ сыны, дщери ваши и ближніе ваши: что есть знаменіе сіе? что изображаетъ памятникъ сей, который соорудить предпріемлете? Возвѣстить не оставите любопытствующему потомству: сіе знаменіе, которое зрите предъ очами вашими, есть знаменіе избавленія любезнаго отечества нашего рукою Великаго Государя Михаила Θεодоровича отъ тягчайшаго, печели Фараонова, озлобленія; есть знаменіе того воспоминанія, что россиянитъ, со дня избавленія своего отъ напгтя внѣшнихъ и внутреннихъ напастей, почнлъ без-

печально подъ мирнымъ кровомъ стѣлимъ, яко же Израильъ во дни Соломона подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею.

«Достопочтеннѣйшіе мужи! Ваше сословіе, руководимое всегда честью, благородными чувствами, никогда и никому не уступало въ безпредѣльной любви своей къ Престолу Монаршему, ко благу общему и въ благодарности къ доблестнымъ подвигамъ своихъ соотечественниковъ. Пожарскій и Мининъ — великіе поборники Россіи, когда текли съ ополченіями своими для спасенія гибнущей Москвы, тогда Кострома, принявъ оныхъ съ отверстыми объятіями, не щадила никакихъ издѣвній для напущенія оныхъ. Великая Екатерина, по случаю внезапнаго нападенія отъ Швеціи, когда призвала къ костромскому благородному дворянству, чтобы оно отъ усердія своего представило для кораблестроенія нужныхъ людей; оно со всемъ рвеніемъ явило свою готовность для сего и ознаменовало свое усердіе Монаршимъ благоволеніемъ. Я уже не говорю о той годнѣйшекушеніи, когда всеобщій врагъ мыслилъ поработить, разрушить и изгладить съ лица земли Россію,—тогда вы и самихъ себя, и людей вашихъ, и все стяжанія ваши принесли на алтарь сего общественного служенія съ патріотическою ревностію. При настоящемъ случаѣ не вы сами, не кровь ваша, не великіи сокровища ваши потребны, но только послынное и съ каждаго состояніемъ сообразное приношеніе. Сія жертва Государю нашему, почитающему Кострому своею отчизною, есть благоугодна; сія жертва благородныхъ вашихъ чувствъ достойна, для потомства вашего приношеніемъ и назидательна.

«Не угашайте духа вашего, милостивые государи, при семъ похвальномъ нашемъ предпріятіи; воспламеняйте сію искру, заросшую въ благородныхъ сердцахъ вашихъ; пусть она возгорится и къ чести вашей, и ко благу поздняго потомства вашего, и откроется дѣйствительно въ блистательномъ явленіи»¹⁾.

Эта рѣчь произвела сильное впечатлѣніе на присутствующихъ и дѣйствительно разожгла ту искру, которая только тлѣлась во многихъ сердцахъ присутствующихъ, и они постановили слѣдующее:

¹⁾ Е. П. Вознесенскій. Воспоминан. о путешеств. Высочайш. особъ дома Романовыхъ, стр. 68—71.

«Костромская губернія, вотчина Романовыхъ, первая внимала священному завѣту Михаила уврачевать язвы отечества, нанесенныя крамолами самозванцевъ и завистью иноземцевъ; она первая, въ обители святого монастыря, при очахъ юнаго, единодушно избраннаго помазанника Божія, пролила радостныя слезы и вознесла теплыя мольбы къ Царю царствующимъ, да укрѣпитъ сердце его на великомъ подвигѣ царствованія. Но воспоминаніе о сихъ событіяхъ осталось только въ устномъ преданіи, въ письменахъ исторіи и еще въ благоговѣйныхъ молитвахъ церкви, каждагодно совершающей, въ память сего событія, 14 марта празднество Пресвятыя Богородицы Θεодоровскія въ Костромѣ. Никакое, къ прискорбію, видимое знаменіе не указываетъ пришельцу, что смиренная обитель св. Ипатія была мѣстомъ, въ которомъ, послѣ годины искушенія, возсіялъ первый лучъ счастья отечества нашего. Мысль увѣковѣчить сооруженіемъ памятниковъ память великихъ людей не должна быть болѣе сокрытою въ сердцахъ и къ проявленію оной въ дѣйствіе нѣтъ болѣе благопріятнѣйшей минуты, какъ при настоящемъ всерадостнѣйшемъ и счастливѣйшемъ случаѣ Высочайшаго посѣщенія града нашего Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, великимъ потомкомъ Михаила Θεодоровича и вмѣстѣ премудрымъ исполнителемъ судебъ Промысла, избравшаго здѣсь на царство юнаго Родоначальника Его».

Это постановленіе костромскаго дворянства во время посѣщенія Государемъ Костромы, чрезъ шефа жандармовъ графа А. Х. Бенкендорфа, было повергнуто на Высочайшее благоусмотрѣніе.

Государь Императоръ положилъ такую резолюцію: «Когда будутъ собраны деньги и составленъ планъ памятника, тогда представить на мое утвержденіе». Поэтому вскорѣ губернской предводитель дворянства Куряевъ учредилъ въ Костромѣ комитетъ для сбора пожертвованій на устройство памятника.

Костромской губернаторъ Ал. Ериг. Приклонскій представилъ Государю проектъ сооруженія памятника. На это представленіе Государь изволилъ отозваться, что «нѣтъ никакого препятствія воздвигнуть памятникъ Сусанну, если изберется оному приличное

мѣсто». Приклонскій донесъ, что мѣсто избрано на главной площади города Костромы, представилъ планъ и ситуацию мѣстности и просилъ Высочайшаго утвержденія о наименованіи этой площади Сусанинскою. Въ 1838 году получено было Высочайшее повелѣніе «соединить суммы, собираемыя для памятниковъ царю Михаилу Ѳеодоровичу, согласно изъявленному въ 1834 году желанію дворянства Костромской губерніи, (и поселянину Сусанину, по представленію дѣйствительнаго статскаго совѣтника Приклонскаго, и употребить для сооруженія одного памятника по рисунку, составленному въ академіи художествъ художникомъ В. И. Демуть-Малиновскимъ, на назначенной, по представленію губернатора Приклонскаго, площади» ¹⁾ Пожертвованія на памятникъ быстро стекались. Изъ списка, опубликованнаго комитетомъ въ Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ ²⁾, видно, что главными жертвователями были дворяне, затѣмъ уже и другія сословія, не исключая и крестьянъ.

13 мая 1837 года, въ 7 час. пополудни, при безчисленномъ стеченіи костромскихъ гражданъ, ожидавшихъ съ утра на берегу Волги, прибылъ изъ Нерехты на правый берегъ Волги Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ. Костромское дворянство черезъ губернскаго предводителя С. Ѳ. Курреянова просило ³⁾ дозволенія самимъ перевезти драгоцѣннаго гостя чрезъ рѣку Волгу въ красномъ катерѣ, приготовленномъ отъ города Костромы; но Его Высочество, поблагодаривъ дворянъ, приказалъ сѣсть въ лодку обыкновеннымъ гребцамъ. Перейхавъ Волгу, Наслѣдникъ Цесаревичъ, въ сопровожденіи безчисленнаго множества народа, отправился въ Успенскій соборъ, при святыхъ вратахъ котораго былъ встрѣченъ преосвященнымъ Владиміромъ со всѣмъ городскимъ духовенствомъ и, выслушавъ молебствіе и приложившись къ чудотворной Ѳеодоровской иконѣ Богоматери, отправился въ домъ генерала Борцова, приготовленный для принятія Его Высочества. На другой день, 14 мая, въ 10 часовъ утра, Цесаревичъ принималъ представляль-

¹⁾ Н. Н. Коробицынъ. Историч. замѣтка о памятникахъ Царю Михаилу Ѳеодоровичу и поселянину И. Сусанину. Костр. стар., вып. IV, стр. 200—204.

²⁾ ММ 41, 42, 43 и 44.

шихся Ему чиновъ губерній, дворянство, купечество, бѣлорусцевъ и татаръ. Затѣмъ Его Высочество отпразднелъ въ Ипатіевскій монастырь, гдѣ, по выслушаніи краткаго молебствія въ Троицкомъ соборѣ, обозрѣвалъ достопримѣчательности монастыря, кельи Михаила Ѳеодоровича и пилъ кофе въ покояхъ преосвященнаго Владимира. При отъѣздѣ изъ монастыря Его Высочество на приготовленномъ листѣ бумаги написалъ слѣдующее: «Съ особеннымъ вниманіемъ и удовольствіемъ осматривалъ я тѣ кельи, въ коихъ вмѣстѣ съ родоначальницею своею жительствовалъ юный Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ. Въ память, для храненія въ оныхъ, оставляю сей листъ за подписомъ моимъ. Мая 14 дня, 1837 года. Ипатіевскій монастырь. Александръ».

Возвратившись въ Кострому, Наслѣдникъ Цесаревичъ осматривалъ «Выставку мануфактурныхъ издѣлій и особенныхъ произведеній костромской природы», находившуюся въ домѣ купца Стригалева. Его Высочество настолько заинтересовался выставкой, что съ вниманіемъ обозрѣвалъ ее болѣе часа и изъявилъ устроителямъ ее полное свое удовольствіе. Посѣтивъ заведенія приказа Общественнаго Призрѣнія, училище дѣтей канцелярскихъ служителей и гимназію, Его Высочество прибылъ въ свою квартиру, гдѣ состоялся обѣдъ, къ которому приглашены были губернаторъ, преосвященный, губернской предводитель дворянства, хозяинъ дома генералъ-лейтенантъ Борцовъ, генералъ-маіоръ Тимротъ и городскою головою. Губернскій предводитель дворянства С. Ѳ. Куприяновъ не участвовалъ на обѣдѣ, такъ какъ внезапно заболѣлъ, почему Наслѣдникъ Цесаревичъ неоднократно посылалъ къ нему своего доктора Енохина. Послѣ обѣда Его Высочество удостоилъ своимъ присутствіемъ бульваръ, гдѣ для гулянья собралось все лучшее; и многочисленное общество города Костромы. Гуляя по бульвару, Цесаревичъ разговаривалъ съ дочерями губернскаго предводителя Куприяновыми, а также съ дѣвками Корниловыми и Зворыкинскими ¹⁾. День 14 мая закончился каганьемъ на лодкахъ на рѣкѣ Волгѣ, въ которомъ участвовалъ и Августѣйшій Путешественникъ на особомъ для этого случая приготовленномъ

¹⁾ Кн. Козловскій, рукопись, стр. 129.

катерѣ. 15 мая, въ 6 часовъ утра, Его Императорское Высочество выѣхалъ на лошадахъ изъ Костромы, помертвовавъ въ бѣдѣ жителей города 5000 рублей. Предъ самимъ великимъ княземъ лежкаго ассессора М. Я. Травянской поднесла Его Высочеству портфель, шитый золотомъ собственной работы, какому подношению благосклонно было принято Цесаревичемъ. Въ изъявленіи своей признательности за поднесеніе портфеля Государь Цесаревичъ пожаловалъ г-жѣ Травянской бриллиантовыя серьги, препровожденныя внослѣдствіи изъ Казани чрезъ генераль-адъютанта Кананина.

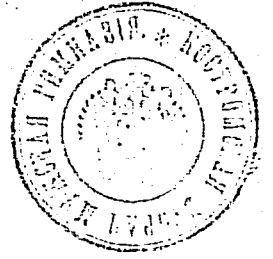
Съ января мѣсяца 1838 года начали выходить Костромскіи Губернскіи Вѣдомости. 1839 года 1 мая въ Костромѣ открыта была Палата Государственныхъ Имуществъ. Въ томъ же году Костромскимъ дворянствомъ приобрѣтенъ отъ кунца Дурыгина домъ, находящійся на Павловской улицѣ, который былъ ремонтированъ особо избранной дворянствомъ строительной комиссіей. 25 іюня 1840 года совершена въ Ипатіевскомъ монастырѣ торжественная закладка святыхъ воротъ и надъ ними храма во имя св. Хрисанова и Даріи. Преступнѣе св. ворота, чрезъ которыя въ 1613 году Михаилъ Θεодоровичъ вышелъ для принятія московскаго посольства и чрезъ которыя посольство со свитскими вступило въ монастырь, построены были боярами Годуновыми еще въ 1586 году и отъ времени пришли въ ветхость, почему и были разобраны до основанія.

По случаю торжества закладки, 25 іюня гражданскій губернаторъ Жуковъ, губернскій предводитель дворянства Куряиновъ, городской голова Рыльцевъ, губернскіе чиновники, дворянство и купечество собрались въ Ипатіевскомъ монастырѣ къ началу Божественной литургіи, которую совершалъ пресвященныи Владимиръ. Послѣ литургіи, духовенство всѣхъ церквей города Костромы съ хоругвями и иконами, а за нимъ дворянство, чиновники и купечество прослѣдовали на мѣсто закладки, окруженное многочисленнымъ стеченіемъ народа всѣхъ сословій, гдѣ послѣ молебствія положены были первые камни: подъ престоломъ епископомъ Владиміромъ отъ имени Его Императорскаго Величества, отъ имени святѣйшаго Синода и всего костромскаго духовенства; подъ первый уголъ церкви — губернаторомъ отъ имени администраціи; подъ второй — губернскимъ

предводителемъ дворянства; подъ третій — городскимъ головой отъ городского общества и, наконецъ, подъ четвертій уголъ — отъ имени всѣхъ прочихъ сословій. Послѣ этого пѣвчіе пропѣли «Тебе Бога хвалимъ» и, при колокольномъ звонѣ, провозглашено было многолѣтіе Государю Императору, вѣчная память Царю Михаилу Ѳеодоровичу и Императору Александру Павловичу. Послѣ торжества закладки предложена была трапеза въ покояхъ Его Преосвященства ¹⁾ «Но, выражаясь словами протоіереев Успенскаго собора Островскаго, — какъ бы въ урокъ послѣдовательности событій, по которой памятникъ Сусанну, положившему своимъ подвигомъ начало событію 19 марта, долженъ былъ явиться свѣту прежде памятника 19 марта, храмъ Хрисанова и Дарія, оконченный уже каменной кладкой, разрушился 2 августа 1841 года» ²⁾ влѣдствіе слишкомъ послѣдней (съ 25 іюня до октября 1840 г.) стройки, притомъ при крайне неблагоприятной для кладки дождливой погодѣ въ концѣ сентября.

¹⁾ Костр. Губери. Вѣд., 1841 г., № 25.

²⁾ Прот. Острѣвскій. Историч. записк. о Костромѣ, стр. 105.

XVII.

Торжества въ Костромѣ по случаю бракосочетанія Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Торжественная закладка фундамента для памятника Царю Михаилу Феодоровичу и крестьянину Ивану Сусанину. Ревизія Костромской губерніи. Пожары въ Костромѣ.

16 АПРѢЛЯ 1841 года совершилось бракосочетаніе Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича.

Жители города, живо помнившіе пребываніе Цесаревича три года тому назадъ въ Костромѣ, нетерпѣливо ожидали дня торжественнаго празднованія этого событія. Наконецъ, оно назначено было на 29 апрѣля.

Вотъ какъ описано это торжество въ Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1841 годъ очевидцомъ и участникомъ его ¹⁾.

«Утро 29 апрѣля явилось въ полномъ весеннемъ блескѣ, жиньяки и легкіе открытые дрожки мчались со всѣхъ сторонъ. Народъ стремился на Сусанинскую площадь. Здѣсь взору ихъ представился парадъ, составленный изъ чиновъ Суздальскаго пѣхотнаго полка и внутренней стражи. Дивизионный штабъ занималъ свое мѣсто. Раздался звонъ колоколовъ къ Божественной литургіи; заиграла военная музыка и весь парадъ, подъ предводительствомъ начальника 16 пѣхотной дивизіи, весело двинулся въ соборный храмъ, туда же бѣжали во множествѣ чиновники, военные и гражданскіе, свѣщало дворянство, купечество и шли прочіе обыватели города. Литургію совершалъ преосвященный Владиміръ съ двумя архимандритами и соборнымъ духовенствомъ; передъ началомъ прочтенъ Высочайшій манифестъ, а по окончаніи литургіи и по про-

¹⁾ № 17, прибавленіе.

изнесеніи преосвященнымъ слова принесено благодарственное Господу Богу молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. По выходѣ изъ соборнаго храма войска съ музыкою и церемоніальнымъ маршемъ возвратились на Сусанинскую площадь, гдѣ были приготовлены отъ города для нижнихъ чиновъ завтракъ. Начальникъ губерніи Николай Николаевичъ Жуковъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ духовенство, военныхъ генераловъ, штабъ и оберъ офицеровъ, дворянъ, гражданскихъ чиновниковъ и купцовъ. Столъ былъ накрытъ на 100 кувертовъ. Между тѣмъ, во время обѣда, на Сусанинской площади, противъ дома Борщева, занимаемаго губернаторомъ ¹⁾, готовилось отъ купцовъ для народа вино и пиво. Когда обѣдъ склонился къ концу, противъ балкона квартиры губернатора выстроилась военная музыка съ пѣвчимъ. Народъ переполнялъ всю площадь. По окончаніи обѣда, окруженный генералами и почетнѣйшими лицами города, начальникъ губерніи вышелъ на балконъ и, обращаясь къ народу, провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора, Наслѣдника Цесаревича и супруги его. Мгновенно раздалось могучее «ура», музыка заиграла «Боже Царя храни».

«Сусанинская площадь и городской бульваръ представляли привлекательную картину: кто слушалъ неумолкаемые весь день звуки военной музыки и пѣвчихъ, кто катался въ экипажахъ вокругъ устроенныхъ качелей, а нѣкоторые изъ крестьянъ и дѣвушекъ сами пѣли народныя свои пѣсни и съ довольными простодушными лицами прохаживались вокругъ зрителей. Вечеръ былъ великолѣпный, небо звѣздное, иллюминація города блистательная. Все это располагало къ гулянью до поздняго времени, никому не хотѣлось расходиться по домамъ».

Въ тотъ же день Костромское дворянство въ залахъ дворянскаго собранія дало торжественный балъ, на который были приглашены чиновники и купцы. Въ 12 часовъ ночи губернскимъ предводителемъ дворянства провозглашенъ былъ тостъ за здравіе Государя Императора и новобрачныхъ, покрытый громкимъ и едино-

¹⁾ По всей вѣроятности потому, что въ то время губернаторскій домъ отдѣлялся подъ гимназію.

душнымъ «ура» присутствующихъ. 30 апрѣля торжества продолжались. 1-го мая, въ послѣдній день торжествъ, состоялся въ дворницкомъ домѣ торжественный купеческій балъ. Танцы и богатое угощеніе открылись въ 10 час. вечера; число приглашенныхъ простиралось до 420 человекъ. «Приятно было видѣть, пишетъ участвовавшій въ этомъ балѣ, какъ военные и гражданскіе чиновники, въ мундирахъ, пользующіеся по заслугамъ своимъ почтительнымъ уваженіемъ, ходили рука объ руку съ хозяйками бала купцами, одѣтыми болынею частью въ національные свои костюмы; нельзя было не полюбоваться, какъ благородныя дамы и жены купцовъ, съ ихъ взрослыми дѣтьми, вели дружный разговоръ и непритворно довольные общимъ радушіемъ обоюдно благодарили за столь счастливую встрѣчу, какую имъ доставилъ сей балъ». Въ 12 часовъ городской голова Рыльцевъ провозгласилъ тостъ за здравіе Государя Императора и Новобрачныхъ; громкое ура и гимнъ «Воже Царя храни» было отвѣтомъ на этотъ тостъ. Этимъ баломъ окончилась въ Костромѣ празднества по случаю бракосочетанія Наслѣдника Цесаревича ¹⁾

1843 года, 2 августа, въ Костромѣ происходила торжественная закладка фундамента для памятника Царю Михаилу Теодоровичу и крестьянину Ивану Сусанину. Въ 11 часовъ утра начался крестный ходъ изъ Успенскаго собора съ чудотворной Теодоровскою иконой Богородицы при многочисленномъ стеченіи народа. Молебствіе съ водоосвященіемъ совершено костромскимъ преосвященнымъ Виталиемъ. Мѣсто, назначенное для памятника, окроплено св. водою, послѣ чего провозглашено было многолѣтіе Государю Императору Николаю Павловичу и всему Царствующему дому. Велѣдъ за многолѣтіемъ началась закладка бута. На материкѣ земли положены кирпичи въ углахъ: преосвященнымъ Виталиемъ къ востоку, губернаторомъ Жуковымъ къ сѣверу, правящимъ должность губернскаго предводителя дворянства М. П. Куприяновымъ къ западу и городскимъ головою Н. П. Малышевымъ къ югу. Костромскою купецъ А. Ермолинъ, одинъ изъ потомковъ знаменитыхъ костромскихъ

¹⁾ Костромск. Губернск. Вѣдом. 1841 года.

кирпичниковъ, спеціально для бута намитника приготовилъ 100,000 кирпича желѣзняка, самаго лучшаго по своей добротѣ¹⁾).

Въ началѣ августа, въ усадьбѣ Бурмачки, находящейся въ 7 верстахъ отъ гор. Костромы по Нерехтскому тракту, открытъ дочерью генераль-маіора Софіей Шкотъ благородный пансіонъ для воспитанія дѣвицъ изъ дворянъ, оберъ-офицеровъ, священнослужителей и купцовъ. Въ числѣ условій для поступленія въ этотъ пансіонъ было одно оригинальное обязательство имѣть двѣ серебряныя ложки — столовую и чайную, которыя, по окончаніи курса обученія воспитанницы, поступаютъ въ собственность пансіона²⁾).

Въ томъ же году вышло Высочайшее повелѣніе объ установленіи съ обывателей города Костромы и Костромской губерніи сбора, въ продолженіи 4-хъ лѣтъ, на устройство тюремъ и присутственныхъ мѣстъ города и губерніи. Сборъ этотъ взимался съ купеческихъ капиталовъ по $\frac{10}{40}$ ежегодно, а съ податныхъ душъ въ первые 3 года по 4, а въ послѣдній по 3 коп. серебромъ³⁾).

Къ концу 1844 года прибылъ въ Кострому сенаторъ тайный совѣтникъ князь Лобановъ-Ростовскій, для обревизованія губерніи. Ревизія его продолжалась весь 1845 годъ, но результаты этой ревизіи остались неизвѣстны. Опубликовано было только въ № 36 Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1845 годъ для всеобщаго свѣдѣнія, что въ Велугѣ въ портфель подпоручика Золотова, командированнаго туда ревизующимъ сенаторомъ, найденъ неизвѣстно кѣмъ положенный съ неблаговидною цѣлью бумажный свертокъ съ двадцатью полумперіалами и тремя сорокафранковыми французскими монетами, каковыя деньги и переданы въ капиталъ приказа Общественнаго Призрѣнія.

Принимая во вниманіе, что въ г. Костромѣ и нѣкоторыхъ уѣздахъ губерніи весьма развита мануфактурная фабричная промышленность, въ Кострому назначенъ былъ въ 1845 году губернской механикъ съ помощникомъ, дѣятельность котораго должна была

¹⁾ Е. П. Вознесенскій, стр. 72; Костр. Губ. Вѣд. 1842 года.

²⁾ Костр. Губ. Вѣд. 1843 года, № 24, стр. 86.

³⁾ Костр. Губ. Вѣд. 1843 г., № 44, стр. 359.

заключаться въ осмотрѣ мануфактурныхъ заведеній, въ совѣтахъ относительно возможныхъ улучшеній въ фабричномъ дѣлѣ и производствѣ различныхъ фабричныхъ построекъ ¹⁾).

15 января 1847 года, послѣдствіе словеснаго предложенія начальника губерніи Константина Никифоровича Григорьева, открыто было въ г. Костромѣ Губернское попечительство о дѣтскихъ приютахъ. На открытіе собралось почетный членъ попечительства преосвященный Густинъ, епископъ Костромской и Галичскій, и дѣйствительные члены: губернский предводитель дворянства Григорій Ивановичъ Головинъ, вице-губернаторъ Иванъ Лукичъ Крыловъ, управляющій палатою государственныхъ имуществъ Александръ Павловичъ Шинковъ и городской голова Василій Ивановичъ Стоюнинъ. Губернское попечительство, въ составѣ вышеозначенныхъ лицъ, постановило открыть въ г. Костромѣ приютъ для дѣтей обоаго пола на средства попечительства, состоящія изъ пожертвованныхъ разными лицами 5370 руб. 58¹/₂ коп. въ домѣ, также пожертвованномъ для приюта князьями Козловскими, и избрать администрацію этого приюта. Попечительницею приюта избрана была супруга начальника губерніи Надежда Ивановна Григорьева, директоромъ Александръ Павловичъ Шинковъ и врачомъ медикъ, состоящій при удѣльной канцеляріи Моравекъ. Кроме того, постановлено было ходатайствовать о присвоеніи устраниваемому приюту имени великой княгини Маріи Николаевны. 8 марта того же года послѣдовало утвержденіе администраціи приюта, а также и Высочайшее соизволеніе на присвоеніе приюту названія Маринскаго ²⁾. Средства на устройство приюта продолжали стекаться и пополнились солидной суммой въ 3000 р., пожертвованный костромскимъ уроженцемъ, Платономъ Васильевичемъ Голубковымъ ³⁾.

Наконецъ, 10 іюня 1847 года состоялось торжественное открытіе приюта. Администрація, военные и гражданскіе чиновники и именитые граждане собралось въ церковь св. Сергія, что въ Полянскоей слободѣ, недалеко отъ которой на время было нанятъ домъ для

¹⁾ Губерн. Вѣд. 1846 года, № 21.

²⁾ Костр. Губерн. Вѣд. 1847 года, № 14.

³⁾ Прот. П. Островскій, стр. 154.

помѣщенія пріюта. Послѣ литургіи преосвященный съ духовенствомъ и со всѣми присутствующими отправился въ домъ пріюта, гдѣ предъ чудотворной Θεодоровекой иконой Богоматери совершили молебствіе съ водосвятиемъ и, по приглашеніи многолѣтня Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ и всему Царствующему дому, окропили комнаты пріюта святою водою. Тутъ-же, между присутствующими, собрана была въ пользу пріюта сумма въ 287 р. 30 к. серебромъ. При открытіи пріюта находились на лицѣ 40 чел. дѣтей, изъ которыхъ 8 мальчиковъ и 32 дѣвочки¹⁾.

1847 годъ былъ однимъ изъ самыхъ несчастныхъ годовъ для города Костромы, такъ какъ въ теченіе одной недѣли четыре пожара опустошили лучшія части города и оставили массу людей безъ крова и имущества. Причина пожаровъ, не смотря ни на какія строгія слѣдствія, производившіяся нѣсколько разъ, такъ и осталась невыясненной, хотя народный гласъ упорно приписывалъ это поджогамъ. Одинъ изъ современниковъ, перенесшій на себѣ это несчастіе, слѣдующимъ образомъ описываетъ его: «въ первыхъ числахъ сентября начали ходить по городу слухи, будто Кострома скоро сгоритъ. Слухи эти распространялись разнаго сословія мальчиками, которые слышали злыя вѣсти отъ другихъ своихъ сверстниковъ, будто бы находившихъ записки съ предказаніями о бѣдѣ, грозившей Костромѣ. Такъ какъ доказательствъ, т. е. злобныхъ записокъ, налицо не было, то ни жители Костромы, ни правительствомъ не обратили никакого вниманія на эти слухи, казавшіеся неважною болтовнею легковѣрныхъ мальчиковъ. Прошли спокойно 4 и 5 сентября, и даже самые мнительные изъ жителей Костромы успокоились. Но съ 5 на 6 сентября, часа въ 2 за полночь, вспыхнулъ пожаръ на Никольской улицѣ, въ надворныхъ строеніяхъ купца Энгерта и крестьянина Лигова. Огонь, забравшись въ огромныя деревянныя строенія, при сильномъ вѣтрѣ, не болѣе какъ въ одинъ часъ, обнялъ девять каменныхъ домовъ на Никольской и Марьяинской улицахъ. Трудно было прекратить пожаръ, но трудность эта и вмѣстѣ ужасъ усилились, когда въ тоже время вспыхнуло пустое зданіе за горо-

¹⁾ Костром. Губери. Вѣд. 1847, № 21.

домъ и большой складъ дровъ на берегу рѣки Костромы, въ разстояніи отъ начала пожара не менѣе полутора версты, и когда въ тоже время начали пробѣгать слухи между народомъ, будто горитъ Платіевская слобода, горитъ Нижняя Дебря, лежащая въ совершенно противоположныхъ концахъ города. Народъ, видя необыкновенный пожаръ и увлеченный новыми злобными слухами, разъединился, а между тѣмъ пожаръ, перейдя поперекъ Марыинской, Павловской и Еленинской улицъ, распространился опустошительною огненною лавою по Богоявленской и перешелъ въ Пятницкую, Царевскую, Кадыевскую и Спасскую улицы. Въ 7 час. утра загорѣлись зданія Богоявленскаго монастыря и такъ скоро объяты были пламенемъ, что монахи и народъ, собравшійся тамъ для спасенія церковной движимости, не могли выйти изъ монастыря иначе, какъ черезъ отверстіе, наскоро пробитое въ каменной стѣнѣ. Здѣсь, казалось, пожаръ приостановился, но сильный юговосточный вѣтеръ снова раздулъ пламя въ догорѣвшихъ зданіяхъ, отъ которыхъ оно пошло по направленію вѣтра и потребило зданія по всей Власьевской улицѣ, въ концѣ которой, у церкви Власія, сохранилось отъ огня не болѣе 10 домовъ. Такимъ образомъ, менѣе, чѣмъ въ 10 часовъ, пожаръ уничтожилъ 118 домовъ и весь Богоявленскій монастырь, за которымъ обгорѣла и приходская церковь св. Троицы. Къ несчастью, въ это время не было въ городѣ начальника губерніи, за три дни передъ тѣмъ выѣзжавшаго для ревизіи губерніи.

«Минували 6 и 7 сентября. Къ вечеру послѣдняго дня возвратился въ Кострому губернаторъ, извѣщенный о бѣдѣ, постигшемъ губернской городъ. 8 сентября почетельный начальникъ губерніи, сѣднившій открыть подписку на пожертвованія въ пользу погорѣвшихъ жителей, къ 11 часамъ утра получилъ вѣсть, что въ Троицкой улицѣ, при домѣ чиновника удѣльной конторы Поляскаго, загорались въ двухъ мѣстахъ надворныя службы со стороны сада, но хозяева скоро увидѣли огонь и затушили. Эта вѣсть промчалась по Костромѣ, какъ вѣсть о поджогахъ, но нѣкоторые, и преимущественно губернаторъ, увѣрили, что это могло произойти отъ прежняго пожара, раздутаго вѣтромъ. Но умы жителей Костромы волновались: многие начали подозрѣвать, что въ Костромѣ есть

злодѣи-зажигатели. Между тѣмъ подметныя письма съ угрозами пожаровъ не прекращались. Губернаторъ всячески старался успокоить городъ, но не далѣе какъ 9 сентября, въ 7 час. по полудни вспыхнулъ пустой флигель и съ нимъ рядомъ домъ Зворыкиныхъ. Народъ, воодушевленный присутствіемъ и дѣятельнымъ участіемъ губернатора, вырвалъ, такъ сказать, изъ огня другой флигель Зворыкиныхъ, стоявшій рядомъ съ сгорѣвшимъ домомъ, и пожаръ прекратился. Въ это время нѣкоторые незначительныя лица изъ приѣзжихъ, оказавшіяся безъ паспортовъ, заподозрѣны въ поджигательствѣ и взяты подѣ стражу. На слѣдующій день, 10 сентября, подметныя письма, грозившія новыми пожарами появились еще въ большемъ количествѣ, нѣкоторые изъ нихъ и мѣловая подипись на заборѣ близъ Ильинской церкви заключали въ себѣ злую вѣсть о пожарѣ, именно въ этотъ день, на Русной улицѣ съ означеніемъ времени въ 8 часовъ вечера. И дѣйствительно, еще безъ четверти въ 7 часовъ вспыхнулъ пожаръ на Русной улицѣ, въ тѣсномъ дворѣ при домѣ Потоцкой. Этотъ пожаръ, съ такою точностью предсказанный, нагналъ такой ужасъ на жителей Костромы и поселилъ такое вѣрованіе въ силу и дерзость злодѣевъ, что всѣ почти прибѣгавшіе на пожаръ для прекращенія его, немедленно въ ужасѣ возвратились въ свои дома, ожидая и себѣ подобной участи. Хозяева погорѣвшихъ домовъ спасали свое имущество, а пламя при вѣтрѣ быстро распространялось. Безпримѣрная дѣятельность губернатора, безъ народа, при утомленной пожарной командѣ, не въ состояніи была ни прервать пожара, ни возстановить строгій порядокъ въ охраненіи отовсюду выносимаго имущества. Въ эту ночь пожаръ опустошилъ другую лучшую часть города: почти половину Русной улицы, на которой были всѣ лучшіе постоянные дворы и гостиницы, половину Никольской, половину Богоявленской, часть Марыинской улицъ и фабрику Дурыгина—всего 66 домовъ.

Многіе изъ жителей начали громко говорить, что они признаютъ виновниками сего бѣдствія поляковъ, но это было только какое то неясное подозрѣніе, не имѣющее прямыхъ доказательствъ. Поводомъ къ подозрѣнію было то обстоятельство, что, не далѣе какъ за мѣсяць до пожаровъ, были привезены въ Кострому барельефы

для памятника Сусанина и уже утверждены на pedestals, а на одномъ изъ нихъ изображены поляки, убивающіе Сусанина.

«Настало, продолжаетъ очевидецъ, 11 сентибри. Солнце осветило дымищійся развалины города, пламя еще добирало остатки, жители еще не опоминились отъ ужасовъ минувшей ночи, какъ въ 7 час. утра снова услышали тревогу съ колокольнымъ Покровекой церкви, что въ Крутищахъ: въ дальнемъ разстояніи отъ вчерашняго пожара увидѣли новый пожаръ; огонь мгновенно охватилъ надворныя строенія, флигель и самый домъ кунца Вавилова. Этотъ послѣдній ударъ по свѣжимъ ранамъ совершенно уничтожилъ остатки бодрости жителей Костромы. Хотя этотъ пожаръ ограничился однимъ домомъ со службами, но жители въ ужасѣ, въ безотчетномъ страхѣ робко собирали свое имущество и шли съ нимъ на окраины города. Нельзя вообразить болѣе безотраднago положенія, въ какомъ находились жители Костромы; чтобы имѣть объ этомъ понятіе, надобно было быть очевидцемъ невыразимаго страха и бѣгства изъ своихъ домовъ. Городъ опустѣлъ, потому что не осталось ни одного дома, откуда жители не выбрали бы своихъ имущества и не перенесли бы его на окраины города, гдѣ не погорѣвшіе смѣшались съ погорѣвшими въ одинаковомъ безпорядкѣ. Состояніе наше, говоритъ очевидецъ, было ужасно, безотраднo. Мы ждали врага изъ-за угла. По урочнымъ часамъ, назначеннымъ для пожаровъ, мы ожидали ихъ; въ часы свободные отъ угрозъ, мы не знали, что дѣлать, да и не могли спокойно заниматься своими дѣлами отъ всеобщаго разстройства, отнявшаго у насъ всю дѣятельность. Кто имѣлъ нужду въ свиданіи съ своимъ знакомымъ, или съѣдомъ, тотъ съ великимъ трудомъ могъ отыскать его, не зная, гдѣ онъ помѣстился съ своимъ имуществомъ. Погорѣвшіе и не погорѣвшіе одинаково нуждались въ жизненныхъ припасахъ и болѣе всего въ хлѣбѣ, потому что и торговля разстроилась, а печенаго хлѣба требовалось несравненно болѣе противъ обыкновеннаго. День за днемъ проходили въ разныхъ толкахъ и томительныхъ ожиданіяхъ или новыхъ пожаровъ, или раскрытія злоумышленниковъ, а на ночь весь городъ обращался въ стражу: каждый домъ охраняемъ былъ или хозяиномъ или прислугой, а между тѣмъ, по окраинамъ города,

при имуществѣхъ, слышались и говоръ кочующихъ и ихъ охранителей, и плачь дѣтей, и ревъ скота, и лай собакъ.

«Городъ раздѣленъ былъ на участки, принятыя подъ свое попечительство значительными лицами изъ обывателей; каждый изъ нихъ съ патрулемъ изъ обывателей объѣзжалъ по ночамъ нѣсколько разъ свой участокъ.

«20 сентября жители Костромы начали подворяться въ свои жилища, но ни стража съ домовъ не снималась, ни имущество не разбиралось до половины октября, когда мало-по-малу начали разбираться съ имуществами»¹⁾).

Для разъясненія причины этихъ пожаровъ назначена была слѣдственная коммиссія, результатомъ работъ которой были аресты нѣсколькихъ поляковъ, подозрѣваемыхъ въ поджогахъ²⁾. Однако векорѣ

¹⁾ Прот. П. Островскій. Историч. записки о Костромѣ, стр. 154—159. Описание пожара очевидно приведено почти дословно.

²⁾ Дѣло принимало серьезный оборотъ. Вотъ какъ описываетъ это дѣло Михаилъ Соколовскій въ Историческомъ Вѣстникѣ. (Августъ 1908 г., стр. 546).

Время было строгое. Разговоры тогда не любили. Полици нужно было действовать, и действовать рѣшительно. Възъ большихъ церемоній было арестовано 54 человека, въ томъ числѣ и нижние чины: 12 человекъ мѣстнаго гарнизоннаго батальона, 4 человека Суздальскаго пѣхотнаго полка и одинъ инвалидъ. Поводомъ къ аресту послужили: какіи-нибудь слова относительно пожаровъ, бытность въ штейномъ домѣ и хожденіе по городу въ нѣскомъ видѣ, имѣніе при себѣ табаку, трубокъ, сигаръ, фосфорическихъ спичекъ по нѣскольку штукъ, или цѣльными коробочками.

При первомъ пожарѣ гражданскій губернаторъ, действительный статскій совѣтникъ Григорьевъ находился въ Макарьевѣ, но, получивъ свѣдѣніе о пожарѣ, 8 сентября явился въ Кострому, гдѣ тотчасъ назначилъ коммиссію для производства слѣдствія. Въместѣ съ тѣмъ губернаторъ отдалъ распоряженіе объ арестованіи чиновниковъ полковъ, состоящихъ на службѣ въ Костромѣ, при чемъ были отправлены въ мѣстный тюремный замокъ врачъ Ходоровичъ, губернскій архитекторъ Кудоровскій, его братъ лѣсничій Кудоровскій, гражданскій инженеръ Свищицкій, коллежскій секретарь Султановъ, отставной штабсъ-ротмистръ Свищевскій, дворяне: Кучаровскій, Вѣлиновичъ и Кондрацкій. Поводомъ къ такому арестованію послужило общественное мнѣніе костромитинъ, видѣвшихъ въ полякахъ поджигателей. По этой же причинѣ губернаторъ пошелъ въ сношеніе съ военными властями о томъ, чтобы нижние чины изъ полковъ были отдѣлены отъ остальныхъ военнослужащихъ, состояли подъ надзоромъ начальства и отнюдь не наряжались въ караулъ.

Какъ доносилъ губернаторъ на Высочайшее имя, «уныніе, наведенное поджигательствомъ, столь велико, что не только погорѣвшіе, но и жители домовъ, уцѣлѣвшихъ отъ пожаровъ, выбрались на берегъ Волги, гдѣ почуютъ подъ открытымъ небомъ».

Векорѣ отыскался мальчикъ Богомоловъ, линишійся свидѣтелемъ разговора о якобы сдѣланномъ въ кружкѣ мѣстныхъ поляковъ заговорѣ на поджогъ. Богомоловъ удостовѣрилъ, что онъ слышалъ слова Кондрацкаго къ Кучаровскому: «надо же помянуть Сусанина», а также вопросъ Ходоровича на объѣдъ: «когда же начнемъ помянуть Сусанина»? Этотъ же свидѣтель показалъ, что къ Кучаровскому часто заходилъ унтеръ-офицеръ Яромевичъ, которому тотъ совѣтовалъ уговаривать нижнихъ чиновъ «выжечь» Кострому. Съ другой стороны, кантонистъ Степановъ показалъ, что поляки раздавали солдатамъ спички, свѣчи и деньги, и рѣшили сдѣлать поджогъ вблизи памятника Ивана Сусанина; при этомъ Степановъ указалъ на рядового Щепковского, какъ на перваго человека, произведшаго поджогъ. Наконецъ, служившая у Ходоровича женщина Мельникова подтвердила существованіе польскаго заговора.

Различныя власти уведомляли центральные органы, что въ поджогахъ подозрѣваются поляки. Нуженъ былъ въ слѣдственной коммиссіи вѣрный и беспристрастный человекъ.

послѣдовало Высочайшее повелѣніе немедленно освободить заключенныхъ подѣ стражу, отозвать костромскаго гражданскаго губернатора Григорьева въ Петербургъ и предать его военному суду при С.-Петербургскомъ ординарцаузѣ за пренанеіе власти ²⁾).

Такимъ образомъ адъютантъ дежурнаго генерала главнаго штаба капитанъ Огаревъ, который и былъ командированъ въ Кострому. Туда же былъ отправленъ и флигель-адъютантъ фонъ-Бринъ, съ посольемъ въ 7.500 рублей въ пользу пострадавшихъ; послѣдній также сталъ принимать участіе въ слѣдственныхъ дѣлахъ.

Съ прибытіемъ свѣжихъ лицъ, свободныхъ отъ слуховъ стоустой молвы и отъ мелкаго ширка слухой провинціи, слѣдствіе повернуло свое теченіе. Эти новыя лица установили, что нижніе чины принимали дѣтельное участіе въ тушеніи пожара; они обнаружили, что «губернаторъ былъ самъ увлеченъ молвою» и что Ярошевничъ и Щонковский, въ надеждѣ «исторгнуть у нихъ признаніе», были при допросахъ наказываемы розгами, а Ходоровичъ былъ водимъ по городу подѣ конвоемъ солдатъ и жандармовъ.

Императоръ Николай Павловичъ, получивъ объ этомъ свѣдѣнія, былъ крайне возмущенъ дѣятельностью губернатора. Въ силу справедливости, забывъ польское возстаніе, Государь принялъ сторону поляковъ и на рапортѣ флигель-адъютанта Врина, 23 октября 1817 года, положилъ резолюцію: «представить сегодня же въ комитетъ министровъ и послать фельдъегери арестовать губернатора и привезти сюда, гдѣ и отдать военному суду, подѣ арестомъ». Въ то же время въ управленіе губерніей вступилъ генераль-адъютантъ князь Италійскій, графъ Суворовъ-Рымникскій, внукъ знаменитаго Суворова.

Продолжая слѣдственные дѣйствія, флигель-адъютантъ Вринъ, замѣтивъ на очныхъ ставкахъ, что кантонистъ Степановъ говорилъ неуверенно, обнаруживалъ робость и блѣднѣлъ, сталъ усовѣщивать его показывать одну только правду. На другой день Степановъ, явившись въ комиссію, показалъ, что онъ ложно оговорилъ Ходоровича, такъ какъ на первомъ допросѣ у губернатора онъ былъ наказанъ розгами и очень испугался. Черезъ нѣсколько дней отрокаясь отъ своихъ прежнихъ показаній и свидѣтельница Павлова. По донесенію о семъ Государю, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ опубликованіи всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствій въ мѣстной губернской газетѣ.

Выяснившаяся фальшивость направленія слѣдствія, вызванная излишнею допѣрчивостью губернатора къ циркулировавшимъ въ Костромѣ слухамъ, оправдывалась, по донесенію князя Суворова, тѣмъ, что Григорьевъ имѣлъ сложна направленное усиліе отыскать виновниковъ неостыжимыхъ бѣдствій города; личной же неприязни губернаторъ не питалъ ни къ одному арестованному.

Военно-судная комиссія приговорила губернатора Григорьева къ содержанію подѣ арестомъ на четыре мѣсяца и къ отставленію отъ службы. Дѣло поступило на заключеніе генераль-аудиторіата, который призналъ, что губернаторомъ Григорьевымъ «беззипно-подвергнуты были тюремному заключенію и позору шогіи лица изъ польскихъ уроженцевъ по неосновательному подозрѣнію въ злонамѣренныхъ зажигательствахъ, а двое изъ нижнихъ чиновъ тѣлесному наказанію въ видѣ пытки, строго запрещенной закономъ, и что эти несообразныя дѣйствія его утвердили въ народѣ заблужденіе о существованіи между поляками заговора на зажигательство». Поэтому генераль-аудиторіатъ полагалъ «написать дѣйствительнаго статскаго совѣтника въ ридоме и опредѣлить на службу. Вместе съ тѣмъ генераль-аудиторіатъ установилъ наличность обстоятельствъ, могущихъ служить въ облегченіи участи подсудимаго Григорьева—наличность беззипрочной службы, высокихъ нравственныхъ его качествъ, разумныхъ его распоряженій постѣ пожара учрежденіемъ комитета для сбора пособій и народомъ для охраны имущества карауловъ; кроме того, нужно было принять во вниманіе долготерпеніе, болѣе года, содержаніе Григорьева подѣ арестомъ. Въ виду изложеннаго, генераль-аудиторіатъ полагалъ выгнать Григорьеву въ наказаніе бытность подѣ судомъ.

9 декабря 1817 года Государь подтвердилъ дѣло резолюціей: «выгнать судъ въ наказаніе, г. Григорьева уволить отъ службы, а въ прочемъ быть по сему».

Вотъ какимъ образомъ разсѣялся приракъ шпимаго польскаго заговора. Губернаторъ, введенный въ заблужденіе слухами и сильно повѣрившій пословичному афоризму: «гласъ народа — гласъ Божій», переписалъ свою власть и очутился подѣ строгимъ военнымъ судомъ, кончившимся, въ общемъ, для него благополучно.

²⁾ Прот. П. Острѣвскій. Историч. записки о Костромѣ, стр. 160.

5 ноября прибылъ вновь назначенный военнымъ губернаторомъ г. Костромы и костромскимъ гражданскимъ губернаторомъ генераль-адъютантъ Александръ Аркадьевичъ князь Италійскій, графъ Суворовъ Римникскій. Первымъ дѣломъ новаго начальника губернии было успокоить жителей Костромы и возстановить нормальный ходъ жизни. Молва и разказы о поджогахъ, одинъ другихъ неслышѣ, продолжали циркулировать по городу, что заставило начальника губернии издать циркуляръ по городской и земской полиціи и увѣщаніе къ жителямъ города, въ которыхъ, между прочимъ, генераль-губернаторъ говоритъ, что «молва насчетъ заговора поляковъ пестрѣять все русское не имѣетъ ни малѣйшаго основанія, какъ то показало строжайшее слѣдствіе, и что виновные въ поджогахъ, если они дѣйствительно были, не избѣгутъ законной кары, но что за всякіе толки въ народѣ о минимомъ заговорѣ разглашатели будутъ подвергаемы отвѣтственности, какъ нарушители общественнаго спокойствія ¹⁾».

По этому же поводу генераль-губернаторъ Суворовъ писалъ слѣдующее письмо отъ 12 ноября 1847 года бывшему тогда костромскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства Головинну: «М. Г. Григорій Ивановичъ! Дошло до свѣдѣнія моего, что проживающій здѣсь въ Костромѣ г. помѣщикъ Варенцовъ, вечеромъ 8 сего ноября, бывъ въ числѣ другихъ гостей у князя Козловскаго, между разговорами о постигшихъ городъ несчастіяхъ, съ непонятною для меня увѣренностію, продолжаетъ донышѣ относить вину пожаровъ къ умысламъ г. надворнаго совѣтника Ходоровича и его семейства. Небезызвѣстно вашему превосходительству, сколь неосновательно было взведено обвиненіе на г. надворнаго совѣтника Ходоровича и его семейство, и Государь Императоръ, по собственному въ томъ убѣжденію, немедленно Высочайше повелѣтъ соизволилъ освободить г. Ходоровича съ семействомъ изъ-подъ стражи. Въ день моего прибытія въ Кострому, я имѣлъ честь принимать ваше превосходительство съ нѣкоторыми изъ лучшихъ г.г. дворянъ и лично выразилъ предъ вами это убѣжденіе Его Императорскаго Величества. Высочайшая воля Государя Императора не подлежитъ даже одоб-

¹⁾ Костр. Губ. Вѣд. 1847 г., № 45.

ренію нашему: она только принимается съ благоговѣніемъ; тѣмъ менѣе имѣеть кто-либо право оуждать распоряженія свещенной власти Его Величества. Съ другой стороны, я еще до сихъ поръ не вижу никакихъ основаній, почему нѣкоторые безпокойные умы, подобно г. Варенцову, приписываютъ постигшее ихъ зло исключительно урожденцамъ западныхъ губерній и не обратятся къ самимъ себѣ? Большое количество уголовныхъ дѣлъ въ здѣшнемъ краѣ вовсе не доказываетъ, чтобы дѣйствительный виновникъ зла рѣшительно не могъ быть изъ среды самихъ-же коренныхъ жителей. Сколько ни страшно для меня въ настоящемъ случаѣ поведение г. Воронцова, я не рѣшился однакожь на первый разъ дать дѣлу официальной гласности и счелъ долгомъ обратиться къ вашему превосходительству, какъ представителю дворянства Костромской губерніи, съ покорнѣйшею просьбою вынудить г.г. дворянамъ, что повтореніе прежнихъ неслѣпыхъ толковъ будетъ нынѣ уже не неслѣпость, а дерзость—осуждать распоряженія высшей власти, и я на будущее время найду въ непріятной необходимости донести о томъ непосредственно Его Императорскому Величеству».

Между тѣмъ отовсюду въ комитетъ для погорѣльцевъ г. Костромы поступали деньги, теплая одежда, разнаго рода платье, обувь и повинна; кромѣ того пожертвовали: кнѣземекій городекой голова Поляновъ 85 кулей ржаной муки и извѣстный костромекой благодѣтель Платонъ Васильевичъ Голубковъ 3000 руб. на разорившихся жителей города и 1000 руб. на поправку обгорѣвшей церкви Св. Троицы.

9 ноября, послѣ архіерейскаго служенія въ Успенскомъ соборѣ, уполномоченный фангель-адъютантъ полковникъ фонъ-Бринъ, въ приустьвнн членовъ комитета, раздавалъ наиболѣе нуждающимся денежное пособіе изъ суммъ, пожертвованныхъ на сей предметъ Государемъ Императоромъ. Такимъ образомъ первыя, необходимыя потребности крайне нуждавшихся погорѣвшихъ жителей были по возможности удовлетворены ¹⁾.

¹⁾ Костр. Губ. Вѣд. 1847 г., №№ 41 и 48; прот. Островскій. Историч. записки о Костромѣ и ея святыхъ, стр. 161.

XVIII.

Холера въ Костромѣ. Закрытие мужского Боговиленскаго монастыря. Дарованіе льготы погорѣльцамъ города Костромы. Прощаніе костромичей съ пресвищеннымъ Густинимъ. Приѣздъ въ Кострому великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича. Открытіе памятника Царю Михаилу Осодоровичу и крестьянину Ивану Сусанину.

1 НОЯБРЯ 1847 года въ Костромѣ г. Пріоровою открытъ пансіонъ для воспитанія дѣвицъ дворянскаго, духовнаго и купеческаго званій, принятый впоследствии подъ покровительство Государыни Императрицы Александры Осодоровны ¹⁾.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ того же года, благодаря вторичному пожертвованію 3000 рублей П. В. Голубковымъ въ пользу Маринскаго дѣтскаго пріюта, явилась возможность приобрести для пріюта собственный домъ, купленный у Натальи Яковлевны Куприяновой, причемъ, при продажѣ дома, Куприянова пожертвовала на нужды пріюта 300 рублей, за что получила Высочайшую благодарность Государыни Императрицы ²⁾.

Въ 1848 году новое несчастіе постигло Кострому. Весною появилась холера, которая вырвала изъ среды жителей города жертвъ ³⁾. Сильному развитію холеры много способствовала густота народонаселенія города, такъ какъ, послѣ пожара того года, жители еще не успѣли выстроиться. Смертность въ этотъ годъ доходила до 73% ⁴⁾. Для борьбы съ эпидеміей въ Костромѣ былъ губернскій холерный комитетъ, усилено комендантскими войсками, городъ раздѣленъ былъ на 6 участковъ и въ каждомъ изъ нихъ назначено ка-

¹⁾ Прот. П. Островскій, стр. 164.

²⁾ Костр. Губернск. Вѣдом. 1848.

³⁾ По послѣдовавшимъ врачамъ
576 человекъ.

⁴⁾ Костр. Губернск. Вѣдом.

участкомъ назначенъ былъ участковый попечитель, обязанностью котораго было осведомляться въ своемъ участкѣ, нѣтъ ли больныхъ и не нуждаются ли больные въ какой либо помощи.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1848 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе закрыть мужской Богоявленскій монастырь и перевести его обратно въ Песошненскій монастырь ¹⁾, обгорѣвшія зданія передать въ духовно-учебное вѣдомство для постройки Семинаріи, а угодья отдать Ипатіевскому монастырю.

Желая предоставить болѣе средствъ Маріинскому приюту, генераль-губернаторъ г. Костромы князь Иларіонъ Иларіоновичъ Васильчиковъ предложилъ жителямъ города въ праздники Рождества Христова и Пасхи замѣнить обычные визиты своимъ знакомымъ денежнымъ пожертвованіемъ въ пользу приюта. Предложеніе это было принято сочувственно, и въ день Рождества Христова, 1848 года денежные пожертвованія поступили отъ 145 человекъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1849 года послѣдовало, въслѣдствіе ходатайства бывшаго Костромскаго генераль-губернатора Александра Аркадьевича Суворова-Рымнинскаго, Высочайшее повелѣніе о дарованіи льготъ погорѣльцамъ г. Костромы. Льготы эти состояли въ слѣдующемъ: 1) четыремъ купцамъ 2-й гильдіи и 28-ми третей, изъ числа пострадавшихъ отъ пожара 1847 года, предоставить льготу на пять лѣтъ отъ платежа гильдейскихъ повинностей съ тѣмъ, чтобы льгота опредѣляема была этимъ лицамъ по тѣмъ гильдіямъ, въ которыхъ каждый изъ нихъ состоялъ въ 1847 году, чтобы они воспользовались ею, начиная съ 1847 года; 2) 74-мъ лицамъ предоставить также пятилѣтнюю льготу отъ платежа податей, начиная съ 1849 г.; 3) числящуюся на мѣщанахъ города Костромы податную недоимку въ числѣ 10092 руб. серебромъ сложить; 4) отнести на земскій сборъ Костромской губерніи отопленіе и освѣщеніе тюремнаго замка и гауптвахты съ караульнымъ домомъ и отпустить изъ этого же сбора 9500 рублей на постройку, вмѣсто погорѣвшихъ, домовъ для городскихъ частей, каланчи, магистрата и сиротскаго суда; 5) назначить

¹⁾ Песошненскій монастырь находится въ 15 верстахъ отъ г. Костромы по Старо-Прославскому тракту.

изъ земскихъ же сборовъ въ пособіе квартирному сбору по 5000 руб. ежегодно, въ теченіе 5 лѣтъ ¹⁾.

За всѣ эти милости, оказанныя съ высоты престола, костромичи совершили въ Успенскомъ соборѣ благодарственное молебствіе. 14 мая 1850 года костромичи прощались со своимъ преосвященнымъ Густинемъ, переведеннымъ во Владиміръ. Насколько всѣ любили и уважали этого преосвященнаго, показываютъ его проводы. Когда послѣ литургіи преосвященный съ ясною печатью скорби вышелъ изъ алтара и со слезами на глазахъ сталъ испрашивать себѣ прощеніе у своей паствы, стѣны собора огласились искренними рыданіями. Г. военный губернаторъ Иванъ Васильевичъ Каменскій далъ въ честь преосвященнаго торжественный обѣдъ, другими обѣдами чествовали преосвященнаго костромское духовенство. 21 марта преосвященный Густинь оставилъ Кострому, призывая Божіе благословеніе на городъ, на Ипатіевскую обитель, на всѣ грады и веси и на всѣ дома и семейства костромской епархіи. ²⁾

8 августа того же года, въ 11 часовъ утра, прибыли въ Кострому великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи. Они, въ сопровожденіи своего воспитателя генерала Философова и губернатора Каменскаго, прямо подѣхали къ собору, гдѣ у святыхъ воротъ были встрѣчены преосвященнымъ костромскимъ Леонидомъ и духовенствомъ. Выслушавъ краткое молебствіе и осмотрѣвъ достопримѣчательности собора, великіе князья отправились въ приготовленную для нихъ квартиру, въ домъ А. П. Шипова. Здѣсь великимъ князьямъ представлялся преосвященный Леонидъ съ членами духовной консисторіи, причемъ Августѣйшіе братья выразили особое удовольствіе по поводу того, что «Господь привелъ ихъ посѣтить Кострому». Кромѣ Успенскаго собора великіе князья посѣтили Ипатіевскій монастырь и приходскую церковь Воскресенія Христова, что на Дебрѣ, замѣчательную по архитектурѣ XVII вѣка. Въ Ипатіевскомъ монастырѣ, въ царскихъ покояхъ, хранится слѣдующій

¹⁾ Предписаніе генералъ-губернатора Городекой Думѣ отъ 23 марта 1849 года, см. въ архивѣ Городекой Управы.

²⁾ Костромск. Губернск. Вѣдом. 1850 года, № 12., стр. 100, 101.

листъ, какъ памятникъ посѣщенія монастыря великими князьями: «Съ душевнымъ удовольствіемъ, по прибытіи въ Кострому, мы осмотрѣли древнюю обитель Инатіевскую и сохраняемыя въ ней достопримѣчательныя вещи, въ особенности тѣ смиренныя келы, гдѣ нѣкогда любезнѣйшій предокъ нашъ, юный Михаилъ Феодоровичъ съ матерью своею, инокинею Марією Іоанновною, обиталъ. Въ память чего мы оставляемъ за собственноручнымъ нашимъ подписомъ сей листъ. 8 августа 1850 года Николай. Михаилъ».

Вечеромъ Ихъ Императорскія Высочества приняли участіе въ народномъ гуляніи, устроенномъ на костромскомъ бульварѣ. Площади, улицы и оба бульвара были переполнены народомъ, въ особенности, маленькій бульваръ, когда великіе князья появились въ бесѣдкѣ, устроенной на берегу Волги, откуда представлялся Ихъ Высочествамъ видъ на Волгу и на село Городище, первоначальное мѣсто г. Костромы, гдѣ устроенъ былъ въ древнемъ стилѣ замокъ великолѣпно палатированный. Этотъ замокъ окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ горящими смоляными бочками.

Утромъ великій князь Николай Николаевичъ воспринималъ сына А. П. Шилова. Крещеніе назначено было въ залѣ г. Шилова. Въ 10 часовъ утра, предъ самымъ выходомъ Его Императорскаго Высочества, прибылъ въ залъ генералъ-адъютантъ Философовъ, который, при обзорѣ всѣхъ принадлежностей для предстоящаго крещенія, обратился къ хозяину дома съ вопросомъ: «вѣроятно, и крестикъ приготовленъ для возложенія на крещасмаго?» На утвердительный отвѣтъ г. Шилова генералъ сказалъ: «крестикъ для сего приготовить собственный у Его Императорскаго Высочества и освященъ въ здѣшнемъ Успенскомъ соборѣ».

Въ 10¹/₄ часовъ прибылъ въ залъ со своимъ, совоспитанникомъ Шуваловымъ великій князь Николай Николаевичъ для крещенія младенца. Восприемницею съ Его Императорскимъ Высочествомъ была вдова полковника Павла Яковлевна Сытина, теща г. Шилова. Когда началось крещеніе, туда же прибылъ и великій князь Михаилъ Николаевичъ со своимъ совоспитанникомъ княземъ Трубецкимъ. Когда великій князь, по принятіи на свои руки младенца, два раза обошелъ купель, восприемница просила у Его Высочества

позволенія принять младенца на свои руки для несенія его въ третій разъ вокругъ купели, но Его Высочество сказалъ: «младенець мальчикъ, поэтому и въ третій разъ я долженъ нести воспри- нятаго мною младенца». Совершавшій таинство крещенія протоіерей городской Спасекой церкви Малиновскій, поднося св. крестъ для цѣлованія Августѣйшему восприемнику, по его собственному созна- нію отъ избытка душевной радости, забылъ осѣнить крестомъ ново- крещеннаго младенца и хотѣлъ уже положить крестъ, какъ великій князь сказалъ ему: «Батюшка! позвольте поцѣловать св. крестъ новопросвѣщенному».

Тотчасъ послѣ крещенія великіе князья, при колокольномъ звонѣ и стеченіи массы народа, выѣхали на лошадахъ изъ г. Ко- стромы по Кинешемскому тракту ¹⁾.

22 февраля 1851 года на имя губернскаго предводителя дво- рянства О. О. Чапна поступило отношеніе военнаго губернатора г. Костромы П. В. Каменскаго, въ которомъ онъ извѣщалъ, что, по всеподданнѣйшему докладу г. министра внутреннихъ дѣлъ, Госу- дарь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволить открыть памят- никъ Сусаннѣ 14 марта 1851 года.

Губернскій предводитель тотчасъ же извѣстлялъ объ этомъ всѣхъ дворянъ губерніи, а дворянское депутатское собраніе поста- новило: «дабы драгоцѣнное для каждаго гражданина въ память незабвеннаго отечественнаго событія торжество совершить прилич- нымъ образомъ, слѣдуетъ произвести расходы изъ суммъ дворянства до 2500 рублей». Эта сумма ассигнована была на наемъ квартиръ на случай пріѣзда въ Кострому потомковъ Сусанна, коро- бовскихъ бѣлопанцевъ, одиновчанинскихъ съ ними крестьянъ села Домнина, угощеніе ихъ и подарки, иллюминацію дворянскаго дома, выписку изъ Ярославля 3-го резервнаго пѣхотнаго полка, полнаго хора музыки, а также на угощеніе духовенства, штабъ и оберъ-офицеровъ и почетныхъ кунцовъ.

14 марта 1851 года, въ 9^{1/2} часовъ утра, преосвященнымъ Леонидомъ съ соборнымъ духовенствомъ начата была въ соборѣ литургія въ

¹⁾ Е. П. Вознесенскій. Путешеств. Высочайш. Особѣ, стр. 107—114.

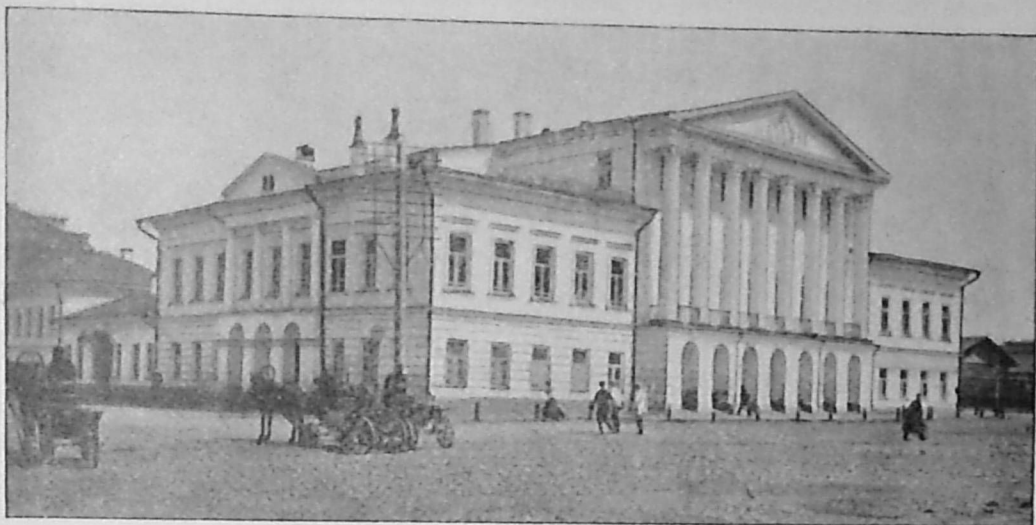

Памятник Царю Михаилу Феодоровичу и крестьянину Ивану Сусанину.

присутствіи г. военного губернатора Каменскаго, вице-губернатора князя Гагарина, губ. предводителя дворянства Чагина, ярославскаго губ. предводителя дворянства А. А. Волкова, нарочно прибывшаго для участія въ торжествѣ, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, дворянъ, купечества, коробовскихъ бѣлошанцевъ, крестьянъ села Домнина и массы народа. По окончаніи литургіи начался пѣть собора къ памятнику крестный ходъ. При появленіи церковныхъ хоругвей, выстроенные у св. воротъ батальонъ внутренней стражи съ военною музыкою и взводъ конныхъ жандармовъ отдали подобающую честь святымъ. Когда духовная процессія дошла до лѣваго фланга батальона, то парадъ, перестроившись въ колонну справа, двинулся вслѣдъ за процессіею церемониальнымъ маршемъ на Сусанинскую площадь, предшествуемый взводами жандармовъ. По прибытіи на площадь, войска построились вокругъ памятника съ трехъ сторонъ, а на четвертой передней сторонѣ памятника, обращенной къ Волгѣ, на устроенной эстрадѣ, остановился крестный ходъ и всѣ почетныя лица, принимавшія участіе въ процессіи. Крыши окружающихъ площадь гостининыхъ дворовъ и другихъ зданій, балконы и окна унизаны были зрителями, число коихъ простиралось до 3000 человекъ. По окончаніи построенія войскъ, по данному г. генералъ-губернаторомъ знаку, мгновенно упалъ съ памятника покровъ и глазу зрителей предсталъ величественный памятникъ. Немедленно войска отдали памятнику честь и могучее ура огласило воздухъ. Когда все умолкло, нижніе чины, сдѣлавъ на молитву, сняли кивера и началась молитва съ водосвятиемъ и возглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому.

Пресвященный Леонидъ, въ сопровожденіи духовенства, окропилъ памятникъ св. водою; затѣмъ началась панихида Царю Михаилу Ѳеодоровичу и крестьянину Ивану Сусанину. По окончаніи духовной церемоніи крестный ходъ возвратился въ соборъ, а военная музыка заиграла «Воле Царя Храни».

По окончаніи торжества открытія памятника, всѣ начальствующія лица отправились въ домъ кушца Первущина, бывшій Борцова, гдѣ приготовленъ былъ отъ дворянства обѣдъ для коробовскихъ

Бывшій домъ генерала Борщова, затѣмъ купца Первушина, гдѣ, при посѣщеніи г. Костромы, имѣлъ жительство Государь Императоръ Николай Павловичъ 7, 8, 9 и 10 октября 1834 года. Въ этомъ же домѣ 13, 14 и 15 мая 1837 г. имѣлъ пребываніе Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, будучи наслѣдникомъ престола. Въ настоящее время въ этомъ домѣ помѣщается Окружный Судъ.

бѣлопашцевъ. Объединенный залъ былъ украшенъ портретами и сложеными изъ оружія вензелями Государя Императора Николая Павловича, Царя Михаила Ѳеодоровича и картиною, изображающею подвигъ Сусанина.

Въ углахъ залы установлены были въ пирамидахъ заказанныя отъ дворянъ на память торжества бархатныя шапки для потомковъ Сусанина, опушенныя мѣхомъ, съ серебрянымъ позументомъ, на которомъ вышитъ день открытія памятника: «14 марта 1851 года».

Предъ окончаніемъ обѣда староста бѣлопашцевъ произнесъ: «миряне мои, встаньте и молитесь!» Потомъ, обратясь къ портрету Государя Императора, возгласилъ слѣдующіе тосты: 1) за Его Императорское Величество многія лѣта; 2) за Его Превосходительство, г. военного губернатора, многія лѣта и 3) за всѣхъ Костромскихъ дворянъ многія лѣта. При каждомъ тостѣ бѣлопашцы кричали «ура!» Затѣмъ староста провозгласилъ: «вѣчная память Царю Михаилу Ѳеодоровичу и прадѣду Ивану Сусанину!»

Посуда на этомъ обѣдѣ была вся русская, деревянная; чашки, тарелки, стаканы, кружки, стоны были окрашены пунцовою крас-

кою съ позолоченными клеймами; ложки и черенки у пожей и вилокъ были вызолочены. По окончаніи обѣда, каждому бѣлопанцу на память были даны бархатныя шапки, посуда, изъ которой они пили и ѣли, и по куляку, сшитому изъ малиноваго бархата, съ золотыми звѣздами, наполненному разными сластями.

Всѣмъ нижнимъ чинамъ, находившимся въ строю, коммисіонерамъ костромскаго питейнаго откупа, полковникомъ Шиповымъ, отпущено было по фунту рыбы и по 2 чарки вина на человека.

Въ 4 часа по полудни былъ обѣденный столъ отъ костромскаго дворянства на 250 кувертовъ, во время котораго губернскимъ предводителемъ дворянства провозглашены были тосты за здравіе Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома. Памятникъ, дворянскій домъ и весь городъ были иллюминированы. Въ теченіе цѣлаго дня продолжался колокольный звонъ.

Такимъ образомъ, въ день 14 марта 1851 года, костромичи воскресили въ своей памяти тотъ историческій, знаменательный не только для Костромы, но и для всей Россіи день, когда въ то же число, 238 лѣтъ тому назадъ, Кострома праздновала восшествіе на престолъ Михаила Теодоровича. ¹⁾

¹⁾ Костр. Губери. Вѣд. 1851 г., № 12; Е. П. Вознесенскій, сплн., стран. 77, 78, 80, 81 и 82; Коробицннъ. Историч. замѣтки и памятники Сусанина. Костр. Старина, стр. 207, 208, 209 и 210.

XIX.

Празднованіе 25-лѣтія царствованія Императора Николая Павловича въ Костромѣ. Крымская война. Открытіе попечительнаго о бѣдныхъ комитета. Выставка сельскихъ произведеній Костромской, Ярославской, Владимірской, Тверской и Вологодской губерній. Императоръ Александръ II. Призывъ ополченцевъ. Костромское ополченіе. Прибытіе въ Кострому депутатовъ черниговскаго дворянства. Открытіе въ Костромѣ губернскаго училища для дѣвицъ.

22 АВГУСТА 1851 года Кострома праздновала 25-лѣтіе царствованія Николая Павловича.

Послѣ торжественнаго молебствія въ соборѣ у генералъ-губернатора состоялся обѣдъ, на которомъ провозглашены были здравіи въ честь Ихъ Императорскихъ Величествъ. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ. Устроенные у городской заставы на Волгѣ триумфальныя ворота были залиты огнемъ. Но костромичи не удовольствовались только наружнымъ проявленіемъ вѣрноподданныхъ чувствъ, они захотѣли увѣковѣчить этотъ день какимъ-либо добрымъ дѣломъ на пользу бѣдныхъ ближнихъ.

Одинъ изъ костромичей, отставной коллежскій секретарь Дмитрій Федоровичъ Суворовъ, пожертвовалъ 30000 руб. на бѣдныхъ г. Костромы. Это пожертвованіе послужило основаніемъ для ходатайства объ учрежденіи въ г. Костромѣ попечительнаго о бѣдныхъ комитета, а также ходатайства открыть подписку по всей губерніи для увеличенія средствъ этого комитета, на что въ скоромъ времени и послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе. Жители губерніи быстро откликнулись на призывъ помочь бѣднымъ, и уже къ ноябрю мѣсяцу поступило пожертвованій 4812 рублей 17¹/₄ коп. ¹⁾

¹⁾ Костр. Губерн. Вѣдом. 1851 г., № 41.

8 декабря въ Успенскомъ соборѣ преосвященнаго костромскаго Леонидъ, со всеѣмъ городскимъ духовенствомъ, совершилъ отпѣваніе тѣла умершей Ольги Васильевны Рымшиной, родной сестры извѣстнаго благотворителя Платона Васильевича Голубкова. Ольга Васильевна имѣла большой капиталъ, вела весьма скромный образъ жизни и все ея занятіе заключалось въ дѣлахъ благотворительности и помощи бѣднымъ г. Костромы ¹⁾.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1852 года за рѣкой Волгой, въ загородномъ домѣ, открытъ былъ былъ г. Юрьевой частный пансіонъ для воспитанія дѣвицъ. Въ томъ-же году былъ основанъ въ Костромѣ полковникомъ Д. П. Шновымъ чугуноплавильный заводъ.

Въ 1853 году началась Крымская война, по случаю которой костромское дворянство и купечество, движимые любовью къ престолу и отечеству, тотчасъ же пожертвовали на нужды войскъ,— первое 25000 рублей единовременно и 40000 рублей ежегодно, на все время продолженія войны, а второе 3500 рублей, за что были удостоены Монаршей благодарности ²⁾.

16 мая 1854 года костромичи провожали партію юношей, въ количествѣ 20 человекъ, преимущественно учениковъ гимназій, пожелавшихъ отправиться въ дѣйствующую армію на защиту отечества. Послѣ литургіи въ Успенскомъ соборѣ, въ домъ дворянскаго собранія принесена была чудотворная Феодоровская икона Божіей Матери, предъ которой преосвященный Филофей совершилъ молебствіе и благословилъ отправляющихся на великій подвигъ. Губернскій предводитель дворянства А. А. Митроновъ обратился къ юношамъ съ патріотической рѣчью, начавъ ее такими словами:

«Благородные юноши! Насталъ часъ, многозначительный въ вашей жизни, часъ, когда вы скажете «прости» всему родному тому, что окружало васъ любовью и попеченіемъ, съ чѣмъ свыклись вы отъ колыбели и что, утрачивая надолго, быть можетъ теперь только оцѣниваете. Часъ этотъ многозначителенъ для васъ и потому, что съ него начинается ваша самостоятельная жизнь, за которую

¹⁾ Костр. Губерн. Вѣдом. 1851 г., № 50.

²⁾ Памяти. книжка Костр. губ., 1862 года, стр. 210; Костромск. Губернск. Вѣдом. 1851 года, № 10-й.

вы уже отвѣтите сами собою, линась съ тѣмъ вмѣстѣ охранительнаго руководства вашихъ достойныхъ наставниковъ, такъ попечительно соблюдающихъ вашу юность. Выслушайте же въ этотъ часъ прощальное мое слово къ вамъ съ полнымъ вниманіемъ и запечатлѣйте его въ самомъ сердцѣ». Продолжая далѣе рѣчь г. предводитель выслушалъ всю трудность пути, избраннаго юношами, пути полнаго лишеній и трудовъ, совѣтовалъ имъ съ терпѣніемъ и мужествомъ переносить ихъ и полюбить солдатское званіе во всей простотѣ его, такъ какъ воинъ, будучи защитникомъ вѣры, престола и отечества долженъ быть чистъ душею, благороденъ, безкорыстенъ, великодушенъ, трудолюбивъ и дѣятеленъ. Далѣе, одобряя ихъ похвальное стремленіе послужить ратному дѣлу, А. А. Мироновъ сказалъ: «взглядитесь пристальнѣе на прощаньи въ вашу родной городъ и пусть воспоминаніе о немъ приведетъ вамъ на память тѣ событія, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ. Эта икона, предъ свѣтлымъ ликомъ которой мы сейчасъ только молебствовали о вашемъ благополучномъ пути и просили на васъ благословенія небеснаго, есть чудотворный образъ Феодоровской Божіей Матери, явившейся здѣсь князю Василию; этотъ образъ, подъятый выборными всея Россіи, подвинулъ мать благословить сына на царство. Возьмите же образъ себѣ въ спутники и усердно молитесь, чтобъ Заступница соблюла васъ кѣрными, полезными и усердными слугами государства». Затѣмъ, приведя на память подвигъ Сусанны, г. предводитель закончилъ свою рѣчь словами: «теперь проснитесь съ вашими родными, поблагодарите вашихъ почтенныхъ воспитателей за все ихъ попеченія о васъ, поблагодарите дворянство за все добро вамъ оказанное—и Господь съ вами!»

Послѣ рѣчи предводителя дворянства молодые люди приложились къ чудотворной иконѣ Богоматери и прощались съ родными и знакомыми. Послѣ завтрака, которымъ угощало дворянство отъѣзжающихъ, молодые защитники отечества отправились въ Москву, въ сопровожденіи юрьевскаго предводителя дворянства П. Д. Козловскаго ¹⁾.

¹⁾ Прот. Островскій. Истор. записки о Костр., стр. 172, 226 и 229.

22 августа 1854 года, кромѣ празднованія днѣя коронаванія Императора Николая Павловича, Кострома праздновала еще знаменитую побѣду надъ врагами, одержанную въ азіатской Турціи генераломъ Вебутовымъ. На литургію, которую служилъ преосвященный костромской Филовей, собраны были воспитанники гимназій, училища дѣтей канцелярскихъ служителей и Маринскаго дѣтскаго пріюта, которые общимъ хоромъ пропѣли въ соборѣ «Отче нашъ». Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ. ¹⁾

20 ноября 1854 года торжественно открытъ въ Костромѣ попечительный о бѣдныхъ комитетъ, состоящій въ непосредственномъ вѣдѣніи Императорскаго Человѣколюбиваго Общества и имѣющій цѣлю облегченіе судьбы бѣднаго люда. Открытіе происходило въ домѣ костромскаго дворянства.

На основаніи нормальныхъ правилъ для губернскихъ выставокъ сельскихъ произведеній, по распоряженію г. Министра Государственныхъ Имуществъ, назначена была въ г. Костромѣ, въ послѣдней половинѣ сентября 1854 года, выставка сельскихъ произведеній Костромской, Ярославской, Владимірской, Тверской и Вологодской губерній. Вѣдѣствіе чего г. начальникомъ губерніи открытъ былъ подъ его предѣдательствомъ комитетъ, состоящій изъ губернскаго предводителя дворянства, управляющихъ—удѣльной конторы и палаты государственныхъ имуществъ и трехъ комиссаровъ изъ помѣщиковъ, по приглашенію губернскаго предводителя дворянства. Одинъ изъ комиссаровъ выставки П. А. Сальковъ приступилъ 13 сентября къ пріему вещей на выставку. ²⁾

18 февраля 1855 года скончался Императоръ Николай Павловичъ и на престолъ вступилъ сынъ его *Александръ II Николаевичъ*. Война продолжалась, и уже объявленъ былъ Высочайшій манифестъ о созывѣ государственнаго ополченія. Быстро начали по губерніи сформировываться ополченія и уже въ началѣ мая 1855 года костромскіе ополченцы, подъ руководствомъ опытныхъ, старыхъ солдатъ, начали обучаться военнымъ приемамъ.

¹⁾ Костр. Губерн. Вѣдом. 1854 года, № 43-й.

²⁾ Подробности объ этой выставкѣ см. въ статьѣ «Промышленность и торговля».

12 іюля 1855 года произошло торжественное освященіе двухъ знаменъ, Высочайше дарованныхъ Костромской и Буѣской дружинамъ. Знамя имѣло видъ прикрѣпленнаго къ деревку четырехъ-угольнаго платка, на зеленомъ полѣ котораго изображенъ золотой крестъ съ вензелемъ Императора Николая I, по призыву котораго образовалось ополченіе. На нижнихъ поляхъ знамени была помѣщена надпись: «за Вѣру, Царя и Отечество».

Освященіе знаменъ проходило на Сусаннской площади. Послѣ литургіи въ Успенскомъ соборѣ преосвященный Филофей съ крестнымъ ходомъ прослѣдовалъ на Сусаннскую площадь. Торжественное шествіе проходило въ такомъ порядкѣ: 8 причетниковъ въ стихаряхъ съ хоругвями, по два въ рядъ; 10 чиновъ городского общества, по два въ рядъ, съ значками Костромской дружины 1812 года; 10 діаконъ, по два въ рядъ, съ финифтяными образками, на одной сторонѣ которыхъ было изображеніе Θεодоровской Божіей Матери, а на другой св. Николая чудотворца, пожертвованными соборомъ для раздачи каждому ополченцу; губернскій и уѣздный предводители дворянства съ Θεодоровской иконой Богоматери и св. Николая чудотворца, пожертвованныя дворянствомъ для Костромского и Буѣскаго ополченій; два протоіерея Успенскаго собора: одинъ съ Θεодоровской иконой Богоматери, а другой съ напестольнымъ крестомъ, пожертвованными ополченію; архіерейскіе пѣвчіе, причетники, дьяконы, по два въ рядъ; діаконъ съ напестольнымъ крестомъ; 4 діакона съ иконой Спасителя, 4 священника, съ чудотворной иконой Θεодоровской Богоматери; пѣть городскіе священники, по два въ рядъ, два архимандрита и епископъ Филофей.

Какъ только процессія приблизилась къ памятнику Сусаннина, барабанщики и горнисты исполнили торжественный маршъ, которому наскоро были обучены, и дружины отдали воиную почесть. На помостѣ, противъ памятника Сусаннина, началось водоосвященіе и освященіе знаменъ. Затѣмъ преосвященный вручилъ знамена начальнику ополченія Θεодору Ивановичу Васькову, иконы—начальникамъ дружинъ, а финифтяными образками награждалъ каждого ополченца. Приведши дружины къ присягѣ и окропивъ ихъ св. водою, прео-

священный Филофей во главѣ процессіи тѣмъ же порядкомъ возвратился въ соборъ. ¹⁾

4 августа назначено было днемъ выступленія Костромского и Буйскаго ополченій, почему 2 августа городъ во дворѣ при домѣ Дворянскаго Собранія угощалъ обѣдомъ 2200 ратниковъ, а въ самомъ домѣ былъ обѣдъ отъ дворянства на 160 человекъ для начальниковъ ополченія и губернскихъ властей. Послѣ обѣда ратниковъ былъ обѣдъ отъ города для всѣхъ ихъ рождественниковъ, собравшихся провозжать ополченцевъ.

Все ополченіе Костромской губерніи раздѣлялось на 10 дружинъ. Для каждой дружины ратники набирались въ своихъ уѣздахъ, причемъ нѣкоторые уѣзды сводились вмѣстѣ. Во всемъ ополченіи находилось 199 офицеровъ, изъ числа коихъ 186 потомственныхъ дворянъ и 13 личныхъ. Выборъ офицеровъ въ дружины производился въ уѣздахъ, причемъ нѣкоторые уѣзды по малому числу дворянъ сводились вмѣстѣ ²⁾.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1855 года открылась первая бібліотека для чтенія и книжная лавка въ домѣ г-жи Колычевой на Русской улицѣ. Открылъ ее костромской мѣщанинъ и переплетчикъ И. В. Солониковакій. Какъ бібліотека, такъ и лавка снабжены были только русскими книгами по богословію, поэзіи и беллетристикѣ. Были также учебныя книги и журналы: Отечественныя записки, Современникъ, Библіотека для чтенія и Пантеонъ ³⁾.

Съ весны 1855 года акціонерное общество «Польза» открыло правильное парходное движеніе между Рыбинскомъ и Нижнимъ.

25 декабря того-же года скончался въ Варшавѣ костромской дворянинъ О. И. Васильковъ, костромскимъ дворянствомъ избранный начальникомъ Костромскаго ополченія. Тѣло его привезено было въ Кострому и торжественно погребено пресвященнымъ Филофеемъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

27 іюля 1856 года въ Кострому прибыла депутація черниговскаго дворянства, состоявшая изъ губернскаго предводителя,

¹⁾ И. П. Андрониковъ. Костр. Губ. Вѣд. 1855 г. № 32; Протоіерей Островскій, стр. 176.

²⁾ Памятная книжка Костр. Губ. 1862 г., стр. 240 и 241.

³⁾ Костр. Губ. Вѣд. 1855 г., №№ 47 и 48.

трехъ уѣздныхъ предводителей и четырехъ депутатовъ, и привезла съ собою въ даръ Ипатіевскому монастырю отъ черниговскаго дворянства мозаичный образъ свитителя Николая Чудотворца, превосходной работы русскаго художника Сивера, стоицій болѣе 12000 р. серебромъ.

Черниговское дворянство, по случаю неполнившагося двадцатипятилѣтня царствованія Императора Николая I, постановило сдѣлать два образа св. Николая Чудотворца, — одинъ для черниговскаго собора, другой для Ипатіевскаго монастыря, откуда вышелъ на царство родоначальникъ Императора Николая I. 28 іюля, послѣ литургіи, образъ былъ освященъ преосвященнымъ Филоосемъ, который пригласилъ депутацію въ свои покои на завтракъ. Того же числа депутація была приглашена начальникомъ губерніи на обѣдъ. 29 числа депутацію чествовало обѣдомъ костромское дворянство, а 30 городское общество. На дворянскомъ обѣдѣ губернскіе предводители обмѣнялись рѣчами, причемъ Костромской губернскій предводитель А. А. Мироновъ въ заключеніе своей рѣчи сказалъ: «отнынѣ между вами и нами, кромѣ общаго всему Россійскому дворянству единомыслія, устанавливается еще общеніе духовное! Всякій разъ, когда мы будемъ молиться предъ изображеніемъ принесеннаго вами угодника Божія, первая мысль по мольбѣ будетъ о васъ — мысль любовная и задушевная! Вы также вспомните иногда и о насъ съ сочувствіемъ и общимъ чувствомъ наше, основанное на преданности къ престолу и любви къ отечеству, въ духѣ православної вѣры, есть и пребудетъ съ нами и въ насъ непреложно». Отвѣчая на эту рѣчь, черниговскій предводитель дворянства въ заключеніе сказалъ: «да будетъ эта святая икона предъ Богомъ — теплою молитвою нашею о благоденствіи Царя и царства; предъ Государемъ — священнымъ выраженіемъ вѣрноподанническихъ чувствъ нашихъ; передъ вами костромскіе дворяне — доброю памятью о насъ, древнихъ славянскихъ братьяхъ нашихъ, хотя и отдаленныхъ, но тѣсно соединенныхъ съ вами несокрушимыми узами вѣры и вѣрноподанничества. Мы же свято хранимъ признательную память о вашемъ истинно-братскомъ гостепримствѣ»¹⁾).

¹⁾ Костр. Губернск. Вѣд. 1856 г.; Островскій, стр. 237.

31 іюля депутація черниговскаго дворянства выѣхала изъ Костромы.

29 іюля 1856 года преосвященный костромской Филодей выѣхалъ въ Москву, вызванный туда для присутствованія при коронаціи Императора Александра II, 3-го августа выѣхалъ туда же губернской предводитель дворянства А. А. Мироновъ, а 6 августа Костромской городской голова Дурьгинъ. Преосвященный взялъ съ собою копию съ Теодоровской иконы Богоматери для поднесенія ея Ихъ Величествамъ, а предводитель и голова—блюдо съ солонками для принесенія поздравленій Ихъ Величествамъ. Блюдо дворянства было серебряное вызолоченное съ изображеніемъ Ипатіевскаго монастыря, окруженнаго гербами 12 уѣздовъ, солонка въ русскомъ деревенскомъ стилѣ. Какъ блюдо, такъ и солонка работы костромскаго купца В. Савельева. Блюдо городского общества—также серебряное, вызолоченное, съ изображеніемъ двухъ моментовъ въ исторіи: мольбы московскаго посольства и Михайлъ Теодоровичъ, уже сядищій на тронѣ, окруженный духовенствомъ и дворянами; солонка изображала точный снимокъ памятника Сусанину, работы Костромскаго купца Костицына ¹⁾.

30 сентября, по возвращеніи изъ Москвы, губернской предводитель, пригласилъ въ домъ дворянскаго собранія дворянъ и передалъ имъ слова Монарха, сказанныя Имъ дворянству послѣ коронаціи: «Еще разъ благодарю васъ, господа, за усердіе и заслуги дворянства. Дворянство всегда было первымъ примѣромъ усердія и любви къ престолу и отечеству: такъ было всегда, и, Я увѣренъ, что такъ будетъ впередъ. Вы усладили послѣднія минуты моего незабвеннаго родителя. Отзывы ваши, которые Я самъ читалъ Ему, были лучшею, послѣднею душевною Его отрадою. Опъ говорилъ Мнѣ: надѣйся на нихъ и вѣрь имъ—и Я вамъ вѣрю, господа»—«Государь, вся наша жизнь принадлежитъ Вамъ, какъ принадлежала Вашему Августѣйшему родителю,» сказали нѣкоторые предводители.—«Вѣрю вамъ, господа, вѣрю. Благодаря Бога, тяжелые времена миновались; но еслибы они воротились, то Я увѣжденъ и всегда буду увѣренъ, что

¹⁾ Островскій, стран. 181.

была первымъ городомъ, откликнувшимся на слѣдующія слова, произнесенныя съ высоты престола: «да развивается повсюду и съ такою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности».

20 марта 1858 г. жители города Костромы наблюдали великолѣпное сѣверное сіяніе, продолжавшееся съ 9 до 11 часовъ вечера. Вѣроятно появились два неправильныхъ столба сѣтло-оранжеваго цвѣта. Затѣмъ эти столбы слились между собой въ видѣ дуги и въ продолженіе сѣверныхъ стали выдвигаться на средину горизонта, раздѣляя на двѣ равныя части. Въ это время дуга, раздѣлявшая горизонтъ, имѣла красно-багровый и, по мѣстамъ, малиновый цвѣтъ, а столбы состояли изъ блѣдно-зеленыхъ и желтоватыхъ полосъ. Между этими полосами были залиты слабымъ малиновымъ свѣтомъ.

Свѣтъ началъ

Минутами

Въ 10 часовъ

Въ 11 часовъ

Въ 12 часовъ

Въ 13 часовъ

Въ 14 часовъ

Въ 15 часовъ

Въ 16 часовъ

Въ 17 часовъ

Въ 18 часовъ

Въ 19 часовъ

Въ 20 часовъ

Въ 21 часовъ

Въ 22 часовъ

Въ 23 часовъ

Въ 24 часовъ

Въ 25 часовъ

Въ 26 часовъ

Въ 27 часовъ

Въ 28 часовъ

Въ 29 часовъ

Въ 30 часовъ

Суберн. Вед. 1858 г., № 13.

галичскій дворянинъ г. Вороновъ, обращаясь къ г.г. Перелешинымъ, сказалъ слѣдующіе имъ сочиненные стихи.

Во имя Руси православной
Отъ насъ привѣтъ, герои, вамъ!
Вы совершили подвигъ славный
На память будущимъ вѣкамъ.

Мы смѣло скажемъ вамъ, безъ лести:
Вы лавръ побѣдный обрѣли;
Для русской славы, русской чести
Вы больше сдѣлать не могли.

За то и Русь богатырями
Признала доблестными насъ;
Свиданье радостное съ вами
Всего отрадише для насъ.

Дай Богъ, сердечно мы желаемъ,
Вамъ въ міръ всякаго добра;
Привѣтъ нашъ общій заключаемъ:
Всѣмъ храбрымъ—«русское ура!»¹⁾.

По окончаніи выборовъ состоялись торжественный актъ въ губернской гимназій и три бала, данные дворянствомъ, купечествомъ и начальникомъ губерніи.

21 марта 1857 года Кострома прощалась со своимъ любимымъ архипастыремъ Филоосемъ, переведеннымъ въ Тверь. Духовенство поднесло преосвященному Теодоровскую икону Богоматери, а дворянство складень съ изображеніемъ угодниковъ Божіихъ, почивающихъ въ Костромской губерніи.

Въ іюнь мѣсяцѣ того же года съ верфи механическаго завода г. Шниова спущены два первыхъ пассажирскихъ парохода—«Алексѣй» и «Владиміръ», каждый по 60 силъ.

26 августа, въ день коронаванія Императора Александра II, въ Костромѣ, въ домѣ Солодовникова, на Павловской улицѣ, торжественно открыто было губернское училище для дѣвицъ, первое не только въ Костромѣ, но и во всей Россіи. Слѣдовательно, Кострома

¹⁾ Андрей Васильевъ. К. Г. В. 1857 г., № 3.

была первымъ городомъ, откликнувшимся на слѣдующія слова, произнесенныя съ высоты престола: «да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности».

29 марта 1858 г. жители города Кострома наблюдали великолѣпное сѣверное сініе, продолжавшееся съ 9 до 11 часовъ вечера. Сначала появились два неправильныхъ столпа свѣтло-оранжеваго цвѣта. Затѣмъ эти столпы слились между собой въ видѣ дуги и въ такой формѣ стали выдвигаться на среднюю горизонтъ, раздѣляя его на двѣ равныя части. Въ это время дуга, раздѣлявшая горизонтъ, имѣла красно-багровый и, по мѣстамъ, малиновый цвѣтъ, а радіусы ея состояли изъ блѣдно-зеленыхъ и желтоватыхъ полосъ. Промежутки между полосами были залиты слабымъ малиновымъ свѣтомъ ¹⁾.

¹⁾ П. П. Андрониковъ. Костр. Губерн. Вид. 1858 г., № 13.

XX.

Высочайшій рескриптъ кострому дворянству объ открытіи особаго комитета о помѣщичьихъ крестьянахъ. Прибытіе въ Кострому Императора Александра II, спускъ парохода въ присутствіи Ихъ Величествъ съ завода г. Шипова. Составъ комитета по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. Открытіе комитета. Воскресныя школы въ Костромѣ. 1861 годъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1858 года дворяне Костромской губерніи получили Высочайшій рескриптъ, въ которомъ, на изъявленное костромскимъ дворянствомъ желаніе открыть особый комитетъ для составленія проекта положенія о лучшемъ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, повелѣвалось: во 1-хъ, открыть въ Костромѣ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства изъ членовъ: а) двухъ отъ каждаго уѣзда губерніи, выбранныхъ изъ среды своей дворянами и в) двухъ опытныхъ помѣщиковъ, по назначенію губернатора; во 2-хъ, комитету сему тотчасъ же приступить къ работамъ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ Костромской губерніи. Причемъ въ Высочайшемъ рескриптѣ указывались и главныя основанія, которыя должны быть приняты во вниманіе при работахъ комитета.

15 августа 1858 года, въ 7 часовъ вечера, прибыли въ Кострому изъ Ярославля на пароходѣ Эстафетѣ, принадлежавшемъ обществу Самолетъ, Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, Государыня Императрица Марія Александровна и Августѣйшая дочь ихъ Марія Александровна. Уже съ утра Молочная гора, Сушанская площадь и берега Волги наполнились множествомъ народа, желавшаго видѣть своего Государя. Въ седьмомъ часу вечера показался дымъ отъ парохода и раздался звонъ тысячепудоваго колокола Успенскаго собора. Какъ только царскій пароходъ поравнялся

съ Платіевскимъ монастыремъ, начался зvonъ во всѣхъ городскихъ церквахъ и монастыряхъ. Сотни лодокъ понеслись навстрѣчу пароходу, многотысячная толпа заволновалась. Наконецъ, пароходъ подошелъ къ пристани; на палубѣ его стояли Государь съ Государыней, окруженные сопровождающей ихъ свитой, въ числѣ которой находился наследный принцъ Виртембергскій. Могучее народное «ура» потрясло воздухъ. Государь Императоръ сошелъ съ парохода на пристань, убранныю цвѣтами и флагами, гдѣ начальникъ губерніи Иванъ Васильевичъ Романуевъ представилъ Государю рапортъ о благополучномъ состояніи губерніи.

Послѣ сего Августѣйшіе посетители и свита съѣли въ приготовленные для нихъ экипажи и отправились въ Успенскій соборъ, а великая княжна проѣхала прямо во дворецъ. Коляска Ихъ Величества медленно подвигалась къ собору среди массы восторженнаго народа. Въ св. воротахъ собора Ихъ Величества встрѣтили со всѣмъ городскимъ духовенствомъ преосвященный Платонъ, который, освѣтивъ Царя и Царицу крестомъ, указалъ на Θεодоровскую икону Богоматери и объявилъ, что она находилась при избраніи въ Платіевскомъ монастырѣ на царство Мпхаила Θεодоровича. Выслушавъ объявленіе, Государь спросилъ: «у васъ сегодня здѣсь праздникъ?» «Двойной, Ваше Императорское Величество», отвѣчалъ преосвященный. Послѣ чего Государь и Государыня отправились въ соборъ, гдѣ провозглашено было многолѣтіе и, при пѣніи тропаря «Пречистому Твоему Образу поклоняемся», Ихъ Величества прикладывались къ образу Спасителя и Θεодоровской иконѣ Божіей Матери. Принявъ отъ Преосвященнаго иконы Спасителя и Θεодоровской Богоматери и небольшіе золотые кресты для всѣхъ дѣтей Ихъ Величества, снятые съ чудотворной иконы, Государь спросилъ: «а который крестъ для Наслѣдника», и, получивъ отвѣтъ, что тотъ, который побольше, Государь этотъ крестъ взялъ себѣ. Осмотрѣвъ соборъ, Ихъ Величества отправились въ губернаторскій домъ, надъ кровлей котораго уже развѣвался штандартъ, украшенный Императорскимъ гербомъ. У подъезда губернаторскаго дома Ихъ Величества встрѣтили начальника губерніи съ супругою и губернской предводительницей дворянства. Императрица отправилась въ приготовленные для нея

покои, а Государь Императоръ обошелъ и поздоровался съ почетнымъ карауломъ отъ Черновскаго полка.

Вечеромъ Его Величеству представлялись начальникъ губерніи съ супругою и губернскаіи предводитель дворянства. Народъ въ большомъ количествѣ окружалъ дворецъ и восторженное «ура» смѣнялось стройнымъ пѣніемъ «Спаси Господи люди твоя». Государь Императоръ нѣсколько разъ выходилъ на балконъ и раскланивался съ народомъ, причемъ, въ одинъ изъ такихъ выходовъ, взявъ на руки великую книжку, показавъ ее народу. Многие изъ народа остались почевать около дворца.

Въ 11 час. утра 16 августа Государю Императору представлялись военные и гражданскіе чиновники и дворяне. При приѣмѣ дворнигъ Государь Императоръ сказалъ слѣдующее: «Господа! Костромская губернія по историческимъ воспоминаніямъ близка семьѣ Моей, и Мы считаемъ ее родною; поэтому то Мы особенно пріятно находимся среди васъ. Вчерашній приѣмъ глубоко тронулъ меня. Прошло слишкомъ двадцать лѣтъ, какъ я былъ здѣсь. Благодарю васъ за готовность, съ какою встрѣтили вы желаніе мое улучшить бытъ крестьянъ. Этотъ близкій сердцу моему вопросъ слишкомъ важенъ для будущности Россіи. Надѣюсь, что вы въ этомъ жизненно важномъ вопросѣ оправдаете вполне Мои ожиданія примѣненіемъ главныхъ началъ, выраженныхъ въ Моихъ рескриптахъ, къ мѣстнымъ удобствамъ, и окончите его, при помощи Божіей, обоудно, безъ обиды, какъ для себя, такъ и для крестьянъ. Для объясненія справедливости и вашихъ выводовъ, Я позволю вамъ избрать изъ среды себя двухъ депутатовъ, которые должны будутъ, по окончаніи работъ комитета здѣсь на мѣстѣ, прибыть въ С.-Петербургъ для окончательнаго пересмотра предложеній вашихъ. Надѣюсь, что вы оправдаете Мое къ вамъ довѣріе. Еще разъ благодарю Васъ, Господа, за оказанное вами усердіе въ прошедшую войну, за службу вашу и за неѣ пожертвованія». Отвѣтомъ на эти слова было восторженное и единодушное «ура».

По окончаніи представленія дворянъ Государь Императоръ сдѣлалъ смотръ Черновскому гренадерскому Его Величества Короля Прусскаго полку и Костромскому внутреннему гарнизонному ба-

тальному и изволялъ найти эти войска въ отличномъ во всѣхъ отношеніяхъ порядкѣ и устройствѣ, за что объявилъ Монаршее благоволеніе всѣмъ начальствующимъ лицамъ. Нижнимъ чинамъ, бывшимъ въ строю, Его Величествомъ пожаловано по 50 коп. на человѣка.

Возвратившись во дворецъ, Его Величество принималъ купечество, которое поднесло Государю хлѣбъ-соль и рыбу мѣстныхъ водъ. Въ разговорѣ съ купечествомъ Государь коснулся условій, препятствующихъ широкому развитію мѣстной торговли. Затѣмъ Государь Императоръ, вмѣстѣ съ Государыней Императрицей, посетилъ Маринскій дѣтскій пріютъ и губернское училище для дѣвицъ, отправившись въ Ипатьевскій монастырь, осмотрѣвъ который и собственноручно вписавъ свои имена на листѣ, ошастливили своимъ присутствіемъ кельи преосвященнаго Платона. Послѣ отъѣзда изъ монастыря, Ихъ Величества присутствовали при спускѣ вновь устроеннаго на заводѣ Шпнова парохода, который, съ разрѣшенія Его Величества, получилъ названіе «Императрица Марія». Во время спуска парохода Ихъ Величества находились въ особомъ навпльонѣ, специально устроенномъ на правомъ берегу рѣки Костромы.

По пріѣздѣ во дворецъ Государь принималъ чиновъ вѣдомства Государственныхъ Имуществъ, костромскихъ татаръ, а затѣмъ, въ саду, потомковъ Ивана Сусанина, жены которыхъ при сходѣ Ихъ Величествъ съ террасы снимали съ себя платки и клали ихъ на дорогу подъ ноги Царя и Царицы, а затѣмъ поднесли Ихъ Величествамъ хлѣбъ-соль и разныя сельскія произведенія. Послѣ приѣма бѣлонашцевъ Государь, въ сопровожденіи начальника губерніи, посетилъ губернскую гимназію, городскую больницу, выставку фабричныхъ произведеній Костромской губерніи и супругу начальника губерніи, помѣтившуюся на время пріѣзда Ихъ Величествъ недалеко отъ дворца, въ домѣ священника А. А. Андроникова.

Въ 6 часовъ вечера у Ихъ Императорскихъ Величествъ состоялся Высочайшій обѣдъ, на который приглашены были: преосвященный, кавалерственная дама Котенина, начальникъ губерніи съ

супругою, губернской предводитель съ супругою, вице-губернаторъ, начальникъ I-й грендерской дивизіи генераль-лейтенантъ фонъ-Рейтернъ, начальникъ 2-го округа корпуса внутренней стражи генераль-лейтенантъ Пантелъевъ, командиръ Перновскаго грендерскаго полка генераль-маіоръ Шориваль, генераль-маіоръ Баумгартенъ, жандармскій полковникъ Политковскій, капитанъ 1-го ранга Перелешинъ. Во время обѣда въ саду играла музыка Перновскаго полка. По окончаніи обѣда Государь съ Государыней въ сопровожденіи свиты вышли на террасу двора, гдѣ ихъ встрѣтило громогласное народное «ура».

Въ 9¹/₂ час. вечера Ихъ Императорскія Величества посѣтили балъ, устроенный дворянствомъ, на которомъ было до 800 человекъ приглашенныхъ. Балъ открылся польскимъ въ такомъ порядкѣ: 1) Ея Величество съ губернскимъ предводителемъ, Его Величество съ супругой губернскаго предводителя; 2) Ея Величество съ начальникомъ губерніи, Его Величество съ кавалерственною дамою Котешинною, и 3) Ея Величество съ генераль-лейтенантомъ фонъ-Рейтернъ, а Его Величество съ супругой начальника губерніи. Затѣмъ Государь и Государыня удалились во внутреннія комнаты, гдѣ Имъ представлены были жены уѣздныхъ предводителей дворянства, уѣздные предводители и нѣкоторыя дамы. Ихъ Величества оставались на балѣ до 11¹/₄ часовъ.

17 августа Ихъ Величества, отслушавъ божественную литургію въ Успенскомъ соборѣ, отправились на пристань и, сѣвши на пароходъ, въ 11 час. утра благополучно отплыли въ Нижній-Новгородъ, прощаясь съ народомъ, толпами бѣжавшимъ за быстро удаляющимся пароходомъ. Дворянство, городское сословіе и масса народа, во главѣ съ начальникомъ губерніи, по отъѣздѣ Ихъ Величествъ, тотчасъ же отправился въ соборъ, гдѣ преосвященнымъ отслуженъ былъ молебенъ о благополучномъ путешествіи Ихъ.

За все время пребыванія Ихъ Величествъ въ Костромѣ, городъ былъ по вечерамъ прекрасно иллюминированъ; особеннымъ убранствомъ и освѣщеніемъ отличалась гора, на которой стоитъ губернаторскій домъ, соборъ, корпусъ присутственныхъ мѣстъ, дворян-

ское собраніе, каланча, торговые корпуса и триумфальная арка на Молочной горѣ ¹⁾).

3 июля 1858 года началъ свои работы Костромской губернской дворянской комитетъ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. Въ составъ комитета, подъ предѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства А. А. Миронова, вошли членами дворяне: Алексѣй Сергѣевичъ Бирюковъ, Николай Павловичъ Карцовъ, Константинъ Карловичъ Вошнякъ, Иванъ Дмитріевичъ Лермонтовъ, Николай Ивановичъ Коровинъ, Василій Васильевичъ Мошковъ, Михаилъ Матвѣевичъ Корсаковъ, князь Платонъ Алексѣевичъ Менцерскій, Антонъ Михайловичъ Мицкевичъ, камергеръ Семенъ Павловичъ Бакушинъ, Николай Дмитріевичъ Бологовскій, Александръ Гавриловичъ Герасимовъ, Михаилъ Ксенофонтовичъ Болотовъ, Алексѣй Дмитріевичъ Баргеновъ, Алексѣй Николаевичъ Баргеновъ, Николай Николаевичъ Волковъ, Константинъ Борисовичъ Черяевъ, Михаилъ Яковлевичъ Жоховъ, Ѳедоръ Егоровичъ Крѣпшъ, Сергѣй Николаевичъ Кетовъ, Всеволодъ Николаевичъ Кетовъ, Петръ Ивановичъ Домашневъ, Валентинъ Александровичъ Новиковъ, Андрей Васильевичъ Шигоринъ, Левъ Харитоновичъ Владиміровъ, Петръ Алексѣевичъ Микулинъ, Алексѣй Андреевичъ Лонухинъ, Ѳедоръ Николаевичъ Лугининъ, Геннадій Александровичъ Макаровъ, Кириллъ Васильевичъ Гоговцевъ и Николай Ивановичъ Котешинъ. Кроме того, избраны были кандидатами въ комитетъ дворяне: Владиміръ Никоноровичъ Кетовъ, Александръ Петровичъ Струговицковъ, Петръ Ивановичъ Коровинъ, Яковъ Яковлевичъ Ахмановъ, Аполлонъ Петровичъ Свищинъ, Петръ Ѳедоровичъ Васьковъ, Дмитрій Петровичъ Мамасевъ и Константинъ Павловичъ Вѣляевскій. Правителемъ дѣлъ комитета былъ избранъ дворянинъ Дмитрій Ксенофонтовичъ Болотовъ ²⁾).

Въ день открытія комитета приглашенъ былъ преосвященный и въ залъ дворянскаго собранія принесенъ Ѳеодоровскій образъ

¹⁾ П. И. Андрониковъ. Императоръ Александръ II въ Костромской сторонѣ. Костр. Губ. Вѣдомости 1858 года, №№ 33, 34 и 39.

²⁾ Костромскія Губ. Вѣдомости 1861 года, № 23.

Богоматери для совершения предъ нимъ молебствія по случаю начатія комитетомъ работъ.

Члены комитета, чтобы болѣе и основательнѣе уяснить себѣ положеніе помѣщичьихъ имѣній и условій хозяйственнаго быта, два мѣсяца лично собирали и повѣряли свѣдѣнія объ имѣніяхъ на мѣстахъ и внесли въ комитетъ свои труды и свое полное практическое знаніе края ¹⁾. Можетъ быть, поэтому Костромской коми-

Стоящіе, съ лѣва на право:

1. Дмитрій Ксенофоновичъ Болотовъ.
2. Сергій Никоноровичъ Кетовъ.
3. Николай Ивановичъ Котенинъ.
4. Михаилъ Ксенофоновичъ Болотовъ.
5. Алексій Николаевичъ Бартевель.
6. Иванъ Васильевичъ Романусъ (губернаторъ).
7. Константинъ Карловичъ Бошнякъ.
8. Иванъ Дмитриевичъ Лермонтовъ.
9. Михаилъ Матвѣевичъ Корсаковъ.
10. Николай Павловичъ Карцовъ.
11. Платонъ Алексѣевичъ князь Мещерскій.
12. Петръ Алексѣевичъ Микулинъ.
13. Константинъ Борисовичъ Черяевъ.
14. Всеволодъ Никоноровичъ Кетовъ.
15. Геннадій Александровичъ Макаровъ.

Сидящіе, смотря также съ лѣва:

1. Алексій Сергѣевичъ Бирюковъ.
2. Семень Павловичъ Бакуининъ.
3. Михаилъ Ивановичъ Жоховъ.
4. Левъ Харитоновичъ Владиміровъ.
5. Феодоръ Николаевичъ Лугининъ.
6. Алексій Андреевичъ Лопухинъ.
7. Александръ Алексѣевичъ Миронювъ.
8. Валентинъ Александровичъ Новиковъ.
9. Николай Ивановичъ Коровинъ.
10. Феодоръ Егоровичъ Крѣпинъ.
11. Николай Ивановичъ Шигоринъ.

¹⁾ Другіе комитеты работали гораздо долѣе, такъ Нижегородскій комитетъ—244 дня, Ковенскій—255 дней, Гродненскій—262 дня, Виленскій—293 дня и Петербургскій—294 дня.

тетъ быстро разрѣшилъ свою задачу и окончилъ работы въ 175 дней ¹⁾.

Костромской комитетъ закончилъ свои работы 24 декабря 1858 года, а совершенно былъ закрытъ 15 января 1859 года. Въ этотъ день, какъ и въ день открытія, приглашенъ былъ преосвященный для совершенія молебствія предъ Θεодоровской иконой Божіей Матери. Г. начальникъ губерніи Иванъ Васильевичъ Романушъ, закрывая комитетъ, сказалъ: «много-бы слѣдовало говорить по этому дѣлу, но я скажу только шесть словъ: благодареніе Господу Богу и хвала комитету!».

17 января члены комитета и начальникъ губерніи собрались въ залъ дворянскаго собранія для того, чтобы сняться группю, для каковой цѣли изъ Ярославля былъ выписанъ фотографъ Лавровъ ²⁾.

10 мая 1859 года въ Ипатіевскомъ монастырѣ происходило освященіе храма во имя св. мучениковъ Хрисанва и Даріи, построеннаго по Высочайшему повелѣнію надъ тѣми воротами монастыря, чрезъ которыя проходило Московское посольство для приглашенія Михаила Θεодоровича на царство.

22 октябри 1859 года вышло Высочайшее повелѣніе, въ силу котораго 14 семействъ и 3 бобылки бѣлонашцевъ села Коробова, въ полномъ ихъ составѣ, были исключены изъ званія бѣлонашцевъ, лишены соединенныхъ съ этимъ званіемъ преимуществъ, а также пожалованныхъ кафтановъ, кто ихъ имѣлъ, и выселены изъ села Коробова въ разныя отдаленныя удѣльныя селенія, съ учрежденіемъ надъ ними строгаго надзора. Между прочимъ, четыре такихъ семейства высланы были въ Симбирскую губернію. Причиной такого строгаго наказанія бѣлонашцевъ было слѣдующее: земледѣліе не принялось въ Коробовѣ, ибо нашлось болѣе выгодное занятіе—притондержательство. Въ предѣлы полицейской недосягаемости стекались бродяги и бѣглецы крѣпостные. Здѣсь же находили пріютъ воры, фальшивомонетчики и всѣ, кто имѣлъ счеты съ полиціей. Въ

¹⁾ А. А. Мироновъ. Костр. Губернск. Вѣдом., 1858 г., № 6.

²⁾ П. П. Андрониковъ. Костр. Губ. Вѣд. 1859 года, №№ 1 и 4-я

результатъ изъ Коробова образовался разбойничій вертепъ. Императоръ Александръ II уничтожилъ въ грамотѣ Николая I параграфъ о неприкосновенности бѣлопашцевъ, которые отказались подчиниться новому порядку. Тогда въ Коробово введены были войска, и дѣло кончилось высылкою нѣсколькихъ семей. ¹⁾

Въ томъ же 1859 году открылась въ Костромѣ вторая библиотека для чтенія г-жи Штекенбургъ, состоящая изъ 2000 книгъ, изъ которыхъ 1200 книгъ было русскихъ, 400 французскихъ и 400 нѣмецкихъ; г. Лшевъ началъ постройку лѣсопильной и мукомольной мельницъ, а г. Андрониковъ открылъ частную типографію, при которой въ началѣ 1860 года открыто было переилетное заведеніе, гдѣ, между прочимъ, вырабатывались изъ заграничныхъ матеріаловъ портфели, портъ-мопъ, портъ-сигары и другія пздѣлія. ²⁾

Съ 1859 года при Приказѣ общественнаго призрѣнія открыта сберегательная касса, цѣлью которой было дать возможность небогатому классу народа сохранить лишнюю копейку. Вносъ денегъ и возвратъ ихъ не сопровождался никакими затрудненіями и могъ простираться только до 750 рублей отъ одного лица. Вкладчику выдавалось 3% съ рубля. ³⁾

Въ 1860 году открылась типографія Костромской Палаты Государственныхъ Имуществъ, для удовлетворенія собственныхъ надобностей, а потому частные заказы въ эту типографію не принимались. ⁴⁾

Въ томъ же 1860 году открыты въ Костромѣ двѣ воскресныя школы, одна для мужчинъ при костромскомъ уѣздномъ училищѣ, другая для женщинъ при губернскомъ училищѣ для дѣвицъ. Инициаторами и поборниками устройства и желательнаго развитія воскресныхъ школъ были начальникъ губерніи П. В. Романусъ и директоръ гимназій Евгр. Егоръ. Егоровъ.

Г. начальникъ губерніи циркулярно обращался ко всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства объ урегулированіи воскресныхъ школъ, говоря, что, со времени разрѣшенія крестьянскаго вопроса, отно-

¹⁾ П. Виноградовъ. Потомки Сусанина. Костр. 1912, стр. 8.

²⁾ Костр. Губерн. Вѣд. 1859 г., № 3; 1860 года, № 8.

³⁾ Памятная книжка Костромск. Губерніи 1862 года, стр. 371 и 372.

⁴⁾ остр. Губ. Вѣд. 1860 года, № 19-II.

иенія владѣльцевъ къ крестьянскому сословію должны измѣниться, настоящее юридическое право должно замѣниться общечеловѣческимъ правами, а потому то въ настоящее время, болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимо укрѣпить слабѣющую связь между помѣщикомъ и крестьяниномъ, и это укрѣпленіе г. начальникъ губерніи видитъ главнымъ образомъ въ осуществленіи идеи религіозно-нравственнаго образованія народа именно посредствомъ воскресныхъ школъ, гдѣ крестьяне могли бы безъ всякаго принужденія и особенныхъ формальностей, пугающихъ нашего простолюдина, обучиться чтенію, письму и молитвамъ ¹⁾).

16 сентября 1860 года при Костромской телеграфной станціи открытъ приѣмъ частныхъ телеграммъ, причемъ плата бралась по разстоянію: такъ, за телеграмму въ 20 словъ до Москвы взималось 1 р. 50 к., до Петербурга 2 р. 50 к., до Митавы 3 р. 50 к., а до Херсона 4 рубля, причемъ, за каждыя 10 словъ, сверхъ двадцати, приплачивалось 1 рубль 75 коп. Частная корреспонденція принималась только днемъ.

«Къ 1861 году, въ отношеніи частновладѣльческаго хозяйства, Костромская губернія представляла изъ себя такого рода картину. Помѣщичьихъ имѣній насчитывалось здѣсь — 4439 (наименьшее число имѣній было въ Ветлужскомъ у. — 71, наибольшее въ Галичскомъ — 729). Они занимали 1.551.529 десятинъ земли, изъ которой усадебной было — 33.513 десятинъ, пашни — 579.042 десятинъ, сѣнокосу — 225.415 десятинъ, выгону — 41.479 десятинъ, лѣсу — 561.028 десятинъ и земли нераздѣленной на угодья — 111.050 дес. На этой обширной территоріи насчитывалось — 11.720 селеній съ болѣе чѣмъ полумилліоннымъ населеніемъ крестьянъ (всего 587.925 человекъ), и еще при усадьбахъ находилось 32.144 человека дворовыхъ. Мужского населенія среди помѣщичьихъ крестьянъ по 9 ревизіи числилось 292.269 душъ, изъ нихъ, по формѣ отбыванія подушной повинности, надѣльные составляли 12,1⁰/₀, чисто оброчные — 67,2⁰/₀ и отбывавшіе повинности смѣшаннаго характера —

¹⁾ Циркуляръ начальника Костр. губерніи уѣзднымъ предводит. двор. о воскресныхъ школахъ. остр. Губ. Вѣд. 1860 г., № 48.

20,7⁰ в. Такимъ образомъ, болѣе $\frac{2}{3}$ помѣщичьихъ крестьянъ губерніи находились на оброгѣ и занимались, по большей части, отхожими промыслами или собственными работами, не зная барщины въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

«По количеству душъ помѣщичьи имѣнія Костромской губерніи представляли изъ себя довольно пеструю картину, съ явнымъ перевѣсомъ въ сторону мелкопомѣстья. Владѣльцевъ 1 — 10 душъ крестьянъ насчитывалось — 1324;

отъ 10 до 20 душъ имѣли 831 помѣщ.

20 — 50 душъ — 977.

50 — 100 душъ — 604.

100 — 150 душъ — 255.

150 — 200 душъ — 131.

200 — 300 душъ — 141.

300 — 400 душъ — 48.

400 — 500 душъ — 37.

500 — 700 душъ — 39.

700 — 1000 душъ — 19.

1000 — 1500 душъ — 13.

1500 — 2000 душъ — 6.

2000 — 4000 душъ — 4.

Болѣе 1000 душъ насчитывалось имѣній:

Въ Буйскомъ уѣздѣ . . . 1 (1428 душъ).

Въ Варнавинскомъ уѣздѣ . 5 (9457 душъ).

Въ Ветлужскомъ уѣздѣ . 5 (9002 души).

Въ Кологривскомъ уѣздѣ . 2 (3206 душъ).

Въ Костромскомъ уѣздѣ . 1 (1100 душъ).

Въ Макарьевскомъ уѣздѣ . 2 (5008 душъ).

Въ Нерехтскомъ уѣздѣ . . 6 (8953 души).

Въ Юрьевецкомъ уѣздѣ . 1 (1295 душъ).

Наиболѣе крупныя имѣнія принадлежали Лутинишу, кн. Е. Трубецкой, кн. П. Менцерскому, кн. Долгоруковой, гр. Д. Шереметеву, г.г. Челлицеву, Поповой, Смецкой, Столыпиной, Папленковой, Жемчужникову, Пуццовой и др. Такъ же неоднаковъ былъ и земельный наделъ крестьянъ въ различныхъ уѣздахъ губерніи, отъ $\frac{3}{4}$ десят.

(въ Нерехтскомъ у.) доходя до 13 десятинъ (въ Кологривскомъ у.). Такова была, въ общихъ чертахъ, статистическая сторона помещичьихъ хозяйствъ Костромской губернии наканунѣ великой реформы 19 февраля¹⁾).

Наконецъ наступилъ великій, историческій и незабвенный въ жизни и исторіи русскаго народа 1861 годъ! Величайшій и Благословеннѣйшій изъ Монарховъ, Императоръ Александръ Николаевичъ, 19 февраля далъ свободу двадцати пяти милліонамъ крѣпостныхъ людей и возродилъ ихъ, а вмѣстѣ съ ними и всю Россію, къ новой жизни. Всемилоstinѣйшій манифестъ съ заключительными историческими словами: «осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на свой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благосостоянія и блага общественнаго», объявленъ былъ въ Костромѣ всенародно 9 марта, а по всей губерніи 10 и 12 марта.

Какъ отнеслись жители Костромы и губерніи къ великому историческому событію, видно изъ циркуляра г. начальника губерніи земскимъ исправникамъ и становаымъ приставамъ, который необходимо привести дословно, какъ историческій документъ Костромскаго края. Г. начальникъ губерніи Е. В. Романушъ пишетъ: «объявленіе Высочайшей воли принято было всеми сословіями съ чувствомъ сердечной благодарности Государю Императору, по бывшимъ крѣпостнымъ въ особенности. Основываясь на полученныхъ мною отовсюду официальныхъ и частныхъ свѣдѣніяхъ и по моему собственному наблюденію, я могу сказать, что 12 марта, какъ я и ожидалъ, былъ день истинно народнаго торжества, который составилъ свѣтлую и навсегда незабвенную страницу въ скромныхъ лѣтописяхъ Костромской губерніи. Крестьяне всюду были веселы и довольны дарованною имъ Царскою милостію, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ восторгъ ихъ былъ исключительно замѣчателенъ, такъ, напримѣръ, въ Ветлужскомъ уѣздѣ представители всехъ сословій тотчасъ же составили неподданнѣйшій адресъ Государю Императору, проси меня представить чрезъ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ на всемилоstin-

¹⁾ Н. Виноградовъ. Историч. записка о проведеніи крестьянск. реформы 19 февр. 1861 г. въ Костр. губ. Костр. 1911 г.

вѣйшее позрѣніе Его Величества; затѣмъ крестьяне поднесли и въ-
которымъ изъ г.г. помѣщиковъ благодарственные письма за ихъ
попеченія; въ Юрьевецкомъ уѣздѣ открыта подписка на учрежденіе
богадѣльни, которую крестьяне просятъ дозволенія осязавить
наименованіемъ Александровской; наконецъ, въ одномъ изъ сборныхъ
пунктовъ Кинешемскаго уѣзда, у чиновника, который объявлялъ
имъ Высочайшій манифестъ, отпрягли лошадей и, не слушая ни-
какихъ убѣжденій, везли нѣсколько верстъ сани его. Замѣчательно,
что содержатели откуповъ 12-го марта 1861 года выручили за про-
дажу вина денегъ гораздо менѣе, чѣмъ въ прошедшемъ году въ
этотъ же день.

«Такъ, съ помощію Божіею, совершилось въ Костромской губерніи
начало великаго земскаго дѣла.

«Благодаря вамъ, милостивые государи, за вашу предусмотритель-
тельность, я надѣюсь, что, съ началомъ новой народнои жизни для
бывшаго крѣпостнаго сословія, ваши служебныя къ нему отношенія
докажутъ, что эта жизнь началась для нихъ не только на словахъ,
но и на дѣлѣ. Правотою дѣйствій, благоразумною гуманностію и
безкорыстіемъ вы должны возвысить въ нихъ великое достоинство
человѣка, а потому прошу васъ, господа, не забывать моего правила,
что я надѣюсь видѣть во всѣхъ чиновникахъ, а полицейскихъ—въ
особенности, не самопроизвольнаго исполнителя своихъ личныхъ
желаній, подкрѣпленныхъ только матеріальною силою, но разумнаго
и безпристрастнаго исполнителя закона» ¹⁾).

¹⁾ Костр. Губери. Вѣд. 1861 г., № 12-й.

XXI.

Мировые посредники. Польскій митежъ. Всенодданнѣйшіе адресы костромскаго дворянства и гражданъ города Костромы. Пребываніе въ Костромѣ Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича. Выставка въ Костромѣ. Обѣды, данныя Наслѣднику Цесаревичу дворянами и купцами.

10 МАРТА 1861 года открыто было въ Костромѣ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Составъ присутствія былъ таковъ: предѣдатель—начальникъ губерніи П. В. Романушъ, члены—губернскій предводитель дворянства А. А. Мироновъ, управляющій палатой Государственныхъ имуществъ Д. Д. Даниловъ, губернскій прокуроръ Н. Н. Кащевъ; члены съ Высочайшаго соизволенія: К. В. Готовцевъ и Г. А. Макаровъ, и члены по выбору дворянства: Н. Н. Прохоровъ и Н. Н. Котенинъ.

1-го мая произошли уѣздные съѣзды для выбора мировыхъ посредниковъ по крестьянскимъ дѣламъ.

Какое важное значеніе Костромское дворянство придавало выборамъ въ мировые посредники, показываетъ прекрасная и интересная статья одного изъ костромскихъ помещиковъ К. В. Готовцева подъ заглавіемъ «1-е мая 1861 года», помѣщенная въ № 14 неофициальной части Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостей отъ 8 апрѣля, въ которой авторъ говоритъ слѣдующее: «Въ то время, когда подъ европейскою почвою глухо кипитъ разнородный, враждебный другъ другу силы и ежеминутно грозитъ страшнымъ взрывомъ,—у насъ, по волю благодушнаго Царя нашего и по сочувствію лучшей, образованнѣйшей части нашего общества, мирно

совершается великій переворотъ, знаменательнѣйшее событіе въ тысячелѣтней жизни Россіи. Высочайшимъ манифестомъ 19 февраля 1861 года Государь даровалъ свободу 25 милліонамъ крѣпостныхъ людей нашихъ. Но этого мало. Съ довѣріемъ великой души, Онъ поручилъ дворянству устройство экономическаго быта ихъ; а теперь, въ лицѣ мировыхъ посредниковъ, дѣлаетъ насъ воспитателями двадцати пяти милліоновъ на новомъ, непривычномъ для нихъ поприщѣ гражданской полноправности. Выборъ мировыхъ посредниковъ по Костромской губерніи назначенъ 1 мая. Это время можно по справедливости назвать страшнымъ судомъ дворянства надъ самимъ собою. Тутъ оно покажетъ, въ какой мѣрѣ созрѣло оно для такого великаго дѣла, можетъ ли пріобрѣсти вновь давно потеряныя права на довѣріе народа и стать передовыми людьми его, или, съ тупоуміемъ озлобленнаго эгоизма, вручивъ званіе мировыхъ посредниковъ въ руки нечестыя, навсегда обречетъ себя смерти и тлѣнію. Вышнія силы, которыя до сихъ поръ насъ поддерживали, давали намъ вѣсъ и значеніе, оставляютъ насъ и никогда уже не возвратятся. Надо искать силы въ самихъ себѣ. Стужемъ ли мы бодро встать на ноги, отбросить безъ сожалѣнія прошедшее, и, осѣнивъ себя, вмѣстѣ съ православнымъ народомъ, крестнымъ знаменіемъ, сможемъ ли мы выйти съ чистыми мыслями на новый трудъ, и съ мечемъ, и съ словомъ, и съ сохою, и съ заступомъ,—что кому по силамъ? Вотъ гдѣ жизненный вопросъ нашъ! И его рѣшить предстоящій выборъ мировыхъ посредниковъ, которыми должны быть лучшіе люди земли Русской. 1-е мая—недалеко. Да не оскорбится никто скромнымъ голосомъ моимъ, напоминающимъ согражданамъ о страшной отвѣтственности передъ судомъ потомства, если они легкомысленно наложатъ на себя руки! Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о жизни и смерти, великій голосъ долженъ быть выслушанъ снисходительно. Да подумаетъ каждый, кому попадутся эти строки, о томъ, что спокойствіе родного края, несчастливое существованіе дворянства—въ рукахъ будущихъ мировыхъ посредниковъ. Вспомнимъ, что весь образованный міръ смотритъ на насъ! Военское мужество наше извѣстно цѣлому свѣту; покажемъ, что мы не лишены и гражданской доблести».

1 мая состоялся выборъ мировыхъ посредниковъ и кандидатовъ къ нимъ, а 15 мая они уже начали исполнять свои обязанности. Мировыми посредниками назначены были слѣдующія лица:

По Костромскому уѣзду:		К. П. Дмитріевъ, А. О. Андреевъ и Н. Н. Готовцевъ.
» Нерехтскому	»	А. О. Васьковъ, Н. Д. Черневъ, Н. В. Исаковъ, В. П. Смольяниновъ, А. Ю. Вошнякъ и В. Н. Симоновъ.
» Юрьевоцкому	»	С. Н. Кетовъ и И. В. Липинскій.
» Чухломскому	»	О. К. Моллеръ, Н. О. Сумароковъ, Ф. И. Доливо-Добровольскій.
» Солгаличскому	»	Н. А. Купріяновъ, А. Д. Баргеновъ, А. Н. Баргеновъ и М. К. Болотовъ.
» Кологривскому	»	М. Я. Жоховъ, А. А. Воляженскій, И. Е. Сальковъ и О. П. Готовцевъ.
» Галичскому	»	П. А. Микунинъ, Л. X. Владиміровъ, С. Н. Постниковъ и Ф. А. Васкаковъ.
» Буйскому	»	П. Д. Держомитовъ, В. В. Мошковъ, Н. И. Коровинъ и С. П. Шестинскій.
» Ветлужскому	»	В. М. Глумилинъ и Г. Н. Макаровъ.
» Макарьевскому	»	К. Б. Черняевъ, П. М. Верховскій и В. И. Нелидовъ.
» Варнавинскому	»	П. Н. Поливановъ и П. А. Шахровъ.
» Кинешемскому	»	А. Н. Куломзинъ, А. П. Грекъ, И. Т. Сыроватскій и М. Я. Яковлевъ.

Работа мировыхъ посредниковъ была громадная, приходилось подвергать ломкѣмъ вѣками созданныя отношенія между крестьянами и помещиками. Работа коснулась: 11.720 селеній съ 587925 крестьянъ и 32.144 дворовыхъ людей. (Н. А. Рязановскій).

Во время освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости предводителями дворянства Костромской губерніи были: губернксенъ—А. А. Митроповъ, уѣздными: Костромского—Е. А. Голостьяновъ, Нерехтскаго—Н. П. Карцовъ, Кинешемскаго—А. А. Пушкинъ, Юрьевоцкаго—Ф. П. Петропавловскій, Макарьевскаго—А. П. Петровъ, Варнавинскаго—А. М. Мицкевичъ, Ветлужскаго—

Н. П. Колюпановъ, Кологривскаго—Н. И. Коровинъ, Галичскаго—
князь А. А. Вяземскій, Буйскаго—К. П. Бѣлявскій, Чухлом-
скаго—В. А. Новиковъ и Солигаличскаго—В. П. Щуленниковъ.

Высочайшимъ указомъ отъ 17 апрѣля 1861 года учреждены
золотыя и серебряныя медали для ношенія въ петлицѣ на Але-
ксандровской лентѣ, и ими награждены всѣ дѣятели по освобожде-
нію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Съ одной стороны
медаль имѣла оттискъ Высочайшаго изображенія съ надписями:
«благодарю», и «19 февраля 1861 года»; съ другой стороны над-
пись: «за труды по освобожденію крестьянъ».

Медали «за труды по освобожденію крестьянъ».

17 мая 1861 года, въ праздникъ преполовенія, въ первый
разъ костромичи провожали чудотворную Θεодоровскую икону
Богоматери въ г. Галичъ. Временное пребываніе иконы въ Галичѣ
разрѣшено Святѣйшимъ Синодомъ, вслѣдствіе ходатайства преосвя-
щеннаго Платона и жителей города Галича ¹⁾.

8 іюня, послѣ кратковременной болѣзни, скончался военный
губернаторъ г. Костромы и костромской гражданскій губернаторъ
Иванъ Васильевичъ Романусъ, а въ концѣ августа прибылъ новый
губернаторъ—генераль-лейтенантъ Николай Александровичъ Руд-
зевичъ.

6 апрѣля открылся въ Костромѣ кабинетъ для чтенія, имѣв-
шій до 1000 томовъ книгъ и получавшій 38 періодическихъ изда-
ній. Въ этомъ кабинетѣ читающіе пользовались всевозможными
льготами для полученія книгъ. Инициатива учрежденія кабинета

¹⁾ Прот. П. Островскій. Историч. записки о Костромѣ, стр. 192.

для чтенія принадлежала студентамъ и военнотаннигамъ разныхъ учебныхъ заведеній во время празднованія ими 12 января сто пятой годовщины основанія Московскаго университета. Деньги на устройство кабинета для чтенія собирались помощьюъ концертовъ, спектаклей и литературныхъ вечеровъ, а также жертвовались по подпискѣ. Распорядителемъ кабинета былъ г. Лагоускій.

Лѣтомъ 1861 года построены въ Костромѣ два корпуса каменныхъ рядовъ внутри гостиннаго двора.

Великая реформа освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного права отразилась на всемъ строѣ государства. Городская жизнь, находящаяся въ прямой зависимости отъ общественнаго и хозяйственнаго устройства города, не смотря на всевозможныя мѣропріятія со стороны правительства, требовала коренного переустройства. Города требовали своего рода раскрѣпощенія. И вотъ, правительство начало это раскрѣпощеніе обращеніемъ къ содѣйствию самого городского общества, въ лицѣ депутатовъ отъ всѣхъ сословій города, которые занялись бы разрѣшеніемъ вопросовъ, намѣченныхъ правительствомъ. Такую комиссію костромское городское общество избрало изъ среды своей въ 1862 году, и она тотчасъ же и приступила къ разрѣшенію предложенныхъ ей вопросовъ ¹⁾.

Въ началѣ 1863 года вспыхнулъ польскій мятежъ. Въ виду тревожныхъ событій костромское дворянство, въ числѣ первыхъ, успѣло поднести Государю Императору всеподданишій адресъ, гдѣ заявляло своему Монарху, только что освободившему миллионы своихъ подданныхъ отъ крѣпостной зависимости, чувства безпредѣльной преданности и готовности всѣмъ пожертвовать для защиты Россіи отъ ея враговъ, какъ внутреннихъ, такъ и внешнихъ. Адресъ былъ составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Ваше Императорское Величество! манифестъ Царству Польскому и указъ Правительствующему Сенату относительно западныхъ губерній, обнародованные Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ великій день Св. Пасхи, день всеобщаго христіанскаго примиренія и все-

¹⁾ Подробности объ этой комиссіи см. ч. II, гл. «Городъ и городское самоуправленіе».

прощенія, глубоко тронули и искренно порадовали насъ, Костромичей, которыхъ Ваше Величество удостоиваете именовать родственными себѣ по историческимъ событіямъ. Въ этихъ торжественныхъ актахъ мы видимъ новое свидѣтельство Вашего благодушія, воистину Царскаго, и залогъ будущаго гражданскаго, мирно совершаемаго преуспѣянія нашего отечества и сохраненія въ цѣлости Государства, которому царствованіе Ваше, послѣ тысячи лѣтъ возрастанія, открываетъ начало новой, плодотворной и здоровой жизни возмужанія. Одушевляемые горячею любовію къ отечеству, проникнутые чувствомъ глубокаго уваженія и преданности къ Вашему Императорскому Величеству, мы, костромскіе дворяне, сколько есть насъ въ настоящую минуту, въ сознаніи своего долга и во имя дворянской чести, позволяемъ себѣ высказать Вамъ, Государь, все, что есть на нашемъ русскомъ сердцѣ. Напрасно враги наши думаютъ, что, въ виду польскихъ смутъ и возгласовъ европейскихъ агитаторовъ, дворянство останется безучастнымъ, раздраженное и озлобленное будто бы упраздненіемъ крѣпостныхъ нашихъ отношеній къ крестьянамъ. Никогда не возставало дворянство противъ принципа освобожденія крестьянъ, а, напротивъ, содѣйствовало ему съ самаго начала отреченіемъ отъ своего крѣпостного права и теперь содѣйствуетъ окончательно введеніемъ повсемѣстно уставныхъ грамотъ. Антагонизма между нами и крестьянами нѣтъ и не было, а случившіеся и неизбежныя при новыхъ порядкахъ частныя замѣшательства всегда прекращались мирнымъ путемъ. Не отрицаясь своего дворянскаго званія, мы сознаемъ себя, вмѣстѣ съ тѣмъ, передовою дружиною народа, всецѣло преданнаго своему Государю.

«Правда, что дворяне понесли и сейчасъ несутъ не мало потерь и лишеній, неизбежныхъ, конечно, при громадной реформѣ, насъ охватившей, и при неустановившемся еще на новыхъ началахъ хозяйствѣ; но эти потери и лишенія не поколебали нашей дворянской чести и не могутъ сдѣлать изъ насъ предателей отечества и измѣнниковъ престолу. Въ Монархіи нашей мы видимъ мужа чести и добра, предначертаннаго широкія начала будущаго государственнаго и народнаго строя; мы уповаемъ на него вмѣстѣ со всѣми сословіями и радостно, съ полнымъ довѣріемъ, встречаемъ зарю

нашего общаго возрожденія. Въ виду ли этихъ знаменательныхъ началъ мы будемъ враждебно относиться къ правительству?

«Не отчуждаться, а помогать правительству желаемъ и надѣемся мы и словомъ и дѣломъ. Мы не забываемъ унаслѣдованнаго нами девиза отцовъ нашихъ, что дворянство есть честь и опора престола. Этотъ же девизъ мы передадимъ и дѣтямъ нашимъ съ завѣтомъ единенія съ народомъ, на началахъ свободныхъ уже отношеній.

«Польское возстаніе и посягательство на цѣлость имперіи даже въ тѣхъ краяхъ, которые неконн составляютъ Русь, и гдѣ народъ исповѣдуетъ православіе, изумляютъ насъ дерзостію замысловъ и оскорбляютъ наше народное чувство чести. Не вызывая къ отмщенію, которое не свойственно ни духу русскаго православнаго народа, ни великодушію нашего монарха, мы не можемъ однако-жь не выразить, что русское право наше по отношенію къ Польгѣ освящено временемъ, историческими судьбами обонхъ народовъ и получило дѣйствительную политическую законность. Основывать свои притязанія на началахъ, существовавшихъ до раздѣла Польши, или даже на вѣнскихъ трактатахъ 1815 года немыслимо послѣ того, какъ польское возстаніе 1830 года смыто русскою кровью и сдѣлало Польшу краемъ завоеваннымъ. Мы никогда не отрицались и теперь не отрицаемся подать дружескую руку полякамъ, нашимъ собратамъ по славянскому племени, но позволяемъ себѣ думать, что имѣемъ такое же право на патриотизмъ, какъ и поляки; національности ихъ никто не угрожаетъ и она можетъ ужиться рядомъ съ нашею, подъ одною державою, не нарушающею ничьихъ религіозныхъ и народныхъ началъ. Дарованіе Вашимъ Императорскимъ Величествомъ самостоятельныхъ основаній общаго самоуправленія и расширеніе этихъ началъ въ будущемъ, соотвѣтственно указаній самой жизни народовъ, позволяютъ намъ надѣяться, что объединеніе государственное совершится по времени путемъ мира и правственнаго гражданскаго преусѣбнія во всѣхъ концахъ нашей обширной Имперіи, безъ всякаго исключенія. Питая эту надежду, мы выветъ съ тѣмъ положительно отвергаемъ развитіе однихъ польскихъ интересовъ въ ущербъ русскимъ и взаимнъ того не желаемъ присваивать русской національности преобладанія надъ польскою. Братья-славяне по

племени, мы надѣемся быть равноправными же и въ общемъ государственномъ строѣ.

«Что касается до возгласовъ западной журналистики и агитаторовъ, такъ называемаго, народнаго права, то, зная свою исторію не по придуманнымъ въ порывахъ увлеченія теоріямъ, а по правдивымъ лѣтописямъ и тѣмъ тяжелыми урокамъ, которые заповѣдала намъ тысячлѣтняя жизнь, мы почитали себя настолько сильными своею историческою жизнью, чтобы стать выше всякихъ клеветъ и оскорбленій, на насъ расточаемыхъ; почитаемъ себя за честь сказать во всеуслышаніе, въ отвѣтъ на всѣ возгласы, что мы имѣемъ теперь свой народный, всѣмъ понятный и возлюбленный кличъ: «да здравствуетъ нашъ благодушный возждь Императоръ Александръ Николаевичъ!» Ваше Императорское Величество! примите откровенную политическую пеновѣдь нашу, какъ знакъ полнаго къ Вамъ довѣрія и готовности костромскихъ дворянъ отзываться словомъ и дѣломъ на Ваше Царское, всегда доступное сердцу нашему, слово. Имѣемъ счастье именовать себя Вашего Императорскаго Величества нескрѣпно преданными и глубоко уважающими вѣрнопопдаанными».

Граждане города Костромы также посвѣщили поднести Императору всеподданнѣйшій адресъ слѣдующаго содержанія: «Всемилостивѣйшій Государь! Въ то время, какъ отъ лица Твоего неходятъ на лицо всей земли Русской милость и истина, и мы подъ благотворнымъ ихъ вліяніемъ наслаждаемся миромъ и благоденствіемъ,— въ виду событій, возмущающихъ Твое спокойствіе; священныи долгъ вѣрныхъ сыновъ церкви и престола призываетъ насъ донести до твоего заботливаго о благѣ твоихъ народовъ и любящаго сердца и нашъ слабый голосъ о безпредѣльной къ Тебѣ преданности нашей. Мы не искусны и не сильны въ словахъ, какими владѣеть языкъ краснорѣчивый; но, сознавая въ себѣ силу любви и преданности къ Тебѣ, которая не ослабѣетъ въ насъ до послѣдняго вздоха жизни, принимаемъ смѣлость сказать Тебѣ, что эта сила не позволитъ намъ задуматься ни на одинъ часъ, ни передъ какою жертвою за Твое спокойствіе и цѣлость Россіи, которая свободно смотритъ на свѣтъ Божій глазами, открытыми Твоею, Государь, христіанскою любовію. Во свидѣтельство искренности вѣрнопопдааннческихъ

чувствъ нашихъ къ Тебѣ и безграничной преданности Церкви, Престола и Отечеству, призываемъ память Минина—соотчда нашего, и Суварина—нашего родича; духъ ихъ живетъ въ насъ такъ же, какъ и во всѣхъ Русскихъ»¹⁾.

29 июня 1863 года прибылъ въ Кострому Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ на пароходѣ общества Самолетъ—«Посѣлшій». Въ этотъ день уже съ утра весь берегъ Волги, передъ пароходной пристанью, занятъ было большимъ количествомъ народа. Благоуветъ соборнаго колокола извѣстилъ ожидавшихъ о приближеніи Цесаревича. Прибывши къ пристани, Его Высочество въ экипажѣ отправился въ Успенскій соборъ, гдѣ выслушалъ благодарственный молебенъ и затѣмъ прослѣдовалъ въ приготовленные для него покои въ домѣ г. начальника губерніи. Въ день приѣзда Его Высочество никого не принималъ и къ обѣденному столу приглашенъ былъ только начальникъ губерніи. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ и эта иллюминація возобновлялась каждый день во все время пребывания Государя Наслѣдника въ Костромѣ. 30 июня Его Высочество слушалъ божественную литургію въ Ипатьевскомъ монастырѣ и, осмотрѣвъ монастырскія церкви и покои Михаила Феодоровича, возвратился во дворецъ, гдѣ принималъ костромское дворянство, чиновниковъ, купечество и представителей социалистическаго и кинешемскаго купечества. При представленіи Государю Наслѣднику г.е дворянъ, Его Высочество передалъ имъ благодарность Государя Императора за чувства, выраженные во всеподданнѣйшемъ адресѣ по поводу польскихъ событій, присовокупить, что Его Высочество вполне убѣжденъ, что все сказанное въ адресѣ подтвердится на дѣлѣ и что г.е. дворяне съ единодушною готовностью всегда исполнятъ то, что было ими выражено въ адресѣ. Равнымъ образомъ удостоившись получить благодарность Его Величества купца и представителя крестьянства. Затѣмъ Государю Наслѣднику представились старшина и старосты временно обыванныхъ крестьянъ, полевныя галаны и бывшіе дворовые люди, поднесшіе Его Высочеству хлѣбъ-соль на кинешемскомъ базарѣ, на которомъ была необ-

¹⁾ Црв. Островскій, Истор. зап. о Костр., стр. 109—201.

разрешъ намятникъ Сусанину, гербъ Костромской губерніи и сдѣлана надпись: «Отъ бывшихъ дворовыхъ людей Костромской губерніи. 1863 годъ».

Послѣ приѣма представителей сословіи Его Высочество посѣтилъ выставку мануфактурныхъ и ремесленныхъ произведеній, сельскаго хозяйства, литейнаго и механическаго заводовъ, устроенную въ домѣ губернской гимназіи. Экспоненты ждали Его Высочество у выставленныхъ ими предметовъ. Объясненія давалъ: по сельскому хозяйству Н. П. Карцовъ, по сельско-хозяйственнымъ машинамъ— Н. П. Прохоровъ, производитвъ фермы—Л. Д. Даниловъ, по рогозынымъ издѣліямъ—О. Лугининъ, по войлочнымъ, рѣшешскимъ и макарьевскимъ издѣліямъ—А. П. Шиповъ, по механическимъ—Д. П. Шиповъ, по химическимъ—Бочаровъ, по кожанымъ и полотнянымъ— Брюхановъ, Зотовъ и Михинъ.

30 іюня Государь Наслѣдникъ удостоилъ принять обѣдъ отъ дворянъ и купцовъ. За обѣдомъ при тостѣ за Государя Императора, губернской предводитель дворянства А. А. Митроновъ обратился къ Государю Наслѣднику со слѣдующими словами: «Ваше Императорское Высочество! Трудное время, пережитое нами, имѣетъ для нашего дорогого отечества великое значеніе, еще доселѣ небывалое: оно ясно указываетъ, что для Россіи единственно прочный и искренній союзъ—есть союзъ Государя съ своими вѣрными подданными; въ этомъ союзѣ наша непреоборимая сила и вся наша будущность. Доложите Его Величеству, что сознавая все добро, Имъ совершенное, совершаемое и имѣющее совершиться по времени, мы усердно желаемъ Ему дожить до той счастливой поры, когда въ обновленной Имъ Россіи повсюду и безраздѣльно водворится порядокъ, благоденствіе и мирное преуспѣяніе. Ему одному Россія обязана будетъ своимъ гражданскимъ развитіемъ. Усердно просимъ Ваше Высочество удостовѣрить Государя Императора въ нашихъ вѣрноподданинческихъ чувствахъ и готовность исполнить все, что Его Величеству угодно будетъ намъ повелѣть. Господа! Вѣрно-ли я передалъ Его Высочеству нашу душевную мысль?» Со всѣхъ сторонъ раздались при этихъ словахъ громкіе крики; «да, да! правда, правда!»¹⁾

¹⁾ Костр. Губери. Вѣдом. 1866 года, № 23; Островскій, стр. 206.

Послѣ обѣда Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ вечеромъ посѣтилъ любительскій спектакль, данный въ только что построенномъ на Павловской улицѣ новомъ театрѣ.

1-го іюля Его Высочество слушалъ въ Платіевскомъ монастырѣ панихиду по въ Возѣ почившей Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ. Затѣмъ Его Высочество посѣтилъ льнопрядильныя фабрики купцовъ Зотова, Брюханова и Михица, гвоздильный заводъ купца Колодезникова и литейный г.г. Шиповыхъ, которыхъ удостоилъ посвѣщеніемъ въ ихъ домѣ. Въ 5 часовъ былъ обѣдъ по дворцѣ, къ которому были приглашены преосвященный Платонъ, начальникъ губерніи, губернской и всѣ наличныя уѣздныя предводители дворянства, градекій голова, ярославскій губернской предводитель дворянства, г.г. Шиповы и капитанъ парохода «Посиѣнный» — Ренненкампфъ. Послѣ обѣда Его Высочество посѣтилъ женскій Анастасіинскій монастырь, церковь Воскресенія Христова на Дебрѣ, а потомъ осматривалъ больницу и тюремный замокъ.

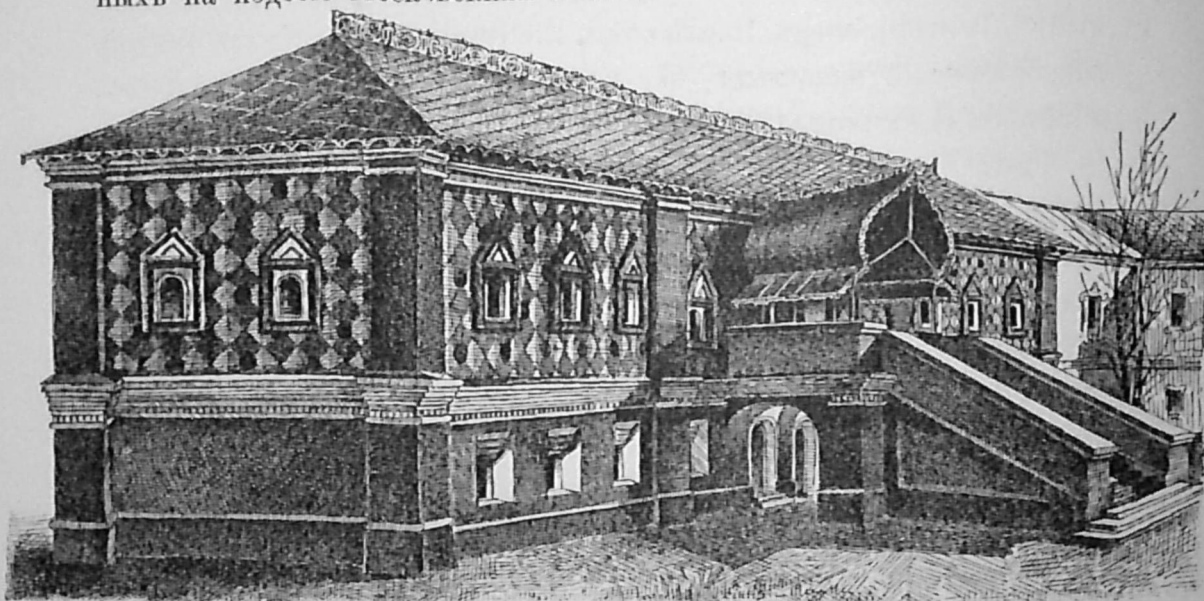
2-го іюля, въ 7^{1/2} часовъ утра, Государь Наслѣдникъ отправился въ село Ивановское, Владимірской губерніи. На обратномъ пути посѣтилъ Челпановское волостное правленіе и прибылъ въ Кострому 3-го іюля, въ 9 час. вечера.

4-го іюля Цесаревичъ, въ сопровожденіи графа Строганова и профессора К. П. Побѣдоносцева, посѣтилъ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе Его Высочество былъ весьма заинтересованъ обсужденіемъ вопросовъ, бывшихъ въ тотъ день на разсмотрѣніи присутствія, неоднократно выражалъ потомъ свое удовольствіе начальнику губерніи и при отъѣздѣ изъ Костромы подарилъ присутствію экземпляръ положенія 19 февраля съ собственноручной надписью: «на память Костромскому по крестьянскимъ дѣламъ Присутствію. 4 іюля 1863 года. Четвергъ. Николай». Изъ дѣлъ, бывшихъ въ этотъ день на обсужденіи присутствія особенно оживлены были пренія по вопросу о крестьянскихъ опекахъ и о земляхъ, купленныхъ въ прежнее время на имя помѣщиковъ и оспариваемыхъ крестьянами.

Послѣ обѣда Наслѣдникъ Цесаревичъ осмотрѣлъ зданіе женской гимназіи, развалины Богоявленскаго монастыря, откуда про-

слѣдоваль къ костромскому преосвященному, и, по возвращеніи въ губернаторскій домъ, принималъ г.г. дворянъ и купцовъ, собравшихся откланяться Его Высочеству. Наконецъ, вечеромъ того-же дня Его Высочество удостоилъ посѣщеніемъ представленіе, данное волтижерами въ циркѣ, и оттуда прослѣдовалъ прямо на пароходъ, на которомъ 5 іюля, въ 3¹/₂ часа пополудни, отбылъ изъ г. Костромы внизъ по Волгѣ. ¹⁾ Во время пребыванія Наслѣдника Цесаревича въ г. Костромѣ мѣстный художникъ Бранденбургъ удостоился поднести Его Величеству альбомъ костромскихъ видовъ, за что получилъ драгоцѣнный подарокъ.

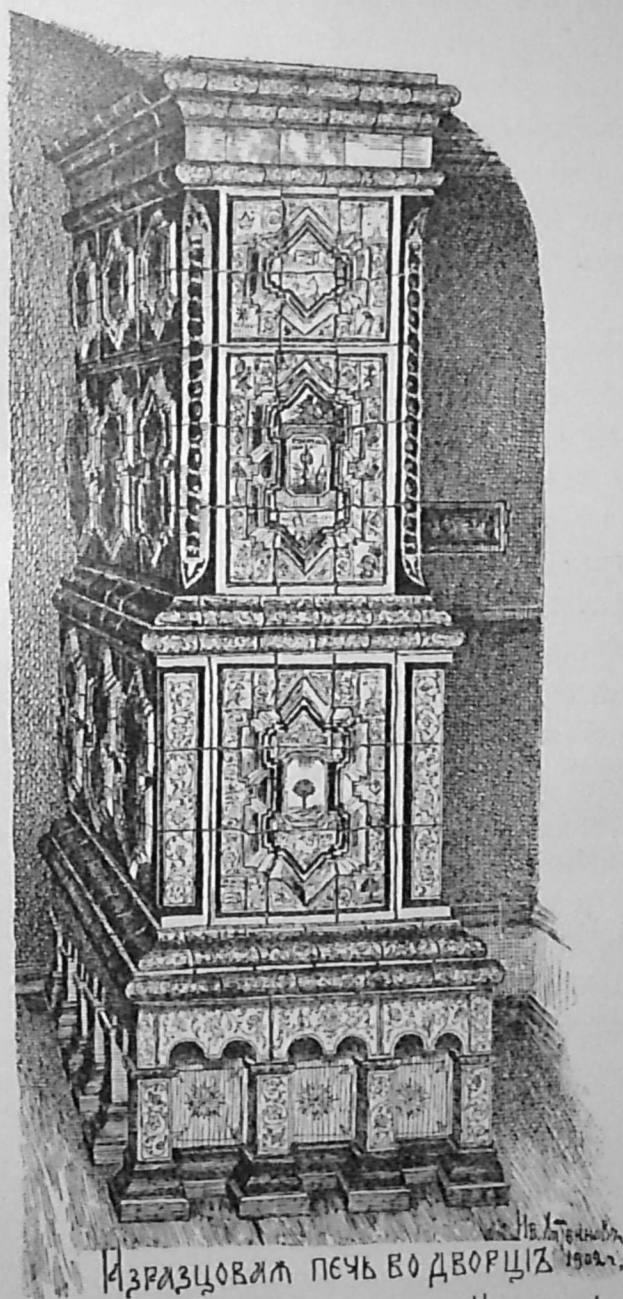
28 сентября 1863 года состоялось освященіе Палаты Михаила Ѳеодоровича Романова въ Ипатіевскомъ монастырѣ, реставрированныхъ на подобіе Московскихъ палатъ.

Дворецъ Михаила Ѳеодоровича въ Ипатіевскомъ монастырѣ.
(Видъ послѣ реставраціи).

Въ томъ-же мѣсяцѣ приѣзжалъ въ Кострому чиновникъ особыхъ порученій Министерства Внутреннихъ Дѣлъ г. Богдановичъ, съ цѣлью убѣдить городскихъ жителей въ пользѣ и выгоды взаимнаго страхованія отъ огня имуществъ. Для этой цѣли онъ

¹⁾ Костр. Губ. Вѣд. 1866 года, № 28, стр. 199—200.

И. В. Хитенко
Изразцовая печь во дворце
Михаила Осодоровича в г. Костромѣ.

2-го сентября, въ собраніи домовладѣльцевъ города Костромы, прочиталъ лекцію и раздавалъ брошюры.

4 октября костромское общество праздновало торжественное открытіе новаго театра.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1864 года вышло Высочайшее повелѣніе о введеніи земскихъ учрежденій, и 6 февраля на обѣдѣ, данномъ г. губернатору костромскимъ купечествомъ, между прочими гостями провозглашенъ былъ тостъ за развитіе и процвѣтаніе земства.

10 марта 1864 года домашней учительницей М. Егоровой открыта была въ Костромѣ частная школа для обученія дѣвцъ отъ 7 до 16 лѣтъ съ платой съ приходящихъ ученицъ по 50, а съ живущихъ по 175 рублей въ годъ. ¹⁾

12 мая положено начало возобновленію разрушеннаго Богоявленскаго монастыря. Торжественность обряда и архіерейское богослуженіе привлекли массу народа на закладку пристроекъ къ старинному Богоявленскому соборному храму и части стѣнъ монастыря.

¹⁾ Костр. Губ. Вѣд. 1864 года, № 15.

XXII

Открытие комитета о земскихъ учрежденіяхъ. Губернское и уѣздныя земства. Пожаръ въ театрѣ. Совѣщаніе о мѣрахъ для борьбы съ холерой. Злодѣйское покушеніе на жизнь Императора Александра II 4 апрѣля 1866 года. О. П. Комисаровъ-Костромской.

10 ЮЛЯ открытъ въ Костромѣ губернской комитетъ о земскихъ учрежденіяхъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ открыто женское приходское училище съ безплатнымъ обученіемъ для лицъ всѣхъ сословій.

16 февраля 1865 года открыто первое костромское уѣздное земское собраніе, которое прежде всего избрало Управу. Въ составъ ея вошли: предѣдатель—Н. Н. Прохоровъ и члены—Н. К. Вошнякъ, Г. Д. Солодовниковъ и В. М. Шинювъ.

9 марта открыто было первое губернское земское собраніе. Открывая его, костромской губернаторъ генералъ-лейтенантъ Рудзевичъ обратился къ губернскимъ гласнымъ съ слѣдующими словами: «Государю Императору благоугодно было управленіе мѣстнымъ хозяйствомъ вѣрить самому земству. Вамъ, господа первые представители мѣстнаго земства, выпала на долю явная обязанность доказать своими дѣйствіями, что русскій народъ способенъ даровать ему права; что въ обществѣ дѣлать каждый изъ насъ слѣдуетъ дѣятельно, избывая свои личные и сословныя интересы и горько понимая, что благополучіе нашего отечества зависитъ быть обещано, когда благополучіе нашего общества; что всѣ мы глубоко проникнуты чувствомъ справедливости, и каждый изъ насъ въ предлагаемомъ намъ дѣлѣ будетъ добросовѣстенъ, чтобы будущій не былъ стѣсненъ въ полноту богатства, и повинности распредѣлялись сообразно средствамъ тѣмъ, которые ихъ несутъ.

При такомъ дружномъ и справедливомъ образѣ дѣйствій, земское дѣло быстро пойдетъ къ высокому его назначенію—возвыситъ благосостояніе общества.

«Открывая губернское земское собраніе, привѣтствую васъ съ этимъ знаменательнымъ днемъ. Принесемъ же теплыя мольбы о здравіи Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома и да поможетъ вамъ Богъ въ предстоящемъ трудѣ!» Затѣмъ преосвященнымъ Платономъ совершенно было молебствіе и приведены къ присягѣ всѣ гласные. Первый день губернскаго земскаго собранія закончился рѣчью преосвященнаго, въ которой онъ, между прочимъ, выразился, что «земскія учрежденія тогда только будутъ полезны, тогда только будутъ сильны, когда сдѣлаются вѣрнымъ выраженіемъ народной мысли, народнаго сознанія, народнаго духа». Далѣе въ своей рѣчи преосвященный особенно отмѣтилъ одну отрасль, къ завѣдыванію которой призвано земство, именно—народное образованіе. «Царство небесное, сказалъ онъ, прежде всего принадлежитъ дѣтямъ. Образованіе и воспитаніе ихъ въ духѣ вѣры и въ духѣ русской народности да будетъ для насъ предметомъ живѣйшихъ заботъ, если вы желаете видѣть въ нихъ новое, сильное духомъ поколѣніе» ¹⁾.

Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій губернскаго земскаго собранія избрана была губернская управа, въ составъ которой вошли: губернскій предводитель дворянства А. А. Митроновъ — предсѣдателемъ управы, и членами — А. А. Акатовъ ²⁾, П. П. Корниловъ, П. Е. Лаговскій, П. В. Френель, А. Н. Маринъ и крестьянинъ А. Е. Фликовъ.

12 апрѣля 1865 года Кострома одѣлась въ трауръ по случаю полученной телеграммы о кончинѣ въ Ниццѣ Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича. Къ полудню всѣ съѣхали въ Успенскій соборъ, гдѣ назначена была панихида по усопшемъ. Костромичи тѣмъ болѣе были поражены смертью Цесаревича, что такъ недавно у себя видѣли Его полнымъ силъ и здоровья.

¹⁾ Костр. Губ. Вѣд. 1865 года, № 11.

²⁾ Костромской городской голова.

Представителемъ Костромской губернии при погребеніи Наслѣдника Цесаревича былъ командированъ макарьевскій уѣздный предводитель дворянства г. Петровъ, который, вмѣстѣ съ представителями другихъ губерній, представлялся Его Величеству Государю Императору 29 мая въ Бѣлой залѣ Зимняго Дворца ¹⁾).

Въ ночь на 10 октября пожаромъ уничтожено новое зданіе театра. Пожаръ театра произвелъ сильное впечатлѣніе на горожанъ, и многіе изъ обывателей видѣли причину пожара въ Божіемъ наказаніи за то, что масса кирпича для постройки театра куплена была при разборкѣ сгорѣвшихъ зданій и храмовъ Боголюбленскаго монастыря.

31 декабря происходило совѣщаніе въ общемъ присутствіи губернскаго правленія и врачебной управы о принятіи предупредительныхъ мѣръ на случай появленія и развитія въ губернии холеры. На это засѣданіе приглашены были: предсѣдатель губернской земской управы, членъ ея, городской голова, воинскій начальникъ, полиціймейстеръ, депутатъ духовнаго вѣдомства и врачи. Комитетъ опредѣлялъ раздѣлить городъ на участки—по числу врачей, обратить особенное вниманіе на вентиляцію въ тюрьмахъ и арестантскихъ ротахъ, на близость боенъ къ городскимъ строеніямъ, на помѣщенія фабричныхъ рабочихъ, и обязать жителей города особыми подписками къ соблюденію чистоты въ домахъ и отхожихъ мѣстахъ ²⁾).

Кромѣ того, въ домѣ, гдѣ прежде было училище дѣтей канцелярскихъ служителей, устроена была больница спеціально для приѣма холерныхъ больныхъ.

27 февраля 1866 года происходило торжественное открытіе костромскаго общественаго клуба.

28 февраля, послѣ непродолжительной болѣзни, скончался бывшій губернскій предводитель дворянства и первый предсѣдатель губернской управы Александръ Алексѣевичъ Мироновъ, который принадлежалъ къ крупнымъ общественнымъ дѣтелямъ г. Костромы и губернии. Онъ былъ человекъ дѣла, а не фразы. П. Е. Лаговскій

¹⁾ Костр. Губ. Вѣд. 1865 г., № 23.

²⁾ Костр. Губ. Вѣд. 1866 г., №№ 1 и 2.

въ краткомъ очерки жизни покойнаго говоритъ, что онъ никому не былъ врагомъ, никому не желалъ зла и за зло, какъ истинный христіанинъ, платилъ добромъ. Кругъ его гражданской дѣятельности былъ обширенъ; умъ, практичность, разсудительность, особенный тактъ и умѣнье взяться за дѣло, доступность для всѣхъ и каждаго, отсутствіе рутинерства и прогрессивное движеніе паравиъ съ вѣкомъ—вотъ главныя характерныя черты его общественной дѣятельности.

5 апрѣля 1866 года начальникомъ Костромской губерніи получена была телеграмма слѣдующаго содержанія: «4-го сего апрѣля, въ четвертомъ часу пополудни, въ то время, когда Государь Императоръ, окончивъ свою прогулку въ Лѣтнемъ саду, изволилъ садиться въ коляску, пошестыи выстрѣлилъ въ Его Величество изъ пистолета. Пожю providѣнію предохранило драгоценнаго дна Августѣйшаго нашего Государя. Преступникъ задержанъ. Разсѣдowanіе производится». Быстро разнесся слухъ по городу о злодѣйскомъ покушеніи на жизнь обожаемаго Государя. Вечеромъ того же числа старшины и члены костромского общественаго клуба телеграммою просили Министра Внутреннихъ Дѣлъ передать Его Императорскому Величеству ихъ живой восторгъ и благодарность Всемилостивому, что Онъ сохранилъ жизнь Благодѣтеля Россіи. На это г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ 8 апрѣля отвѣтилъ слѣдующей телеграммой: «старинамъ и членамъ общественаго клуба. Государь Императоръ изволитъ благодарить за вѣрнопопуданническія чувства».

6 апрѣля, въ 12 час. дня, въ Успенскомъ соборѣ ректоромъ костромской духовной семинаріи архимандритомъ Іосифомъ съ городскимъ духовенствомъ было совершено благодарственное молебствіе, въ присутствіи чиновъ всѣхъ вѣдомствъ и безчисленнаго множества народа.

Скоро узнали, что получена 5-го апрѣля еще телеграмма на имя предсѣдателя губернской земской управы, въ которой петербургскій генералъ-губернаторъ, обращаясь къ костромичамъ, говоритъ: «споздравляю костромичей съ подвигомъ бавнаго крестьянина Вуфскаго уѣзда, села Молвицина, Осипа Иванова Комисарова,

ныиъ дворянина, спасаго жизнь Царя». На эту телеграмму губернской предводитель дворянства Н. П. Карцовъ съправляющимъ должность председателя костромской губернской земской управы г. Лаговскимъ, тотчасъ же отъ имени костромичей отвѣтили г. генераль-губернатору слѣдующею телеграммою: «Внезапная вѣсть объ угрожающей опасности Царю-Освободителю глубоко поразила насъ; вѣсть же о спасеніи породила радостное чувство и подкрѣпила убѣжденіе, что духъ Суевинна живетъ въ сердцахъ костромичей. Идемъ молить Бога за спасеніе дорогой для насъ жизни обожаемаго Монарха. Да здравствуетъ Императоръ!»

На эту телеграмму г. генераль-губернаторъ отвѣтилъ: «Имѣлъ честь докладывать о вѣрноподанныхъ чувствахъ. Государь Императоръ отъ души благодаритъ всѣхъ».

Извѣстіе о подвигѣ Комисарова перенесло сердца всѣхъ живѣйшею радостію. Всѣ костромичи сѣвшили чѣмъ-либо ознаменовать это событіе. Костромское дворянство выразило свои чувства въ адресахъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ и Наслѣднику Престола. Городекое общество, собравшись 6 апрѣля въ домѣ городской управы, постановило: 1) для увѣковѣченія памяти событія ежегодно праздновать 4 апрѣля, день спасенія возлюбленнаго Монарха наравнѣ съ двенадцатыми праздниками, чтобы въ этотъ день не производилась торговля и чтобы ежегодно собираться въ городекую думу для разсужденія и распоряженій по дѣламъ благотворительности, 2) желая увѣковѣчить въ памяти достопамятнѣйшій подвигъ родича, крестьянина Осипа Ивановича Комисарова, спасаго жизнь Монарха, тутъ же открыть подписку для сбора суммы на содержаніе бѣдныхъ гражданъ г. Костромы въ богадѣльнѣ и излеченіе ихъ въ больницѣ; 3) предложить Осипу Ивановичу Комисарову званіе *первого* гражданина г. Костромы. Городекой голова А. А. Акатовъ, сверхъ того, изъявилъ желаніе устроить на свой счетъ богадѣльню для призрѣнія 8 человекъ въ память этого событія.

Того же числа было экстренное собраніе членовъ Костромского общественаго клуба, причемъ единодушно было выражено желаніе предложить званіе почетнаго члена Осипу Ивановичу Комисарову безъ баллотировки, въ знакъ живой признатель-

Первый гражданин г. Костромы
О. И. Комисаровъ.

ности къ оказанной имъ отечеству услугѣ.

Общество ремесленниковъ, въ собраніи 8 апрѣля составило приговоръ: «Въ память объ избавленіи Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Николаевича 4 апрѣля отъ руки злодѣя, покусившагося на жизнь Августѣйшаго Монарха, собирать съ ремесленниковъ, имѣющихъ купеческія свидѣтельства по 10 р. серебромъ, имѣющихъ свидѣтельства промысловыя въ 15 рублей— по 3 руб.; въ 7 руб. 50 коп.— по 1 руб. 50 коп.; въ 2 руб. 50 коп.— по 1 руб. и съ подмастерьевъ или работниковъ—по 1-му же рублю, на содержаніе больныхъ ремесленниковъ всѣхъ сословій и на обученіе грамотѣ и мастерству бѣдныхъ малолѣтнихъ сиротъ и не имѣющихъ къ тому никакихъ средствъ.

Подвигъ О. И. Комисарова радостно отозвался не только въ сердцахъ жителей г. Костромы, но и тѣхъ костромичей, которые живутъ вдали отъ родины. Такъ, костромской губернской предводитель дворянства получилъ 7 апрѣля изъ г. Вильны слѣдующую телеграмму: «дворяне, чиновники и крестьяне Костромской губерніи, проживающіе въ Вильнѣ, пьютъ здоровье своего земляка Осипа Ивановича Комисарова и просятъ Ваше Превосходительство передать низкій поклонъ крестьянамъ Молвитинскаго общества, изъ среды котораго явился второй Сусанинъ, спасшій нашего обожаемаго Монарха, Царя Освободителя, и поздравить костромское дворянство съ новымъ сочленомъ, имя котораго займетъ блистательное мѣсто въ лѣтописяхъ Русской исторіи».

Даже преступники не остались хладнокровными и праздными при общей радости. Такъ, арестанты, содержавшіеся въ отдѣленіи арестантской роты, узнавъ о спасеніи жизни Государя Императора, просили отслужить благодарственный молебенъ. Желаніе ихъ было

исполнено, и молебствіе совершено 7 апрѣля въ отдѣленіи роты. Съ тою же цѣлію, арестанты, содержавшіеся въ костромскомъ тюремномъ замкѣ, просили пригласить въ церковь тюремнаго замка чудотворный образъ Феодоровской Божіей Матери, для чего и назначено было 11 апрѣля ¹⁾.

Юрьевецкій помещикъ Г. А. Сальковъ по поводу событія 4-го апрѣля написалъ слѣдующее стихотвореніе:

Быстрѣ молній вѣсть промчалась
Во всѣ Россіи уголки,
Что смерть Царю готовилась
Отъ святотатственной руки;
Что милость Вышняго Творца,
Намъ Солнце наше сохранила —
Рукой лихого молодца
Ударъ злодѣи отвратила.

Вдрогнула Родина Святая;
Къ измѣнѣ злобою кипитъ,
И въ храмы Божьи поспѣшала,
Творца небесъ благодаритъ.
Благодаритъ: за жизнь Владыки,
За счастье Русской всей земли;
И вотъ восторженныя клики,
Какъ громъ, все Царство потрясли.

Отвѣоду шлются поздравленны
Къ Царю отъ вѣрныхъ Россіицъ
И чувствъ глубокихъ завлеченья
Вновь дворянству изъ крестьянъ.
Прими, Державный Повелитель,
Тѣ чувства радости живой,
Что сохранилъ Тебя Спаситель,
Закрывъ крестьянина рукой.
Прими и ты, землякъ родимый,
Привѣтъ восторженныхъ сердецъ—

¹⁾ Костр. Губ. Вѣд. 1886 г., № 13.

Тобой спасенъ нашъ Царь любимый,
Нашъ Благодѣтель и Отець ¹⁾.

17-го апрѣля, на Высочайшемъ выходѣ въ Зимнемъ дворцѣ, кромѣ лицъ, извѣстныхъ прѣздѣ къ Двору, находились также депутаціи отъ разныхъ губерній, которыя и были приняты Государемъ Императоромъ, послѣ божественной литургіи и молебствія, въ Бѣломъ залѣ. Самая многочисленная депутація была костромская, во главѣ которой находились: кіевскій митрополитъ Арсеній, уроженецъ села Воронья, Галичскаго уѣзда, Костромской губерніи, прибывшій изъ Костромы губернскій предводитель дворянства Н. П. Карцовъ и О. Н. Комисаровъ-Костромской. При вступленіи въ Бѣлое залу, Его Величество былъ встрѣченъ привѣтственнымъ словомъ митрополита Арсенія, который благословилъ Государя Императора образомъ Θεодоровской Божіей Матери, которымъ благословляла на Царство Михаила Θεодоровича мать его, инокиня Марѳа, когда онъ оставлялъ Ипатіевскій монастырь. Потомъ костромской губернской предводитель дворянства прочелъ адресъ, поднесенный Государю Императору костромскою депутаціею, ему отвѣтило громкое, продолжительное и единодушное «ура!» Затѣмъ одинъ изъ почетнѣйшихъ, проживавшихъ въ Петербургѣ, костромскихъ гражданъ, С. И. Быковъ поднесъ Государю хлѣбъ-соль съ краткимъ привѣтствіемъ. То же громкое и продолжительное «ура!» было отвѣтомъ. Государь Императоръ, въ отвѣтъ на эти привѣтствія, изволилъ выразить свою благодарность и заключилъ слова свои тѣмъ, что онъ въ этой единодушной къ нему преданности видитъ свое утѣшеніе и благодаритъ Провидѣніе, которое, сохранивъ его на пользу Россіи, сподобило Его видѣть такое живое свидѣтельство любви къ Нему народнои. Потрясающее стѣны «ура!» было отвѣтомъ, всѣ бросились и окружили Государя, махали платками, платками, тѣспились на пути, такъ что Государь едва среди толпы могъ пройти черезъ залу. Государь былъ видимо растроганъ. Онъ подошелъ въ концѣ залы, къ казанской депутаціи и нѣсколько разъ повторилъ, обращаясь къ тѣспившимся къ Нему лицамъ всѣхъ сословіи и состояній: «Я среди васъ, какъ среди родныхъ!»

¹⁾ Костр. Губ. Вѣд 1866 г., № 15.

Въ виду болѣзни, Государыня Императрица не могла принимать депутацій, почему Ей представлено было отъ костромскаго дворянства слѣдующее всеподданнѣйшее письмо: «Ваше Императорское Величество! Преступный замыселъ едва не лишилъ Васъ, Всемилостивая Государыня, драгоценнаго для сердца Вашего Супруга и всей Россіи обожаемаго Монарха. Непознаградимая потеря была близка, но Провидѣнію угодно было постигнуть Ваше Величество и всѣхъ русскихъ Своею милостию и злодѣйское намѣреніе остановлено рукою нашего собрата, костромича. Мы съ дѣтства привыкли, Ваше Величество, скорби и радости Державнаго Семейства нашего Государя близко принимать къ сердцу и потому, принося вѣрноподданческое поздравленіе объ избавленіи Вашего Державнаго Супруга и нашего Великаго Государя отъ грозившей Ему опасности, смѣемъ надѣяться, что Ваше Величество соизволите принять его отъ Вашихъ вѣрноподданныхъ, глубоко потрясенныхъ настоящимъ событіемъ и готовыхъ, по одному слову нашего обожаемаго Монарха, составить вокругъ Августѣйшаго Вашего Семейства живой оплотъ, чрезъ который не пройдутъ никакія козни и замыслы враговъ». (40 подписей)¹⁾.

15-го апрѣля, въ залѣ Благороднаго собранія, находившіеся въ Петербургѣ костромичи собрались для предварительныхъ совѣщаній объ основаніи, въ память спасенія жизни Государя Императора 4-го апрѣля Комисаровымъ-Костромскимъ, учрежденія, полезнаго для всего костромскаго края. Совѣщанія проходили неофициальнымъ образомъ костромичи толпились въ кучѣ, въ кружкахъ, въ которыхъ стояли: тѣсно и рядомъ генералы и крестьяне, священники и учителя, дворяне и купцы. Все единодушно желали сдѣлать или, вѣрнѣе, предпринять что нибудь полезное и доброе. Сдѣлано было множество въ разныхъ кружкахъ разныхъ предложеній. Одно предложеніе, сдѣланное въ одномъ кружкѣ, переходило въ другой, обсуживалось, оцѣнивалось и т. д.; но ни одно изъ нихъ не получило еще рѣшительнаго утвержденія. Предлагали, напримѣръ, основать какое либо благотворительное учрежденіе, какое?—не опредѣлялось. Совѣтовали нѣкоторые собрать капиталъ для окончательнаго выкупа земли

¹⁾ Русскій Пивальдъ 1866 г., № 99; Петерб. Вѣдомости 1866 г., № 103

молвитинскихъ крестьянъ отъ помѣщика, основать реальную гимназію, политехническую или земледѣльческую школу. Пущена была мысль, нельзя ли основать въ Костромѣ университетъ. Но болѣе практическою оказалась мысль основать учительскую семинарію для первоначальныхъ школъ. Это послѣднее предложеніе встрѣчалось съ большимъ сочувствіемъ во всѣхъ кружкахъ и людьми всѣхъ сословіи ¹⁾).

24-го апрѣля въ Казанскомъ соборѣ собралась огромная масса жившихъ въ Петербургѣ костромичей. Послѣ обѣдни на молебствіе вышелъ кievскій митрополитъ Арсеній, костромской уроженецъ, съ двумя архимандритами, также костромичами. Въ толпѣ костромичей стоялъ блѣдный, нехудалый О. И. Комисаровъ; костромичи молились съ колѣнопреклоненіемъ за чудесное избавленіе Государя Императора и потомъ длинною вереницею потянулись въ гостиницу Демута. На собраніи костромичей 24 апрѣля, въ гостиницѣ Демуть, было около 300 лицъ разныхъ званій. Тутъ были, между прочимъ, два мѣстные предводители дворянства, нѣсколько писателей—уроженцевъ Костромской губерніи: г.г. А. Потѣхинъ, Максимовъ, Колонановъ, профессоръ Шульгинъ, генераль Марковъ, секретарь американскаго посольства Г. Куртинъ, какъ гость и Ѳ. М. Толстой. Предсѣдатель собранія Н. П. Карцовъ пригласилъ желающихъ высказаться на счетъ мѣръ, могущихъ увѣковѣчить великую память событія 4-го апрѣля. Первымъ высказался А. А. Потѣхинъ: «послѣ благодарственнаго молебствія, только что принесеннаго нами, мы всѣ, земляки, уроженцы одной губерніи, собрались сюда, чтобы вмѣстѣ, одной семьей, отпраздновать общую народную радость сохраненія драгоценной жизни нашего Государя, того Государя, который освободилъ отъ крѣпостной зависимости миллионы своихъ подданныхъ, который даровалъ своей землѣ земскія учрежденія и гласное судопроизводство, который велъ ее быстрыми шагами къ развитію и благоденствію. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы избираемъ этотъ день нашего общаго праздника, этотъ моментъ, когда всѣ мы проникнуты единымъ, некренимымъ чувствомъ, избираемъ для того, чтобы положить начало такому дѣлу,

¹⁾ Голосъ 1866 г., № 114-л.

которое могло-бы служить вѣковѣчнымъ памятникомъ празднуемаго событія. Если Правидѣнію угодно было, для спасенія Русскаго Царя Осводителя, изъ всей 60 милліонной одинаково преданной ему семьи избрать единого, тѣмъ же Царемъ освобожденнаго, и если этотъ избранникъ—дѣти Костромскаго края, то, безъ сомнѣній, въ предлагаемомъ нами памятникѣ должны выразиться и наше сочувствіе къ стремленіямъ Государя объ улучшеніи участи его бѣдливѣйшихъ подданныхъ, и наша благодарность къ тому краю и сословію труженниковъ, которые дали человѣка, отведшаго злую руку, грозившую всей Россіи великимъ несчастіемъ. Само собою, вся Россія равно благодарна костромичу, бывшему крестьянину О. Н. Комисарову; безъ сомнѣній, вся она откликнется съ радостью на призывъ принести ленту на устройство памятника общей любви русскаго народа къ своему Государю; но мы, какъ земляки Осипа Ивановича, какъ дѣти той же почвы, которая и его воспитала, должны послѣднимъ приношеніемъ положить начало дѣлу и указать, что особенно нужно Костромскому краю и его крестьянину. Нужды этихъ много. Наша губернія небогата, природа не была щедра для нея: скудная почва, суровый климатъ, громадные, но дешевые лѣса, вотъ въ общихъ чертахъ непривлекательная картина нашего родного края. Есть у насъ только одно неоцѣненное богатство, которое мы сами накопили и которымъ мы дѣлимся со всей Россіей: это необыкновенная смысленность костромскаго крестьянина, это—выработанное горькою нуждой мастерство его на всѣ руки, на всякую работу. Кто не знаетъ костромскихъ плотниковъ, костромскихъ каменщиковъ и пр. и пр. Костромичъ—по преимуществу мастеровой человѣкъ, ремесленникъ, но по этому самому онъ уже не принадлежитъ самому себѣ, онъ вѣчно чуждой слуга, всю жизнь внѣ родной семьи и вдали отъ родины. Костромичъ идетъ и въ Петербургъ, и въ Харьковъ, и въ Казань, и за Уралъ—и вездѣ ему рады, вездѣ даютъ работу, потому что онъ и ловокъ и дешевъ, а дешевъ потому, что костромичей, ищущихъ работы, много. И, не смотря на смысленность своей головы, на ловкость привыкшихъ къ работѣ и усталыя не знающихъ рукъ, костромичъ никогда почти не бываетъ богатъ: всѣхъ его заработковъ одна остается на то,

чтобы прокормиться самому на чужбинѣ, прокормить семью дома да уплатить подати и оброкъ. А какимъ тяжелымъ и горькимъ путемъ доходитъ костромской крестьянинъ хоть бы до этого счастья, чтобы безъ недомокъ прожить съ семьей! Съ дѣтскаго возраста отрывается онъ отъ родной семьи и идетъ куда-нибудь далеко отъ родины съ отцомъ, или дядей, или братомъ, чтобы выстрадать тяжелую школу своего ремесла. Эта школа, къ сожалѣнію, до сихъ поръ основана на битвѣ да трисоловесахъ, да на растратѣ молодыхъ силъ въ тасканіи матеріала къ работѣ мастерамъ. И никакія врожденныя способности, ничто не спасетъ отъ этой школы, въ которой перѣдко безвозвратно и задаромъ пропадаютъ и физическія и нравственныя силы. Если иной и пройдетъ ее благополучно, то долго еще, долго ему придется быть чернорабочимъ, хотя бы, повторю, онъ былъ, какъ говорится, семи няней во лбу. А затѣмъ, эксплуатація труда капиталомъ, которая еще такъ груба и безжалостна при нашихъ не развитыхъ экономическихъ отношеніяхъ, при отсутствіи какого либо образованія въ рабочей массѣ! Каждый рабочий, нынѣ уже свободный человѣкъ по милости Государя освободителя, къ сожалѣнію, до сихъ поръ дѣлается перѣдко крѣпостнымъ — или по милости пэтаря заведенныхъ въ его ремеслѣ порядковъ, или по милости своего хозяина, или капиталиста, а чаще всего по недостатку личнаго развитія, по невозможности употреблять разумно и своевременно свои способности. Вотъ гдѣ, по нашему мнѣнію, предстоитъ великое дѣло, крайне необходимое, безмѣрно полезное для Костромскаго края. Устройствомъ ремесленныхъ школъ въ Костромской губерніи, въ которыхъ дѣти крестьянскія, не оторванныя отъ семьи, получали бы хорошее и безвозмездное обученіе разнымъ ремесламъ и выходили бы отсюда не измученными полукрѣпостными работниками, но образованными мастерами и свободными, развитыми людьми, мы можемъ соорудить вѣковѣчный памятникъ нашей любви и преданности Государю, разбившему въ Россіи крѣпостныя оковы, нашей благодарности О. И. Комисарову, по всей вѣрности, прошедшему всю тяжелую школу ученика-ремесленника и способному вполне оцѣнить всю пользу учрежденія ремесленныхъ школъ на новыхъ, разумныхъ основаніяхъ. Подробности осуществ-

По окончании рѣчи г. Кадниковъ, большинство присутствовавшихъ окружило его и благодарило за его теплое и многозначительное выраженіе нужды и положенія большинства.

За г. Кадниковымъ говорилъ г. Кузнецовъ, предлагавшій собрать для школы грамотности деньги подпискою по всей Россіи, и, если подписка не будетъ достаточна, то, по крайней мѣрѣ, озабочиться устройствомъ учительской семинаріи. Изъ числа прочихъ говорилъ председатель костромской уѣздной земской управы Н. Н. Прохоровъ. Онъ сказалъ, что, какъ имѣется въ настоящее время въ виду проложеніе желѣзной дороги отъ Троице-Сергіевой лавры къ Волгѣ, не мѣшало бы просить дозволеніе общими голосомъ костромской называть ее Романовскою. Было также заявленіе въ пользу земледѣльческаго училища, сдѣланное макарьевскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства графомъ Мушницъ-Шукинскимъ.

Рѣшѣнныя всѣхъ этихъ заявленій собраніе приняло слѣдующее рѣшеніе: 1) просить Т. М. Толстого принять на себя трудъ составленія описанія жизни О. Н. Комисарова и описанія событій 4-го апрѣля; 2) хлопотать о введеніи обязательнаго образованія въ Костромской губерніи; 3) передать всѣ предложенія на мѣсто родины г. Комисарова для обсужденія земскихъ собраній, которымъ могутъ быть выдѣлены средства, и нужды, и 4) избрать въ Петербургѣ комитетъ, который бы занимался пріемомъ пожертвованій. Во время этой обѣды непрерывно повторялись тосты за здоровье императора и всей Августѣйшей фамилии. Музыка часто сопровождала эти гимны, одушевленіе было всеобщее. После рѣчи предводителя дворянства Н. П. Карцова, графъ Мушницъ-Шукинскій сказалъ слѣдующее: «Почтенные сограждане-костромичи! Позвольте мнѣ представить: «сердце Царя въ рукахъ Воиновъ». Это сердце представляетъ два несомнѣнные тому знаменія: Иванъ Калита и Александръ Невскій принимаютъ смертельные удары, замысливаемые на нихъ врагами; Костромской направляетъ на воздухъ смертельную пулю; Александръ Невскій, отводя оный отъ того, кто вдохнулъ его въ грудь, спасаетъ Русскую Россію. Въ томъ и другомъ событіи—не временное, а постоянное спасеніе Родины. Изъ 70 миллионовъ, одинаково которыхъ въ Россіи, набиралъ Оня своимъ орудіемъ костромичей въ Иттенбургѣ».

смерти, въ память потомству, увѣковѣчить какимъ либо полезнымъ учрежденіемъ для Костромскаго края, и предложили устроить ремесленныя школы съ обученіемъ грамотѣ и другія полезныя учрежденія. Я, какъ собратъ крестьянъ, желалъ бы видѣть прежде всего устройство школъ грамотности на основаніяхъ или приходскихъ или уѣздныхъ училищъ. Эти школы необходимы, по моему, какъ хлѣбъ къ обѣду. Я полагаю бы всего удобнѣе заботу объ учрежденіи этихъ школъ возложить на земскія управы и представить имъ обсудить—какъ и куда обратиться съ представленіемъ, чтобы на нашей родинѣ введено было обученіе дѣтей обоого пола—обязательное. Это было бы добро неоцѣненное и жертва Богу, живая и неугасимая долго. Тогда, я льщу себя, мы будемъ имѣть честныхъ гражданъ, любящихъ отцовъ, мужей и женъ, потому что всѣмъ извѣстно, что нѣтъ сильнѣе средства къ искорененію пороковъ, какъ правильное просвѣщеніе. Теперь всѣ члены семействъ плачутъ отъ своихъ же семейныхъ, но кто виновать? Виноваты же родители, потому что не заботились объ ученіи своихъ дѣтей. Но, когда у насъ будутъ школы и будутъ учить дѣвочекъ, льщу себя надеждою, что многіе будутъ имѣть умныхъ женъ, которыя не встрѣтятъ мужа, послѣ маленькаго проступка, грубою брашью, съ презрѣніемъ, упреками и укорами, отъ которыхъ мужъ ѣднается зѣрема и начинается драку. Жены у крестьянъ, получивши образованіе, безъ сомнѣнія, сдѣлаются ласковыми, кроткими; все выскажутъ мужу въ ласковомъ духѣ, и тогда ему уже станетъ себя самого стыдно. Тоже, я думаю, получаютъ и другіе члены семьи. Въ школахъ не худо обучать дѣтей ручнымъ ремесламъ, но это будетъ уже слишкомъ дорого. По моему, нужно прежде всего школы снабдить больше полезными книгами по всѣмъ отраслямъ знанія. На первыхъ же порахъ—устроить правильныя школы грамотности и дать людямъ ключъ ко всѣмъ отраслямъ знанія. Изъ крестьянъ большая часть учиться желаютъ, но ждутъ, пока ихъ пригласитъ правительство, ждутъ распоряженій начальства. Церковь—лучшая школа для ученыхъ, но неученымъ мало прививается ея ученіе по огрубѣлости ихъ возрѣній на хорошее. Итакъ нужны прежде всего школы грамотности».

По окончании рѣчи г. Кадникова, большинство присутствовавшихъ окружило его и благодарило за его теплое и многозначительное выраженіе нужды и положенія большинства.

За г. Кадниковымъ говорилъ г. Кузнецовъ, предлагавшій собрать для школъ грамотности деньги поднескою по всей Россіи, и, если подписка не будетъ достаточна, то, по крайней мѣрѣ, озаботиться устройствомъ учительской семинаріи. Изъ числа прочихъ говорилъ председатель костромской уѣздной земской управы Н. Н. Прохоровъ. Онъ сказалъ, что, какъ имѣется въ настоящее время въ виду проведеніе желѣзной дороги отъ Троице-Сергіевой лавры къ Волгѣ, то не мѣшало бы попросить дозволеніе общимъ голосомъ костромичей назвать ее Романовскою. Было также заявленіе въ пользу чисто земледѣльческаго училища, сдѣланное макарьевскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства графомъ Мушкетеромъ-Пушкинымъ.

Послѣ всѣхъ этихъ заявленій собраніе приняло слѣдующее рѣшеніе: 1) просить Т. М. Толстого принять на себя трудъ составленія біографіи О. И. Комисарова и описанія событія 4-го апрѣля; 2) ходатайствовать о введеніи обязательнаго образованія въ Костромской губерніи; 3) передать все предложенія на мѣсто родины г. Комисарова на обсужденіе земскихъ собраній, которымъ могутъ быть членовъ комитета, который бы занимался пріемомъ пожертвованій.

Во время обѣда непрерывно повторялись тосты за здоровье Государя Императора и всей Августѣйшей фамиліи. Музыка часто играла народный гимнъ, одушевленіе было всеобщее. Послѣ рѣчи губернскаго предводителя дворянства Н. П. Карцова, графъ Мушкетеръ-Пушкинъ сказалъ слѣдующее: «Почтенные сограждане-костромичи! Святое писаніе гласитъ: «сердце Царяго въ рукахъ Божіихъ». Исторія наша представляетъ два несомнѣнные тому знаменія: Иванъ Сусанинъ воспринимаетъ смертельные удары, замышляемые на Царя; Комисаровъ-Костромской направляетъ на воздухъ смертельный выстрѣлъ злодѣя-безумца, отводя оный отъ того, кто вдохнулъ новую жизнь настоящей Россіи. Въ томъ и другомъ событіи—неповѣдимый Промыселъ Божій. Изъ 70 милліоновъ, одинаково преданныхъ Царю, избираетъ Онъ своимъ орудіемъ костромичей.

Чудесное спасеніе свершилось: вздрогнула Русь и разразилась восторженными криками радости при словѣ о спасеніи. Въ этихъ кликахъ слышится не одинъ только присущій всемъ народамъ, и въ особенности русскому, святой долгъ преданности къ Монарху: въ нихъ явно гремитъ еще сознаніе величія дѣла, который неразрывно связаны съ именемъ Александра II. Онъ даровалъ свободу мильонамъ, предоставилъ земству въ его дѣлахъ самоуправленіе посредствомъ выборныхъ изъ всехъ сословій; смягчилъ уголовные законы сообразно съ понятіемъ о человѣчности; водворилъ гласный судъ, «да правда и милость царствуютъ въ судахъ»; даровалъ равноправность сословіямъ, свободу печати; предпринялъ многія другія преобразованія и начинанія, вдохновенныя высокою заботливостію о счастіи и просвѣщеніи своего народа по пути матеріальнаго и нравственнаго развитія... и чего еще не совершилъ онъ въ цвѣтушіе годы, умудренный государственнымъ опытомъ своей жизни! Все эти великія преобразованія, великія реформы, во имя любви къ человѣчеству и своему народу, задуманы и совершены имъ въ теченіе 10 лѣтъ, среди твердаго мира и ничѣмъ ненаружимаго на Руси порядка, среди общей любви и безпредѣльной преданности подданныхъ. Десять лѣтъ на то, что у другихъ народовъ создавалось усиліями и борьбою многихъ поколѣній! Сосѣди современники поражены величіемъ дѣла нашего Государя въ такое малое время; что же сказать о насъ самихъ? Со всехъ концовъ Россіи шлетъ къ нему благословенія, и изліянія благодарности 70 милліоновъ сливаются въ немъ въ одну любовь, въ одно желаніе.... Сograждане! такъ да сольемся мы въ общемъ стремленіи къ труду и знанію; забудемъ нашу сословную рознь и единодушнымъ служеніемъ общему благу Россіи явимъ себя достойными великихъ преобразованій нашего великаго Государя, одушевленнаго одною мыслью — о счастіи его подданныхъ, о счастіи Россіи. Господа! предлагаю тостъ за благоденствіе Россіи». Рѣчь гр. Пушкина постоянно прерывалась знаками одобренія и криками «ура», а тостъ его былъ принятъ съ единодушнымъ восторгомъ. Затѣмъ предѣдатель объявилъ, что проситъ слова секретарь американскаго посольства. Ему отвѣтомъ были общія рукоплесканія, не умолкавшія ни одну минуту и смѣшанныя

съ криками: «ура, Америкѣ!» Г. Куртинъ на русскомъ языкѣ сказалъ слѣдующее: «Теперь, когда вся Россія приноситъ благодарственныя молитвы за спасеніе возлюбленнаго Царя, когда скорби и укасъ превратились въ радость и всеобщее ликованіе, костромичи, уроженцы родины Царствующаго Дома, родины Ивана Суянина и Осипа Ивановича Комисарова, собрались сюда чествовать доблестнаго земляка.

«На этомъ знаменательномъ празднествѣ да позволено мнѣ будетъ высказать нѣсколько словъ, хотя я и не русскій по рожденію, но, любя Россію отъ всей души, я не могу оставаться равнодушнымъ въ виду происшедшихъ событій. Когда Россія, раздробленная и разслабленная, стонала подъ гнетомъ чужоземцевъ, въ Москвѣ родилась лучезарная мысль о единствѣ Русскаго Государства. Воодушевленная этою мыслию Москва вступила въ борьбу, восторжествовала надъ врагами и создала единую, цѣлую и крѣпкую Россію. Кострома дала Государя этому государству и два раза сохранила Отца Россіи. Позвольте мнѣ предложить совокупный тостъ, тостъ за Русскаго Царя, съ тостомъ за Москву, создавшую государство, и за Кострому, давшую и два раза сохранившую Государя». — «Ура! за благоденствіе Америки!» раздались отвѣтные крики и при продолжительныхъ возгласахъ музыка заиграла народный гимнъ, звуки котораго какъ будто освѣщали неожиданный, представленій предъ слушателями, но вѣчно присущій обоимъ народамъ, союзъ двухъ дружественныхъ молодыхъ членовъ великой семьи образованнаго міра.

Вслѣдъ затѣмъ А. А. Потѣхинъ сказалъ воодушевленное, сильное слово. Онъ указалъ на дружественное влеченіе другъ къ другу двухъ великихъ народовъ и на глубокій смыслъ присутствія представителя Америки на русскомъ семейномъ обѣдѣ. «Онъ подаромъ между нами, говорилъ г. Потѣхинъ, этотъ членъ великой націи, среди которой, больше чѣмъ гдѣ нибудь, самоуправленіе и самостоятельность служатъ основою всего гражданскаго строя націи, которая на неизвѣстныхъ, вновь открытыхъ материкахъ, сама создала могущественное государство, сплѣтъ и прогрессу котораго заигрываютъ и удивляются все народы, — нація, которая всегдѣ обязана одной себѣ!

Они недаромъ между нами въ ту самую минуту, когда мы, люди одной губернии, затѣваемъ такое дѣло, гдѣ мы также усилимъ нашей собственной самодѣтельности стремимся поставить на ноги цѣлое большое дѣло—народнаго образованія. Никто не въ состоянн болѣе русскихъ стать въ уровень съ американцами въ способности къ самоуправленію и къ самодѣтельности. Покажемъ же нашему дорогому гостю, что мы достойны его присутствія на нашемъ семейномъ праздникѣ, что мы крѣпко стоимъ за начатое дѣло, что мы можемъ вынести на своихъ плечахъ ту задачу, которую мы приняли, разсчитывая только на самихъ себя, что въ самодѣтельности мы не уступимъ американцамъ и что дружественный союзъ между нами крѣпокъ, какъ союзъ товарищей, связанныхъ между собою сродствомъ своихъ національныхъ достоинствъ!» Слова А. А. Потѣхина вызвали самый восторженный приѣмъ: многіе подходили къ нему и благодарили за краснорѣчивое и вѣрное выраженіе общихъ чувствъ. Тотчасъ-же открыта была подписка и собрано было около 500 рублей для устройства школъ въ Костромской губернии.

Къ концу обѣда генераль Марковъ прочелъ написанное имъ по поводу событія 4-го апрѣля стихотвореніе-оду:

Потрясъ ударъ сердца столицы....
Ужель случилось на яву,
Что поднялась рука убійцы
На Вѣщеносную Главу?—
Главу Того, Кому съ любовью
Пожертвуетъ Россія кровью
И достояньемъ—до куска;
Кого по царственнѣмъ заслугамъ,
Зоветь народъ отцомъ и другомъ?
И на Него-ль нашлась рука?
Нашлась: то былъ не сонъ безплодный;
Но чья?—и гдѣ возникъ злодѣй?
Не все-ль равно: наростъ негодный—
Они чужды и почвы и людей;
Они въ каждой націи—комета....
Они—нарии, бродяги свѣта;

Служитель смуть всемирныхъ онъ;
Онъ гнусный насыпокъ вселенной,
Отъ революціи рожденный,
И патризмъ—его законъ.
На каждой почвѣ сыщешь яды;
Но ужъ не русскій честный складъ,
А наши напускные взгляды
Виной тому, что вырѣлъ гадъ:
Его зародышъ—отрицанье,
Плоды—анархіи желанье....
Но есть Господь! Не дремлетъ Тотъ,
Кто бережетъ Царя незримо:
Зловѣщій громъ ударилъ мимо—
И радостно вздохнулъ народъ!
Кого, когда и гдѣ поставитъ—
Всевышній знаетъ лучше насъ:
Онъ бѣдника рѣшилъ прославить,
Внушилъ ему, чтобъ шелъ и спасъ.
Къ молитвѣ вышелъ скромный житель—
Назадъ пришелъ Цареспаситель.
Его съ небесной высоты
Подъялъ Творецъ на подпигъ славный,
Привелъ—и цѣль Отецъ Державный!
Но кто жъ избранникъ Божій?—Ты.
Прими, родоначальникъ новый,
Кому дано спасать Царей,
Привѣтъ, давно въ душѣ готовый,
У сына родины твоей;
Ее любя, какъ мать родную,
Я за нее тебя цѣлую....
И вѣчно съ гордостью всегда,
Что насъ одна земля взростила,
Что насъ обоихъ окрестила
Родная волжская вода.
Осыпанъ славою обильно—

Въ туманѣ ты, но, подожди,
Заходитъ кровь свѣжо и сильно—
Твое блаженство впереди:
Настанетъ мигъ, когда въ объятія
Тебя сожмутъ бывше братья,
Когда знакомый грянетъ кличъ—
И надъ Сусанна костями
Заплачетъ братскими слезами
Родной по славѣ костромичъ.

Обѣдъ окончился тостомъ за здоровье Государя Императора. Вообще, обѣдъ, пишетъ рецензентъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей (№ 111-й, 1866 г.), отличался задушевностью, безцеремонностью и вмѣстѣ съ тѣмъ строгимъ порядкомъ. Это былъ именно семейный, земскій праздникъ, въ которомъ забыта была всякая сословная рознь, въ которомъ одно великое народное чувство соединило и ровняло между собою всѣхъ, въ которомъ дѣйствительно высказывалась та общественная зрѣлость русскаго народа, съ которой онъ является вездѣ, гдѣ нѣтъ чиновничьей, официальной обстановки ¹⁾.

¹⁾ С.-Петербург. Вѣд., № 111; Голосъ, № 114—1866 г.

XXIII.

Пребываніе въ Костромѣ Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича и Великаго Князя Владиміра Александровича. Выставка сельскихъ мануфактурныхъ издѣлій Костромской губерніи. Пребываніе въ Костромѣ посольства отъ Вашингтонскаго конгресса. Проводы губернатора Рудзевича. Перепись Костромы. Пребываніе въ Костромѣ Великаго Князя Алексея Александровича.

14 АВГУСТА 1866 года, въ 4 часа по полудни, прибыли въ г. Кострому на пароходѣ «Послѣдній» Ихъ Императорскія Высочества—Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ.

Радостно встрѣтилъ народъ дорогихъ гостей и радостные крики «ура!» сливались съ торжественнымъ звономъ во всѣхъ церквахъ города. На пристани Ихъ Высочества были встрѣчены губернаторомъ, губернскимъ предводителемъ дворянства, военными и гражданскими чинами и городскимъ обществомъ. Принявъ хлѣбъ-соль отъ городского головы, Ихъ Высочества прослѣдовали въ Успенскій соборъ, гдѣ были встрѣчены костромскимъ преосвященнымъ Платономъ и всѣмъ городскимъ духовенствомъ. Изъ собора Ихъ Высочества отправились въ губернаторскій домъ, приготовленный для ихъ помѣщенія, гдѣ имѣли обѣденный столъ, къ которому приглашены были начальникъ губерніи съ семействомъ, губернский предводитель дворянства, предсѣдатель губернской земской управы и городской голова. Послѣ обѣда Ихъ Высочества посетили Маріинскій дѣтскій приютъ и городскую больницу.

15 августа въ 10 час. утра Его Высочеству Наслѣднику Цесаревичу представлялись: вице-губернаторъ, губернский и уѣздные предводители, общество дворянъ, мировые посредники, военные и гражданскіе чины, предсѣдатели губернской и уѣздной управъ,

представители отъ купцовъ Костромы, Галича, Солнгалича, Нерехты и Плеса и общества ремесленниковъ г. Костромы, при чемъ депутаты городского общества Костромы поднесли Его Высочеству трехъ стерлядей. Ихъ Высочества обратили особенное вниманіе на уборъ трехъ галичскихъ кунчихъ, представлявшихъ въ старинныхъ галичскихъ костюмахъ съ кокошниками на головахъ, унизанными жемчужомъ; при этомъ Цесаревичъ спросилъ, въ какомъ употребленіи этотъ костюмъ въ г. Галичѣ, постоянно ли носятъ этотъ костюмъ, или только въ извѣстныхъ случаяхъ? Получивъ отвѣтъ, Ихъ Высочества вышли въ садъ, гдѣ принимали коробовскихъ бѣлопанищевъ, во главѣ со священникомъ села Коробова, волостныхъ стариннъ Моавитинской и Домининской волостей и представителей подгородной Татарской слободы. Послѣ приѣма Ихъ Высочества отправились въ Ипатіевскій монастырь, гдѣ слушали литургію и осматривали дворецъ Михаила Ѳеодоровича и достопримѣчательность монастыря. Посѣтивъ кельи преосвященнаго Платона, Ихъ Высочества отправились для осмотра чугуноплавильнаго завода г.г. Шиповыхъ, гдѣ пробыли около часа времени, удостоивъ подарковъ нѣкоторыхъ служащихъ на заводѣ. Съ завода г.г. Шиповыхъ Ихъ Императорскія Высочества отправились на льнопрядильную фабрику Зотова, послѣ осмотра которой благоволили принять въ квартирѣ г. Зотова завтракъ.—Затѣмъ Ихъ Высочества посѣтили Григоровскую женскую гимназію и Романовскій пансіонъ, гдѣ была устроена выставка сельскихъ мануфактурныхъ произведеній Костромской губерніи. На выставкѣ Цесаревичъ купилъ троечную русскую сбрую работы костромского купца Кулакова. Послѣ выставки Ихъ Высочества отправились въ Богоявленскій монастырь, гдѣ посѣтили Смоленскую церковь и приложились къ чудотворной Смоленской иконѣ Возжіей Матери и разсматривали монастырскую церковную утварь и строящійся Богоявленскій соборъ.

Въ 6 часовъ вечера во дворцѣ былъ обѣдъ, къ которому были приглашены: губернаторъ, вице-губернаторъ, губернский и всѣ наличные уѣздные предводители дворянства, предѣдатели губернской и уѣздной управъ, городской голова съ нѣсколькими купцами и начальники отдѣльных частей. Вечеромъ весь городъ былъ иллюмино-

обѣдъ, устроенный городскимъ обществомъ. Прекрасная зала дворни-
скаго собранія была убрана деревьями и гирляндами изъ зелени,
между которыми въ глубинѣ залы помѣщался портретъ Государя
Императора во весь ростъ, а подъ нимъ бюстъ О. И. Комисарова,
также убранный зеленью на противоположной стѣнѣ висѣли выты-
сь изображеніемъ начальныхъ буквъ именъ Вашингтона, Линкольна
и Джонсона. Съ улицы слышались звуки русскихъ народныхъ пѣсенъ.
Гостей встрѣтили маленькія дѣти, дочери нѣкоторыхъ костромичей и
въ томъ числѣ губернатора; онѣ поднесли г.г. Фокеу и Куртпру большіе
букеты, перевязанные лентами американскимъ цвѣтовъ. Затѣмъ
посланнику представлялась депутація изъ села Молвитина, состояв-
шая изъ старшины и родственниковъ О. И. Комисарова; депутаты эти
поднесли хлѣбъ соль и были приглашены г. предводителемъ дворян-
ства обѣдать вмѣстѣ съ остальными гостями. За обѣдомъ, состояв-
шимъ преимущественно изъ любимыхъ американцами блюдъ, первое
слово сказалъ г. губернской предводитель дворянства Н. П. Карцовъ:

«Милостивые Государи! Присутствіе между нами достопочтеннаго
г. Фокеа, представителя могущественной Сѣверо-Американской націи,
есть не только явное доказательство ея сочувствія радости народа,
которому по милосердію Всевышняго сохранена драгоценная жизнь
Государя, но служить намъ залогомъ, что дружественный союзъ
между сѣверо-американцами и русскими на столько крѣпко, на
сколько можетъ быть твердъ союзъ сочувствія двухъ народовъ.
Милостивые Государи! Россія и Сѣверо-Американскіе Штаты, хоти
разными путями, но почти одновременно достигли однихъ резуль-
татовъ, доставивъ своимъ народамъ право труда, утвержденного на
законной свободѣ. Благодарственная реформа, дарованная двадцати
милліонамъ нашего народа свободу, приведена въ исполненіе дво-
рянствомъ, служащимъ основой новаго гражданскаго строя, для
водворенія коего нашъ возлюбленный Монархъ, при содѣйствіи всего
народа, предпринялъ великія преобразованія, подумавши и совер-
шенныя Имъ въ короткое время, среди общаго къ Нему любви и
не нарушеннаго порядка. Намъ дорого американское сочувствіе
этому національному дѣлу; намъ дорого также вниманіе нашихъ
гостей къ Костромѣ, въ которой они будутъ свидѣтелями русскаго

ства Н. П. Карцову и городекому головѣ А. А. Акатову, который отъ лица всего городского общества поднесъ посольству хлѣбъ-соль, Американцы расположились завтракать на палубѣ своего парохода, между тѣмъ тѣмъ на Набережной собрались большія толпы народа, и пароходъ окружили лодки, съ которыхъ дамы бросали на палубу цвѣты, а одна изъ жительницъ Костромы взошла на бортъ и поднесла Г. Фокеу большой букетъ изъ георгинъ; съ барокъ, стоявшихъ тутъ-же и наполненныхъ преимущественно крестьянами, раздавались громкія привѣтствія. Вообще, берегъ Волги и подъемъ на гору представляли въ эту минуту чрезвычайно красивую и оживленную картину.

Въ отвѣтъ на тостъ г. губернатора за здоровье г. Фокеа, послѣдній, обращаясь къ народу, сказалъ слѣдующія слова, тутъ-же переведенныя С. С. Месовскимъ: «пыю за здоровье г. губернатора и за священный городъ Кострому съ ея святынями». Слова эти произвели пріятное впечатлѣніе на присутствовавшихъ, выразившееся въ крикахъ «ура!» и «да здравствуютъ Американцы!». Затѣмъ гости отправились въ приготовленныхъ для нихъ экипажахъ къ памятнику Сусанна и въ Ипатьевскій монастырь. Здѣсь они осматривали церковь и находящееся въ ней рѣзное изъ дерева царское мѣсто, присланное сюда изъ Москвы Михаиломъ Θεодоровичемъ. Въ монастырской ризницѣ ихъ вниманіе было обращено на Евангеліе, написанное рукой Ксеніи Борисовны Годуновой, пелену, шпигу ея же, сосуды, пожертвованные боярами Годуновыми, и икону, которою былъ благословленъ на царство Михаилъ Θεодоровичъ. Осмотрѣвъ домъ Романовыхъ и записавъ здѣсь въ книгу свои имена, Американцы посѣтили находящійся недалеко отъ монастыря механическій заводъ Шиповыхъ, а потомъ возвратились на пароходъ. Здѣсь крестьянинъ Вязниковскаго уѣзда, слободы Метеры, Рачковъ поднесъ г. Фокеу икону своего издѣлія, изображающую св. Николая Чудотворца; икона эта написана въ греческомъ вкусѣ на полотнѣ, наклеенномъ на деревянной доскѣ. Посланныкъ принялъ этотъ подарокъ съ благодарностью и сказалъ, что, возвратившись въ Америку, онъ будетъ хранить его въ воспоминаніе своего пребыванія въ Костромѣ. Въ 6 час. пополудни былъ

обѣдъ, устроенный городскимъ обществомъ. Прекрасная зала дворянскаго собранія была убрана деревьями и гирляндами изъ зелени, между которыми въ глубинѣ залы помѣщался портретъ Государя Императора во весь ростъ, а подъ нимъ бюстъ О. И. Комисарова, также убранный зеленью на противоположной стѣнѣ висѣли щиты съ изображеніемъ начальныхъ буквъ именъ Вашингтона, Линкольна и Джексона. Съ улицы слышались звуки русскихъ народныхъ пѣсенъ. Гостей встрѣтили маленькія дѣти, дочери нѣкоторыхъ костромичей и въ томъ числѣ губернатора; онѣ поднесли г. Фокеу и Куртину большіе букеты, перевязанные лентами американскимъ цвѣтомъ. Загѣмъ посланнику представлялась депутація изъ села Молвитина, состоявшая изъ старинны и родственникоу О. И. Комисарова; депутаты эти поднесли хлѣбъ соль и были приглашены г. предводителемъ дворянства обѣдать вмѣстѣ съ остальными гостями. За обѣдомъ, состоявшимся преимущественно изъ любимыхъ американцами блюдъ, первое слово сказалъ г. губернской предводитель дворянства Н. П. Карцовъ:

«Милостивые Государя! Присутствіе между нами достопочтеннаго г. Фокса, представителя могущественной Сѣверо-Американской націи, есть не только явное доказательство ея сочувствія радости народа, которому по милосердію Всевышняго сохранена драгоценная жизнь Государя, но служить намъ залогомъ, что дружественный союзъ между сѣверо-американцами и русскими на столько крѣпко, на сколько можетъ быть твердъ союзъ сочувствія двухъ народовъ. Милостивые Государя! Россія и Сѣверо-Американскіе Штаты, хотя разными путями, но почти одновременно достигли однихъ результатовъ, доставивъ своимъ народамъ право труда, утвержденного на законной свободѣ. Благодѣтельная реформа, даровавшая двадцати милліонамъ нашего народа свободу, приведена въ исполненіе дворянствомъ, служащимъ основой новаго гражданскаго строя, для водворенія коего нашъ возлюбленный Монархъ, при содѣйствіи всего народа, предпринялъ великія преобразованія, задуманныя и совершенныя Имъ въ короткое время, среди общей къ Нему любви и не нарушеннаго порядка. Намъ дорого американское сочувствіе этому національному дѣлу; намъ дорого также вниманіе нашихъ гостей къ Костромѣ, въ которой они чтутъ олицетвореніе русскаго

патріотизма. Всѣ мы искренно благодарны достопочтенному г. Фоксу за посѣщеніе имъ и его спутниками нашего родного края, родины Русскаго Царствующаго Дома и двухъ спасителей русскіхъ Царей. Имъю честь привѣтствовать достопочтеннаго г. Фокса и предлагаю тостъ за здоровье президента Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ и за благоденствіе великой и дружественной намъ Сѣверо-Американской націи».

Затѣмъ всталъ г. Фоксъ и предложилъ тостъ: «за того изъ Романовыхъ, кто унаслѣдовалъ благословеніе, дарованное въ Костромѣ христіанскою матерью начальнику этой династіи и въ чьемъ сердцѣ это благословеніе произрастало божественные плоды въ успіяхъ его творить добро своему народу, за Императора Россійскаго».

Слѣдующіе тосты были: тостъ, предложенный г. Придчардомъ, старшимъ лейтенантомъ американскаго парохода «Августа», за здоровье Государыни Императрицы, и тостъ г. губернатора за здоровье Наслѣдника Цесаревича. Во время этихъ тостовъ, заглушаемыхъ криками «ура!» присутствовавшіе подходили чокаться бокалами съ американцами и губернаторомъ; народный русскій гимнь и Соединенныхъ Штатовъ постоянно смѣняли другъ друга.

Предсѣдатель костромской уѣздной земской управы Н. Н. Прохоровъ сказалъ слѣдующее: «Исполнять Вамъ дорогимъ гостямъ, добрымъ друзьямъ, молодцамъ-богатырямъ націи американской — это народный кличъ, которымъ чествуетъ и привѣтствуетъ Васъ простой русскій людъ! Не даромъ же онъ васъ чествуетъ и привѣтствуетъ, не даромъ: вы переплыли море-океанъ; чтобы возобновить радость и ликование во всей Руси о спасеніи жизни нашего возлюбленнаго Монарха, нашей славы, нашей надежды на лучшее грядущее Россіи. Глубоко цѣнимъ мы желаніе Ваше познакомиться со всѣмъ тѣмъ, что дорого русскому сердцу; мы радуемся, что вы видѣли нашу родную землю, видѣли нашего Царя, видѣли памятники нашей славы, нашей преданности царямъ, что вы здѣсь въ Костромѣ посѣтили смиренную обитель св. Платія, откуда вышелъ на царство родоначальникъ нынѣ царствующаго Императора Александра II, что вы разсматривали памятникъ Сусанину, положившаго жизнь свою за предка нашего Монарха..

«Скажите сами, какъ же намъ, Васъ, дорогихъ гостей, добрыхъ людей не привѣтствовать, когда радость наша и наша обща? Вы цѣною крови и громаднхъ денегъ разбили цѣни рабства; у насъ рабства не было, но было крѣпостное право, тяготѣвшее надъ владѣльцами и владѣемыми; оно отмѣнено державною волею Монарха и тою же державною волею сняты во имя правды цѣни съ мысли и слова. Вы радуетесь освобожденію невольниковъ; мы радуемъ отмѣнѣ крѣпостного права и свободѣ слова во имя правды. Радость обща; но если радость обща, то и горе наше должно быть общо, и отъ него впередъ да избавитъ насъ Господь. Мм. Гг! Пожелаемъ, чтобы отнынѣ не было горя ни у Америки, ни у Россіи; если же Промыслу угодно послать его кому либо изъ насъ, то и его раздѣлимъ. Мы просимъ Васъ, послы великаго народа, передать командированному насъ съ благородной и безкорыстной цѣлью нашему конгрессу нашъ сердечный привѣтъ и могучей страгъ вашей нашей благопожеланія мира, уснѣхонъ въ истинномъ просвѣщеніи и при-мѣненіи его къ разумному труду. Закрѣпимъ же наши пожеланія, братья, тосгомъ за благоденствіе Россіи и ея возлюбленнаго Монарха».

Велѣдъ за этою рѣчию была составлена, а потомъ послана телеграмма въ Вашингтонъ слѣдующаго содержанія: «Кострома, колыбель Дома Романовыхъ, привѣтствуя г. Фокса, выражаетъ свои желанія счастья американскому народу». Далѣе слѣдовала рѣчь Бошняка, который сказалъ: «Безобразное событіе 4 апрѣля послужило поводомъ къ величайшимъ послѣдствіямъ. Двѣ націи, далекія другъ отъ друга по пространству и разнохарактерности развитія, начинаютъ узнавать другъ друга и понимать, что кажущаяся громадная разница между ними есть только видимая: тѣ же интересы, тѣ же потребности, тѣ же условія быта и та же любовь къ родинѣ и единству. Мы, русскіе, надѣемся погнаться за вами, г.г. американцы, въ нашемъ промышленномъ развитіи и съ чувствомъ гордаго и сознательнаго достоинства скоро протянуть славянскую руку нашимъ заатлантическимъ друзьямъ. Тогда окончательно взойдетъ полуденное солнце, о которомъ говорилъ командиръ американской эскадры. 4 апрѣля, чуждое русскому духу, привело насъ благород-

ные гости, въ центрѣ русскаго монархизма съ существованіемъ котораго связаны все историческія традиціи Костромы. Костромичи благословляютъ вашъ прїѣздъ и тѣ теплыя чувства, съ которыми американская нація привѣтствовала Нашего Государя, олицетворяющаго въ себѣ единеніе Руси, обновленное когда-то въ Костромѣ, въ тѣсныхъ сводахъ Ипатьевского собора. Поднимая теперь бокаль за здоровье посланнаго васъ конгресса, костромичи съ особеннымъ чувствомъ привѣтствуютъ васъ, Господа, какъ представителей молодой и славной американской націи. Господа, за здоровье конгресса и нашихъ дорогихъ гостей, смѣлыхъ моряковъ доблестнаго американскаго флота».

На все эти рѣчи Г. Фоксъ сказалъ: «Кострома со всехъ сторонъ окружила насъ привѣтами. Въ этихъ стѣнахъ густая толпа народа распѣваетъ свои вдохновляющія русскія пѣсни; внутри слышатся мелодіи двухъ націй и сочетаются славные флаги, освященные побѣдами. На хорахъ, слишкомъ далеко отъ насъ, благословляютъ своимъ присутствіемъ наше собраніе ангелы (ангелдиземнты). Странники изъ «Новаго свѣта», мы пришли сюда, желая связать съ вашею славною исторіей имя Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, посадить на этой священной почвѣ сочувствіе, которое народъ нашей великой страны поручилъ мнѣ передать вамъ по случаю опасности, угрожавшей вашему возлюбленному монарху. И мы молимъ Всевышняго, чтобы смени, брошенному такимъ образомъ, дозволено было давать непрерывную жатву взаимнаго братскаго чувства между обѣими націями на вѣки и вѣки. Провозглашаю тостъ за губернатора, за предводителя дворянства, за городского голову и за весь народъ города Костромы».

Затѣмъ г. Бошнякъ предложилъ тостъ за честнаго и благороднаго труженника С. С. Лесовскаго, который во время своей экспедиціи въ Америку завязалъ столь сочувственныя сношенія между русскими и американцами. Отвѣчая на это, С. С. Лесовскій предложилъ тостъ за всехъ русскихъ моряковъ, раздѣлявшихъ его труды; тостъ этотъ былъ принятъ всеми съ живѣйшимъ одушевленіемъ.

Г. Куртинъ произнесъ затѣмъ на русскомъ языкѣ слѣдующую рѣчь, которую постоянно перебивали крики: «браво!»— «Милостивыя Государыни (обращаясь къ хорамъ, наполненнымъ дамами) и Милостивые Государя! Есть мѣста, которыя по своимъ священнымъ и славнымъ преданіямъ имѣютъ такое значеніе, что при видѣ ихъ сердца наши невольно трепещутъ. На одномъ изъ этихъ мѣстъ мы сегодня стоимъ. Во время смутъ и пепельтаній, когда Россія сиротѣла безъ Царя и враги надѣялись сгубить и уничтожить ее, въ Костромѣ нашелся юный бояринъ, достойный того, что весь русскій народъ избралъ его на царство. Когда жизнь вновь избраннаго вождя была въ опасности, въ Костромѣ нашелся крестьянинъ, который радостно положилъ жизнь свою за Царя и землю Русскую! Когда черезъ столѣтія поднялась злодѣйская рука на потомка Миклаха Θεодоровича, то Божественное провидѣніе, осѣняющее Русь, не допустило злодѣянію совершиться и рукою костромского же крестьянина вторично избавило Россію отъ бѣдствія. Вотъ значеніе Костромы, давшей и два раза сохранившей Государя для Россіи! Оттого то Кострома въ Россіи и почитается. Оттого мы, американцы, стоимъ сегодня у колыбели Дома Романовыхъ, пріѣхавъ изъ нашей далекой родины отдать поклонъ Костромѣ и васъ поздравить съ избавленіемъ Царя и съ героизмомъ и доблестью вашихъ земляковъ крестьянъ Сусанина и Комисарова-Костромского. Оттого я прошу провозгласить тостъ за ваше счастье и благоденствіе красавицы Костромы».

За рѣчью г. Куртина послѣдовалъ тостъ за его здоровье. Въ заключеніе крестьянинъ Финиковъ, членъ губернской земской управы, произнесъ слѣдующее: «позвольте и мнѣ, достопочтенный г. Фоксъ, привѣтствовать васъ, какъ представителя крестьянъ, освобожденныхъ нашимъ добрымъ Царемъ отъ крѣпостной зависимости. Здѣсь вы видите изображеніе одного изъ насъ, спасшаго жизнь нашего Государя, и этому случаю мы считаемъ себя обязанными вамъ, дорогимъ для насъ, посвѣщеніемъ. Примите же въ лицѣ моемъ искреннюю признательность всѣхъ костромскихъ крестьянъ за вашу дружбу и любовь къ нашему отечеству и Царю».

Освободителю и позвольте предложить тостъ за дружбу американцевъ съ русскими».

Обѣдъ кончился тостами за О. Ив. Комисарова и за всѣхъ русскихъ и американскихъ дамъ. Костромичи, въ благодарность г. Куртину, такъ вѣрно выставившему въ своей рѣчи историческое значеніе Костромы, подняли его на руки при восторженныхъ крикахъ «ура!».

Изъ дома дворянскаго собранія посольство и костромичи, бывшіе на обѣдѣ, отправились въ лѣтнее помѣщеніе общественаго клуба, а затѣмъ посольство посѣтило льнопрядильную фабрику гг. Зотовыхъ ¹⁾.

Между тѣмъ, съ самаго начала вечера на главныхъ улицахъ города была устроена иллюминація; передъ дворянскимъ собраніемъ высился большой щитъ съ вензелями Вашингтона, Линкольна и Джексона; передъ домомъ присутственныхъ мѣстъ щитъ съ изображеніемъ гербовъ Костромской губерніи и ея уѣздовъ. Зданія на Сусанинской площади были усеяны шкаликами и флажками, а когда американцы стали спускаться съ пристани, около нея, на берегу, были зажжены бенгальскіе огни, ярко и красиво озарившіе рѣку, пристань и стоящіе у нея пароходы. Не прежде полуночи пароходъ «Депена» отошелъ отъ костромской пристани ²⁾.

По постановленію костромской думы, представитель сѣвероамериканскаго посольства Г. Фоксъ былъ избранъ почетнымъ гражданиномъ г. Костромы.

4 сентября 1866 года при Богоявленскомъ храмѣ кафедральнаго собора совершилась закладка придѣльнаго храма въ честь Феодоровской иконы пресв. Богоматери и во имя святыхъ -- преподобнаго Іосифа Пфеноннеца и благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго ³⁾.

19 декабря въ залѣ дворянскаго собранія губернскими земскими гласными и мѣстными дворянами данъ былъ обѣдъ въ честь началь-

¹⁾ Подробности пребыванія г. Фокса въ общественномъ клубѣ см. ч. II, «Общественный клубъ».

²⁾ Москвитин. Вѣд. 1866 г., № 180; Костр. Губерн. Вѣд. 1866 года, № 35; Дѣло прибытія американскаго посольства въ Кострому.

³⁾ Костр. Губернск. Вѣдом. 1866 года, № 38.

ника губернии Николая Александровича Рудзевичъ, оставившаго управление губерніею, а 2 января 1867 года въ залѣ общественнаго клуба чествовало Николая Александровича обѣдомъ костромское общество.

Предъ началомъ обѣда купецъ К. В. Логиновъ поднесъ Николаю Александровичу букетъ цвѣтовъ и сказалъ слѣдующее: «Ваше Превосходительство! такъ какъ жены и сестры участвующихъ здѣсь лично не могутъ присутствовать и быть сегодня съ Вами, то поручили мнѣ передать Вамъ этотъ букетъ съ тѣмъ, чтобы Вы его поставили во время обѣда передъ собою, какъ выраженіе мысленнаго присутствія ихъ на этомъ обѣдѣ». Первый тостъ провозглашенъ былъ за Государя Императора, Государыню Императрицу и Царствующій Домъ. Этотъ тостъ былъ встрѣченъ дружнымъ и восторженнымъ «ура»!— Затѣмъ предложенъ былъ тостъ за виновника обѣда, встрѣченный всеобщимъ сочувствіемъ, послѣ чего Влад. Андр. Зотовымъ произнесена была рѣчь, которую онъ закончилъ слѣдующими словами: «Благодарная память о васъ останется неизгладимою. Не забудьте Николая Александровича,—вы расстаетесь съ обществомъ, которое глубоко васъ уважало. Пусть этотъ альбомъ напоминаетъ вамъ, что часы отрады, проведенные съ вами, останутся для насъ навсегда пріятнѣйшимъ воспоминаніемъ». При этомъ поднесены были альбомъ съ фотографическими портретами всѣхъ присутствовавшихъ на обѣдѣ.

Слѣдующею рѣчью, обращенною къ Н. А., была рѣчь П. В. Волкова, въ которой онъ указалъ на служебную дѣятельность Н. А., въ которой каждый день, каждый часъ ознаменованъ его участіемъ въ проведеніи въ дѣйствіе тѣхъ великихъ реформъ, которыя, по волю Государя, совершились въ народной и государственной жизни Россіи. Освобожденіе отъ крѣпостнаго права, устройство быта удѣльныхъ крестьянъ (26 іюня 1863 года), передача въ мировыя учрежденія государственныхъ крестьянъ (18 янв. 1866 г.), введеніе въ жизнь земскихъ учреждений—все это спокойно, безъ всякихъ волненій, безъ жертвъ совершилось, говорилъ ораторъ, благодаря Вашимъ, Н. А., стараніямъ, свѣтлому и вѣрному взгляду на дѣло и находчивости». Далѣе П. В. Волковъ, перечисливъ заслуги по устройству пожарной части, медицинскою, народнаго образованія и

призрѣнія бѣдныхъ, коснулся личныхъ качествъ Н. А., какъ чело-
вѣка гуманнаго, справедливаго, покровителя бѣдныхъ и горячаго
защитника угнетенныхъ, и закончилъ свою рѣчь словами: «какъ
костромичъ, отъ имени костромичей прошу Васъ принять искреннее,
сердечное желаніе всего лучшаго, какъ Вамъ самимъ, такъ и всему,
что только дорого для Васъ».

На эти рѣчи сильно взволнованный Николай Александровичъ
отвѣтилъ слѣдующее: «Я глубоко тронутъ, Господа, знаками вни-
манія, которое вы мнѣ оказываете, и не нахожу словъ благодарить
насъ за любовь и сочувствіе, которое встрѣчаю между вами. Эта
любовь, это сочувствіе служатъ для меня лучшею наградою за
труды, которые вынажи на мою долю по управленію губерніею».
Обращаясь къ Волкову Н. А. сказалъ: «заслуга моя не такъ велика,
какъ вы ее представили въ своемъ словѣ: простой исполнитель
при великихъ реформахъ Отца-Государя, Царя-Освободителя, Мо-
нарха-человѣка, сѣжавшаго названіе «Благодушнаго», могъ ли я
быть инымъ, какъ былъ, или какимъ казалось мнѣ, долженъ былъ
быть? Съ другой стороны, могъ ли я что сдѣлать для устройства нѣко-
торыхъ полезныхъ учрежденій, возникшихъ за мое время въ губер-
ніи, еслибы не встрѣтилъ теплаго сочувствія общества и не нашелъ
въ представителяхъ его усердныхъ сотрудниковъ? Итакъ, Господа,
слава Государю—Благодѣтелю Россіи, хвала обществу, всегда откли-
кавшемуся на всякое полезное дѣло; сотрудникамъ по службѣ—ду-
шевное спасибо!—Предлагаю тостъ за преуспѣяніе и благосостояніе
Костромской губерніи, которая навсегда останется для меня дорогою.
Ура!» Затѣмъ Н. А. провозгласилъ тостъ за городского голову
А. А. Акатова, по болѣзни не присутствовавшего на обѣдѣ. Послѣ
этого тоста старшиною клуба М. А. Волярярскимъ поднесены
былъ Н. А. билетъ на званіе почетнаго члена Костромскаго обще-
ственного клуба. ¹⁾

22 января 1867 года вступилъ въ управленіе Костромскою
губерніею дѣйствительный статскій совѣтникъ Владиміръ Ипполи-
товичъ Дорогобузкинъ.

¹⁾ Костромск. Губ. Вѣд. 1867 года, № 1-й.

27 мая въ Костромѣ получена была телеграмма о благополучномъ избавленіи Государя Императора отъ злодѣйскаго покушенія на Его жизнь въ Парижѣ, почему въ 5 часовъ вечера того же числа въ Успенскомъ соборѣ преосвященнымъ Платономъ совершено было благодарственное молебствіе въ присутствіи властей и множества народа. На другой день преосвященнымъ Платономъ и икаріемъ преосвященнымъ Ионаоаномъ, со всеѣмъ городскимъ духовенствомъ, на Суевинской площади снова совершено было благодарственное Господу Богу молебствіе за чудесное избавленіе Государя Императора отъ угрожающей ему опасности. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ ¹⁾).

По случаю празднованія, 5 августа 1867 года, юбилея полуторковаго служенія въ святительскомъ санѣ Высокопреосвященнѣйшаго митрополита московскаго Филарета, въ Успенскомъ соборѣ преосвященнымъ Платономъ была совершена божественная литургія и молебствіе о здравіи маститаго іерарха, въ присутствіи начальствующихъ лицъ города Костромы и массы народа. Послѣ молебствія большое количество присутствовавшихъ отправилось въ зданіе городской думы для составленія адреса Его Высокопреосвященству ²⁾).

По тому же случаю посланъ былъ юбиляру адресъ отъ Почетительнаго о бѣдныхъ комитета, на каковой отъ Высокопреосвященнаго московскаго митрополита Филарета полученъ былъ отвѣтъ слѣдующаго содержанія: «Ваше преносходительство и почтенные мужи и граждане Богоспасаемаго града Костромы! Сверхъ моего чаянія, милостію Божіею даровано мнѣ достигнуть совершенія пятидесяти лѣтъ въ священноначальномъ служеніи Православной Церкви. Сверхъ моего чаянія и то, что на сіе обращено много доброжелательнаго вниманія не только отъ общниковъ моего церковнаго служенія, но и вообще отъ благовѣрныхъ чадъ Христовой Церкви. Взвираю на все не съ мнѣніемъ о себѣ, но съ духовнымъ утѣшеніемъ о томъ, что въ семъ дѣйствуетъ общая любовь къ право-

¹⁾ Костромск. Губери. Вѣдом. 1867 г., № 21.

²⁾ Костромск. Губери. Вѣдом. 1867 г., № 31.

славной вѣрѣ, къ святой Церкви, а вслѣдствіе сего и къ ея священноначалію. Госноди, благослови являющихся сіе общеніе вѣры благословеніями духовными. Примите за благое и благожелательное о мнѣ воспоминаніе благодарность мою, искренно чувствуемую и почтительно изъявляемую ¹⁾).

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1867 года, по иниціативѣ Г. В. Карцова, открылось въ Костромѣ «Дамское отдѣленіе тюремнаго комитета». По этому случаю 21 ноября, въ церкви тюремнаго замка, куда принесена была чудотворная Феодоровская икона Божіей Матери, совершена была преосвященнымъ викаріемъ Іоанномъ божественная литургія въ присутствіи начальника губерніи, предѣдательницы дамскаго отдѣленія Александры Ипполитовны Дорогобужкиной, директрисы и директороу тюремнаго комитета.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1867 года произведена была перепись населенія г. Костромы, причемъ оказалось 14863 мужч. и 13594 женщ., а всего 28457 челов., въ томъ числѣ грамотныхъ 7307 мужч. и 4090 женщинъ, а всего грамотныхъ 11397 человекъ. Потомственныхъ дворянъ 648 мужч. и 800 женщ., личныхъ дворянъ 436 м. и 485 женщ. Духовенства бѣлаго 1017 м. и 587 женщ., монашествующихъ 3 мужч. и 176 женщ.; потомственныхъ почетныхъ гражданъ 127 челов. мужч. и 134 женщ.; личныхъ гражданъ 525 мужч. и 485 женщ.; купцовъ 468 мужч. и 495 женщ.; мѣщанъ 5024 мужч. и 5072 женщ.; крестьянъ 3925 мужч. и 2176 женщ.; нижнихъ чиновъ, состоявшихъ на службѣ, 682 м.; безерочно и временно отпусковыхъ 389 человекъ; отставныхъ нижнихъ чиновъ 565, солдатскихъ дѣтей 561 мужч., солдатскихъ женъ и дочерей 2055 женщ.; иностранныхъ подданныхъ 54 мужч. и 48 женщ.; лицъ не принадлежавшихъ къ вышеозначеннымъ разрядамъ 439 м. и 451 женщ. Православныхъ 14702 м. и 13443 ж., раскольниковъ 14 м. и 24 женщ., единовѣрцевъ 8 м. и 11 женщ.; католиковъ 49 м. и 40 женщ.; лютеранъ 35 мужч. и 27 женщ.; евреевъ 46 мужч. и 49 женщ.; магометанъ 9 мужч. Неженатыхъ 5133 чел., незамужнихъ 3160 чел., женатыхъ 5205 чел., замуж-

¹⁾ Костромск. Губерн. Вѣдом. 1867 г., № 47.

нихъ 4629 чел., вдовыхъ 480 мужч. и 2096 женщ., дѣтей моложе 15 лѣтъ 4045 м и 3709 ж. Общее число дворовыхъ мѣстъ 2024, въ томъ числѣ застраховано 283. Общее число жилыхъ строеній 2841, нежилыхъ построекъ 4345. Число воспитанниковъ учебныхъ заведеній 1277 м. и 234 женщ., торговцевъ 917 мужч. и 213 женщ., торговыхъ приказчиковъ 274 м. и 4 ж., ремесленниковъ 1663 м. и 237 женщ. Работавшихъ на фабрикахъ и заводахъ 2864 м. и 1872 женщины. Чернорабочихъ и поденщиковъ 716 м. и 89 женщ., прислуги 1009 мужч. и 1605 женщ. Не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій 3807 мужч. и 8942 женщ. ¹⁾.

1868 года 15 мая на пароходѣ «Посѣщенный», въ 8 часовъ утра, прибылъ въ Кострому Великій Князь Алексѣй Александровичъ. Густыя толпы народа собрались для встрѣчи высокаго гостя. Его Высочество, встрѣченный на пристани начальникомъ губернии, военными и гражданскими чинами, городскими и ремесленнымъ головами и депутатами отъ городского и ремесленного общества, удостоилъ принять хлѣбъ-соль и три стерляди, поднесенныя ему отъ городского общества, и затѣмъ отправился въ кафедральный соборъ, гдѣ Его встрѣтилъ Высокопреосвященный Платонъ, архіепископъ Костромской и Галичскій съ городскимъ духовенствомъ. По выслушаніи краткаго молебствія, Великій Князь приложился къ чудотворному Феодоровскому образу Богоматери. Изъ собора Его Высочество черезъ площадь, мимо памятника Царю Михаилу Феодоровичу и крестьянину Ивану Суванину, отправился въ возобновленный тогда Богоявленскій монастырь, гдѣ, выслушавъ благодарственный молебенъ въ древней Никольской церкви, осмотрѣлъ церковь въ честь Смоленской иконы Божіей Матери, усыпальницу и вообще все памятники старины. Послѣ осмотра монастыря Великій Князь удостоилъ своимъ посѣщеніемъ кельи настоятельницы монастыря игуменіи Маріи и кушалъ у нея чай. Затѣмъ Его Высочество возвратился на пароходъ и по р. Костромѣ прибылъ въ Ипатьевскій монастырь, гдѣ, выслушавъ молебеніе и осмотрѣвъ все достопримѣчательности монастыря, посѣтилъ архіепископа Платона въ его

¹⁾ Костромск. Губернск. Вѣдом. 1868 года, № 25.

кельяхъ. Въ 12 часовъ дня на пароходѣ «Посибинный» состоялся завтракъ, къ которому были приглашены костромской губернаторъ В. И. Дорогобужинцовъ, вице-губернаторъ Н. А. Арсеньевъ, исправлющій должность губернскаго предводителя дворянства В. М. Шинцовъ, вонискій начальникъ С. О. Нелидовъ, предѣдатель губернской управы П. Я. Лаговекій и городской голова А. А. Акатовъ. По окончаніи завтрака Его Высочеству угодно было посѣтить Григоровское женское I-го разряда училище и Романовскій пансіонъ, чугуноплятейный заводъ Шинова и льнопрядильный Зотовой. Послѣ осмотра фабрики Его Высочество кушалъ у Зотовыхъ чай. Въ 5 час. по полудни Великій Князь Алексѣй Александровичъ, обозрѣвъ губернскую гимназію и благородный пансіонъ, изволилъ обѣдать у начальника губерніи. Послѣ обѣда Его Высочество посѣтилъ концертъ, данный артистами Императорскихъ театровъ Радонежскимъ и Гордѣевымъ, и затѣмъ катался на площади и Русеиной улицѣ среди массы собравшагося народа. Возвратясь на пароходъ, Его Высочество въ 11 час. вечера отбылъ изъ г. Костромы. При отъѣздѣ Его Высочеству поднесены были начальникомъ губерніи альбомъ съ фотографическими видами города Костромы ¹⁾.

¹⁾ Костр. Губ. Вѣд. 1868 г., № 19.

XXIV.

Городовое положеніе 1870 г. Введеніе въ Костромской губерніи новыхъ судебныхъ установъ. Холера. Введеніе всеобщей воинской повинности. Ходатайство о желѣзной дорогѣ. Война съ Турціей. Федоръ Васильевичъ Чижовъ. Злодѣніе 1 марта 1881 года. Пребываніе въ Костромѣ Императора Александра III, Императрицы Маріи Осодоровны, Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича и Великихъ Князей Георгія и Алексѣя Александровичей.

18 ФЕВРАЛЯ 1869 года утверждень уставъ Общества потребителей въ г. Костромѣ и оно начало свои дѣйствія, съ цѣлью доставить лицамъ недостаточнаго состоянія возможность получать предметы потребленія по уменьшеннымъ цѣнамъ. Кругъ дѣятельности общества былъ ограниченъ предметами первой необходимости съ изъятіемъ всѣхъ предметовъ роскоши ¹⁾.

20 марта въ Костромѣ открылось мѣстное управленіе общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, съ цѣлью способствованія высокому христіанскому и патріотическому дѣлу облегченія тяжкаго положенія раненыхъ воиновъ, призываемыхъ охранять честь и славу дорогого отечества ²⁾.

17 іюня 1870 года послѣдовало утвержденіе новаго городского положенія и 18 августа того же года открылось въ Костромѣ губернскае по городскимъ дѣламъ присутствіе.

1 ноября 1870 года происходило торжественное освященіе и открытіе городского водопровода.

На основаніи 48 ст. новаго городского положенія избрана костромская городская дума въ составѣ 72 гласныхъ. Выборы по

¹⁾ Костр. Губерн. Вѣдом. 1869 г., № 12.
²⁾ Костр. Губерн. Вѣдом. 1869 г., № 13.

1 разряду происходили 26 ноября, по второму 30 ноября и по третьему 3 декабря 1870 года ¹⁾).

20 мая 1871 года вышло Высочайшее повелѣніе о введеніи съ 1 июля 1871 года въ дѣйствіе новаго судебного устава въ Костромской губерніи въ полномъ его объемѣ, причемъ открытіе Костромскаго Окружнаго Суда возложено было на старшаго председателя Московской Судебной Палаты, сенатора Шахова ²⁾).

22 июня для обзорѣнія судебныхъ учреждений прибылъ въ Кострому г. министръ юстиціи, статсъ-секретарь графъ Паленъ ³⁾. Зданіе Окружнаго Суда, купленное на счетъ губернскаго и уѣзднаго земствъ и мѣстныхъ городскихъ обществъ и вновь отремонтированное, произвело на осматривавшаго его министра юстиціи весьма хорошее впечатлѣніе.

1 июля 1871 года послѣдовало торжественное открытіе Костромскаго Окружнаго Суда, которое началось съ чтенія Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта о введеніи въ Костромской губерніи новыхъ общихъ судебныхъ установленій. Послѣ чего сенаторъ Шаховъ обратился къ присутствующимъ съ слѣдующею рѣчью: «М.м. Г.г. Сегодня завершается территориальное развитіе Московскаго судебного Округа присоединеніемъ къ нему Костромской губерніи, при дѣйствіи судебныхъ уставовъ 1864 года въ полномъ ихъ объемѣ; сегодня въ исторіи здѣшней мѣстности, отмѣченной подвигами, которыхъ не забудетъ вся Россія, открывается новая эпоха — окончательнымъ преобразованіемъ судебной части.

«Всемиплостивѣйше дарованныя Августѣйшимъ Монархомъ новыя судебныя учрежденія, опираясь на сочувствіе къ нимъ общественнаго мнѣнія, поддерживаясь честнымъ трудомъ своихъ дѣятелей, уже 6-й годъ достойнымъ образомъ отвѣчаютъ своему назначенію. Успѣхъ судебного преобразованія, можно сказать не обинуясь, превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія; благія, плодотворныя послѣдствія его слишкомъ очевидны. Правда, были немногіе неудачные случаи въ теперешней судебной практикѣ, но они стоятъ особнякомъ и не

¹⁾ Костр. Губерн. Вѣдом. 1871 г., № 8.

²⁾ Костр. Губерн. Вѣдом. 1871 г., № 22.

³⁾ Костр. Губерн. Вѣдом. 1871 г., № 25.

могут омрачить общаго успѣха преобразованія; ихъ исполнѣннѣе
ннѣе уже самая новизна только что устанавливающагося порядка.

«Вамъ, Господа, первымъ проводникамъ примѣненія въ здѣш-
ннѣе краѣ правилъ, предначертанныхъ законодательствомъ для
общихъ судебныхъ установленій, предстоитъ особенно важная и
почтенная задача. Вы должны положить осуществленію этихъ пра-
вилъ начало, которое бы исполнѣе соответствовало ихъ цѣли и под-
твердило то высокое довѣріе къ вамъ правительства, въ силу ко-
тораго вы призваны къ отиравленію вашихъ будущихъ обязанностей.
Трудясь неутомимо на предназначенномъ вамъ поприщѣ, вы оправ-
даете возлагаемыя на васъ надежды и добросовѣстная дѣятельность
ваша будетъ лучшимъ средствомъ для борьбы съ тѣми неудобствами,
съ тѣми препятствіями, которыя должны предстоять предъ вами на
первыхъ же порахъ вашего здѣсь служенія государству и обществу.

«Костромская губернія, самая обширная изъ всѣхъ губерній Мо-
сковскаго судебного Округа, раскинута на огромномъ пространствѣ,
имѣетъ населеніе, превышающее по числу душъ миллионную цифру.
Губернскій ея городъ, расположенный на окраинѣ, представляетъ
вслѣдствіе этого неудобное средоточіе для мѣстной администраціи.
Сюда слѣдуетъ добавить: отсутствіе желѣзныхъ дорогъ, недостаточ-
ное развитіе вообще путей сообщенія, наконецъ отдаленность отъ
правительственныхъ центровъ. Помимо всего этого васъ ожидаетъ въ
одно и тоже время и разсмотрѣніе новыхъ дѣлъ, и окончаніе зна-
чительнаго количества дѣлъ прежняго порядка. Въ виду такого рода
обстоятельствъ, нельзя не сознаться, что будущія занятія ваши
не легки; что вамъ предстоитъ дѣятельность болѣе усиленная,
болѣе сложная, нежели вашимъ сотоварищамъ другихъ мѣстностей
Московского судебного Округа. Но усердіе и трудъ все преодоле-
ваютъ, и тѣ затрудненія, которыя вы должны встрѣтить, утратить
свое значеніе предъ честнымъ и ревностнымъ исполненіемъ вами
своихъ обязанностей.

«Съ другой стороны, Господа, нельзя не сказать и того, что
вы находитесь въ болѣе выгодномъ положеніи, сравнительно съ
дѣятелями первыхъ годовъ судебного преобразованія въ Россіи.
Пользованіе судебными уставами уже достаточно облегчено пяти-

лѣтней кассационной практикой и многіе вопросы законодательства, разрѣшеніе которыхъ еще недавно представляло нѣкотораго рода трудности, теперь выяснены правительствующимъ Сенатомъ и рѣшенія кассационныхъ департаментовъ его послужатъ надежнымъ руководствомъ въ предстоящихъ вамъ занятіяхъ. Кромѣ того, вы найдете для вашихъ трудовъ ободреніе въ томъ искреннемъ, живомъ участіи, съ какимъ, какъ мнѣ извѣстно, отзывались и относятся къ новому суду и костромское общество и лица, стоящіе во главѣ здѣшней административной власти.

«Итакъ, да не будетъ сомнѣнія, что проникнутые сознаниемъ важности ожидающихъ васъ обязанностей, руководимые чувствомъ рвенія, надѣленные опытностію въ дѣлопроизводствѣ и примѣненіи законовъ, вы поставите учрежденіе, въ которомъ должны совершаться ваши дѣйствія на подобающую ему высокую степень значенія—суда скораго, правдиваго и милостиваго.

«Довершая въ нынѣшній день исполненіе Высочайше возложенныхъ на меня порученій открытіемъ Окружнаго Суда, я почитаю себя счастливымъ, что мнѣ довелось быть вѣстникомъ осуществленія окончательнаго судебного преобразованія въ губерніи, ознаменовавшей себя славными подвигами вѣрнопопуданности и любви къ престолу и отечеству.

«Объявляю Костромской Окружной Судъ открытымъ и приглашаю васъ, М.м. Г.г., помолиться Всевышнему, да благословитъ оное начинаніе предстоящихъ вамъ трудовъ. Пусть г.г. судьи принесутъ установленную закономъ присягу».

Затѣмъ Высокопреосвященнѣйшимъ Платономъ совершено было молебствіе; вновь назначенные судьи приведены къ присягѣ и началось судебное засѣданіе, въ которомъ прочтаны были протоколь объ открытіи суда. Торжество закончилось исполненіемъ нѣвными народнаго гимна.

Въ тотъ же день въ залѣ дворянскаго собранія костромскимъ обществомъ данъ былъ обѣдъ, на которомъ, послѣ восторженныхъ тостовъ за Государя Императора и весь Царствующій Домъ, отправлена телеграмма на имя управляющаго министерствомъ юстиціи, съ просьбою повергнуть передъ Его Императорскимъ Величествомъ

выраженіе чувствъ вѣрноподданнической благодарности костромичей, по случаю окончательнаго введенія въ дѣйствіе въ Костромской губерніи судебной реформы.

На обѣдѣ сенаторъ А. Н. Шаховъ произнесъ слѣдующій, весьма интересный тостъ:

«Въ списокѣ земскихъ людей, говорилъ ораторъ, призванныхъ Державною волею великой Государыни въ думу о земскомъ дѣлѣ, о созданіи лучшихъ законовъ для Россіи, стоитъ одно прекрасное имя. Это былъ

Первый предсѣдатель Костромского Окружнаго Суда Юсифъ Александровичъ Плещъ.

маршалъ комиссіи, образованной для составленія проекта новаго уложенія — костромской депутатъ Александръ Ильичъ Бибииковъ. Въ наказѣ ему Костромское общество выразило желаніе, чтобы созданъ былъ скорый судъ и расправа». Бибииковъ прибывъ въ комиссію сказалъ: «и для того должны мы въ непремѣнный долгъ себѣ поставить, всеусленное о томъ приложить старанье, чтобы сколь возможно преуспѣвало столь спасительное о насъ и потомкахъ нашихъ намѣреніе Государыни нашей. Докажемъ горячую и истинную ко благу общему ревность.

«М.м. г.г.! Давно желанное событіе сегодня совершилось; судъ, о которомъ мечталось 100 лѣтъ тому назадъ, здѣсь водворенъ. Но, чтобы судъ этотъ преуспѣвалъ, ему необходимы, помимо дѣятельности его членовъ, общественное довѣріе и поддержка. Будучи убѣжденъ, что въ настоящемъ случаѣ здѣшнее общество послѣдуетъ чувствамъ и мыслямъ своего достопамятнаго депутата Бибиикова и покажетъ истинную ревность ко благу новаго суда, я провозглашаю тостъ, отъ искренняго моего сердца, за здоровье всего Костромского общества и достойныхъ его представителей»¹⁾.

Въ первыхъ числахъ Іюня мѣсяца 1871 года, по случаю появ-

¹⁾ Костр. Губ. Вѣдом. 1871 года, № 26.

ленія въ г. Костромѣ и губерніи азіатской холеры, открытъ былъ комитетъ общественнаго здравія. Городъ во врачебномъ отношеніи раздѣленъ былъ на участки и въ эти участки назначены были комитетомъ врачи и попечителя. Кромѣ того, комитетъ издалъ для жителей г. Костромы инструкцію по случаю появленія холеры и учредилъ на Русской улицѣ въ земскомъ домѣ спеціальную холерную больницу. Изъ слѣдующей таблицы виденъ весь ходъ развитія эпидеміи холеры по городу Костромѣ.

Т А Б Л И Ц А

развитія холерной эпидеміи въ 1871 году въ г. Костромѣ.

	Июнь и Іюль.			А в г у с т ь .					Сентябрь		Итого.
	Съ 22 іюня по 14 іюля.	14—21.	21—28.	28—4.	4—11.	11—18.	18—25.	25—1.	1—8.	8—15.	
Прибыло	246	93	66	33	71	154	81	35		3	782
Выздоровѣло . . .	94	53	51	37	26	29	32	86	Слѣдствій нѣтъ.	16	424
Умерло	108	38	20	16	22	87	24	25		5	345
Состоитъ	44	46	41	21	44	82	107	31		1	—

Съ половины сентября число заболѣвшихъ стало быстро уменьшаться и къ октябрю мѣсяцу эпидемія совершенно прекратилась ¹⁾.

10 сентября 1873 года въ Костромѣ открытъ былъ первый съѣздъ земскихъ врачей Костромской губерніи. На засѣданіяхъ съѣзда, продолжавшихся 6 дней, обсуждались вопросы о врачебномъ персоналѣ, фельдшерахъ, о земскихъ больницахъ и приемныхъ покояхъ, объ акушерскомъ пособіи въ уѣздахъ, объ оспопрививаніи, о сифилисѣ и т. д.

1 января 1874 года вышло Высочайшее повелѣніе о введеніи въ Россіи всеобщей воинской повинности, вслѣдствіе чего 16 февраля того же года, въ домѣ уѣзднаго земства, открыто было уѣздное по воинской повинности Присутствіе, а 20 февраля, въ

¹⁾ Костр. Губерн. Вѣдом. 1871 г., №№ 30—38.

домъ г. Начальника губерніи, Костромское губернское по воинской повинности Присутствіе ¹⁾.

Въ 1875 году Городская Дума возбуждала ходатайство передъ министерствами внутреннихъ дѣлъ, путей сообщенія и финансовъ о проведеніи сѣверной Сибирской желѣзной дороги черезъ Кострому, а передъ обществомъ Московско-Ярославской желѣзной дороги о продолженіи рельсоваго пути отъ Ярославля до г. Костромы ²⁾.

10 ноября 1876 г. въ московскомъ Кремлѣ Государь объявилъ дворянству и другимъ сословіямъ о предстоящей европейской конференціи.

12 мая 1877 года въ селѣ Солониковѣ, находящемся въ 7 верстахъ отъ г. Костромы, въ дачномъ помѣщеніи, скончался высокопреосвященный Платонъ, архіепископъ Костромской и Галичскій, и 17 мая погребенъ подъ главнымъ алтаремъ теплаго Богоявленскаго храма. Чинъ отпѣванія совершалъ епископъ Ярославскій и Ростовскій Іоаннъ въ сослуженіи съ викаріемъ Костромскимъ, епископомъ Геннадіемъ, въ присутствіи всего городского духовенства.

27 мая 1877 года открытъ въ г. Костромѣ дамскій комитетъ общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, цѣль котораго состояла въ привлеченіи взносовъ и пожертвованій въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ, въ пріемъ вещественныхъ для сего пожертвованій, въ изготовленіи потребныхъ для госпиталей одежды и бѣлья и въ отправленіи заготовленныхъ вещей по принадлежности.

Того же числа преосвященнымъ Геннадіемъ освященъ въ зданіи упраздненнаго Крестовоздвиженскаго монастыря госпиталь для раненыхъ русскихъ воиновъ ³⁾.

28 августа, въ 5 часовъ вечера, прибыла первая партія больныхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ, состоявшая изъ 102 человекъ. Раненые воины встрѣчены были массою народа и крестнымъ ходомъ, который совершенъ изъ собора преосвященнымъ епископомъ Геннадіемъ съ городскимъ духовенствомъ. 23 сентября прибыла

¹⁾ Костр. Губери. Вѣдом. 1874 г., № 8.

²⁾ Костр. Городек. Думы постановленія 1875 г., стр. 273.

³⁾ Костр. Губ. Вѣдом. 1877 года, №№ 22 и 23.

торая партія раненыхъ въ количествѣ 151 человекъ, а 27 и 28 октября прибылъ третій транспортъ, состоящій изъ 45 чел. Всѣ прѣзжіе раненые и больные войны встрѣчались одинаково торжественнымъ образомъ ¹⁾).

14 ноября 1877 года скончался Федоръ Васильевичъ Чижовъ, извѣстный дѣятель во многихъ финансово-промышленныхъ учрежденіяхъ и предпріятіяхъ. Онъ былъ весьма образованный человекъ, любилъ искусства и литературу, былъ другомъ Н. С. Аксакова. Свою прекрасную библіотеку и дневникъ, который велся имъ съ 14 лѣтняго возраста, онъ оставилъ Московскому Румянцевскому музею, а многомилліонное состояніе своему родному городу Костромѣ на устройство техническихъ училищъ ²⁾).

«Я знаю, говорилъ Государь, что вся Россія вмѣстѣ со мною принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братій по вѣрѣ и происхожденію; но для Меня истинные интересы Россіи дороже всего и Я желаю бы до крайности щадить дорогую русскую кровь». По поводу этихъ словъ Государя Императора Костромская Городекая Дума повергнула къ стопамъ Его Величества слѣдующій всеподданнѣйшій адресъ: «Всемилостивѣйшій Государь! Все славное царствованіе Твое есть непрерывное торжество мира. Да поможетъ Господь, чтобы и нынѣ милосердная заботливость Твоя о страдающихъ братьяхъ нашихъ по вѣрѣ и происхожденію увѣчалась успѣхомъ безъ нарушенія мира. Но чтобы ни было, во всякомъ случаѣ, мы примемъ Твои рѣшенія съ безпредѣльнымъ довѣріемъ и преданностію. Что Ты повелишь, Государь, то и будетъ. Изреки державное Твое слово, и всѣ мы принесемъ Тебѣ въ жертву наши имуществва и жизнь, всѣ мы станемъ, какъ одинъ человекъ, за благоденствіе отечества, за славу и могущество возлюбленнаго своего Монарха. Всемилостивѣйшій Государь! Родоначальникъ Твой Михаилъ Ѳеодоровичъ благословенъ на Царство чудотворною Ѳеодоровскою иконою Богоматери. Предъ сею св. иконою мы пламенно молимъ и будемъ молить Царницу Небесную, чтобы она всегда и вездѣ осѣняла Тебя

¹⁾ Костр. Губерн. Вѣд. 1877 года, №№ 36, 38 и 42.

²⁾ Костр. Губ. Вѣд. 1877 г., № 46.

своимъ всемогущимъ покровительствомъ. Мы вѣруемъ, что, при заступленіи Царицы Небесной, Твое державное слово обратится въ дѣло и станетъ дѣломъ несокрушимымъ и непреложнымъ»¹⁾.

Въ 1877 г. началась война съ Турціей. 25 апрѣля въ мечети Татарской слободы, находящейся около г. Костромы, совершено было молебствіе о здравіи Государя Императора и о дарованіи Ему побѣды надъ Турками, причемъ указнымъ имамомъ Сафаровымъ произнесено было на татарскомъ языкѣ слово, въ которомъ онъ указалъ собраннмъ на великія милости кѣнимъ, татарамъ, Русскаго Царя-Ватюшки, который совершенно сраниалъ ихъ во всемъ съ русскими крестьянами и, благодаря этому, они пользуются теперь всѣмъ тѣмъ, чѣмъ пользуются всѣ подданные Россіи. «Будемъ же, закончилъ имамъ Сафаровъ, вѣчно, съ благоговѣніемъ молиться передъ Аллахомъ за Царя. Довољство и любовь наши принадлежатъ Ему»²⁾.

12 декабря, по случаю исполнившагося столѣтія со дня рожденія Императора Александра I, преосвященнымъ Геннадіемъ совершена была въ соборѣ заупокойная литургія и панихида по Императорѣ Александрѣ I. Торжественныя панихиды по Императорѣ, велѣдствіе распоряженія изъ округа, отслужены были въ мужской и женской гимназіяхъ и реальномъ училищѣ.

19 февраля 1878 года былъ заключенъ миръ съ турками велѣдствіе чего, 20 февраля городъ разцвѣтилъся флагами и въ соборѣ пресвищеннымъ Геннадіемъ совершена была литургія и благодарственное молебствіе. Торжество продолжалось три дня, въ которые играли два оркестра музыки, устраивались народныя гулянья, а по вечерамъ городъ былъ иллюминированъ³⁾. По этому же поводу Костромское дворянство отравило къ Государю всеподданнѣйшій адресъ, въ которомъ, отмѣчая, что 19 февраля второй уже разъ знаменуется великимъ подвигомъ освобожденія народныхъ массъ отъ вѣкового безправія, дворяне говорятъ, что русскій народъ всегда признавалъ, своихъ единокровныхъ и единовѣрныхъ братьевъ,

¹⁾ Постап. Костр. Гор. Душ. 1876 г., стр. 136.

²⁾ Костр. Губ. Вѣдом. 1877 г., № 20-II.

³⁾ Костр. Губ. Вѣд. 1878 г., № 8.

всегда сочувствовали ихъ страданіямъ, и поэтому Государь только осуществилъ давнюю святую мысль народа. Адресъ заключался словами: «да продлитъ Господь Ваше царствованіе, Государь, и да дастъ Вамъ, на счастье наше, новую славу подвига, подобнаго тѣмъ, которые уже дважды ознаменовали нашу исторію священнымъ для насъ днемъ 19 февраля» 1).

27 марта 1878 года, въ 11 часовъ утра, прибылъ вновь назначенный на костромскую кафедру преосвященный Игнатій, который встрѣченъ былъ въ соборѣ массою народа и всѣмъ городскимъ духовенствомъ.

7 мая, послѣ молебствія передъ Феодоровской иконой Божіей Матери, въ домѣ городского общественнаго управленія открытъ былъ комитетъ для сбора пожертвованій на сооруженіе судовъ добровольнаго флота, причемъ всѣмъ присутствующимъ раздавалась брошюра М. М. Дмитриева, въ которой говорилось о томъ, что такое крейсеръ добровольнаго флота и почему онъ необходимъ для Россіи 2).

По случаю появленія 16 декабря 1888 года чумы въ Ветлянкѣ, въ началѣ 1879 года былъ открытъ въ Костромѣ комитетъ общественнаго здравія, который выработалъ мѣропріятія, необходимыя для борьбы съ этою болѣзною. По поводу этой эпидеміи въ думѣ возбужденъ былъ вопросъ объ устройствѣ фильтра и общественныхъ боенъ, а дворянинъ г. Кетовъ предложилъ городу на собственные средства устроить печи для сжиганія всѣхъ нечистотъ, но все это осталось въ области благихъ пожеланій 3).

2 апрѣля 1879 года, въ 9 часовъ утра, совершено было покушеніе на Государя Императора и тотчасъ же, по полученіи этого печальнаго извѣстія, была отправлена телеграмма отъ всѣхъ сословій г. Костромы по случаю избавленія Государя Императора отъ угрожающей опасности, а 3 апрѣля совершена была преосвященнымъ въ соборѣ литургія и молебеніе на площади 4).

Въ мартѣ мѣсяцѣ возвратился съ театра военныхъ дѣйствій

1) Костр. Губ. Вѣд. 1878 г., № 13.

2) Костр. Губ. Вѣд. 1878 г., № 18.

3) Костр. Губ. Вѣд. 1879 г., № 11.

4) Костр. Губ. Вѣд. 1879 г., № 14.

квартировавший ранѣе въ г. Костромѣ Зарайскій пѣхотный полкъ. По этому случаю на Молочной горѣ устроена была триумфальная арка, украшенная орлами и большими георгиевскими крестами. На аркѣ находились надписи: «храбрымъ Зарайцамъ», «Карахасанъ-кіой. 18 августа 1877 г.» и «Мечка—Тростинникъ. 30 ноября 1877 года». Нижнимъ чиномъ на счетъ города была предложена закуска, а офицерамъ обѣдъ въ залахъ дворянскаго собранія. Во время обѣда посланы были телеграммы Наслѣднику Цесаревичу Александру Александровичу и Великому Князю Николаю Николаевичу Старшему ¹⁾).

10 февраля 1880 года Кострома украсилась флагами и въ Успенскомъ соборѣ при громадномъ стеченіи молящихся совершенно было молебствіе о чудесномъ спасеніи Царской семьи отъ опасности, вслѣдствіе взрыва, произведеннаго во дворцѣ. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ и передъ началомъ спектакля артистами совместно съ оркестромъ пропѣтъ былъ народный гимнь, повторенный нѣсколько разъ по требованію публики ²⁾).

Съ 21 по 30 марта 1880 года въ залѣ городской Думы открыта была по инициативѣ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства пятая выставка льна.

22 мая скончалась Государыня Императрица Марія Александровна, почему 23 мая въ 12 часовъ дня, въ присутствіи администраціи и массы молящихся, совершена была въ соборѣ архіерейскимъ служеніемъ панихида по скончавшейся Императрицѣ ³⁾).

1 марта 1881 года совершилось великое злодѣяніе: ужасной мученической смертью погибъ величайшій и благороднѣйшій Императоръ Александръ II Николаевичъ.

Тотчасъ по полученіи печальнаго извѣстія вся Кострома одѣлась въ трауръ. 2 марта, въ часъ пополудни, въ соборѣ совершена была архіерейскимъ служеніемъ панихида по въ Возѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ II. При пѣніи словъ «со святыми упокой»

¹⁾ Костр. Губ. Вѣд. 1879 г., № 14.
²⁾ Костр. Губ. Вѣд. 1880 г., № 7.
³⁾ Костр. Губ. Вѣд. 1880 г., № 21.

носъливались рыданія многочисленныхъ молящихся ¹⁾, которыми переполненъ былъ храмъ. Среди костромскаго общества возникла мысль объ устройствѣ часовни въ память Государя Императора Александра II, Царя-Освободителя, Царя-Мученика.

22 июля 1881 года, въ день тезоименитства Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ 12 часовъ дни, въ Кострому прибыли изъ Нижняго Новгорода Ихъ Величества Государь Императоръ Александръ Александровичъ, Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, Наслѣдникъ Цесаревичъ Николаи Александровичъ и Великіе Князья Георгій Александровичъ и Алексеи Александровичъ. Городъ украсился флагами и транспарантами съ вензелевымъ изображеніемъ Ихъ Императорскихъ Величествъ. Городской голова, поднося хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ и три волжскія большія стерляди, обратился къ Государю со слѣдующими словами: «Ваше Императорское Величество! Принимаемъ отъ глубины души, Государь, Ваше посѣщеніе колыбели Царствующаго Дома; безпредѣльна радость костромичей и счастье видѣть Васъ, Государь! Благополите принять нашу хлѣбъ-соль, да здравствуетъ Государь, Государыня — дражайшая Именинница и Ихъ Августѣйшія дѣти — ура!» Затѣмъ Государыня Императрица приняла букетъ живыхъ цвѣтовъ, поднесенный костромскими дамами. По берегу размѣстились, съ одной стороны, почетный караулъ отъ Зарайскаго полка, съ другой, депутаціи ремесленной управы, ремесленныхъ обществъ и пригородной Татарской слободы. Государь обошелъ почетный караулъ отъ полка, бывшаго въ Его Рунцукскомъ отрядѣ, и пропустилъ роту церемоніальнымъ маршемъ. У каедральнаго собора, въ святыхъ вратахъ, встрѣтилъ Государя преосвященный костромской Игнатій съ чудотворною Ѳеодоровскою иконою Богоматери. Выслушавъ молебствіе и приложившись къ иконамъ, Царственные Путешественники отправились въ Ипатіевскій монастырь, гдѣ, при входѣ въ него, ожидала депутаціи отъ крестьянъ бѣлопашцевъ и множество крестьянскихъ дѣвушекъ въ мѣстныхъ красивыхъ одеждахъ.

Въ Троицкомъ храмѣ Ипатіевскаго монастыря Ихъ Величества

¹⁾ Костр. Губ. Вѣд. 1881 г., № 9.

и Ихъ Высочества выслушали краткое молебствіе. Осмотрѣвъ ризницу, они пошли въ Палаты Романовыхъ. У входа на крыльцо Палатъ старшина Шунгенской волости, Костромского уѣзда поднесъ Государю Императору хлѣбъ-соль и сказалъ слѣдующее: «Ваше Императорское Величество! За Отца Твоего мы молились день и ночь; за Его добро для насъ мы и теперь льемъ слезы благодарности. За Тебя, Государь, мы готовы пролить кровь свою; не забудь своею милостію, прими отъ насъ, мужиковъ, радушную крестьянскую хлѣбъ-соль». Государь, милостиво выслушавъ эти слова, изволилъ принять хлѣбъ-соль. При осмотрѣ Палатъ Государь Самъ показывалъ Императрицѣ и сыновьямъ Палаты своихъ предковъ и пояснялъ ихъ устройство. Здѣсь губернской предводитель дворянства представилъ Его Величеству уѣздныхъ предводителей дворянства и многихъ дворянъ. Затѣмъ Царское Семейство посѣтило

Часовня въ память о почившемъ Царѣ-Мученикѣ,
Императорѣ Александрѣ II.

Богоявленскій монастырь, гдѣ послѣ молебствія въ древнемъ Салтыковскомъ храмѣ, Ихъ Величества посѣтили кезы игуменьи Маріи. Изъ Богоявленскаго монастыря Ихъ Величества и Ихъ Высочества отправились на пристань, гдѣ Государю Императору поднесена была хлѣбъ-соль татарами и мѣщанскимъ обществомъ. Затѣмъ, въ 3 часа дня, Августѣйшее семейство отбыло изъ Костромы при восторженныхъ крикахъ провожавшаго Ихъ народа ¹⁾).

30 сентября 1881 года въ Костромѣ происходила закладка часовни, устраиваемой костромскимъ уѣзднымъ земствомъ на стеканіи со всей губерніи и города Костромы средства въ память о почившемъ Царѣ-Мученикѣ, Императорѣ Александрѣ II. Въ 9 часовъ утра въ соборѣ была совершена преосвященнымъ Геннадіемъ литургія; затѣмъ изъ собора направился крестный ходъ къ мѣсту воздвигаемой часовни на Сусаннскую площадь. Самая закладка происходила при совершеніи молебствія, закончившагося провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору Александру III и всему Царствующему Дому и вѣчной памяти въ Возѣ почившему Императору Александру II ²⁾).

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

¹⁾ Костр. Губ. Вѣд. 1881 года, №№ 28, 29 и 31.

²⁾ Костр. Губ. Вѣд. 1881 года, № 37.

Губернаторы Костромскіе съ 1797 г. по настоящее время.

Съ 1797 г. Костромское и Владимірское Генераль-Губернаторство уиразднено, а званіе Намѣстника губерніи замѣнено было званіемъ Начальника губерніи или Губернатора. Съ этого времени Костромскими Губернаторами были:

1. Д. ст. сов. Борисъ Петровичъ Островскій (1797—1798 гг.).
2. Тайн. сов. Николай Ивановичъ Кочетовъ, командоръ ордена с. Иоанна Иерусалимскаго. Губернаторомъ съ 1798 г. Скончался въ 1806 г. въ г. Костромѣ и погребенъ въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ, Костром. уѣзда.
3. Дѣйств. ст. сов. Николай Ѳеодоровичъ Пасынковъ (1807—1815 гг.).
4. Тайн. сов. Карлъ Ивановичъ Баумгартенъ (1816—1827 гг.).
5. Яковъ Ѳеодоровичъ Ганскау (1827—1830 гг.).
6. Сергій Стенановичъ Ланской, внослѣдствіи графъ и министръ внутреннихъ дѣлъ (1830—1832 гг.).
7. Дѣйствит. ст. сов. Михаилъ Николаевичъ Жемчужниковъ (1831—1833 гг.).
8. Дѣйств. ст. совѣт. Александръ Григорьевичъ Приклонскій (1833—1838 гг.).
9. Тайн. сов. Николай Ивановичъ Жуковъ (1838—1846 гг.).
10. Дѣйств. ст. сов. Константинъ Никифоровичъ Григорьевъ (1846—1847 гг.).
11. Ген.-адъютантъ, генераль-маіоръ графъ Александръ Аркадьевичъ Суворовъ-Рымникскій, князь Италійскій (съ 5 марта по декабрь 1847 г.).
12. Свиты Его Величества генераль-маіоръ князь Фларіонъ Фларіоновичъ Васильчиковъ (31 дек. 1847 г. по 2 апр. 1848 г.).
13. Генераль-маіоръ Иванъ Васильевичъ Каменскій (1848—1852 гг.).
14. Статскій сов. Валеріанъ Николаевичъ Муравьевъ (1852—1853 гг.).

15. Генераль-лейтенантъ Николай Андреевичъ Лангель (съ апр. по июнь 1853 г.). Погребенъ въ Ипатіев. монастырѣ.

16. Генераль-маіоръ Андрей Θεодоровичъ Войцехъ (1853—1857 гг.).

17. Генераль-лейтенантъ Иванъ Васильевичъ Романусъ (1857—1861 гг.). Погребенъ въ г. Костромѣ на Запрудн. кладбищѣ.

18. Генераль-лейтенантъ Николай Александровичъ Рудаевичъ (1861—1866 гг.).

19. Тайн. совѣтникъ Владиміръ Ипполитовичъ Дорогобужиновъ (1866—1878 гг.).

20. Тайн. совѣтникъ Николай Ефимовичъ Андреевскій (1878—1884 гг.).

21. Тайн. совѣтникъ Викторъ Васильевичъ Калачевъ (1884—1892 гг.).

22. Тайн. совѣтникъ Александръ Романовичъ Шидловскій (1892—1897 гг.).

23. Въ должн. егермейстера, дѣйст. ст. сов. Иванъ Михайловичъ Леонтьевъ (1897—1902 гг.). По мысли и заботамъ Ив. Мих. Леонтьева открыта (16 авг. 1900 г.) въ г. Костромѣ Θεодоровская община сестеръ милосердія Краснаго Креста.

24. Дѣйст. ст. сов. Леонидъ Михайловичъ Князевъ (1902—1905 гг.).

25. Генераль-маіоръ Павелъ Сергѣевичъ Саввичъ (съ 10 окт. по 2 ноября 1905 г.); губерніи генераль Саввичъ не принималъ.

26. Генераль-маіоръ Александръ Александровичъ Вагаци (1905—1906 гг.).

27. Генераль-маіоръ Алексій Порфирьевичъ Веретенниковъ (1906—1909 г.).

28. Въ званіи камеръ-юнкера ВѢЩАЮЩАГО Двора, ст. сов. Петръ Петровичъ Шидловскій (съ февраля 1910 по 12 янв. 1912 г.).

29. Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА камергеръ, дѣйств. стат. сов. Петръ Петровичъ Стрелуховъ (съ 14 янв. 1913 г.).

Серге́й Степа́нович Ланской.

Алекса́ндр Григо́рьевич
Пригла́вский.

Князь Алекса́ндр Арка́дьевич
Суворовъ Ры́мнинский.

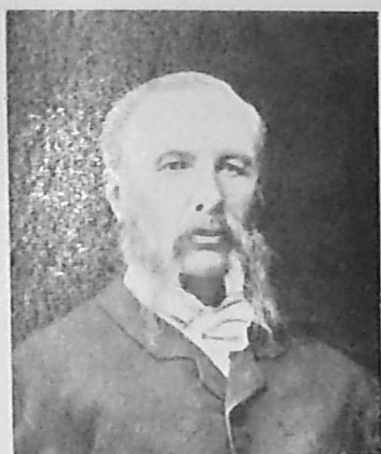
Ива́н Васи́льевич Рома́новъ.

Никола́й Алекса́ндрович
Рудзевичъ.

Васи́лий Васи́льевич
Коро́товъ.

Николай Ефимович
Андріевскій.

Викторъ Васильевичъ
Калачовъ.

Александръ Романовичъ
Шидловскій.

Иванъ Михайловичъ
Леонтьевъ.

Леонидъ Михайловичъ
Князевъ.

Александръ Александровичъ
Ватаци.

Алексѣй Порфирьевичъ
Веретенниковъ.

Петръ Петровичъ
Шиловскій.

Петръ Петровичъ Стремоуховъ.